

Предисловие от Хью Лори
ДОКТОР
ХАУС
Официальный гид по сериалу
«HOUSE M.D.» признан самым популярным сериалом в мире. Более 100 миллионов зрителей!
Ян Джекмен

Ян Джекмен

Официальный гид по сериалу

эксмо
Москва
2010

Официальный
гид по сериалу

ДОКТОР ХАУС

Ян Джекмен

Предисловие Хью Лори

ЭКСМО

УДК 791.43
ББК 85.374(3)
Д 40

Ian Jackman

WITH A FOREWORD BY HUGH LAURIE

HOUSE, M.D. : THE OFFICIAL GUIDE TO THE HIT MEDICAL DRAMA

Photography by NBC Photo and Michael Yarish.
All photographs © NBC Universal, Inc.

Джекмен Я.

Д 40 Доктор Хаус : Официальный гид по сериалу / Ян Джекмен ; [пер. с англ. Т. Новиковой]. — М. : Эксмо, 2010. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-699-42727-7

Вот уже шесть сезонов миллионы зрителей по всему миру увлеченно следят за историей мизантропического гениального доктора по имени Грегори Хаус и его команды специалистов. Каждую неделю группа врачей во главе с доктором Хаусом раскрывает медицинские загадки, которые поставили бы в тупик самые лучшие умы медицины. Главный герой – персонаж, который неотразим своей противоречивостью – он груб, бестактен, порой абсолютно неэтичен по отношению к пациентам, но при этом так симпатичен зрителям сериала. Благодаря блестящей игре Хью Лори, сыгравшего доктора Хауса, и потрясающему сочетанию драмы и юмора сериал получил награду «Emmy».

У автора книги Яна Джекмена была уникальная возможность свободного доступа к съемочной группе сериала, что позволило ему написать этот гид. Он предлагает нам увидеть изнутри мир «Доктора Хауса». Актеры, сценаристы, продюсеры, создающие шоу, рассказывают из первых уст о съемочной кухне сериала. Книга содержит большое количество эксклюзивных фотографий со съемочной площадки!

УДК 791.43
ББК 85.374(3)

ISBN 978-5-699-42727-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОКТОР ХАУС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это предисловие к книге, но в то же время и послесловие к большому куску моей жизни. Я пишу его в 2010 году и рассказываю в нем о десятой части своего земного существования. Для Дженнифер Моррисон и Джесси Спенсера, дай Бог им здоровья, это всего лишь пятая часть. Думаю, настало время объясниться, и старомодный способ излагать свои мысли чернилами на бумаге отлично подходит для этой цели.

Как-то раз я сидел в кофейне «Старбакс» и услышал, как женщина за соседним столиком сказала своей подруге: «Вчера я съела очень интересный пончик с черникой». Тогда меня поразило то, что она назвала пончик «интересным». Это меня заинтересовало. Та дама могла описать столь поразивший ее воображение пончик самыми разными словами — хороший, плохой, черствый, кошерный, напичканный ЛСД, похожий на Ричарда Никсона и так далее и тому подобное. Но «интересный»? Это меня озадачило. Теперь же, оглядываясь в прошлое, я понимаю, что она имела в виду (по крайней мере, мне так кажется).

За последние шесть лет я почти каждое утро (а утр этих было около тысячи), еще до рассвета, оказываюсь в съемочных павильонах студии «Фокс» в Лос-Анджелесе. Это целое маленькое княжество на бульваре Пико, где есть собственная полиция, собственные пожарные, собственные придворные, крестьяне, рыцари и воры. Религия в этом княжестве не в почете, но на центральной площади установлен гигантский бюст Руперта Мердока. Бюст высотой около двух-

сот футов изготовлен из костей поверженных врагов. (Я могу себе это представить.) Здесь, в павильонах 10, 11, 14 и 15, я погружаюсь в жизнь вымышленного персонажа в вымышленном уголке вымышленного мира, получая лишь час свободного времени для того, чтобы пообедать. Мой мир сжимается самым причудливым образом. Я не могу даже сказать, что происходит в павильонах 12 и 13, не говоря уже о внешнем мире. А если подумать, то я даже не знаю, где находятся эти несчастные павильоны. Может быть, как в отелях, здесь вовсе нет павильона под сакраментальным номером 13? Я понятия не имею о калифорнийской погоде, о том, какая партия пришла к власти, или о том, что такое хип-хоп. С того момента, как я сюда приехал, я пользовался металлическими столовыми приборами раз, пожалуй, десять.

Все это, конечно, очень интересно, но совсем не настолько, насколько вам кажется. Интерес проистекает не из разнообразия этого опыта, а из его узости. Забываешь обо всем, кроме конкретного текста, взгляда, вздоха, момента — момента, который ухитрился растянуться на немыслимое время, на целых шесть лет, рискуя окончательно потерять свою моментальность.

Впрочем, что-то я забегаю вперед. Давайте же вернемся назад (если вам удастся поймать меня на том, что я использую слово «перемотка» в каком-нибудь другом значении, можете меня пристрелить, честно!) и поговорим о том, как все это вышло.

....

Англичанин приехал в Лос-Анджелес. На поцарапанной видеокассете он записал пробу для роли в большом телевизионном сериале. Чтобы выйти в финал, ему нужно было прыгать через обручи, целовать кольца, приносить клятвы — и все это он сделал, и даже с радостью. Он оказался Избранным. Он отправился в Ванкувер, город, ну не знаю, как сказать, небоскребов, и там он снялся в часовой серии, которую и возложил к ногам богов. Боги показали серию целевой группе. Серию оценили достаточно высоко и позволили снять еще 13 серий. Англичанин уложил в чемодан несколько рубашек, поцеловал на прощание родных и полетел

в Лос-Анджелес. (Не будем уточнять, что он летел на реактивном самолете, как это любят делать в британских таблоидах — словно все остальные перемещаются на паровозах и пароходах... Впрочем, подождите-ка, если я начну говорить о таблоидах, мы никогда не вернемся к основной теме.)

В тот момент англичанин ничего особенного не ожидал. Он знал, что на американском телевидении весьма сильна конкуренция. Часовые драмы живут, как сперматозоиды: в порыве возбуждения они устремляются к гигантской яйцеклетке Нильсена, несколько минут судорожно дергаются, а потом забвение. И все же каким-то чудесным образом сериал пережил первые несколько недель, окреп, вышел в рейтинги и почему-то до сих пор не покатился по наклонной. Подтяжки англичанина намертво зажало дверью, и он сучит своими маленькими ножками, пытаясь выбраться. Время изменило собственной природе — оно ускорилось, замедлилось, искривилось и ушло в сторону. Целые дни англичанин стал проводить в павильонах без окон, участвуя в съемках странных, необычных историй, которые не удостаиваются фотосессий, красных ковровых дорожек и ток-шоу. Естественным результатом всего этого могло стать только одно — полное сумасшествие. Как-то вечером англичанина обнаружили на Тихоокеанском шоссе. Он был абсолютно голым, при нем был приличных размеров пистолет. И при этом англичанин декламировал Двадцать третий псалом.

Англичанина звали Рональд Петтигрю, а сериалом, конечно же, «Медленно течет Миссисипи». Сериал продержался на канале Трамп Нетворк два сезона.

Хотя для меня эта работа была не такой тяжелой, как для Петтигрю, некоторые моменты и мне показались очень напряженными. Были ли они такими же напряженными, как боевые действия в Афганистане, или матч с «Янки» (кем бы они ни были и во что бы ни играли), или организация успешного и популярного борделя? Я не знаю. Кто-то из вас сейчас подумал: «Да бросьте, это же всего лишь телевизионный сериал». И вы правы — в том смысле, в каком выражение «всего лишь» можно отнести к любому событию человеческой жизни, если определить его характер правильно. Геолог или астрофизик могут сказать, что ядерный Армагеддон «всего лишь» приведет к гибели человеческой расы.

Но в этом и заключен парадокс: если бы мы, те, кто работает над «Доктором Хаусом», относились к своему сериалу как к «всего лишь» телевизионному шоу, то этого телевизионного шоу попросту не было бы. Было бы закрытое телевизионное шоу. Шоу, которое осталось в прошлом. Как большинство тех, кто работает в шоу-бизнесе, мы испытываем профессиональную деформацию. Напряженность существует в разуме, как мог бы сказать Марк Аврелий, если его плохо перевести. Когда профессионально деформированные люди решают, что работать нужно напряженно, и посвящают этой работе все свои физические и психические силы, то так и происходит. Именно так мы и работали над «Доктором Хаусом» — хорошо или плохо нам это удалось. Кому-то это может показаться смешным. Но я надеюсь, что эти «кто-то» не живут в домах из стекла, потому что это ужасно. Взять хотя бы счета за отопление...

....

Но одно лишь наше упорство не объясняет, почему «Доктор Хаус» стал самым популярным телевизионным сериалом на планете. (Это не я придумал: недавно я прочитал об этом в специальном журнале. Я даже не представляю, как автор пришел к такому выводу. Сам я ничего подобного не планировал.) Должно было быть что-то еще. Конечно, можно сказать, что сериал — это не сумма отдельных серий, но это справедливо практически для всего, а не только для чистой математики. Попробуйте разобраться в груде деталей, из которых собрана «Хонда-Сивик». Можно сказать, что откровенность Хауса и его нелюбовь к экивокам нравятся зрителям старшего поколения, которые устали от навязшей в зубах политкорректности, свойственной нашему времени. Можно сказать, что сериал привлекает молодежь, потому что в нем нет места авторитетам. Молодые люди именно так себя и воспринимают, хотя их поведение крайне редко бывает таким. Кроме всего прочего, Хаус — целитель, спаситель, способный решить сложные проблемы, а подобное качество редко кажется непривлекательным. Наверное, все это и поспособствовало тому, что наш сериал благополучно добрался до среднего возраста. Но я уверен, что свои деньги получил только благодаря шуткам.

Хаус кажется мне страшно смешным. Я поражаюсь, когда люди называют его ворчливым, едким или подлым. Мне кажется, что такие зрители упускают самое главное — и в сериале, и в его герое. Я считаю Хауса жизнерадостным, остроумным и отличным собеседником. Мне бы хотелось проводить время в его обществе. Но самым главным мне кажется то, что его веселость — неотъемлемая часть его характера и профессии. Позвольте объяснить.

(Конечно, вы не обязаны позволять мне что-либо объяснять. Если захотите, можете просто захлопнуть эту книгу и отправиться в магазине в отдел «Умелые руки». А можете перейти к фотографиям Оливии Уайлд, и я вас прекрасно пойму.)

Мало что может быть более скучным, чем разъяснения природы юмора и попытки объяснить, почему над шуткой надо смеяться. Но давайте все же быстренько обсудим этот вопрос и двинемся дальше. Успех большинства шуток по сути своей зависит от сочетания двух на первый взгляд абсолютно несочетаемых вещей. Неожиданное распознавание ранее не замеченного сходства вызывает смех. (Ну, слава Богу, справился! Мне было очень не по себе из-за того, что пришлось описывать тонкую красоту юмора такими грубыми, механическими терминами. Но такова жизнь. Бабочку накололи на булавку.) Шутка исходит из метафорической зоны мозга, которая вырабатывает и расшифровывает сравнения, аналогии и все остальное. Хаус любит время от времени описывать медицинские состояния с помощью метафор. Этот прием позволяет доступно объяснить внешней аудитории (в самом сериале эту роль обычно исполняет пациент, ну а за пределами шоу мы обращаемся к внешней аудитории) смысл происходящего. Но помимо чисто практической функции, Хаусовы метафоры делают его исключительным в собственной профессии. Его способность вскрыть проблемы с помощью метафор (я сам не раз пользовался этим приемом — такие фразы мы называем «высокобелковыми») позволяет ему видеть и воспринимать ситуацию более четко, более аналитично, чем это доступно его коллегам. В мозгу Хауса за юмор и диагностику отвечает одна и та же часть. Она же определяет и его отношение к смерти.

Хаус — атеист. (У меня нет документа от Дэвида Шора с разрешением на подобное утверждение, но я воспользуюсь случаем и заявлю об этом. Если в девятом сезоне Хаус обретет Бога, этот абзац я перепишу.) А что делает атеист, столкнувшись с пустым и холодным космосом? Он может прыгнуть в реку; он может погнаться за счастьем, как это кто-то себе представляет; он может шутить. Для атеиста Хауса, по моему мнению, шутка абсолютно священна. Она определяет самую суть его человечности. Он вынужден играть по строгим правилам — облегчать страдания, поступать правильно и т. д. Но он делает это ворчливо, неуверенно, постоянно подозревая, что игра не стоит свеч, что все это суета сует. А вот шутка — это крик радости, божественная искра, способ показать холодному космосу, кто в доме хозяин. Хаус просто смеется над смертью. И в этом есть смысл, детки.

....

Полагаю, сейчас самые практичные, самостоятельные и всегда стремящиеся добраться до сути читатели, которые держат в руках эту книгу, уже задумались над тем, как связан наш сериал с работой типичной американской больницы. Действительно ли врачи говорят метафорами, отпускают шуточки и ведут себя хоть мало-мальски похоже на Хауса, Кадди или Уилсона? А если они ведут себя именно так, то стоит ли этим восхищаться и говорить об этом?

Что ж, во-первых, любой, кто считает, что Принстон-Плейнсборо — типичная больница, должно быть, провел большую часть своей жизни, наслаждаясь полным и абсолютным здоровьем. Для меня Принстон-Плейнсборо — это волшебный лес, где пациентов исцеляют от аллегорических болезней. Лечение здесь метафорично, диалоги — сплошная диалектика. Конечно, любая драма должна подчиняться законам собственной вселенной — персонажи не могут летать или путешествовать во времени. Степень достоверности сериала целиком и полностью зависит от наличия времени и денег (единственное исключение заключается в том, что в мире Хауса нет телевизионного сериала «Доктор Хаус»). И все же все персонажи и события сериала нереальны. Они просто обязаны быть нереальными. Реальность случайна,

сюжеты сериала — нет. Благодаря этим сюжетам мы придаем структуру, мораль и смысл пустой вселенной. И красоту тоже. Английский художник-пейзажист Джозеф Тернер как-то раз столкнулся с высокомерным критиком. Тот указал на одну из картин Тернера и надменно заметил, что он сам никогда не видел подобного заката. На что Тернер резонно заметил: «Но хотели бы увидеть?» Отлично сказано — и лучше не скажешь!

В кабинете Хауса есть один предмет, часть реквизита. Это гранитный куб — полагаю, пресс-папье, — на котором выгравированы слова: «Простым копированием природы величия не достигнешь». Мне эта фраза никогда не нравилась: слишком помпезная, слишком снобская. Да и вообще, зачем было ее гравировать на камне? Простой наклейки было бы достаточно. И все же мне кажется, что эта фраза абсолютно справедлива.

Кроме того, что воспроизводить реальность на экране нежелательно, это порой бывает просто невозможно. По крайней мере, так никогда не делалось на моей памяти. Киношные полицейские не похожи на реальных копов, да и ведут себя по-другому. Киношные адвокаты не похожи на реальных адвокатов, а киношные капитаны звездолетов ведут себя совсем не так, как капитаны настоящие. Самое удивительное то, что киношники не могут точно воспроизвести даже самих себя. Каждый раз, когда в кино показывают кино — я имею в виду действительно КАЖДЫЙ раз, — режиссер срывает с головы наушники и яростно орет: «СНЯТО!», а измученный ассистент хлопает в ладоши и говорит: «Всем спасибо!» За тридцать лет работы в кино я такого ни разу не видел.

Вам уже кажется, что я защищаю наш сериал от критики. Пожалуй, так оно и есть. (Возможность набрать несколько очков — один из плюсов подобных предисловий. Что ж, двинемся дальше, не возражаете?) Я не собираюсь никого называть по именам, кроме пышной девушки 518, которая, возможно, застряла в таможенной зоне за границей и не может ни вызвать адвоката, ни воспользоваться туалетом, но мне хочется защитить если не весь сериал, то хотя бы тех, кто над ним работает. Это поразительные люди. Их талант и преданность работе — настоящее чудо, заслуживающее уважения. Хотелось бы мне, чтобы вы увидели их в деле. Честное слово, хотелось бы.

Вы просто утратили бы дар речи. Ошибки, которые мы совершаем в «Докторе Хаусе», — а мы, разумеется, совершаем их постоянно, просто в силу характера сериала, — никогда не являются результатом легкомыслия или недостатка гордости. Это такие ошибки, которые совершаешь, пытаясь сосчитать собственные налоги, пока кубарем катишься с лестницы. Именно такие чувства мы порой и испытываем. Решения сыплются на съемочную группу, как град, и все же она работает — час за часом, месяц за месяцем, прикладывая нечеловеческие усилия, используя все свои навыки и чувство юмора. Мне кажется, что только люди, обладавшие такими качествами, могли высадиться в Нормандии. Короче говоря, у нас превосходная группа.

Итак, я все сказал. Очки набраны. Пышная девушка, теперь ты можешь позвонить. Нет, у меня нет ни одной чертовой монетки.

....

Меня попросили добавить кое-какие детали, дать, так сказать, фактуру. Поэтому я решил рассказать вам о нашем обычном понедельнике.

6.00

Я вхожу на студию, повторяя про себя фразу «I really don't understand». Я повторяю ее снова и снова, чтобы «разогреть» свой американский акцент. Если слово «really», в котором r соседствует с l, не получилось правильно сказать еще в машине, то день не задался. Легкий дифтонг в слове «stand» — еще одно хорошее упражнение.

У входа меня приветствует Лоуренс, наш цербер в синей форме. Он сообщает мне, что руководство уже приехало, и мне придется постараться, чтобы в этот очень особый понедельник обрести благодать Господню. Иногда он читает мне свои стихи. В другие дни он приветствует меня только широкой, медленной улыбкой, словно все настолько очевидно, что не о чем и говорить. Мы заканчиваем наше общение, толкаясь кулаками и локтями — значение этого ритуала мне не понять, даже если я проживу еще тысячу лет. Кстати, Лоуренс вооружен.

Я иду в свой вагончик, который с каждым сезоном становится все длиннее и длиннее, как уши старика. В этом году я сдал половину очень милому корейскому семейству. Я выпиваю пинту эспрессо и бегло просматриваю расписание на день — настоящее меню, состоящее из множества пунктов. Как в любом меню, не могу удержаться, чтобы не взглянуть на цены — в нашем случае на количество страниц в расписании. Если страниц больше семи, день будет тяжелым. Если больше девяти — вообще снос башки. Вам такое количество может показаться весьма скромным — за день мы успеем снять около пяти минут экранного времени. Но помните, что в роскошном мире художественного кино бедняжки способны справиться не больше чем с парой страниц, иначе у них наступит переутомление.

Да, эспрессо сегодня особенно горький.

6.10

Я усаживаюсь в кресло парикмахера. Талантливая Лори Розмен искусно маскирует мою появляющуюся лысину особой смесью из фибролита и акриловой краски. Я всегда считал, что успех фильма наполовину зависит от волос. Я имею в виду не просто волосы — а хорошие волосы. Хорошая прическа создает хороший персонаж точно так же, как хороший ударник определяет успех группы.

6.30

Всех зовут на площадку. Начинается репетиция первой сцены. Этот процесс может быть простым и механическим – я стою здесь, ты стоишь там. А иногда он превращается в сложную физическую и психологическую головоломку: как лучше донести до зрителя смысл сцены и показать отношения между персонажами. Впрочем, неважно, просто нам или сложно. Нужно двигаться дальше. Мы — как акулы: если мы остановимся, то задохнемся и умрем. (Съемки, как ничто другое, похожи на акул.) Когда сцена отрепетирована, ко всеобщему удовольствию, за работу берутся техники. Траектории движения актеров обозначают на полу цветными лентами. Мой цвет — зеленый.

7.00 и до вечера

Я усаживаюсь в кресло к гримерам. Наша греческая богиня Марианна Элиас гримирует мое морщинистое лицо. Учитывая, что в июне мне исполнится 81 год, она справляется со своей работой исключительно хорошо.

А тем временем на площадке наш гений Гейл Тэттерселл плетет собственную колыбель для кошки, колдуя над освещением. Он развешивает повсюду муслиновые полотнища, белые листы картона и даже журналы. Операторы Тони Гаудиос и Роб Карлсон настраивают камеры, реквизитор Гэри Уильямс (рост 7 футов, движется, как ниндзя, за четыре года работы не совершил ни единой ошибки) проверяет наличие реквизита. Звукооператор Кен Стрейн проверяет, не отражаются ли микрофоны для записи диалогов в пятидесяти стеклянных ширмах, из которых собираются больничные палаты. И так далее и тому подобное.

Впрочем, вполне возможно, что они просто сидят и играют в «джин рамми», пока я не появляюсь на площадке. Не знаю, не знаю...

Посторонние люди, оказывающиеся на съемочной площадке, часто говорят, что там полно людей, которые «просто слоняются». Именно так это и выглядит со стороны. Но именно так вы воспринимаете и муравейник, пока не присмотритесь к его жизни и функционированию как следует. Жизнь съемочной площадки совершенно непонятна для постороннего, потому что тут никто не носит формы. Все вокруг в джинсах и кроссовках. По одежде невозможно определить, кто перед тобой. Только электрики и рабочие выделяются, потому что им приходится носить перчатки, чтобы работать с горячими лампами. Да еще актеры — на них белые халаты, которые помогают им справляться с горячими диалогами. (Пожалуй, не самый лучший пример.)

Все это повторяется в течение шести часов, до обеда. Надо сказать, что обед — это не совсем обед, а единственное время в течение 15-часового рабочего дня, когда члены съемочной группы могут позвонить в банк, вызвать сантехника, поговорить с учителями своих детей или с адвокатами по бракоразводным делам. Все сидят, прижав к ушам мобильные телефоны, умоляют, упрашивают, угрожают, отвечают

на угрозы. После обеда всегда точно знаешь, у кого звонки удались, а кто с этой задачей не справился.

Актеры во время обеда просматривают новый сценарий или общаются со звукооператором. Порой текст приходится перезаписывать, потому что где-то залаяла собака, пролетел самолет или у актера что-то не получилось. Кто-то дает интервью журналисту, который пришел написать статью о том, как люди слоняются по съемочной площадке. Если таких дел нет, то можно просто поспать — лично я сплю стоя, как лошадь, чтобы после перерыва не поправлять прическу.

Вот так мы и работаем. Все будет повторяться, пока мы не свихнемся. Или пока зрители не найдут себе другой сериал по душе. Прошло шесть лет. Не верится, что наши усилия все еще оценивают и воспринимают и в Америке, и за океаном. На меня с визгом бросались в Италии, за мной гонялись в Испании. По-настоящему гонялись, поверьте мне. Думаю, что и во Франции мне пришлось бы нелегко, если бы французы не побоялись порвать свои узкие брюки, гоняясь за мной. Меня всегда удивляет то, как хорошо наш сериал принимают за границей. Ведь у нас все построено на словах и метафорах. Я могу понять, что всем нравятся полицейские сериалы, где нет слов, а есть одно только действие. Но что, черт побери, будет делать турецкий переводчик, когда ему на стол ляжет такой текст: «Обещаю, что на следующую травму мы слетимся, как мухи на мед»? Думаю, что этого я никогда не узнаю. Один из наших постоянных режиссеров, Хуан Кампанелла (в этом году он получил премию Академии — да-да, мы умеем подбирать людей!), говорил мне, что на родине, в Аргентине, смотрел дублированный сериал, и там слово «chip» (в выражении «chip on his shoulder» — «флаг ему в руки») перевели как «микрочип». Представляете?

Что ж, мне кажется, я занял вас достаточно надолго. Развлечения кончены. Если вы все еще стоите в книжном магазине, раздумывая над тем, стоит ли книга той цены, что указана на обложке, думаю, что моей информации вам больше чем достаточно. Советую купить. Книжка стоит немногим больше пакета черничных пончиков. Никогда не знаешь: а вдруг она покажется вам интересной?

Хью Лори,
Нью-Рошель, Нью-Йорк, апрель 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Первая из ста тридцати двух

Все лгут. Вернитесь назад и посмотрите первые несколько минут пилотной серии «Доктора Хауса», которая вышла в свет 16 ноября 2004 года. Посмотрите, как быстро сформировался этот основной принцип вселенной доктора Грегори Хауса. Во вступительной серии, выпуске, который показали перед первым сезоном, молодая учительница Ребекка спешит в школу. Звенит звонок. Ребекка наталкивается на коллегу-учительницу, которая поддразнивает ее, заявляя, что та опоздала, потому что прошлую ночь провела с мужчиной. «Нет, я с ним не спала», — отвечает Ребекка. «Врешь», — весело отвечает подруга. «Я бы не стала тебе врать», — говорит Ребекка. Сегодня, когда за спиной уже шесть сезонов «Доктора Хауса», зрители все понимают. Ребекка ведет урок у малышей. Внезапно речь ее становится бессвязной, и учительница теряет сознание. Так возникает первая таинственная болезнь.

Вскоре мы оказываемся в коридорах учебной больницы Принстон-Плейнсборо (PPTH). Уилсон просит Хауса проверить диагноз Ребекки, у которой подозревают опухоль мозга, говоря, что девушка — его двоюродная сестра. Впоследствии мы узнаем, что Уилсон и Ребекка — вовсе не родственники. Так в первые три минуты фильма перед нами предстает одна неправда, поддающаяся проверке, и один вероятный вымысел. Постоянно поддерживать такой уровень лжи будет нелегко. Но герои фильма будут стараться изо всех сил. Хаус объясняет

Уилсону, почему не хочет разбираться с этим случаем, и одновременно глотает таблетку. Ничего не подозревающий зритель может подумать, что у доктора болит голова. Уилсон говорит: «В вашей команде три высококвалифицированных врача. Почему бы не поручить этот случай им?» И тут же мы совершаем путешествие по изящно вырезанным ноздрям Ребекки прямо в ее мозг, как в «Фантастическом путешествии».

………………….

«Доктор Хаус» — это в первую очередь сам доктор Хаус. А доктор Хаус — это Хью Лори. На протяжении 132 эпизодов шести сезонов мы с открытыми ртами наблюдаем за тем, как Хаус решительно прокладывает себе дорогу через условности отношений врача и пациента — то есть практически любых человеческих отношений. В орбиту Хауса оказывается втянут целый ряд персонажей, блестяще показанных и великолепно прожитых выдающимися актерами. У всех них в больнице Принстон-Плейнсборо есть сложная, напряженная работа: кто-то руководит онкологическим отделением, а кто-то и всей больницей. Но их главное занятие, главная цель их появления в фильме — это взаимодействие с Хаусом. За работу с этим парнем им нужно доплачивать. Хаус — мизантроп, врач, который не любит пациентов, женоненавистник с больной ногой, человек, которому предстоит решить загадку и выявить истину, даже если для этого придется сокрушать чувства людей, лгать, красть и обманывать. Хаус готов на все, лишь бы найти ответ.

Несчастные фиалки не выживут рядом с этим человеком и пяти минут. То же самое происходит и с директорами клиники. Диагностическая команда Хауса состоит из трех человек: заботливой женщины, которая является моральным стержнем группы; ее (бывшего) мужа, австралийца, который не настолько похож на Хауса, как ему кажется; и амбициозного врача, который похож на Хауса гораздо больше, чем готов признать, вплоть до подошв своих кроссовок. Вторая команда Хауса: дамский угодник пластический хирург; красотка с часовым механизмом внутри; человек, который ставит перед Хаусом загадку, которую тому никогда не разгадать. И еще два человека, которые Хаусу ближе всего: его начальница, его полемист, искупитель, спаситель, друг и дав-

няя влюбленность, человек, которому приходится диктовать Хаусу, что тот должен делать. И, наконец, лучший (и единственный) друг Хауса, его сосед по комнате, трижды женатый Мужчина, Который Слишком Много Любит. Этому человеку в извращенной Вселенной отведена роль голоса разума. За шесть лет с этой компанией много чего произошло.

Но в момент выхода пилотной серии все это было еще впереди. Первая ложь (о том, что Ребекка является сестрой Уилсона) раскрывается очень быстро. Форман самовольно осматривает квартиру Ребекки и догадывается об этом. Что же наталкивает его на подобную мысль? Форман находит в ее холодильнике ветчину. (Уилсон еврей. Если бы Ребекка действительно была сестрой Уилсона, то она не ела бы свинины.) Ветчина становится главной подсказкой для Хауса — он предполагает, что в мозгу Ребекки поселился ленточный червь. Доктору Чейзу приходится доказывать Ребекке, что врачи наконец-то поставили правильный диагноз, и убеждать ее пройти курс лечения — то есть всего лишь принимать по паре таблеток каждый день в течение месяца. Счастливая концовка, похоже, совершенно не интересует Хауса. Он убежден, что его ответственность заканчивается в тот момент, когда он разгадывает тайну.

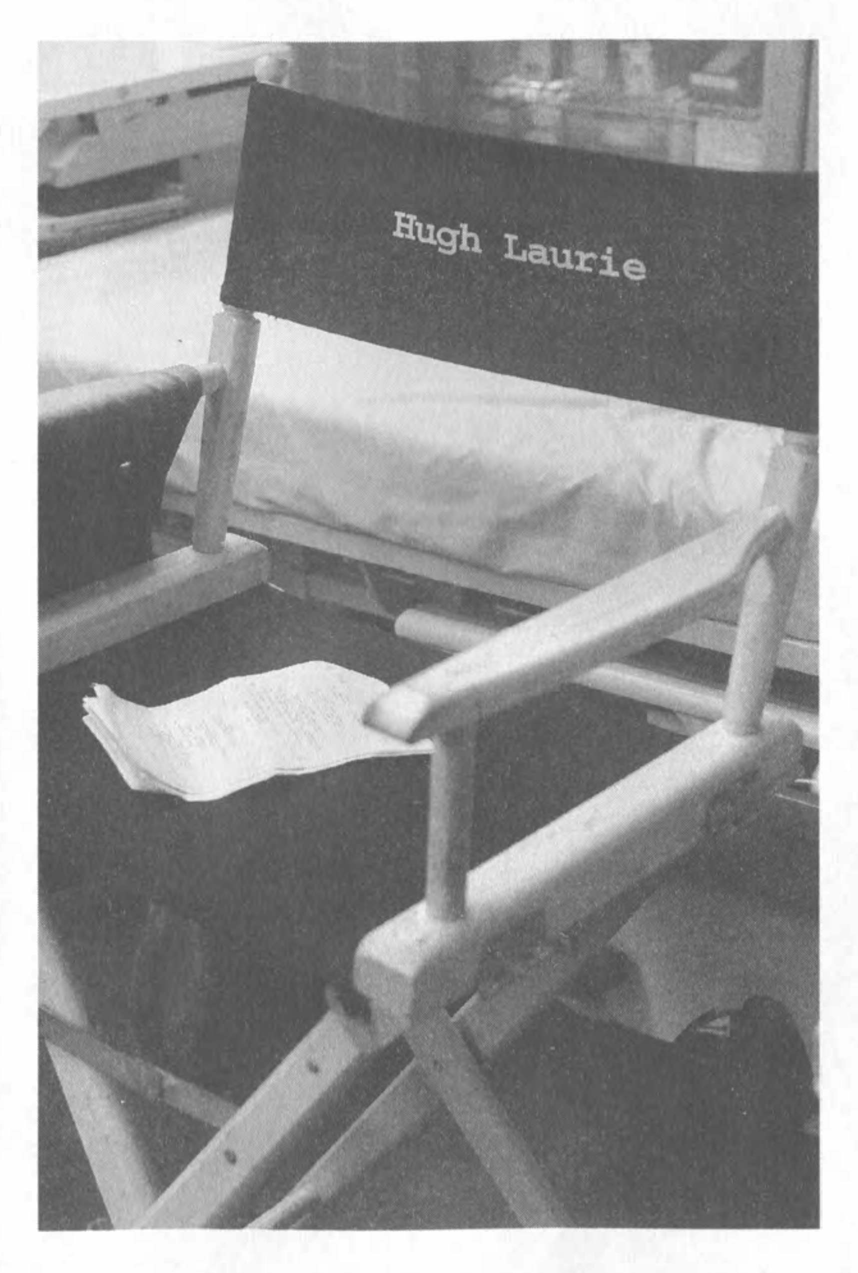
Ленточный червь Ребекки исполняет роль «плохого парня» в конце полицейского расследования. Неделю за неделей сценарист «Доктора Хауса» Дэвид Шор и его коллега Кэти Джейкобс придумывают медицинский детектив, выбирают странные и непонятные болезни, которые Хаус должен распознать. Но с пилотной серии стало абсолютно ясно, что в «Докторе Хаусе» зрителей привлекает не это. Мы продолжаем смотреть, потому что нам хочется узнать, что же сценаристы сделают с этими замечательными персонажами. В конце пилотной серии, когда Хаус и Уилсон вместе смотрят медицинский сериал, Уилсон признается, что солгал о своих родственных связях с Ребеккой, чтобы Хаус взялся за диагностику.

Уилсон: «Ты никогда мне не лгал?»

Хаус: «Я никогда не лгу».

Уилсон: «Да? Ну хорошо».

Хаус шутит. Все лгут. Почему мы лжем? Мы лжем, потому что это полезно. Ложь Уилсона убедила Хауса взяться за лечение Ребекки. Но ложь имела и другое, непредусмотренное последствие. Если бы Уилсон начал запугивать Хауса или подкупать его, чтобы тот взялся за лечение Ребекки, Форман никогда не подумал бы, что в холодильнике девушки не должно быть ветчины. Без этой лжи (и невольного ее раскрытия Форманом) пациентка умерла бы. И это доказывает глубокий смысл слов, сказанных Хаусом Форману в первой серии во время процесса дифференциальной диагностики, хотя самому Форману кажется, что эти слова ничего не значат. «Истина начинается со лжи, – говорит Хаус. – Подумай об этом».

Оборудование «Доктора Хауса» на площадке «Улица Нью-Йорка»
в студии FOX в Лос-Анджелесе

ДОКТОР ХАУС

НАЧАЛО

СОЗДАНИЕ СЕРИАЛА

«Очень легко сесть за пишущую машинку и создать глубоко противоречивого персонажа. Но совсем другое дело – найти актера, который сумел бы сжиться с этим персонажем».

Дэвид Шор

Сценарист Дэвид Шор первым признал, что для создания нового телевизионного сериала пришлось привлечь массу народа. В 2003 году Кэти Джейкобс и Пол Аттанасио из «Хил энд Тоу Продакшнз» (Heel and Toe Productions) обратились к Шору с предложением участвовать в написании сценария сериала для студии Universal Network Television, с которой они уже заключили контракт. «Я всегда была его поклонницей, – говорит Кэти Джейкобс. – Он сказал: «Ну хорошо, я напишу для вас пилотную серию, а потом мы посмотрим, что выйдет».

У Шора уже был богатый опыт. Он был исполнительным продюсером и сценаристом других сериалов, но ему давно хотелось сделать что-то свое. Шор был консультантом сериала «Сенчури-Сити», который компания Джейкобс и Аттанасио делала для студии Universal, но одновременно он работал

над созданием нового шоу. Джейкобс, Аттанасио и Шор встретились, чтобы обсудить, какой должна быть пилотная серия – «выставочный экземпляр», который должен был соблазнить руководство студии. Предстояло дать ответ на самый важный вопрос: о чем нужно делать сериал?

Действие большинства сериалов происходит в местах, где люди оказываются в опасных и непонятных состояниях: полицейских участках, залах суда, операционных. В таких местах может случиться что-то либо очень хорошее, либо очень плохое. Драматическая ситуация налицо. Имея за плечами юридический опыт и годы работы в сходных сериалах, Дэвид Шор точно знал, что не хочет писать сценарий, связанный с юридическими вопросами. Новую идею Полу Аттанасио подсказала колонка «Диагноз», которую Лайза Сандерс вела в «Нью-Йорк Таймс». В этой колонке врачи обсуждали странные симптомы пациентов и ставили диагнозы. Бывая на студии, Пол и Кэти поняли, что руководство хотело бы сделать процессуальное шоу, нечто вроде традиционной полицейской драмы. Их сериал был точно как полицейский, за единственным исключением – действие происходило в больнице.

Шор согласился не сразу. «Должен признаться, что меня убедили не сразу, – вспоминает он. – У меня были другие идеи, над которыми мне хотелось поработать». Но медицинская тема его тоже привлекала. «У меня были весьма серьезные сомнения, но на студии царил бурный энтузиазм. Я же не идиот, поэтому оставил свои серьезные сомнения при себе». Когда Шор начал работать («биться головой о стену»), за несколько месяцев у него получился очень необычный персонаж. Собирая свои наброски воедино, Шор озадачился, в каком же направлении ему двигаться.

«Меня очень беспокоило то, что сериал рассказывал о герое, а не о его работе. Меня волновало то, что мы заглотили наживку и согласились с предложением студии, но отказались от процессуального сериала и создали сериал главного героя».

– Дэвид Шор

И это оказалось решением проблемы того, что подумает студия. «Я буду вечно благодарен Полу, который предложил просто не показывать руководству студии наши наброски, – говорит Шор. – Он сказал, что сценарий получается отличный, но набросков показывать не нужно. И мы не показали».

Убедив руководство в том, что стоит дождаться окончательного варианта, Шор сумел выполнить обещание.

Написание сценария пилотной серии заняло у Дэвида Шора пять месяцев напряженной работы. После того как Пол, Кэти и руководство студии надавили на Шора, сценарий был закончен — в пятницу вечером, сразу после наступления нового, 2004 года. В десять утра понедельника со студии позвонили и сказали, что будут снимать пилотную серию.

Для съемок пригласили опытного режиссера Брайана Сингера, за плечами которого уже были такие фильмы, как «Подозрительные лица» и «Люди Икс». Сингер стал и исполнительным продюсером.

«С гордостью могу сказать, что пилотный сценарий практически не претерпел изменений. Я выбрал местом действия Бостон, потому что там много научных центров. Одним из немногих условий, на которых Сингер согласился стать режиссером этой серии, стал перенос действия в Принстон, где он вырос. Ему нравилось то, что мы выбрали учебную больницу, а не крупный городской медицинский центр... Кроме того, раньше Принстон не появлялся на телевидении, что стало дополнительным плюсом. Подобные штрихи имеют огромное значение».

– Дэвид Шор

«Доктор Хаус» — это реверанс в сторону нетривиального детектива Шерлока Холмса и его верного друга доктора Ватсона, созданных сэром Артуром Конан Дойлом. «Образы Хауса и Уилсона явно навеяны Холмсом и Ватсоном. Эти образы вдохновили меня, но я не стал слепо их копировать», — говорит Дэвид Шор. Холмс и Ватсон, Хаус и Уилсон. Первым пациентом Хауса стала Ребекка Адлер — эту фамилию мы встречаем и у Конан Дойла. Хауса ранил человек по имени Мориарти — у Конан Дойла Мориарти убил Холмса (правда, потом знаменитого сыщика пришлось воскресить). Холмс и Ватсон снимают квартиру в доме 221-Б по Бейкер-стрит. Хаус тоже живет в доме 221-Б. Холмс нюхает кокаин, играет на скрипке, любит «сенсационную литературу». Он такой же загадочный человек, как и Хаус. Но в оригинальной паре прихрамывает не Холмс, а Ватсон.

Холмс многое может сказать о человеке с первого взгляда. При первой же встрече Холмс сообщает Ватсону, что тот оставил службу в британской армии в Афганистане и теперь стал отставным военным. Холмс живет, чтобы разгадывать загадки. В «Знаке четырех» Холмс говорит: «Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы».

«Мой мозг... бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете».

– Шерлок Холмс (А. Конан Дойл «Знак четырех», пер. М. Литвиновой)

Никого не узнаете?

На создание образа Холмса Конан Дойла вдохновил доктор Джозеф Белл, под руководством которого писатель обучался в Эдинбургской больнице. (Хаус получает в подарок на Рождество книгу Белла «Руководство по хирургическим операциям» и выбрасывает ее в мусорное ведро.) Белл был Холмсом в больнице. Он был настоящим артистом. Он обожал делать диагностические выводы и определять характер человека по внешности. Он с точностью мог сказать, когда и где человек служил в армии и на что он жаловался. «Подчас результаты оказывались весьма впечатляющими, — пишет Конан Дойл в своих «Мемуарах и приключениях», — хотя ему случалось и ошибаться».

Дэвид Шор пишет о том, откуда, по его мнению, взялся характер Хауса:

«Отчасти Хаус — это то, что происходит в моей собственной голове. Это своеобразное отражение моей собственной личности. Не могу сказать, что я так же умен, как он, столь же забавен или похож на него в чем-то другом, но все же в нем есть что-то от меня. Его позиция — это моя позиция. Просто у меня мало опыта».

Один случай оказал на сценариста особое влияние. Шор повредил бедро и записался к врачу через три недели. К этому времени бедро уже прошло, но Шор все же решил сходить к врачу.

«Я вошел и рассказал врачу о том, какие у меня были симптомы. Судя по всему, они произвели на него впечатление. Я обратился в учебную больницу, поэтому меня осмотрели сразу несколько врачей — причем бесплатно. Помню, как подумал, что все они были невероятно вежливы со мной и очень уважительно ко мне относились, хотя и не

должны были — я попусту тратил их время. Я знал, что стоит им выйти из кабинета, и они будут проклинать меня. Возможно, я ошибался, но думал именно так. Честно говоря, они должны были так поступить — ведь я действительно тратил их время впустую. И тогда я подумал, как было бы интересно увидеть человека, который не стал бы дожидаться, пока за ним закроется дверь. Парня, который не собирается терпеть всяких идиотов».

Вопрос: «Хаус говорит все то, что обычно говорят врачи, когда пациент выходит из кабинета».

Роберт Шон Леонард: «Я встречал врачей, которые говорят, что так и поступают, поэтому им нравится смотреть наш сериал. А другие обижались на это. Но мне все равно».

После того как студия FOX дала зеленый свет пилотной серии и пригласила Брайана Сингера в качестве режиссера, начался процесс подбора актеров. Нужно было принимать много решений, встречаться со многими людьми. Отличные идеи не всегда превращаются в отличные сценарии, отличные пилотные серии и отличные сериалы. «Нужно найти подходящего режиссера, а сделать верный выбор очень трудно, — говорит Кэти Джейкобс. — Очень трудно правильно подобрать актеров. Очень трудно правильно подобрать всех».

Создание «Доктора Хауса» заняло у Дэвида Шора много месяцев, но успех сериала в длительной перспективе зависел от правильного подбора актера на главную роль. А для этого нужна была недюжинная интуиция. Подбором актеров для сериала занимались Эми Липпенс и Стефани Лаффин. Им помогала Дженелл Скудери. Все трое работали над «Сенчури-Сити», а после закрытия сериала находились в поисках работы, в глубине души надеясь на то, что «Доктор Хаус» все-таки будет запущен в производство. И как только это произошло, они снова объединились. Этой команде предстояло найти актеров, которые смогли бы пройти сложную процедуру отбора. В отборе участвовали продюсеры и режиссеры, а в некоторых случаях руководство студии и телеканала. Кастинг подобен любой другой части процесса: первый раз — самый важный. Верно подобранный ак-

Одна из соавторов «Доктора Хауса» Кэти Джейкобс (справа) на съемочной площадке с Оливией Уайлд

тер может сделать персонажа живым и незабываемым. Хороший актерский коллектив в значительной степени повышает шансы пилотного выпуска на превращение в сериал.

С самого начала важную роль в кастинговых решениях играла Кэти Джейкобс. На телевидении кастинг проходит совсем не так, как в кино, где Кэти работала раньше, до перехода на ТВ. «Как это ни удивительно, – говорит Джейкобс, – но Уилсона мы нашли раньше Хауса. Это может показаться неправильным, но в горячке кастинга для пилотного сезона решения приходится принимать быстро. В кино нужно сначала найти главного героя, а всех остальных уже подбирать под него. Кастинг пилотного сезона – это настоящий охотничий сезон. Конкуренция здесь очень высока. Уилсон стал первым, кого мы нашли».

Роберт Шон Леонард пришел на пробы в первый день поисков Уилсона. Лиза Эделстайн пришла на студию следом за ним. Дженнифер Моррисон тоже была на пробах в первый день. Поскольку у нее были и другие пробы, Моррисон была утверждена на роль Кэмерон сразу, хотя в офисе все еще про-

бовались другие актрисы. Поиски Хауса заняли больше времени. Хью Лори утвердили всего за две недели до начала съемок пилотной серии. Осложняло задачу и то, что в тот момент сразу несколько студий искали практически одного и того же героя.

Стефани Лаффин: «В тот момент был огромный спрос на сорокалетних актеров. Искали героев для сериалов «Анатомия страсти», «CSI: Место преступления – Нью-Йорк», «Медицинское расследование», «Отчаянные домохозяйки», «Остаться в живых»...»

Эми Липпенс: «Всем нам в одно и то же время были нужны одни и те же актеры».

Дженелл Скудери: «Главные роли в сериалах могут играть немногие. Таких всего человек двадцать».

А сейчас мы вам расскажем знаменитую историю о прослушивании Хью Лори. В момент подбора актеров для «Доктора Хауса» Хью Лори находился на юге Африки. Он снимался в фильме «Полет феникса» в Намибии. Но о нем не забывали. Эми Липпенс хотела работать с ним над другим проектом. Британский специалист по кастингу, с которым работала команда, тоже упоминал его. Родственники и пятилетняя двоюродная сестра Стефани Лаффин обожали «Стюарта Литтла», где играл Хью Лори. Поэтому Лори включили в список, очень длинный список. Но с самого начала перед ним встало почти что непреодолимое препятствие. Режиссер Брайан Сингер хотел, чтобы роль доктора Хауса играл американский актер. В условиях жесткого съемочного расписания ему не нужен был актер с серьезным недостатком – то есть с английским акцентом, на исправление которого ушло бы драгоценное время. Но было решено, что Лори сделает запись для прослушивания.

В Намибии Хью Лори снимал другой актер. Съемка проходила в ванной комнате гостиничного номера, потому что там оказалось лучшее освещение. Лори прочитал одну сцену за Уилсона и одну за Хауса. Лори записывался и раньше, но не так.

«Мы весь день снимались в пустыне и приехали грязные и небритые. Во время записи я отпустил довольно рискованную шутку, представляясь и извиняясь за свой внешний вид, поскольку дела в последнее время шли не очень хорошо. Я подумал, что если это покажется им смешным, то и к лучшему, а если нет, то мне не следует сниматься в их фильме. К счастью, все это им ужасно понравилось».

– Хью Лори

В Сенчури-Сити прошло несколько недель со дня запроса пробы Хью Лори. Поиски Хауса продолжались. Эми Липпенс говорит, что вся группа была в полной растерянности. Когда запись наконец прибыла, возникло еще одно препятствие, но на этот раз незначительное. Запись была сделана в формате PAL, и нужно было ее конвертировать. Наконец-то все увидели, как Хью Лори читает за Хауса (и Уилсона). Дженелл Скудери отлично запомнила тот момент: «Пленку включили, я посмотрела и сразу же подумала: «Этот парень — то, что надо». Так подумали все, включая Дэвида Шора.

«Как только мы увидели ту запись... случилось нечто такое, что можно назвать великим моментом. Тот парень понял моего персонажа точно, как я сам. Было огромным удовольствием смотреть на него. Когда мы увидели ту запись, это стало для меня благословением Господним. Ты что-то представляешь, а потом думаешь, что актер это поймет. Но когда я услышал свои слова в его устах, мне показалось, что я слышу их в собственной голове. И тогда я сказал: «Это тот, кто нам нужен».

Хью Лори в ванной комнате гостиничного номера в Южной Африке сумел подтвердить ценность напряженного труда Дэвида Шора. «До этого момента я сомневался, не создал ли я человека, которого не существует в природе».

Когда настало время показывать пробу Брайану Сингеру, Кэти Джейкобс знала, что проблему акцента придется решать. Но у нее не было сомнений. Неважно, кем был актер на экране — Хью Лори или кем-то другим, британцем, американцем или кем угодно. Перед ней был доктор Хаус во плоти. «Я хотела, чтобы Брайан почувствовал, что это — Хаус, — вспоминает Джейкобс. — Не нужно было говорить: «Я беру Хью Лори».

«И вот что произошло, когда я принесла пленку Брайану Сингеру. Брайан посмотрел на экран и вдруг буквально выскочил из-за своего стола и уставился в экран. Я оказалась достаточно сообразительна, чтобы показать пленку Брайану и почувствовать его реакцию. Брайан спросил: «Кто этот парень?»

– Кэти Джейкобс

Запираться Джейкобс не стала — актер был англичанином. Они с Сингером заключили сделку: пробы будут продолжаться, но Хью Лори нужно пригласить для разговора.

Инстинкт Джейкобс подсказывал, что ничего больше делать не нужно. Она не понимала, зачем искать кого-то еще, если уже нашелся идеальный исполнитель роли. В этом заключалась разница между телевидением и кино. На телевизионном канале хотят иметь возможность выбора. В кино, если продюсер выбирает нескольких исполнителей, все понимают, что он не представляет, кого снимать.

Пробы продолжались до приезда Лори, но никто из актеров не подошел. В конце концов Лори остался единственным кандидатом. Это не означает, что ему все досталось легко. На канале хотели найти актера помоложе. Прошло немало времени с момента записи пробы в Намибии. И Хью Лори уже забыл о ней.

«Спустя несколько месяцев мой агент сказал: «Тот медицинский сериал...» Честно говоря, я вообще не представлял, о чем он говорил. «Какой медицинский сериал? Я не помню никакого медицинского сериала». Это было так давно, что я напрочь об этом забыл».

– Хью Лори

Для Кэти Джейкобс было очень важно, чтобы на встречу с руководством студии и телеканала Хью Лори пришел таким же небритым и потрепанным, каким был во время записи пробы в Намибии. «Я сказала, чтобы его предупредили о том, что он должен быть небритым», – вспоминает Кэти.

Студию Universal представляла Лора Ланкастер. Вот как она вспоминает о встрече с Лори:

«Он был одет практически так же, как и его герой в сериале: блейзер, футболка, джинсы, какие-то яркие теннисные туфли, и у него был маленький значок — маленький розовый значок «секси». Это была отличная шутка — он шел на канал FOX, где, как всем было известно, всегда искали кого-то «секси». Это было очень умно и смешно. Его чувство юмора нас всех покорило».

«Я помню, как впервые встретила Хью на улице, возле офиса. У него был зонтик вместо трости... Он спросил, как это будет смотреться в комнате, и я ответила: «На мой взгляд, вполне нормально». Я помню, как Гейл Берман [из FOX] предложила ему передвинуть кресло, а Хью ответил: «Я сажусь там, где нахожу кресло». Он сел, и все мы были покорены раз и навсегда».

– Кэти Джейкобс

Актерские пробы проходили в закрытой комнате, где десяток человек наблюдали за тем, как кто-то исполняет очередную сцену. Это очень искусственная и неловкая обстановка, не имеющая ничего общего с тем, что актеру предстоит играть. Лори прекрасно выдержал испытание. «Его утвердили единогласно, — вспоминает Дэвид Шор. — Все понимали, что мы нашли доктора Хауса».

Все руководители студии и канала, вся съемочная группа знали, что, как только найдут Хауса, дело будет сделано. Успех сериала целиком зависел от исполнителя главной роли. Когда Лори пришел на пробы, единственным человеком, кому это не приходило в голову, был он сам. (Помните, что «Доктора Хауса» не называли «Доктором Хаусом», пока не начались съемки.)

«В тот момент я еще не читал полного сценария... Я думал, что главный герой — Уилсон, а Хаус будет работать раз в неделю. Да, маловато я знал тогда... Я помню, как Брайан Сингер... сейчас это кажется ужасным... сказал, что на самом деле сериал про Хауса, и все кивнули. «Да, да, я так и предполагал». Сейчас это кажется нелепым. Все становится очевидным лишь в ретроспективе».

– Хью Лори

Итак, «Доктор Хаус» обрел своего Хауса. Оставалось найти лишь Формана и Чейза. Омар Эппс принимал участие в пробах вместе с Хью Лори и получил роль. Джесси Спенсер записал пробу в Лондоне, где жил в то время, а потом получил билет в Лос-Анджелес на съемки пилотной серии. На роль Чейза собирались взять американца, причем постарше, но Спенсер убедил всех, что роль принадлежит молодому австралийцу, поэтому Чейз тоже стал молодым австралийцем. Все исполнители главных ролей были на месте.

Процесс кастинга был очень утомительным. «Мы находили актера, который нам нравился, он начинал сниматься, и становилось ясно, что он не подходит, — вспоминает Стефани Лаффин. — У нас был один жуткий случай. Я помню, как Дэвид пулей вылетел из комнаты: «Эти парни — не самые лучшие доктора в мире».

Дженелл: «Это был канал FOX. Если вы непривлекательны, вам нет места на FOX. Здесь сексуальными должны быть все, даже те, кому предстоит произнести на экране всего пару слов. Все должны быть привлекательными и сексуальными».

Стефани: «Агенты говорили мне: «Этот парень очень сексуален», а я отвечала: «Но он некрасив». Потом актеры приходили, и мне оставалось только сказать: «Вот видите, я же вам говорила».

Одно дело чувствовать, кто отлично справится с ролью, совсем другое — найти актера. Эми Липпенс прочла сценарий пилотной серии и сказала: «Я хочу Омара Эппса». Идея вспоминалась и забывалась несколько раз. «Омар не был уверен в том, что хочет сниматься в этом сериале», — вспоминает Эми. Сериал — это серьезное обязательство. Должно признать, что актеры, участвующие в пробах, мечтали сыграть в этом сериале еще за семь лет до начала съемок. Многие актеры готовы отдать все за такой шанс.

Сотрудники службы кастинга шутят, что Стефани Лаффин досталось множество актеров, которые стали кинозвездами или героями других сериалов. У нее есть список, но она не говорит, кто в него включен. Впрочем, успех актерского ансамбля всегда доказывает, что свою работу она выполняет хорошо. Нет других актеров, которые могли бы сыграть Кэмерон, Формана, Уилсона или Хауса. «Вы смотрите на ее [Стефани] список и говорите, что она точно ошиблась с этим человеком, потому что этот парень ну никак не может сыграть эту роль», — говорит Дженелл Скудери.

Своего героя кастинг-служба сериала нашла в Хью Лори. Многие были знакомы с работой Лори в английских комедиях. Роли в американских фильмах были известны меньше. Младший брат Лоры Ланкастер обожал сериал «Черная гадюка», и во время отпуска Лора посмотрела несколько выпусков. «Я знал его по ролям в комедиях, — говорит Дэвид Шор. — Я знал, что он умеет смешить до слез. Но я и не представлял, что у него такой драматический талант, даже не догадывался. Мне и в голову не приходило предложить ему подобную роль».

Остается только гадать, что было бы, если бы Хью Лори не записал свою пробу небритым и грязным. Он явился невольным создателем облика Хауса еще до того, как этот облик сформировался в представлении сценаристов. Если бы он не снимался в Африке, то, скорее всего, оказался бы в Лондоне и записал пробу в рубашке и спортивном костюме, как он уже делал это раньше для американского телевидения. Вероятно, эта проба не произвела бы такого впечатления, что признал и сам Хью Лори. «Брайан Сингер мог не обратить на него

внимания, а если бы и обратил, то Хаус получился был совершенно другим. Он мог носить костюм и галстук и быть совсем другим человеком. И играть его мог другой актер».

«Когда вы только начинаете, это похоже на групповой заплыв, в котором принимает участие тысяча человек и все стартуют с одной и той же линии. А потом вы доплываете до определенного места, остается плыть всего пять миль, а количество участников сокращается до десяти. Это уже совсем другая задача».

– Омар Эппс

Несколько актеров снимались в «Докторе Хаусе» с самого начала. Они участвовали в съемках пилотной серии, которые проходили в Канаде. Геррит ван Дер Меер и Марси Каплан перешли в сериал из «Сенчури-Сити». Геррит ван Дер Меер прибыл в Ванкувер, чтобы сниматься в пилотной серии. Марси Каплан пришлось выбирать между двумя проектами. Первым был проект Аттанасио –Шора без названия, а вторым – пилотная серия «Разыскивается» на студии «Уорнер Бразерс», которая так и не переросла в сериал. «Я сделала правильный выбор», – вспоминает Каплан. «Этот сценарий был намного лучше, – вторит ей Геррит, – что сыграло свою роль – всегда хочется сниматься в хорошем сериале».

Стефани: «Вплоть до второго съемочного дня наш сериал не имел названия».

Дженелл: «Мы называли его «Проектом Аттанасио–Шора без названия».

Стефани: «Мы ничего не знали, пока Дженелл не вытащила из факса лист, который нам прислали из нашего офиса в Сенчури-Сити. Она сказала: «Наш сериал будет называться «Доктор Хаус».

Пилотную серию снимали в Ванкувере. Сериал был запущен в производство летом 2004 года. Любопытно, что сериал снимала студия NBC Universal, а показали его по каналу FOX (а не по NBC). Лора Ланкастер, работник NBC Universal, объясняет это так. Независимая в то время студия Universal заключила контракт с Полом, Кэти и Дэвидом Шором. Весной 2004 года, когда пилотная серия «Доктора Хауса» была снята, а производство сериала еще не нача-

лось, студию Universal приобрела компания NBC. Universal предлагала идею всем каналам. На NBC уже шел сериал «Медицинское расследование», по сюжету сходный с «Доктором Хаусом», поэтому канал отклонил предложение.

Первые серии «Доктора Хауса» вышли на экран осенью 2004 года, когда канал FOX закончил показывать «Всемирную серию». Надо сказать, что хитом сериал стал не сразу. «Когда мы впервые стали выходить в эфир, нас показывали сразу за Ричардом Брэнсоном, — вспоминает Кэти Джейкобс. — Наши рейтинги на сто процентов зависели от него. Тогда мы не имели никакого значения». В первом сезоне развернулась настоящая борьба. «Доктор Хаус» стартовал в ноябре и шел перед программой «Американский идол», что заметно портило рейтинги. Кэти позвонили с канала и пригласили на совещание. Руководство канала хотело нового героя. Предлагались и другие изменения. «Мы с Дэвидом пришли на это совещание и выслушали все предложения. С чем-то мы согласились, а с чем-то нет», — вспоминает Кэти.

Вопрос: «Тогда вам казалось, что герою достаточно ног?»

Геррит ван дер Меер: «Если говорить о Хаусе, то подбор слов довольно своеобразный».

Дэвид Шор уехал в отпуск, и тут с канала позвонили снова. У руководства появились новые идеи. Они хотели ввести в сериал кого-то, кто шел бы наравне с Хаусом. «Я думала, что мы уже успешно отклонили идею хирурга, который мог бы идти наравне с Хаусом», — вспоминает Джейкобс. Но руководство канала было непреклонно: нужен новый персонаж, который угрожал бы стабильному положению Хауса. Дэвид Шор решил, что это должен быть Фоглер в исполнении Ки Макбрайда: очень богатый благотворитель, испытывающий глубокую неприязнь к Хаусу.

Но сериал уже переставили после «Американского идола», и рейтинги поднялись без нового персонажа. «Я не виню

их за то, что они хотели выжать из нас все, — такова их работа», — говорит Кэти. Она признает, что Ки Макбрайд отлично справился с ролью Фоглера. Хотя впоследствии в сериале произошли определенные перемены, Фоглер остается одним из лучших противников Хауса.

Даже в лучшей съемочной группе и в лучшем актерском ансамбле возникает масса факторов, не поддающихся контролю. Хотя все, кто работал над «Доктором Хаусом» с самого начала, знали, что сериал очень удачный, это еще не гарантировало успеха. Множество отличных сериалов погибает на столе руководства, причем отнюдь не по собственной вине. Никто не воспринимал успех как должное. Все стремились сделать следующую серию лучше предыдущей. Сегодня, когда за плечами уже 132 серии, совершенно ясно, что во время съемок никто не был уверен в абсолютном успехе. «Когда ты находишься в процессе, то сосредоточиваешься на пилотной серии, — говорит Марси Каплан. — Если оказывается, что предстоит еще 12 серий, ты абсолютно счастлив. А потом думаешь, что можно снять еще 12. А может быть, и еще девять. Тогда я не думала, что мы обеспечили себя работой на десять лет. Пилотная серия и еще несколько — это уже хорошо».

2

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ОТЦА ХАУСА ИГРАЛ МАЙКЛ КЕЙН?

РАБОТА НАД СЦЕНАРИЕМ

Вопрос: «Вы думали об этом на десять серий вперед?»
Дэвид Шор: «И сейчас думаю, и на двадцать или тридцать серий».

Дэвид Шор понимает, что многие из тех, кто смотрит «Доктора Хауса», делают это не слишком сосредоточенно. «Уверен, что люди смотрят телевизор, делая сэндвичи... или выходя из ванной и замечая, что фильм уже идет», — говорит он. Естественно, что авторы предпочли бы, чтобы такого не случалось.

В каждой серии происходит множество событий, но из соображений экономии времени приходится ужиматься. Очень легко не заметить нюансов или целиком потерять нить сюжета. И не ждите, чтобы вам что-то объясняли по несколько раз. Написание сценария каждой серии — это серьезный и трудоемкий процесс. «Практически каждое слово сценария выстрадано, — говорит Шор. — Возможно, нам не удалось приблизиться к идеалу, но работа над сценарием — это самое важное для меня дело, почти 90 процентов моей работы».

«Это самые увлекательные и приятные для чтения сценарии за тридцать с лишним лет моей работы. Обычно я брался за сценарии с тяжелым сердцем. Они как домашняя работа. Эти тоже домашняя работа, но читать их – фантастическое удовольствие. Они всегда заставляют меня хохотать, всегда меня удивляют. А бывают и такие моменты, что у меня волосы встают дыбом. Это потрясающие сценарии».

– Хью Лори

Дэвид Шор управляет командой из 12–14 сценаристов и их помощников. Все они работают полный рабочий день. У него трое заместителей: исполнительный продюсер Томми Моран и дуэт из Гарретта Лернера и Рассела Френда, которые еще с киношколы вместе пишут сценарии. Они делят между собой сценаристов и по очереди руководят написанием сценариев: одну серию контролирует Томми, а следующую Расселл и Гаррет. Подобно многим из тех, кто работает над «Доктором Хаусом», эти трое работают на двух работах. Они не только руководят группой сценаристов, но еще и сами пишут сценарии серий, равно как и сам Дэвид Шор.

Прежде чем писать конкретные сценарии отдельных серий, сценаристам нужно разработать примерную сюжетную схему на предстоящий сезон. (Если хотите узнать, что произойдет в ближайшем будущем, обращайтесь к Дэвиду Шору.) Чтобы сценарии были готовы к летним съемкам, процесс написания должен идти более или менее последовательно, от одной серии к другой. «На съемки 24 серий уходит около десяти месяцев, – говорит Рассел Френд. – На написание всех сценариев требуется одиннадцать месяцев и три недели».

Сценаристам необходим хотя бы полуторамесячный запас до съемок, поэтому до начала сезона проходит совещание, на котором Дэвид Шор, Кэти Джейкобс, сценаристы и их помощники обсуждают основные сюжетные линии, начиная с первой серии. На других совещаниях обсуждаются медицинские истории. Одновременно обсуждается от шести до двенадцати серий – не больше половины сезона. Все знают, что к середине цикла все может кардинально измениться. Во время сезона сценаристы по-прежнему забегают вперед, чтобы соответствовать темпу съемок. В октябре, когда сезон идет уже четыре месяца, половина коллектива рабо-

тает на четыре-пять серий вперед. «Серии, которые должны быть выпущены в ноябре, очень нас пугают. Нам кажется, что мы уже отстаем от расписания. А ведь нам просто нужно сделать хит к Рождеству», — говорит Томми Моран.

К началу шестого сезона все знали ответ на ежегодный и главный вопрос: что будет с Хаусом? В конце пятого сезона он оказался в психиатрической больнице Мэйфилд. Где же он будет в первой серии шестого сезона? Первоначально планировалось, что Хаус останется в больнице на протяжении шести — восьми серий, для чего на студии FOX начали строить большие, дорогостоящие декорации Мэйфилда. Но ситуация изменилась. Сценаристы поняли, что Хауса нужно вернуть в Принстон-Плейнсборо в конце двухчасовой серии, открывающей новый сезон. (В «Храбром сердце», шестой серии сезона, Хаус сообщил, что провел семь недель в больнице.)

«Работая над сериалом, подобным этому, вам нужно четко представлять, какую реакцию вы ожидаете от зрителей в каждый конкретный момент. Во второй сцене шестой серии я хочу, чтобы зрители почувствовали то-то и то-то, и вы должны знать, что именно. Даже если есть некая неопределенность, вам нужно заставить зрителей почувствовать неопределенность. Я хочу, чтобы они были на шестьдесят процентов уверены, что Хаус думает именно так. Сценарист в некоторой степени должен быть кукловодом».

– Дэвид Шор

Идея поместить Хауса в психиатрическую больницу назревала по мере развития пятого сезона. Возник практический вопрос, что делать с Катнером. Когда Кэл Пенн объявил о своем намерении покинуть сериал, сценаристы стали спорить, что с ним делать. Некоторые предлагали приятные для Катнера варианты — например, выигрыш в лотерею. Впрочем, практически все выступили против этого варианта. В диагностической команде Хауса его никто не поддержал. Когда сценарист Леонард Дик предложил самоубийство, Томми Моран возразил, что не самая лучшая идея убивать кого-то сразу после смерти Эмбер. Дэвид Шор анализировал возможность для Хауса закончить сезон в психиатрической клинике. Хотя первоначально он возражал против смерти очередного персонажа, самоубийство Катнера могло бы быть полезно. Моран сказал Дику, что его идея может сработать. «Мы пробовали найти другие пути, но все же остановились на этом, — го-

ворит Томми Моран. – Этот вариант вписывался в историю. И он помогал нам подойти к развязке».

Нервный срыв главного героя вполне разумно объяснялся смертью Катнера и неспособностью Хауса смириться с ней. Незадолго до отпусков 2008 года сценаристы на три дня заперлись в гостиничных номерах, чтобы проработать детали сюжета – от обнаружения тела Катнера в спальне его квартиры до входа Хауса в психиатрическую больницу Мэйфилд. Оснований к подобному повороту было немало: Хаус винил себя в смерти Эмбер, Эмбер являлась ему в галлюцинациях, Кадди помогала ему, но романтический момент сразу же сменялся суровым осознанием того, что это тоже галлюцинация. «Это были очень трогательные моменты», – говорит Рассел Френд.

Вопрос: «Спальню Эмбер разобрали, поэтому я решил, что Эмбер уходит».

Гарретт: «Я считаю, что Эмбер уходит».

Рассел: «Я думаю, Эмбер уходит. Она уже мертва».

Вопрос: «Это еще никого не останавливало...»

Все хором: «Это правда!»

Сценарий серии «Счастье в неведении» был седьмым, написанным Дэвидом Хозелтоном за четыре года (первым его сценарием стал «Рисунки на песке» в третьем сезоне). Дэвид Хозелтон и другие сценаристы предлагали сюжетные идеи для отдельных серий. Собирал все эпизоды воедино Дэвид Шор. Томми Моран является исполнительным продюсером Дэвида Хозелтона. Идеи Хозелтона, даже в несколько строк, поступают Томми Морану. Если Моран считает идею заслуживающей внимания, он отправляется к Шору. Если идея нравится Шору, то она (с замечаниями или без) возвращается к Хозелтону для окончательной проработки.

«В начале каждого сезона... мы согласовываем все медицинские истории и сюжетные линии. Дэвид Шор блестяще справляется с этой задачей. Он связывает медицинские истории с сюжетными линиями, чтобы они были тематически связаны с тем, что происходит с нашими персонажами. Это исключительно его ответственность. Я просто восхищаюсь им».

– Кэти Джейкобс

Заметки Дэвида Хозелтона могут быть на одной страничке или на десяти-пятнадцати. Томми Моран делает собственные пометки, и они вместе работают над проектом сценария, пока он не будет представлен Дэвиду Шору. Такой проект дорабатывается три-четыре раза, прежде чем Хозелтон приступает к работе над рельным сценарием. Естественно, что в этом процессе многие идеи отвергаются. Дэвид Хозелтон предложил в пятом сезоне ввести в Принстон-Плейнсборо больного психиатра, но Хаус сам отправился в клинику Мэйфилд, так что эта идея так и не материализовалась. Прежде чем Хозелтон приступил к написанию сценария, серия «Счастье в неведении» планировалась в конце пятого сезона. Затем она переползла в начало шестого сезона, а потом стала девятым эпизодом, чтобы Хаус успел освоиться в больнице.

Написание сценария длится не меньше месяца. Если сценарист знает, что должен представить сценарий Дэвиду Шору за пару дней до репетиции эпизода и за восемь-девять дней до начала съемок, значит, столько он и будет работать. В каждом эпизоде сценаристам приходится жонглировать сразу несколькими мячиками. Дэвид Хозелтон отвечает за основную историю — медицинскую тайну, которая составляет основу каждой серии. Во-первых, он должен придумать интересную болезнь, которая должна искусно маскироваться и давать возможность для ошибочных диагнозов. Вовторых, ему нужен неотразимый пациент. И в-третьих, нужно определить, как этот пациент будет взаимодействовать с Хаусом. И наоборот. Диагноз должен быть тем или иным образом поставлен. Обычно пациента излечивают от первоначальной болезни, но зачастую не без последствий.

Развязка не должна быть банальной — то есть не просто счастливой или печальной. Она должна быть непредсказуемой. В серии «Счастье в неведении» предсказуемый исход заключается в том, чтобы несчастный гений Сидас бросил наркотики, которыми он пользовался, чтобы подавить свой интеллект. Его жена, не такая умная, как ее муж, скажет: «Мы сделаем это», а Сидас ответит: «Ты права, дорогая». Аккуратно, вполне удовлетворительно, но неправдоподобно. «Вполне допустимо сделать концовку слегка несчастливой, чтобы заставить зрителей немного задуматься, — гово-

рит Дэвид Хозелтон. — Будем надеяться, что легкая тревога натолкнет их на глубокие мысли».

Гаррет Лернер признается, что после каждой серии проводит некоторое время в Интернете, чтобы понять реакцию поклонников. Он спрашивает у жены и родителей, как им понравилась очередная серия. Ему хочется собрать как можно больше мнений. Все услышанное и прочитанное не может повлиять на его работу, даже если бы он этого захотел. Сценаристы настолько опережают показ фильма, что тот сюжет, на который реагируют поклонники, изменить уже никак невозможно. Не стоит думать также и о том, что чаще всего пишут отзывы люди с негативной точкой зрения: некоторые серии нравятся абсолютно всем.

Усевшись на своего любимого конька, Гаррет жалуется на то, что в последнее время появилась целая отрасль Интернета, единственной целью которой является размещение спойлеров к популярным телевизионным программам. Так, например, случилось с известием о том, что Кэмерон собирается бросить Чейза, а Дженнифер Моррисон уйдет из сериала (хотя и с возможностью возвращения). Хотя сценаристы воссоединили первоначальную диагностическую команду, некоторые зрители уже знали о предстоящем разрыве. Гаррету это очень не нравится. «Любой, кто имеет доступ в Интернет, может заявить: «Я нашел сценарий и прочел концовку. Дарт Вейдер — отец Люка! Брюса Уиллиса убили!» Этим он портит зрителю впечатление от просмотра и полностью разрушает то, над чем мы так напряженно трудились. Это моя любимая тема».

Помимо основной истории, в каждой серии есть и другая, связанная с Хаусом и его командой и/или Уилсоном, и/или Кадди. Эта другая история может в некоторой степени разрешиться. К серии «Счастье в неведении» Чейз уже готов окончательно взорваться после смерти Дибалы, из-за чего Кэмерон его бросила. Сценаристы работали над этим сюжетом, и тут Питеру Блейку пришла в голову нестандартная идея: Чейз должен ударить Хауса. Томми Моран добавил интересный аспект: Чейз делает это не из-за злости на Хауса, а из-за того, что люди никак не перестанут сплетничать у него за спиной. Хаус оценил бы извращенную логику подобной идеи. «Я был в восторге от того, что это случилось в моей серии», — говорит Дэвид Хозелтон.

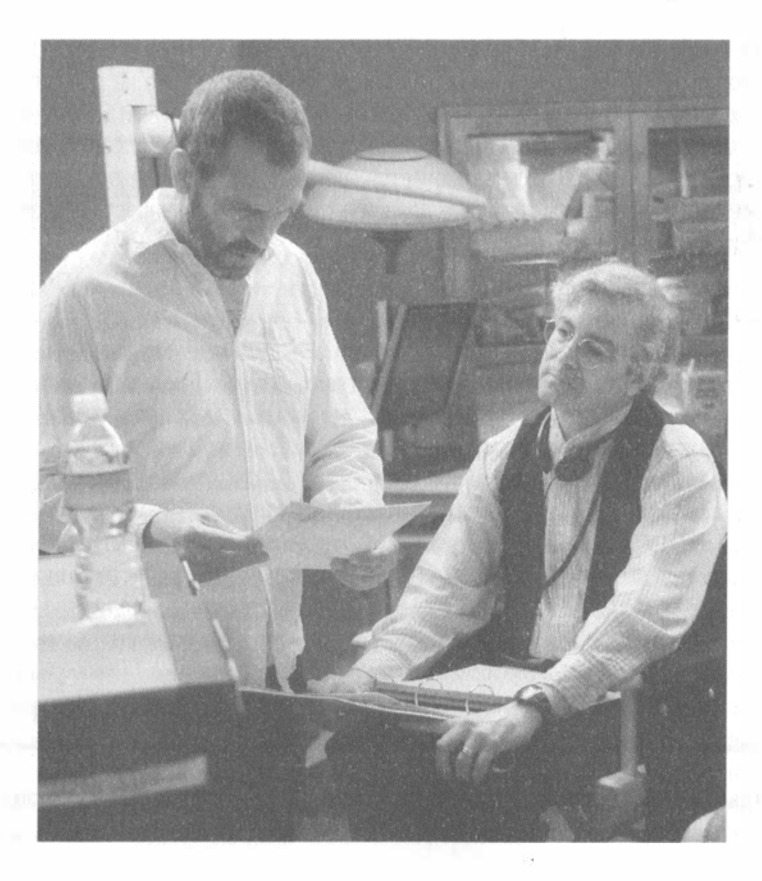
«Хаус – «белая ворона», он способен увидеть во всем другую сторону. Он всегда говорит нечто такое, чего вы не ожидаете. Но он делает это не для того, чтобы шокировать или вывести из себя. Просто таков его уникальный взгляд на мир. Он не может сделать низость только ради удовольствия. В его словах и действиях всегда есть смысл. В этом заключается привлекательность нашего сериала, но в то же время и огромная трудность для сценаристов. Очень непросто показать такой уникальный характер».

– Дэвид Хозелтон

Именно Хозелтон описывал первый поцелуй Хауса и Кадди. Конечно, романтическая тарантелла Хауса и Кадди началась давным-давно. Сценарист может не знать, что будет с персонажами в предыдущей серии, почти до самого начала работы над своим эпизодом. «Тебе все говорят. И ты должен работать с тем, что тебе предложили, – говорит Хозелтон. – Именно так мне и приходится работать». В «Счастье в неведении» Хаус пытается выяснить, где Кадди и Лукас собираются провести День благодарения. Он едет к Кадди, но получает отпор. Следующему сценаристу нужно решить, что же герои будут делать дальше. Отношения Хауса с Кадди не нашли разрешения. Пожалуй, они не найдут разрешения никогда.

Каждый сценарист планирует свои эпизоды по-своему. Дэвид Хозелтон набрасывает эскиз своего сюжета на карточках и прикалывает их к доске. На каждую сцену у него своя карточка. Карточки располагаются колонками в соответствии с развитием сюжета – с первой по шестую. В первом акте десять карточек, во втором – пять и так далее. Сюжеты различаются по цвету: медицинская история имеет один цвет, отношения Хауса с Кадди – другой и так далее. Так Хозелтон видит, как нужно построить сценарий, чтобы всему нашлось место. Перед завершением эскиза и началом работы над сценарием карточки помогают ему понять, нормально ли развивается сюжет серии.

Работа над сценарием «Доктора Хауса» одновременно и индивидуальный, и совместный труд. Излагая сюжет на бумаге, сценаристу приходится один на один встречаться с пустым листом бумаги или экраном компьютера. («Ты знаешь, что эту серию будут снимать через восемь недель, а ничто так не

Хью Лори со сценаристом Айрой Харвицем

подстегивает, как срок», — говорит Дэвид Хозелтон.) Как только черновик готов, начинается обсуждение и доработки. Сценарий начинает продвигаться от бумаги к съемкам. При работе сценаристы должны учитывать и все то, что происходит в сериях, написанных другими. Ведущие сценаристы (Томми или Рассел и Гарретт) редактируют и переписывают полученные материалы, а затем сценарий поступает к Дэвиду Шору, чтобы оказаться переписанным в очередной раз.

Окончательный вариант готовит автор серии вместе с Томми или Гарреттом и Расселом и Дэвидом Шором. В этот момент наводится окончательный лоск. Персонаж получа-

ется реальным и живым, если над сценарием вместе со сценаристом работает и автор идеи всего сериала. Большинство сценаристов работают в сериале достаточно долго, чтобы заметить, если Уилсон говорит в серии 112-й то, что противоречит ему же в серии 3-й. По словам Рассела Френда, Айра Харвиц обладает феноменальной памятью на такие вещи. Самому Френду такого ценного качества недостает. «Каждый что-то запоминает, – говорит Томми Моран. – Наши сценарии – это результат командной работы».

Сценаристы ценят помощь коллег, особенно в отношении согласования сюжета отдельной серии с оригинальной идеей всего сериала. «Мы постоянно общаемся друг с другом, – говорит Дэвид Фостер. – Приходишь, садишься рядом с кем-нибудь и говоришь: «Я собираюсь написать то-то. Что ты думаешь?» В этом деле очень много подводных камней, которые нужно учитывать». Дэвид Хозелтон уважает Дэвида Шора за коллегиальный стиль работы. Дэвид всегда готов прийти на помощь и поделиться своими соображениями, но в то же время он не донимает сценаристов мелочными придирками, как другие руководители проектов. И такое отношение царит на всех уровнях. «Я знаю, это Голливуд, но в этом сериале нет места эгоизму и самолюбию», – говорит Хозелтон. Гарретт Лернер вспоминает, что именно так они работали с Расселом на протяжении более чем пятнадцати лет, с момента окончания киношколы. «Чувство собственничества нам чуждо. Мы не стремимся утвердить собственную точку зрения. Главное, чтобы результат получился таким, как нужно».

«Это был первый написанный мной сценарий в жизни. Я представил его, и руководитель проекта Дэвид Шор высоко оценил мои труды. Тогда я подумал: «Здорово! Я сделал отличную работу!» Потом я посмотрел на мой сценарий и подумал, что в нем не осталось ничего из того, что я написал. Сценаристов телевидения постоянно переписывают. Масса изменений вносится даже тогда, когда начинаются съемки».

– Томми Моран

Сценарист активно участвует в процессе переделки, даже занимаясь другими сериями. Сценарий в том виде, в каком его написал сценарист, может полностью исчезнуть и так и не вернуться. В других сериалах сценарии обсуждают коллективно. Все сценаристы вместе решают, что должно происходить в каждой сцене и в какой момент будет смена действия.

Затем конкретный сценарист пишет диалоги. Многие ситкомы от начала до конца создаются группой сценаристов, хотя в титрах упоминается имя лишь одного из них. В «Докторе Хаусе» сценаристы обладают большей независимостью, но имеют очень серьезную поддержку. «В нашем сериале соединились лучшие черты обоих подходов», — говорит Томми Моран.

....

Дэвид Шор стремится всунуть в каждые 44 минуты экранного времени как можно больше информации. Каждая сцена, каждая строчка — это возможность для развития сюжета и персонажей. В каждой серии может быть лишь определенное количество строчек. «Меня привлекает элегантность текста, — говорит Шор. — Мне хочется, чтобы все было настолько фундаментальным, насколько это возможно. Мне не нравится, когда сценарист начинает повторяться. Я не терплю строчек типа: «Что?» Вы заметите, что в большинстве наших сценариев я вычеркиваю все подобное и заменяю ремарками «Тринадцатая посмотрела на него» или чем-то в этом роде». «Шор не допускает пустых диалогов, — говорит Дэвид Хозелтон. — У нас нет фраз типа «Что ты сказал?». Нам не разрешают повторяться или тянуть время. И это заставляет очень ответственно относиться к тексту».

Гарретт Лернер объясняет, что, столкнувшись с огромным объемом медицинской информации и специфического жаргона, сценаристу хочется втиснуть в свой сценарий как можно больше информации. Со временем он понял, что нужно внимательно изучать медицинскую историю и решать: «Это не нужно, это не нужно и это тоже не нужно». И тогда остается место для того, ради чего зрители и смотрят сериал: для взаимодействия персонажей друг с другом. «Все актеры очень интеллигентные люди, — говорит Дэвид Хозелтон. — Наши зрители тоже очень интеллигентны. К седьмому сезону в общении персонажей будет много подтекста. Мы знаем, как доктор Хаус входит в комнату. Значительная часть общения проходит через взгляды». «Я работаю с умными людьми, — вторит ему Дэвид Шор. — И не собираюсь принижать интеллект моих зрителей».

Чаще всего сценарий пишется довольно длинным, а потом сокращается. Дэвид Шор шутит, что в первом сериа-

ле, где он был руководителем проекта, излюбленным методом сокращения сценария было вычеркивание первой и последней строчек, а потом первых и последних слов в каждой строчке. Дэвид Хозелтон сокращает свои сценарии на этапе черновика — он вычеркивает все второстепенные сцены. Затем Дэвид Шор сокращает сценарий еще больше: «Нельзя ли объединить эти две сцены? Если тут нужна шутка, она должна что-то означать».

Способность актеров передавать смысл, не говоря ни слова, бесценна в плане экономии экранного времени. Очень важно то, что режиссеры «Доктора Хауса» знакомы со сценаристами и актерами и знают, кто на что способен. Невербальный подход может заметно улучшить сцену. Дэвид Шор говорит: «Не раз случалось такое, что у нас была великолепная ударная фраза, едкое, острое замечание о смысле жизни или о чем-то в этом роде, а потом мы обнаруживали, что сцена получается более глубокой, если обойтись одним лишь взглядом Уилсона. Хаус точно понимает, что Уилсон хочет сказать этим взглядом. Зрители тоже это понимают. И мы вычеркивали диалог. Главное — дойти до сути дела. Нужны отличные актеры и режиссеры, но раньше всего нужен отличный сценарий».

«Я играю на скрипке. Дэвид написал симфонию. Я могу рассказать вам, каково это — играть кого-то».

– Роберт Шон Леонард

«Мы работали над другими сериалами. Иногда серии выходили каждый день, поэтому приходилось заполнять сценарии фразами типа: «О, дорогой, что случилось?» В «Докторе Хаусе» [актеры] всегда вытягивали материал, и это делало нашу работу особенно приятной. Удивительно, что им удавалось сделать с нашим материалом. О большем и мечтать не приходилось».

– Рассел Френд

Кэти Джейкобс вместе с художником Джереми Касселсом и координатором Стивеном Говардом работали над визуальной стороной сериала. Им нужно было создать декора-

ции, в которых сценаристы могли бы манипулировать своими героями. Вспомните квартиру, в которой живут Хаус и Уилсон. В сценарии говорилось, что Уилсон переехал, но сценарист дал минимум информации, назвав квартиру «классным лофтом (просторная квартира, расположенная в бывшем промышленном здании)». Джереми Касселс и Кэти Джейкобс обсуждали квартиру и те помещения, где Хаус и Уилсон могли наталкиваться друг на друга или проводить время вместе. Джереми предложил библиотеку — оба жильца были преуспевающими докторами, поэтому у них должно быть много книг по медицине. В библиотеке их общение выглядело бы более элегантным, чем на диване в гостиной.

«Я обратилась к сценаристам и Дэвиду Шору и спросила: «Сколько у них спален? Сколько ванных? У кого ванная лучше? Чья это квартира?» Мы попытались использовать квартиру для развития сюжета. Я думаю, что в квартире должно быть две ванных. Возможно, у Хауса ванная комната с душем, а у Уилсона – с ванной, чтобы было ясно, в какой из комнат происходит действие. Он просыпается утром, полусонный бредет в ванную и обнаруживает Хауса в своей ванне».

– Кэти Джейкобс

Квартира имела собственную историю. Кто-то купил квартиру, сломал стены и полностью изменил пространство. Первоначально квартиру собирались купить Кадди и Лукас, но тут вмешался Уилсон и купил квартиру на пару с Хаусом (именно этим объясняется мстительность Лукаса в серии «На новый рубеж»). Первоначально квартира была голой и бесцветной, поэтому странная парочка могла отделать ее по своему вкусу. Кэти предложила, чтобы спальни Хауса и Уилсона выходили в общий холл. «Я хотела, чтобы Уилсон мог говорить: «Спокойной ночи, Хаус», а Хаус мог отвечать: «Спокойной ночи, Уилсон». И теперь они это могут». А потом Стив Говард со своей командой построили квартиру. И понеслось...

Уилсон сразу же (в серии «Под прикрытием») начинает флиртовать с сексуальной соседкой Норой. Он узнает, что Нора считает их с Хаусом геями. («Мы не геи», — говорит Уилсон. «Серьезно?» — удивляется Нора.) Хаус носит лавандового цвета рубашки и интересуется мюзиклами и туф-

лями Норы. Он тоже пытается соблазнить соседку — в этом заключается его дьявольский план. Они обсуждают возможную «ночевку» за ужином в уютном ресторане, где их застает Уилсон.

Уилсон: «Я люблю этого человека. И я не собираюсь тратить время попусту, отрицая этот факт. [Достает кольцо.] Грегори Хаус, ты выйдешь за меня?»

Хаус: «Гм-м... Довольно неожиданно».

«Кэти предложила массу идей, которые помогли нам с сюжетом. Она предложила, чтобы Уилсону досталась главная спальня с роскошной ванной комнатой и изящной ванной. А у Хауса нет ванны, он живет в детской комнате с душем. Это было очень смешно, и мы решили это использовать».

– Рассел Френд

В первой серии шестого сезона «Сломленный» художникам и сценаристам пришлось работать вместе особенно тесно, потому что декорации и сценарии создавались практически одновременно. Нужно ли что-то добавить к декорациям, чтобы сюжет развивался более гладко? Как должны выглядеть декорации, чтобы мы могли писать сценарий? Сценаристам пришлось особенно нелегко. Перед ними появились совершенно новые декорации и абсолютно новые персонажи. Еще сложнее пришлось специалистам по подбору актеров: им нужно было найти исполнителей тех ролей, которые существовали только в набросках. Сценаристы «разбивали» сюжет на серии и развешивали их на белых досках в сценарной. Они начали называть психиатра Хауса «Андре», потому что видели в этой роли Андре Брауэра. Его выбрали практически единогласно, и Кэти Джейкобс пригласила именно его.

«[Кэти] пришла и сказала: «Я нашла отличного актера на роль Элви [Лин-Мануэль Миранда]». Мы посмотрели его пробу. Он прекрасно подошел. И мы стали строить характер его персонажа, отталкиваясь от него самого – мы учли, что он поет, читает рэп и все такое... Все это появилось в персонаже после того, как мы утвердили актера на эту роль».

– Рассел Френд

«Я в абсолютном восторге от [сценаристов]. Они классные. Отношения с ними складываются идеально. Я никогда еще не видел, чтобы отношения между сценаристами, актерами и продюсерами складывались настолько хорошо. Все относятся друг к другу очень тепло и открыто. Я прихожу в их офис, вижу у них на компьютерах изображения каких-то причудливых медицинских процедур и понимаю, что они работают над чем-то таким, что через несколько недель превратится в сценарий».

– Питер Джейкобсон

....

Когда завершатся съемки последней серии, Дэвид Хозелтон откроет окно и впервые за долгое время вдохнет свежего воздуха. И тогда он будет готов перейти к следующей истории. У него есть идея, он изложит ее на бумаге и запустит в сценарный конвейер. Он вернется в двадцатой серии («Выбор»).

Дэвид Хозелтон вместе с Дэвидом Шором учился на юридическом факультете университета Торонто. На первых курсах они вместе редактировали факультетскую газету под оригинальным названием «Газета юридического факультета», а затем и другое издание. Хозелтон никогда не занимался юридической практикой. Через 25 лет он переехал в Лос-Анджелес вместе с другим приятелем по университету. Он хотел стать сценаристом. Дэвид написал несколько сценариев, затем был «Первый рыцарь» с Шоном Коннери и несколько фильмов для студий «Пиксар» и «Дисней». А потом начался «Доктор Хаус». Хозелтону нравится командный дух, царящий на телевидении. Написание сценариев для фильма – работа индивидуальная. Если что-то идет не так, то исправлять ошибки придется долго и мучительно. Дэвид не имеет ни малейшего желания возвращаться в этот мир. «На телевидении сейчас снимают массу фантастических сериалов, – говорит он. – “Декстер”, “Безумцы”, “Остаться в живых”... Это настоящие произведения искусства».

ЭПИЛОГ: ХАУС И МАЙКЛ КЕЙН

В серии «Родовые травмы», сценарий для которой писали Дорис Иген и Дэвид Фостер, пациенткой была китаянка. В младенчестве родители пытались убить ее, втыкая булавки в род-

ничок. «Всех нас родители пытаются убить, — говорит Хаус. — У нее есть доказательства». Эли Этти нашла эту идею в выпуске новостей. Это отличный пример того, как медицинская история служит основой для второго сюжета серии. На этот раз у Хауса умирает отец. Вместе с Уилсоном они отправляются на похороны. На церемонии Хаус наклоняется над гробом отца — окружающим кажется, что он хочет пусть даже и едко, но попрощаться с отцом, хотя на самом деле он отщипывает кусочек от его уха, чтобы сделать анализ ДНК.

«Эта идея родилась из мысли о том, чтобы отца Хауса играл Майкл Кейн. Это была моя личная фантазия, моя безумная идея. К сожалению, она пришла мне в голову, когда мы уже нашли актера на эту роль. Но я продолжал думать, как Майкл Кейн сыграл бы отца Хауса? Может быть, Майкл Кейн мог бы быть его отцом, если бы мы пояснили, что тот отец, которого показали на экране, не был его настоящим отцом. Возможно, Хаус всю жизнь думал, что, пока его отец находился где-то далеко, у его матери случился роман. Хаус ненавидел отца и вполне мог иметь подобные фантазии. «Мой отец — не мой отец, и я знал это с двенадцати лет. Это была моя первая дедукция».

– Рассел Френд

Посаженные семена прорастают не сразу. Рассуждения об отце Хауса принесли плоды спустя тридцать пять серий после того, как этот вопрос был поднят, в «Частной жизни». Уилсон застает Хауса за чтением книги «Шаг за шагом: Проповеди для повседневной жизни». Это реальные проповеди, написанные священником-унитарианцем. Естественно, что Уилсон озадачен: почему отъявленный атеист Хаус ищет духовного просветления подобным образом? Но, увидев фотографию автора на обложке книги (Хаус обернул свою книгу супером с романа Генри Джеймса «Золотая чаша»), он все понимает. Хаус считает, что автор, давний друг семьи, является его биологическим отцом. Прочитав книгу, Хаус решает, что контакт с этим человеком столь же невозможен, как и с его реальным отцом.

....

За 132 серии у героев Дэвида Шора сложилась определенная история. Да, конечно, многое остается несказанным, еще больше ненаписанным. Или, если быть более точным, почти написанным или почти понятным. У кого из героев

было счастливое детство, а у кого нет? Пожалуй, у Кэмерон. Не родители ли Формана толкнули его на преступный путь? Любили ли в детстве Чейза?

Рассел: «Но отец [Чейза] был далеко».

Томми: «Не помню, чтобы мы обсуждали отца Чейза».

Рассел: «Он же умер, разве нет?»

Томми: «Это все равно, как готовиться к экзаменам: как только экзамен сдан, я о нем забываю и перехожу к следующему. Сегодня за обедом я пытался вспомнить, что́ мы только что сделали в десятой серии, которую закончили неделю назад и которая еще не была снята. Сегодня мы работаем над тринадцатой серией. Мы постоянно идем с опережением графика.

Речь идет не только о тех сериях, что мы уже сделали, а и о тех, которые только задумали. Вчера я разговаривал с Дэвидом [Шором] об одной идее. Я не могу вспомнить, что это была за идея, но уверен, что мы это сделали. Разве мы этого не сделали? И он тоже твердил: «Нет, думаю, мы об этом говорили, но так и не сделали». Мысленно я вижу все сцены – и реальные, и задуманные».

Рассел: «Это был брат Уилсона».

Томми: «Идея заключалась в том, что брат Уилсона возвращается и выписывается из больницы».

Гарретт: «Он приходил и навещал его, но не забрал из больницы. В действительности вы никогда не видели брата Уилсона».

Рассел: «Мы пытаемся вспомнить, что…»

Томми: «…он выручал его и справлялся очень хорошо, а в конце у него возникает рецидив и он уходит».

Гарретт: «Это все только предположения».

Томми: «Я думал, что это сделали…»

Рассел: «Думаю, Питер [Блейк] написал проект сценария. Мы вставим это туда. Это хорошая история. Ее просто нужно сделать».

Гарретт: «Иногда смотришь на старую папку в своем компьютере и думаешь: «Боже, неужели мы этого не сделали? Слава богу, потому что это пригодится нам сейчас».

Я думаю, что и сам сериал, и работа в нем — это настоящий наркотик. И то и другое вызывает настоящую зависимость.

Дженнифер Моррисон

КЭМЕРОН

ДЖЕННИФЕР МОРРИСОН

Эллисон Кэмерон – одна из маленьких загадок доктора Хауса. В пилотной серии озабоченная неуважением с его стороны Кэмерон спрашивает своего начальника, почему она получила эту работу. И тут подтверждаются ее худшие страхи: ее наняли благодаря яркой внешности. Хаус признает, что она – хороший кандидат. Но ему любопытно, почему она предпочитает работать, а не выходит замуж за богатого человека. «Роскошные женщины, вроде тебя, не поступают в медицинские институты, – говорит Хаус. – Разве что они безумны настолько же, насколько красивы. Тебя не домогался кто-нибудь из родственников?»

Откровенность Хауса не обескураживает Кэмерон, но она все еще слишком ранима. В серии «Материнство» в начале первого сезона ей очень трудно объяснить родителям, насколько болен их ребенок. Потом же она никак не может сообщить им, что ребенок умер. «Легче умереть, чем наблюдать, как умирает кто-то другой», – говорит она так, словно все знает. Хаус думает, что ее реакция может быть связана с тем, что она сама потеряла ребенка, и спрашивает ее об этом. «Ты настоящий ублюдок», – говорит она. [Порывшись в медицинских записях Кэмерон, Хаус исключает свое предположение («Верность»).]

> «Ужасные потери заставили Кэмерон посвятить свою жизнь чему-то значительному. Хотя порой ее этическая борьба может показаться чрезмерной, для Кэмерон это совершенно нормально. Если она «поступает правильно», пусть даже дорогой для себя ценой, то тем самым реализует свою жизненную цель».
>
> – Дженнифер Моррисон

Несмотря на неприятное отношение, Кэмерон готова усомниться в наркомании Хауса. Она говорит Форману, что Хаус не наркоман, а просто страдает от боли. Кэмерон влюбилась в Хауса – и всерьез. У Хауса были две возможности завязать с ней роман, но он упустил обе. Сначала он пригласил ее на ралли грузовиков («Спортивная медицина»), что нельзя считать настоящим свиданием. Хаус откровенно озадачен интересом к нему со стороны Кэмерон. В серии «Образец для подражания» он спрашивает, почему нравится ей. «Я не теплый и не пушистый, а ты – настоящая бабушкина мягкая игрушка», – говорит он. Кэмерон из чувства самосохранения решает уйти из больницы, но потом возвращается и приглашает Хауса на ужин. «И это будет не обычный ужин двух коллег, – говорит она, – а настоящее свидание» («Детки»).

«Кэмерон очаровывает талант, а Хаус – блестящий диагност. Хотя он саркастичен, а порой почти неприятен, его талант и желание спасти жизнь перевешивают все остальное».

– Дженнифер Моррисон

Хаус одевается специально для свидания (он надевает галстук!), покупает букет, выслушивает советы опытного Уилсона. В ресторане Кэмерон говорит Хаусу, что он ей нравится, потому что она нравится ему. Если он наконец-то начнет быть милым, это будет означать, что он признает собственные чувства. Кэмерон говорит, что у нее всего один шанс: она хочет знать, как Хаус относится к ней. И в этот момент Хаус забывает все наставления Уилсона. Вместо того чтобы завязать романтические отношения, он начинает разгадывать загадку. По его словам, Кэмерон кажется, что она может исправить все, что угодно: вот почему она вышла замуж за мужчину, который умирал от рака, а сейчас занимается благотворительностью. Он напоминает ей, что вдвое ее старше, не слишком красив. Его трудно назвать очаровательным и милым. «Я – именно то, что тебе нужно, – говорит Хаус. – Я – неполноценный» («Любовь зла»).

«У Хауса с Кэмерон никогда ничего не вышло бы, потому что если бы мы все были влюблены и счастливы, то сериала попросту не было бы».

– Дженнифер Моррисон

Вскоре в больнице появляется Стейси. Когда они обсуждают свое отношение к Хаусу, становится ясно, что Кэмерон отступила. В «Медовом месяце» она говорит Хаусу: «Я думала, что ты слишком упертый, чтобы любить кого-либо. Я ошибалась. Ты просто не можешь любить меня. Это хорошо. Я рада за тебя».

Попросите Дэвида Шора описать Эллисон Кэмерон одним словом, и он скажет «человечная». Кэмерон – это антипод Хауса, позитив к его негативу. Она постоянно проявляет сочувствие и заботу по отношению к пациентам (для Хауса слово «забота» звучит как оскорбление). В серии «Один день, одна комната» Кэмерон сидит с одиноким и несчастным бездомным. Когда он умирает, терзаясь мыслями о бессмысленности собственной жизни, она обмывает его тело. А Хаус, который, несомненно, полностью согласен с тем, что жизнь этого человека не имела смысла, всячески

старается уклониться от разговора с жертвой изнасилования. Для Хауса важна медицинская загадка; Кэмерон любит людей.

Вот несколько примеров чуткости и доброты Кэмерон, которые составляют суть ее характера: она сердечно поздравляет Хауса с днем рождения («Метод Сократа»); хочет знать, почему Чейз не разговаривает с отцом («Проклятый»), и пытается организовать встречу Хауса с его родителями («Папенькин сынок»). Ее моральный компас настроен идеально. Когда Фоглер выходит на тропу войны и требует, чтобы Хаус кого-то уволил, Кэмерон предлагает вместо этого сократить всем зарплату («Бремя»). Когда она узнает, что профессиональный велосипедист Джефф принимал допинг, то звонит в газету, чтобы положить этому конец («Крутой поворот»). В серии «Внешность обманчива» Кэмерон против воли Хауса рассказывает Кадди о том, что отец 15-летней модели спал с собственной дочерью. Кэмерон всегда поступает правильно. Она изо всех сил старается опровергнуть ярлыки Хауса. Когда Хаус замечает, что между Кэмерон и Себастьяном начинается роман («Туберкулез или не туберкулез?»), он считает, что в нем девушку привлекает в первую очередь готовность доктора умереть ради своего дела. Но вскоре она обращает внимание на Чейза, и с Хаусом они остаются только друзьями. Удивительно, что Кэмерон может быть настолько откровенной. В «Крутом повороте» она говорит Уилсону, что, когда ее муж умирал в больнице, она влюбилась в его лучшего друга, хотя и не спала с ним.

Постепенно Кэмерон становится все более жесткой. В «Охоте» больной СПИДом Кэлвин плюет на Кэмерон кровью и ожидает, что та разозлится, но Кэмерон держит себя в руках. В серии «Эйфория» Форман уколол Кэмерон инфицированной иглой, она согласилась выполнить его просьбу, но не сразу приняла его извинения. «Сначала ты должен почувствовать себя лучше. А потом, если ты все еще захочешь извиниться, я буду поблизости». В серии «Чему быть, того не миновать» Кэмерон вводит болезненно тучному пациенту наркотик, чтобы тот не уходил из больницы, прежде чем ему не будет проведено лечение. Детектив Триттер спрашивает Кэмерон, почему та оправдывает Хауса («В поисках Иуды»). Она изменилась, говорит Триттер. И мы действительно видим, что это так. Десять лет назад она сама проявила нетерпимость на экзамене по математике, а теперь упрекает Уилсона за то, что тот предает Хауса.

> «За шесть лет, проведенных в Принстон-Плейнсборо, Кэмерон изменилась, стала более зрелой. Думаю, невозможно работать рядом с человеком, похожим на Хауса, и не поддаться влиянию его решений и методов достижения своих целей».
>
> – Дженнифер Моррисон

В День святого Валентина Кэмерон делает предложение Чейзу. Тот отвечает: «А что, если я обижусь?» — «Значит, ты не тот мужчина, который мне нужен», — говорит Кэмерон («Бесчувственность»). Вначале это типично Хаусово поведение. Чейз нарушает правила. Он просит больше, и Кэмерон бросает его. «Это было забавно. Но это все. Все кончено» («В воздухе»). Кэмерон вполне комфортно себя чувствует рядом с Хаусом. Когда ей кажется, что он собирается покинуть больницу Принстон-Плейнсборо («Недоумок»), она начинает составлять резюме — Кэмерон волнуется, удастся ли ей сохранить работу. В конце третьего сезона команда распадается, и Кэмерон уходит. Она говорит Форману, Чейзу и Хаусу, что будет скучать по ним, но не пропадет. С ней все будет в порядке.

Вернувшись в Принстон-Плейнсборо, чтобы возглавить отделение скорой помощи, Кэмерон предстает перед нами совсем другой — и дело не только в светлых волосах. Она обручена с Чейзом и рада работать подальше от Хауса. Хаус упрекает ее за то, что она согласилась на менее ответственную работу. «Она меня вполне устраивает, — отвечает Кэмерон. — И не вмешивайся в мои дела». В серии «Воплощая мечты» Кэмерон явно превосходит Хауса, когда тот спрашивает ее, не хочет ли она вернуться и снова работать с ним.

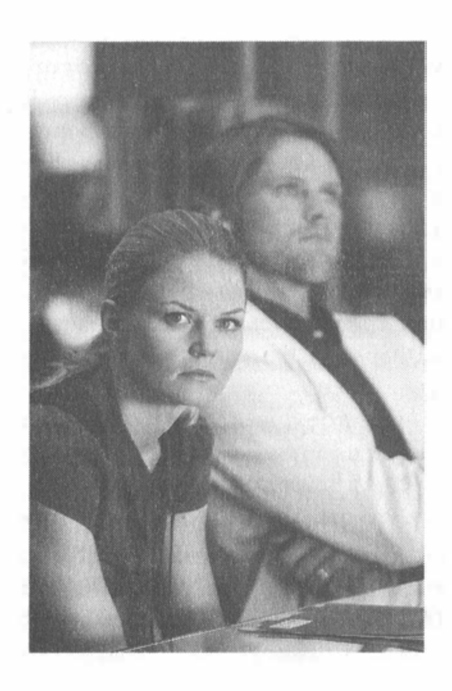
Кэмерон: «Я скучаю по работе. Я скучаю по роли частного детектива. Я скучаю по головоломкам».

Хаус: «Я серьезно. Я могу уволить Тринадцатую. Или Катнера, если Тринадцатая тебе нравится».

Кэмерон: «По тебе я не скучаю».

Кэмерон повзрослела настолько, что, когда Кадди уходит домой, потому что ей нужно побыть с ребенком, заменить ее она просит именно Кэмерон («Без боли»). Большая часть работы Кадди (пожалуй, половина) заключается в препирательствах с Хаусом. Хаус сразу же пытается манипулировать ею. Кэмерон это не по душе: она уже с ним наигралась.

Кэмерон нелегко приходится с Чейзом. Чейз жалуется на то, что она выгоняет его по утрам, что у него нет собственного ящика в шкафу, что в ее квартире он чувствует себя гостем. «Я не могу гоняться за тобой вечно», — говорит он ей («Зуд»). Когда же она находит кольцо («Спасители»), то сначала не хочет, чтобы Чейз делал ей предложение, думая, что его решение — всего лишь реакция на смерть Катнера. Даже решив выйти замуж за Чейза, она хочет получить его сперму на случай, если они расстанутся. Такая договоренность была у нее с первым мужем («Под моей кожей»). Кэмерон говорит

Кэмерон и Чейз поженились

Чейзу, что у нее есть сомнения. Было бы наивно их не иметь (у Чейза никаких сомнений нет). В серии «Обе половинки вместе» Хаус предлагает Кэмерон уничтожить сперму ее мужа, и Кэмерон говорит Чейзу, что собирается это сделать. Чейз соглашается, и сомнения исчезают.

Конечно, счастье Чейза и Кэмерон недолговечно. После смерти Дибалы Кэмерон понимает, что что-то идет не так. Ей кажется, что у Чейза роман на стороне. Она должна об этом знать. «Я люблю тебя, несмотря ни на что», — говорит она в серии «Известные неизвестные». «Дибала, — отвечает Чейз. — Я убил его». Кэмерон может простить Чейза, но он убивает ее любовь так же безоговорочно, как и Дибалу. Когда Чейз решает остаться, Кэмерон приходится уйти. Она говорит Хаусу, что он был прав в диагнозе ее чувств к нему: «Я была идиоткой. Я пыталась быть, как ты, пыталась понять тебя, чтобы исцелить тебя».

> **Кэмерон:** «Я любила тебя. И я любила Чейза. Мне жаль вас обоих. Мне жаль, кем вы стали, потому что ни у одного из вас нет пути назад».

Кэмерон протягивает Хаусу руку, но он не пожимает ее — напоминание о том, что произошло в первый раз, когда она уходила из Принстон-Плейнсборо. Она целует его и уходит. Свой кризис Хаус связывает с браком Чейза и Кэмерон. Он собирается собрать новую команду. Возвращаются Тауб, Тринадцатая и Чейз. О Кэмерон Хаус говорит Уилсону так: «Она порвала с Чейзом и ушла из больницы. Вот так. Трое из четырех — это не так уж и плохо».

Выбирая, от какого врача отказаться, Хаус вряд ли выбрал бы Кэмерон. В начале сериала он хотел понять ее слабую сторону. В конце (если это конец) он понимает, что слабость — то самое качество, которое придает этой девушке силы.

ВНЕШНОСТЬ КЭМЕРОН

Вопрос: «Внешность Кэмерон: жилеты, яркие цвета…»

Кэти Крэнделл: «У нас был сюжет для Кэмерон. Она молода и зарабатывает немного, поэтому мы выбрали ей не самую дорогую одежду. Когда она получила работу в «Скорой помощи», мы стали ее одевать дороже, потому что она возглавила отделение».

Вопрос: «Поэтому ее одежда стала лучше?»

Крэнделл: «Мы попытались рассказать ее историю. Стиль одежды не изменился. Она по-прежнему носит блузки с пышными руками, жилеты и брюки».

ДЖЕННИФЕР МОРРИСОН О… ХАУСЕ

Вопрос: «Как вы думаете, что Кэмерон привлекает в Хаусе?»

«Кэмерон увлечена работой. В глазах Хауса, за его внешней суровостью, она видит уязвимость и сочувствие. Сколько бы она ни боролась с собой, ее всегда будет тянуть к нему».

Вопрос: «Кэмерон несколько раз бросает работу. Насколько тяжело ей это дается?»

«Когда привыкаешь лечить самые редкие болезни и спасать самых безнадежных больных, то и сама работа, и мужчина, который ее выполняет, одинаково соблазнительны».

Вопрос: «Я спрашивал Хью Лори, Роберта Шона Леонарда и Лизу Эделстайн, останутся ли их персонажи друзьями и через двадцать лет. Будет ли Кэмерон разыскивать Хауса, если в 2030 году окажется с ним в одном городе?»

«Не думаю, что она будет разыскивать его, если в 2030 году они окажутся в одном городе. Думаю, что это он будет разыскивать ее, прежде чем она узнает, что он в городе. Несмотря на сильное романтическое влечение, между ними существует и сильная патерна-

листская связь. В некотором смысле члены команды – это дети Хауса. Думаю, что эти отношения и неутолимое любопытство заставят Хауса искать ее».

ДЖЕННИФЕР МОРРИСОН О... КЭМЕРОН

Вопрос: «Не слишком ли Кэмерон озабочена тем, чтобы быть хорошим человеком?»

«Кэмерон становится самой собой, когда стремится быть хорошим человеком. Мы с Дэвидом Шором не раз обсуждали, как утраты повлияли на ее характер... У реальной женщины, с которой Дэвид списывал Кэмерон, в детстве при пожаре погибли трое братьев и сестра. Ее муж умер от рака в первый год совместной жизни. Я всегда считала, что это самая важная часть прошлого Кэмерон».

Вопрос: «Кэмерон становится очень жесткой после того, как Форман отрицает их дружбу. Она не принимает его извинений. Кэмерон никогда не была легкодоступной. Вам интересно играть такой сложный характер?»

«Мне всегда нравилась непредсказуемость Кэмерон. В реальной жизни люди вообще непредсказуемы. Иногда мы совершаем поступки, которые вроде бы не сочетаются с нашим характером и удивляют окружающих. Дэвид Шор проделал огромную работу, наделив всех персонажей элементом непредсказуемости. Мне очень нравится играть в сериале женщину, которая взрослеет и меняется, которая обладает неожиданным и сложным характером. Это интересно и сложно. Я чувствую, что расту в профессиональном плане».

Вопрос: «Как вы думаете, сильно изменилась Кэмерон за это время?»

«Кэмерон умеет сострадать. У нее высокие этические ценности. Проводя время рядом с Хаусом, она учится обходить правила, чтобы помогать людям. Но при этом она всегда отстаивает те принципы, в которые верит. Кроме этого, она привыкает к сарказму Хауса и его жесткому способу общения с окружающими, Она становится более, как бы это сказать, «толстокожей». В конце сериала она учится видеть всю картину в целом».

Вопрос: «Боббин Бергстром говорила мне, что кто-то подошел к вам на улице и сказал: «Вы – та самая актриса, которая в «Докторе

Хаусе» играет медсестру? Вы это помните? А как вы сами воспринимаете врачей?»

«Я считаю, что работа медсестер – одна из самых бескорыстных и благородных на земле. Я испытываю глубочайшее уважение к медсестрам. Речь не о том, что кто-то считает, что я играю медсестру. Просто некоторые люди считают, что женщины – не врачи. Я ношу белый халат, пользуюсь теми же медицинскими терминами и выполняю те же медицинские процедуры, что и Джесси Спенсер. Иногда люди подходят к нам, когда мы вместе, и говорят ему: «Вы – тот самый врач из «Доктора Хауса», а мне: «А вы играете медсестру в этом сериале». Прошло не так много времени с того момента, когда на работе к женщинам стали относиться так же, как и к мужчинам. Медленно, но верно мы движемся к настоящему равноправию».

Вопрос: «Легко ли вам было привыкнуть к медицинским терминам?»

«Медицинская терминология – вещь очень сложная. Она никогда не будет простой, если не пользоваться этими словами постоянно».

Вопрос: «Как вы узнали о роли Кэмерон?»

«Мне просто прислали сценарий – как любой другой пилотной серии. Сценарий назывался «Проект Дэвида Шора и Пола Аттанасио без названия». Я даже не представляла, что мне достанется эта роль. В то время мне было двадцать четыре года, а в сценарии говорилось о женщине, которой тридцать два года. В сериале был эпизод, когда Кэмерон составляла свое резюме, и в нем говорилось, что она окончила медицинский институт в том же году, когда я окончила среднюю школу. Думаю, это волшебство телевидения...»

Вопрос: «Теперь вы вошли в историю кино как мать капитана Керка. Что вы чувствуете?»

«Не думаю, что осознаю это, но это здорово. Мне крупно повезло участвовать в этом фильме. Весь съемочный процесс был очень интересным».

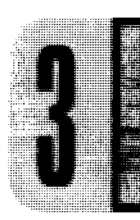
Вопрос: «Вы снялись в «Воине» – это сильно отличалось от съемок в «Докторе Хаусе»?»

«Да, «Воин» был совсем не похож на «Хауса». Я играла жену боксера. Мне очень нравится делать что-то новое. Мне крупно повезло, что каждый год удается сниматься и в кино тоже.

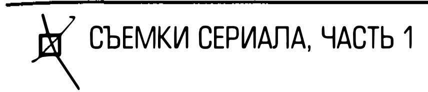
Это дает мне возможность повышать актерское мастерство. Чем больше я работаю вне «Доктора Хауса», тем больше привношу в характер Кэмерон и в сериал. «Воин» и «Звездный путь» помогли мне открыть в себе такие черты, которые мне раньше никогда не доводилось показывать на экране. Совершенно особой для меня стала роль Кейт Келлер в мюзикле «Сотворившая чудо» на Бродвее. Я мечтала о Бродвее с пяти лет. И моя мечта наконец сбылась».

Вопрос: «Вы любимица поклонников самого популярного телевизионного сериала в мире. Гордитесь ли вы этим?»

«Это честь, о которой я не могла и мечтать! Стать любимицей поклонников самого популярного сериала в мире! На протяжении шести лет у меня была самая удивительная работа – и все благодаря поклонникам. Благодаря им я и сейчас могу делать то, что мне нравится. Я очень горжусь этим, но в то же время я очень благодарна этим людям. Поддержка поклонников очень важна для меня и для моей героини. Это настоящий подарок! Поддержка поклонников согревает мне душу и вселяет надежду на то, что я доставляю радость другим людям. Мне бы хотелось самой обнять и поблагодарить каждого своего поклонника».

НЕДЕЛИ ПО ВОСЕМЬ ДНЕЙ

Вопрос: ««Случались ли сбои при передаче серии каналу для трансляции?»
Геррит ван Дер Меер: «Каждый раз».

Кэти Джейкобс стоит в своем кабинете, размахивая желтым листком бумаги. Это служебная записка с канала FOX. По этому каналу показывают сериал «Доктор Хаус», сценаристом и исполнительным продюсером которого Кэти является. Руководство канала долго раздумывало над тем, как модернизировать «Хауса» для следующего сезона. Перед началом сезона они отправили продюсерам сериала эту служебную записку с подробным расписанием.

«Все определяется датой эфира, — говорит Джейкобс. — То есть тем, когда руководство хочет выпустить нас в эфир. Дата эфира — главное для всех. Иногда получаешь повтор, но даты не меняются. От этого и приходится танцевать. Приходится судорожно доделывать то, что еще не готово, но это и хорошо».

Вот уже на протяжении шести лет (одна забастовка сценаристов не в счет) с неизменной регулярностью команда «Доктора Хауса» готовит серии, которые выходят в эфир 22—24 раза за сезон. Всего сделано 132 серии. Успевать вовремя труд-

но, но выпускать гениальные серии еще труднее. Эта коллективная ответственность лежит на плечах более чем 150 человек, которые, как и Кэти Джейкобс, работают на канале FOX в Сенчури-Сити в Лос-Анджелесе. Кроме них, на сериал работают многие за пределами Лос-Анджелеса. Создатель идеи и руководитель проекта Дэвид Шор почти всегда на работе, равно как и главный режиссер Грег Яйтанис и настоящий врач, который работает в сериале, Дэвид Фостер. Все сценаристы, продюсеры, руководители отделов (декораций, грима, визуальных эффектов, реквизита, кастинга, рекламы), помощники режиссеров, операторы, монтажеры, реквизиторы, декораторы, звукооператоры, осветители и личные секретари заполняют множество офисов и четыре огромные съемочные площадки. «Доктору Хаусу» отведено множество помещений, что говорит о несомненном успехе сериала.

Задача всех — успеть к назначенному сроку, измениться который не может. Медицинских бюллетеней на канале не принимают, даже от самого доктора Хауса. Серии снимаются одна за другой. Съемки осеннего сезона начинаются летом. Сериал снимается ритмично, эпизод за эпизодом. Каждая серия включает в себя восемь-девять сцен, съемки каждой из которых занимают целый день. У каждого съемочного дня свой причудливый распорядок. Долгие часы подготовки сменяются интенсивным съемочным процессом, который может идти до шестнадцати часов в сутки. Давайте же поговорим, как снимаются серии «Доктора Хауса».

Съемка каждого эпизода обычно занимает восемь дней. В последний день часто происходит наложение, когда одна команда заканчивает свой эпизод, а другая начинает съемки своего. Девятый день уходит на всякие неожиданности. Но если съемки каждого эпизода не будут укладываться в девять дней, то весь график будет нарушен и снять нужное количество серий за заданное время просто не удастся. Пока снимается один эпизод (А), для следующего (Б) готовят декорации и реквизит. Когда съемки эпизода А завершаются, отснятый материал отправляют на монтаж. Главный режиссер сериала Грег Яйтанис стоит за камерой каждой второй серии. Один из его помощников в это время занимается подготовкой съемок следующего эпизода. То же самое происходит и в службе декораций и реквизита.

Остальные участники процесса работают по иным личным расписаниям. По правилам, установленным гильдией, на съемки эпизода у режиссера должно уходить не более пятнадцати дней. Когда режиссер не снимает, он занимается подготовительной работой вместе со своим помощником. Над «Доктором Хаусом» работает трое монтажеров, каждый из которых отвечает за восемь эпизодов полного сезона, состоящего из 24 серий. Долгосрочные проекты не укладываются в цикл из восьми-девяти дней. Проектирование и строительство новой декорации (например, квартиры, в которую в шестом сезоне переехали Хаус и Уилсон) занимает немало времени, хотя и не так много, как вам может показаться.

На площадке ничего не происходит без сценария. Точнее было бы сказать, почти ничего, потому что далеко не всегда сценарий появляется первым. Подбор актеров, проектирование и строительство декораций могут начаться еще до того, как сценаристы напишут текст ролей, исполнители которых уже подобраны, или расскажут о действиях в декорациях, которые вовсю строятся. Сценарист может в одиночку работать над сценарием за два месяца до начала активного редактирования и пересмотра. Еще раньше сценаристы и продюсеры обсуждают и утверждают схему сюжета, которую предстоит реализовывать в половине серий предстоящего сезона. Сценарий возвращается к Дэвиду Шору для окончательного редактирования и утверждения, а затем его передают руководителям отделов. Обычно приблизительное представление о том, что нужно готовить к следующему эпизоду, складывается, когда сотрудники получают сценарий. Сценарий серии Б съемочная группа получает в день начала съемок серии А, а это означает, что на подготовку есть около недели, а затем съемки начнутся снова.

Руководители отделов — например, главный костюмер Кэти Кренделл и реквизиторы Тайлер Паттон и Майк Кейси — изучают сценарий под микроскопом, чтобы понять, что необходимо для данного эпизода. Кэти должна определить, как будут выглядеть новые персонажи, и подобрать достаточное количество костюмов в зависимости от количества дней, описанных в конкретном эпизоде. Все, что актеры держат в руках, — это реквизит, за который отвечают Тайлер и Майк. Им нужно собрать все воедино. Часто в сценарии нет детальных описаний персонажей и мест действия.

Режиссер проводит совещание с главами отделов, на котором обсуждается концепция серии. Во время этого совещания фиксируется и утверждается все то, о чем в сценарии напрямую не говорится. На этом этапе многое зависит от режиссерского видения предстоящего эпизода. В течение всего этого времени сценарий может меняться. Различные варианты — режиссерский, производственный, актерский — рассматриваются вплоть до окончательного утверждения съемочного варианта. Производственный вариант обычно учитывает все, о чем говорилось на совещании с главами отделов. На финальном производственном совещании обязанности отделов утверждаются окончательно.

Специалист по рекламе Джеффри Коло руководит процессом «очистки». Сценарий поступает в специальную компанию, которая выявляет все сложные места: названия, которые могут вызвать проблемы, все то, на использование чего требуется получить разрешение. Копия отчета компании направляется в юридическую службу студии Universal, а также в службу по соблюдению стандартов вещания. В связи с существованием определенных стандартов приходится учитывать замечания вроде: «В сцене с порнографией не должно быть обнаженной натуры», «Это лучше сказать по-другому». «В отчете всегда присутствует сакраментальная фраза, — говорит Геррит ван Дер Меер. — Пожалуйста, сделайте это с присущим вам вкусом». Юридическая служба порой просит изменить имена. Существует ряд законов, которые защищают известных людей даже в художественных фильмах и сериалах. Упоминать их имена можно лишь в том случае, если подобное упоминание не будет унижать человеческое достоинство или представлять человека в ложном свете. Над сериалом работает также консультант-фармацевт, который утверждает список использованных в сценарии медицинских препаратов.

Иногда в сценарии оказывается нечто такое, что никак не соответствует стандартам вещания. В серии «Вскрытие» девятилетняя девочка просит Чейза поцеловать ее. Она думает, что умирает, и это для нее единственный шанс. «Я прочла этот сценарий и подумала: «Ну все, нашему сериалу конец», — говорит Марси Каплан. — Дэвид Шор просто оставил эту сцену, и поступил совершенно правильно».

Точно то же самое происходит во всех других отделах. После подробного изучения сценария руководитель отде-

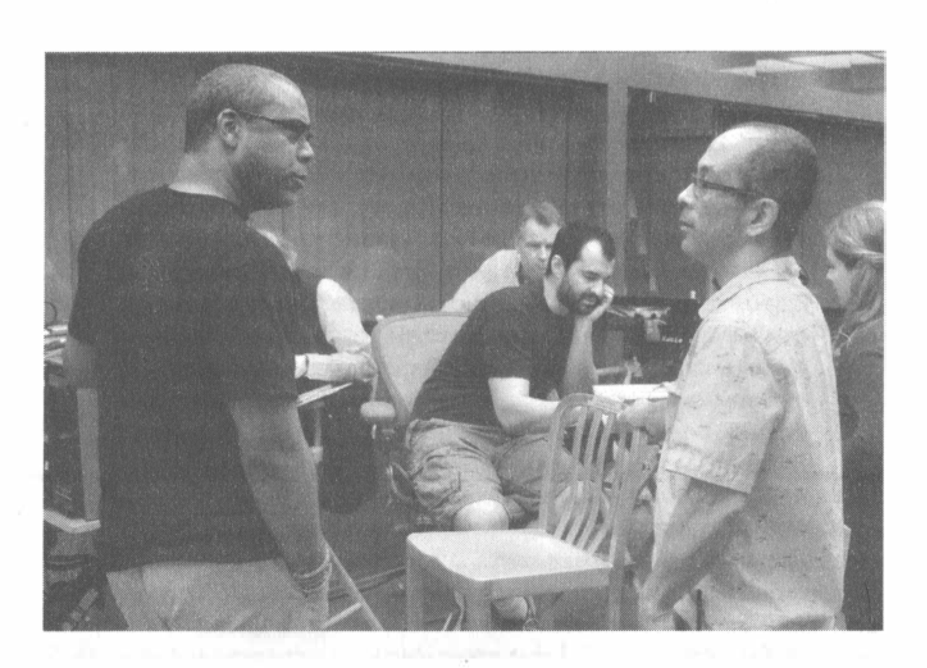
ла спецэффектов и грима Далия Доктер точно знает, какие протезы ей потребуются и в каких лабораториях их можно найти. Тайлер Паттон и Майк Кейси проводят собственное совещание через пару дней после финального обсуждения концепции с коллегами: медицинскими консультантами, костюмерами, видеоинженерами, сотрудниками, отвечающими за визуальные эффекты и т.п. После этого Тайлер и Майк определяют объем необходимого снаряжения. Если в сценарии говорится «сумка», они должны точно знать, что это за сумка и какого цвета. Если в сценарии говорится «сэндвич», они точно знают, будет ли актер есть его по-настоящему, и если да, то каковы его требования. Если кто-то упоминает дефибриллятор, то реквизиторы должны иметь работающий экземпляр на случай необходимости.

К моменту начала съемок сценарий уже разбит на части. Порядок, в каком снимаются сцены, определен расписанием съемок. В этом расписании говорится, какие отделы и в какой день будут заняты. Каждая сцена описана парой предложений, чтобы все знали, что и когда происходило до начала съемок данной конкретной сцены. Та сцена, которая снимается в определенный день, расписана буквально по минутам и по строчкам. В кабинете Тайлера и Майка есть доска, на которой приколоты списки того, что потребуется в каждый конкретный день. Личные предметы главных персонажей в список не включаются. Очки для чтения, темные очки, часы, мобильные телефоны, трости Хауса — все это доступно в любой момент времени.

«Мы все записываем: Роберт Шон Леонард – левша, и об этом нужно помнить. Ему нужны большие перчатки – хирургические перчатки восьмого размера. Он носит собственные часы. Если он их забудет, у нас всегда есть точно такие же».

– Тайлер Паттон

В «Докторе Хаусе» работают два первых помощника режиссера. Когда Роберт Скотт работает на площадке во время съемок, Кевин Уильямс готовит следующий эпизод. Когда съемки завершены, они меняются ролями. Кевин очень плотно сотрудничает со своим режиссером, то есть режиссером того эпизода, который он готовит. Сейчас он работает с Лесли Глаттер. Лесли приходит в кабинет Кевина сообщить, что она завершила подбор актеров на текущий день. Она говорит, что нашла исполнителя ключевой роли данного эпизода. Актер чуть моло-

Два первых помощника режиссера: Кевин Уильямс (слева) и Роберт Скотт

же, чем планировалось, но в остальном подходит идеально. Кевин же сообщает ей, что отдел натурных съемок подобрал несколько домов, которые нужно посмотреть завтра.

Чтобы составить съемочное расписание, Кевин разбивает сценарий на отдельные сцены и определяет оптимальный порядок съемок, с тем чтобы за съемочный день успеть снять около шести страниц сценария. Это очень сложная задача, настоящая головоломка. Кевин пользуется компьютерной программой компании Entertainment Partners «Movie Magic». Кевин добавляет важную информацию для каждой сцены: кто из главных героев в ней занят, какие использованы декорации, какие камеры и какие спецэффекты будут задействованы, какой нужен реквизит, костюмы и грим. Короче говоря, он должен предусмотреть абсолютно все.

В определении порядка съемок Кевин руководствуется рядом критериев, которые должны быть уравновешены. Если действие происходит на улице в дневное время, то такую сцену лучше снимать в начале недели. Время прибытия

сотрудников и актеров на площадку, которое определяется правилами, установленными профсоюзами, с каждым съемочным днем становится все позже и позже. Если снимать ночные сцены в начале недели, то после этого сотрудники и актеры будут приходить на площадку слишком поздно. Если нужно строить декорации, то такие сцены следует перенести в конец недели, чтобы было больше времени на строительство. Нужно думать об экономии времени, поэтому не следует заставлять персонал перетаскивать все оборудование из одной палаты в другую после каждой сцены. Все это приходится учитывать заранее. С другой стороны, беспорядочные съемки раздражают актеров, которые предпочли бы сниматься в порядке, определенном сценарием, чтобы лучше подготовиться к съемочному процессу. Составляя расписание на неделю, помощник режиссера должен проявлять чудеса изобретательности, чтобы все были довольны.

««У меня самая лучшая работа в шоу-бизнесе», — говорит Кевин Уильямс.

Он красит декорации и переставляет мебель. До переезда в Лос-Анджелес Кевин десять лет работал в Майами. Когда в городе, где он работал, начали снимать сериал «Полиция Майами: отдел нравов», Кевин стал работать помощником Филипа Майкла Томаса. Он выполнял абсолютно все и всем показывал свое резюме. К четвертому сезону он стал полноправным помощником режиссера и проработал 600 съемочных дней, что по правилам гильдии режиссеров дает право занимать должность второго помощника. После Майами Кевин работал в разных городах. В Лос-Анджелесе он был вторым помощником режиссера в «Секретных материалах» («Настоящий цирк!») и «Семи днях» на студии UPN, а затем Геррит ван Дер Меер пригласил его в команду, снимавшую «Скрещивание Гидеона». Когда Геррит позвонил ему снова, Кевин работал в «Расследовании Джордан». «Доктор Хаус» был настоящим хитом. «Разве я мог отказаться?» — говорит Кевин.

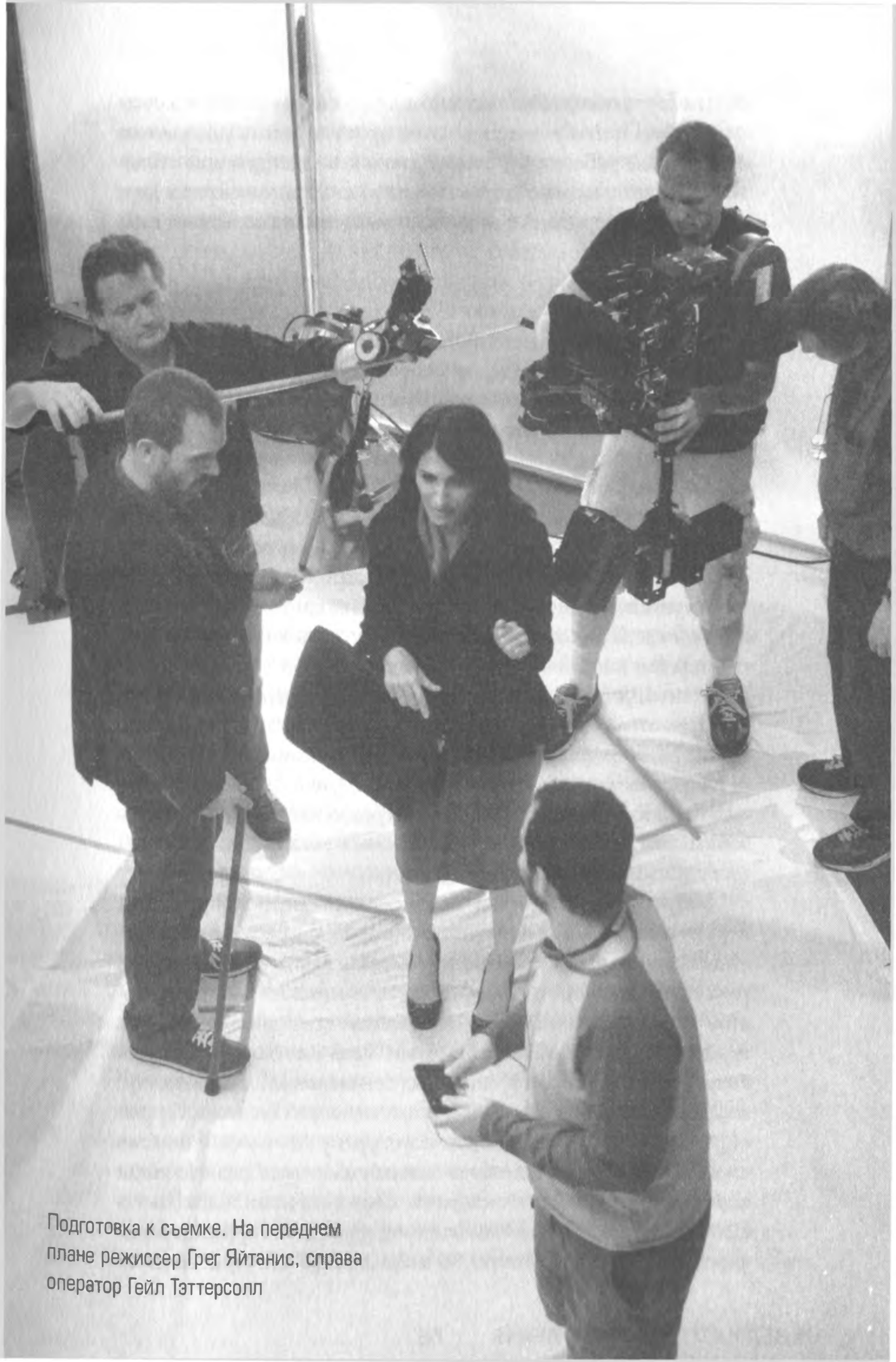
В этом процессе все направлено на то, чтобы режиссер как можно лучше сумел реализовать свое видение каждой сцены, описанной в сценарии. Режиссер определяет, какой «объем» ему нужен, то есть сколько раз нужно снять каждую сцену, с тем чтобы камеры каждый раз были направлены на разных актеров. Для легких, веселых сцен бывает до-

статочно двух дублей. Сложные, напряженные сцены требуют большего количества. Порой их чередуют с более легкими сценами, чтобы осталось больше времени на основную часть серии. Сцены с участием каскадеров вносят собственную динамику. Координаторы пристально следят за каждой дракой. У режиссеров есть собственные предпочтения. «Некоторым режиссерам нравится снимать массу сложного материала за один день. Другие же предпочитают отводить на каждую непростую сцену целый день», — говорит Кевин.

Чем больше помощник работает с режиссером, тем лучше он узнает его стиль. Чем дольше режиссер работает с конкретным актерским коллективом и съемочной группой, тем комфортнее себя чувствует. Благодаря этому сокращается объем материала, направляемого в монтажную (то есть количество дублей). В такой ситуации режиссер более точно представляет, что он снял. Решение принимается на этапе планирования, когда режиссер просматривает сцену и говорит: «Я хочу этот кадр и вот этот» — и так далее. Поработав с режиссером несколько раз, Кевин Уильямс может почти точно предсказать, как тот будет снимать каждую сцену, чтобы добиться желаемого эффекта.

Когда количество и характер дублей определены, Кевин должен связаться со всеми членами съемочной группы, чтобы удостовериться в том, что пожелания режиссера выполнимы, а необходимое оборудование будет доступно в конкретный день. Например, для съемок героев, идущих по коридору и разговаривающих друг с другом, режиссеру может понадобиться снабженная противовесом камера Steadicam, которая обеспечивает плавность съемки, даже когда оператор пятится назад. Помощник режиссера должен сообщить операторам о том, что в данный день группе необходима такая камера, а снимающий оператор должен быть готов к репетициям. Оператор, работающий на такой камере, получает больше, чем за обычную работу. И уж если ему нужно платить больше, то и занять его следует на целый день. Подобные расходы следует принимать во внимание.

Кевин старается поддерживать хорошие отношения со сценаристами. Если бы он мог предвидеть, что необычное они выдумают, то работа его была бы намного легче. Сложностей в его работе хватает. Например, сценаристы сделали героем очередной серии ребенка. Для Кевина это лишняя головная боль.

Подготовка к съемке. На переднем плане режиссер Грег Яйтанис, справа оператор Гейл Тэттерсолл

Дети могут работать на площадке лишь определенное количество часов. При этом всегда должен присутствовать учитель или социальный работник. Условия съемок младенцев еще тяжелее. Младенца можно снимать только двадцать минут из двух двухчасовых периодов в день. Если младенца показывают спящим, можно использовать обычную куклу. Если младенец только шевелит ручками и моргает, киношников выручают куклы аниматорные. Но тогда ею будут управлять два кукольника, что породит еще больше проблем. Работать с животными еще сложнее. На то, чтобы научить собаку делать то, что тебе нужно, уходят годы, а у Кевина всего восемь дней. Это он усвоил на печальном личном опыте.

....

Самый непредсказуемый момент любой серии — тизер, сцены, которые открывают каждую серию и в которых формулируется медицинская тайна. Тизеры часто снимаются не в больнице Принстон-Плейнсборо (то есть не на съемочных площадках канала FOX). Качество подобных сцен очень высоко: полицейская погоня по крышам в начале «Храброго сердца» столь же достоверна и хороша, как и аналогичные сцены любого фильма. Сценаристы пытаются заранее сообщать руководителям отделов, если задуман особенно амбициозный тизер. Некоторые идеи просто невозможно реализовать. На них не находится времени в расписании или стоимость съемок слишком высока.

Вопросы расписания и денег решают директор картины Геррит ван Дер Меер и продюсер Марси Каплан. Геррит и Марси делают все, что в их силах, чтобы реализовать замысел сценаристов — идет ли речь о том, чтобы построить на площадке модель антарктической исследовательской станции, опрокинуть городской автобус в Принстоне или Хамви на Ближнем Востоке или создать лагерь африканских беженцев. Но при этом они всегда стремятся уложиться в существующий бюджет. Геррит определяет, когда изматывать всю группу не имеет никакого смысла, и добавляет дополнительные съемочные дни. Но тогда возникают проблемы с актерами. Очень сложно планировать сдвоенные дни с двумя съемочными группами. Геррит должен удостовериться, что актеры не понадобятся одновременно на

обеих съемочных площадках. Иногда идеи приходится менять на ходу. В серии «Уилсон» в шестом сезоне Уилсон должен был выйти под парусом со своим другом Такером. Но из соображений экономии пришлось ограничиться более дешевым вариантом: охотой на диких индеек в лесу.

«Пришел Дэвид Фостер и сказал: «Я заменил прогулку под парусом на охоту. У вас, парни, не возникнет из-за этого проблем?» А мы ответили: «Нет, мы любим охоту. Это куда лучше парусного спорта».

– Майк Кейси

У сериала в целом есть два бюджета: амортизационный и структурный. Амортизационный бюджет – это капитальные затраты, не привязанные к конкретным сериям (например, крупные строительные проекты, которые осуществляются в перерывах между сезонами). Структурный бюджет – это сумма, запланированная на каждую конкретную серию, и доля амортизационного бюджета, на нее приходящаяся. Геррит и Марси отлично понимают, что если на третью серию запланировано потратить на двести тысяч долларов больше, чем заложено в бюджете, то восемнадцатая серия, о которой Дэвид Шор еще только задумывается, должна быть более скромной. Вы, ребята, можете делать все, что угодно, но в пределах разумного. «Моя задача, – говорит Марси о бюджетах серий, – в том, чтобы сделать все за минимальные деньги».

«Доктора Хауса» снимает канал NBC/Universal. До декабря 2009 года сериал подчинялся финансовым правилам тогдашнего учредителя канала, компании GE, одной из крупнейших в Америке. Периодически проводился финансовый аудит. Все, что создавалось и приобреталось в процессе съемок, все, на что тратились деньги, является активом, который должен быть предъявлен аудитору. В конце каждого сезона бухгалтерия составляет список активов по каждому отделу. Любой предмет необходимо при необходимости найти. А это означает, что ничего не выбрасывается. (В пределах разумного, конечно: декорации обычно бывают слишком велики, чтобы разбирать их и хранить.) Кроме того, иногда возникает необходимость вставок. Порой приходится переснимать отдельные сцены, если в период постпроизводства (то есть уже после съемок) возникают какие-то проблемы. Кроме того, безупречно должны выглядеть те сцены, в которых возвращаются старые персонажи или кто-то из геро-

ев по идее сценариста начинает вспоминать прошлое. Поэтому большинство использованного реквизита тщательно сохраняют. Тайлер Паттон и Майк Кейси хранят все, что может быть использовано в качестве реквизита. Большая часть этих предметов расположилась в горах прозрачных пластиковых коробок, сложенных в помещении за одной из съемочных площадок. Среди пластиковых манекенов, факсов и фальшивых порнофильмов есть коробки с надписями «Старинный душ» и «Пластиковые лягушки». В первом сезоне Хаус швырял в кого-то лягушкой, поэтому реквизиторы нашли несколько штук, чтобы было из чего выбирать (ни один предмет никогда не появляется на площадке в единственном экземпляре). Лягушек сохранили на всякий случай. «Нас проверяют аудиторы, а их списки составляются случайным образом», — говорит Майк. «Где старинный душ?», «Где лягушка за 2000 долларов?». Подход к телевидению не отличается от подхода к другим бизнесам компании GE.

«Мы не бросаем деньги на ветер, как пьяные матросы», — говорит личный помощник Джеймс Уоллес. Одна из задач производственного отдела — следить за расходами. В отделе хранятся списки всех активов и копии чеков на все покупки, сделанные во время производства сериала. Если захотите узнать, сколько было потрачено на съемку серии три года назад, спросите в производственном отделе. Но здесь и тратят деньги тоже. Координатор производства Мег Шейв следит за реализацией новой политики NBC, запрещающей использование пластиковых тарелок и стаканчиков с целью защиты окружающей среды. То есть теперь приходится заказывать одноразовую биоразлагаемую посуду. Следить приходится за всем — от копеечной вилки до многомиллионных декораций. «Снимать телевизионный сериал очень сложно, — говорит диспетчер Элизабет Джеймс Ри. — Это гигантский проект. В нем участвует множество людей, которые работают в разных отделах. Мы изо всех сил стараемся быть максимально эффективными».

«**Вопрос:** «Вы, ребята, должны удовлетворять любой запрос сценаристов?»

Джеймс Уоллес: «В серии «Голова Хауса» есть сцена, в которой Кадди танцует стриптиз перед Хаусом. Поэтому пришлось найти профессиональную стриптизершу для репетиций. Нам нужно было создать для нее иде-

альные условия, поэтому мы пошли и купили шест для стриптиза, такой, раздвигающийся. Он продавался вместе с замечательным диском, поясняющим принцип использования».

Элизабет Джеймс Ри: «Рабочие установили шест в одной из наших палат, и репетиции начались. Лизе нужно было практиковаться. Кроме того, в той серии была еще одна стриптизерша... [После съемок] рабочие позвонили и спросили: «Оставить шест в палате или можно убрать?»

Мег Шейв: «А что бы вы сделали на нашем месте? Ведь это актив, и его нужно где-то хранить».

Вопрос: «И где он сейчас?»

Мег: «В какой-то кладовке».

Помощник продюсера Дэн Форстман называет продюсерскую студию нервным центром сериала. Здесь знают все обо всем. Здесь хранятся все съемочные расписания и варианты сценариев, списки того, что и в какой сцене использовалось, а также того, что осталось после съемки. Здесь следят за тем, чтобы все отделы получали всю необходимую информацию, чтобы все были извещены о планируемых совещаниях, чтобы к совещаниям были готовы напитки и закуски, чтобы у всех были экземпляры сценария, съемочные расписания и информация о месте съемок. Всем, кто должен принимать участие в натурных съемках, необходимо знать, где и в какое время они должны быть. Кроме того, к началу съемок на натуре уже должно быть все, что потребуется группе.

Одна из задач Элизабет Джеймс Ри – организовывать переезды актеров. Она отвечает за своих подопечных, пока те не ступят на съемочную площадку, где перейдут в руки второго помощника режиссера, планирующего их расписание. Если на Восточном побережье в воскресенье плохая погода, а Хью Лори должен прилететь в Лос-Анджелес из Нью-Йорка на съемку в понедельник, Элизабет должна найти решение (когда такое случилось, она организовала для него переезд в Филадельфию, чтобы он мог вылететь оттуда).

Детектив Триттер – и так не слишком симпатичный персонаж. Исполняющий эту роль актер Дэвид Морс ухитрился сесть на самолет, который задержался на несколько часов (билеты были забронированы в последнюю минуту). Ему нужен был сценарий. Элизабет сумела организовать доставку сце-

нария в Солт-Лейк-Сити, где была промежуточная посадка. Посылку согласился передать пассажир, летевший на восток (передавать сценарии по электронной почте строжайше запрещено). Но Морс так и не прилетел в Юту, потому что самолет сел в Цинциннати, где он переночевал и вылетел следующим утром. На съемку он прибыл измученным и довольно потрепанным.

Для сегодняшней съемки Элизабет пригласила операторов электрогенератора и удостоверилась, что они вовремя прибудут на место. Откуда она узнала, что на съемках потребуется генератор? Во время осмотра места съемок, предусмотренного сценарием, осветители определили количество приборов, и выяснилось, что электроэнергии на месте недостаточно. В транспортном отделе, где есть рабочие, способные управлять генераторами, все оказались заняты. Из-за этого Элизабет пришлось обращаться к внешнему подрядчику. В таких случаях строчки сценария превращаются в строчки съемочного расписания, а те, в свою очередь, в новые рабочие места.

«Они сказали: «Нам нужно переснять сцену 21А из четвертой серии». Я хорошо помнил расписание, но не мог припомнить этой сцены, о чем и сказал. Но мне все-таки пришлось заглянуть в расписание. Я все просмотрел, но там не было сцены 21А. Это произошло потому, что во время съемок появились новые страницы сценария. Поэтому я сказал: «Ну хорошо, я посмотрю, что вы написали». Каждый этап изменений в сценарии обозначается своим цветом. Но и там не было сцены 21А. Тогда я отправился в производственный отдел и сказал: «Нам нужно переснять сцену 21А из четвертой серии, но я не могу ее найти». Все стали искать, но тоже не нашли. Я предложил позвонить сценаристам. Мы позвонили, а они сказали нам: «Да, да, мы ее еще не написали». — Майк Кейси.

Когда обстоятельства на съемочной площадке складываются неожиданным образом, все кидаются в производственный отдел. Говорит личный помощник Ли Перес Гонсалес: «Все, у кого возникают проблемы, сразу обращаются к нам. К нам идут из всех отделов. Даже если мы не можем ничего сделать, все равно все идут к нам». «Если у них барахлит принтер, — подхватывает Мег Шейв, — если у них нет кофе,

если им нужны бананы». Дэн Форстман добавляет: «И это лишь примеры из реального мира...»

Более сложные для решения проблемы достаются Герриту ван Дер Мееру и Марси Каплан. Именно это им и нужно. Их задача — видеть всю картину целиком. Они хотят знать, в чем заключается проблема, даже если кто-то уже работает над ее решением. Геррит и Марси знают, что проблемы, возникшие в одном отделе, обязательно повлияют на всех остальных. «Дайте мне возможность помочь, — говорит Марси. — Если вы чего-то не знаете, предоставьте решение мне».

«Они говорят, что не хотели сообщать нам, потому что это было связано с расходами, — вздыхает она. — Но то, что вчера стоило тысячу долларов, сегодня может обойтись нам в двадцать тысяч».

....

Эпизод, который вы смотрели в понедельник вечером, один из тех, что были перечислены на желтом листке бумаги Кэти Джейкобс, скорее всего, снимался от полутора до двух месяцев назад. Съемочный процесс — прекрасный пример закона, который гласит, что любая задача должна решаться в отведенное время. У Геррита и Марси, как у Тайлера и Майка, есть расписание, приколотое к стене. В этом расписании отмечены все ключевые моменты съемок. Синие точки означают представление сценария, зеленые — даты начала работы режиссеров. Даты съемок обозначены красным, а все желтое связано с периодом постпроизводства. На монтаж каждой серии отводится шестнадцать дней, десять дней выделяется на редактирование звуковой дорожки, сведение звука и видео и цветоделение. Серию должны увидеть продюсеры, руководство студии и руководство канала. Геррит признает, что многие даты являются произвольными: «На самом деле все занимает гораздо больше времени».

Монтажом «Доктора Хауса» занимаются Эми Флеминг, Дориан Харрис и Крис Брукшир. Они начинают работать над своей серией, как только получат текущий съемочный материал предыдущего дня. Обо всем, что происходит на этапе постпроизводства, мы поговорим в другой главе. Это сложное дело, которым занимаются в самую послед-

нюю очередь. Дата эфира определена жестко, все остальные даты могут колебаться в ту или иную сторону. Период же постпроизводства определен почти так же жестко, как дата эфира. «Съемки начинаются в июне, и мы идем с ними голова в голову. Главная задача — не позволить намного опередить нас. Мы постоянно стараемся их нагнать, — говорит Крис Брукшир. — Иногда расписание сжимается, а мы оказываемся последними, кто занимается сериалом. Поэтому в конце года нам приходится работать намного быстрее».

Когда визуальная часть серии утверждена окончательно, на нее накладывается музыка и звук. Из отдела постпроизводства серия поступает на канал в виде пленки высокого разрешения. Затем канал транслирует ее на студии по всей стране. Когда канал FOX перенес показ «Доктора Хауса» со вторника на понедельник, это означало, что серия должна поступить в пятницу, а не в понедельник. Хотя время показа изменилось незначительно, эта перемена сильно повлияла на процесс производства.

Как только сдан последний эпизод сезона, большая часть коллектива отправляется в отпуск. Двухнедельный перерыв приходится на праздники. Перерывы между длинными сезонами сокращаются. Некоторые отделы работают постоянно. Перерыв в съемках — отличное время для проектирования и строительства декораций, к примеру. Производственный отдел не прекращает работы. Сотрудники упаковывают материал прошлого сезона и готовятся к следующему. Очень важно тщательно хранить все записи. Мег Шейв работала над сериалом «Все любят Раймонда». Когда завершились съемки последнего сезона, сериал закрыли. Закрыли и производственный отдел. На следующий год сериал был номинирован на несколько премий «Эмми», но принимать звонки было некому. «Если что-то понадобится, то всегда можно заглянуть в документы и определить, к примеру, кто был оператором в конкретный день... Если у вас нет четкой системы документации, то подобную информацию получить невозможно, — говорит Мег. — Никогда не знаешь, что, когда и кому понадобится».

Амбиции есть у всех. Все они работают под руководством Хауса по веской причине. Роль Чейза просто необходима. Чейз восхищается Хаусом, уважает его и хочет всегда быть на его стороне.

Джесси Спенсер

ЧЕЙЗ

ДЖЕССИ СПЕНСЕР

Формана и Кэмерон Хаус принял на работу, оценив их профессиональные качества. Роберт Чейз же попал в его команду, потому что его отец, выдающийся врач, позвонил Хаусу по просьбе сына. В первых сезонах Чейз изо всех сил старается угодить боссу, профессиональными качествами которого искренне восхищается. «Мне нравится этот парень, — говорит Чейз. — Он говорит, что хочет. Делает, что хочет» («Спортивная медицина»). Если Чейз и счастлив тем, что ему представилась возможность поработать с Хаусом, то никакой благодарности к отцу он не испытывает. Это становится очевидным, когда его отец, Роуэн, появляется в больнице Принстон-Плейнсборо («Проклятый»). Чейз изо всех сил уклоняется от встречи с отцом — точно так же, как это делает Хаус, когда приезжают его родители. Он говорит Хаусу, что отец бросил его и его мать-алкоголичку много лет назад, когда Чейзу было пятнадцать. Но ненависти к отцу он не испытывает.

> **«Я любил его, пока** не понял, что гораздо спокойнее вовсе не думать о нем. Не ждешь, что он придет поболеть за тебя на футбол, не испытываешь разочарований. Не ждешь его звонка в день рождения, не ждешь встреч с ним месяцами. Никаких разочарований. Хотите, чтобы мы воссоединились — выпили пива, обнялись по-родственному? Я достаточно обнимался с ним. У меня было достаточно разочарований из-за него».
>
> – Чейз

Хаус понимает, что Роуэн приезжает в больницу, чтобы показаться Уилсону. У него рак. Чейзу сложно общаться с отцом. Отец говорит, что они смогут встретиться в следующий раз. Но он отлично знает, что следующего раза не будет. В серии «Ошибка» Чейз узнает, что отец умер. Занятый своими мыслями, он делает ошибку, опрашивая пациента. Пациент умирает. Чейз хочет наказать себя, преувеличивая масштаб своей небрежности. Но Хаус не позволяет Чейзу стать мучеником. Молодой врач получает выговор, но остается в команде.

Вопрос: «Похоже, Чейз отлично понимает мысли Хауса. Форман часто ужасается, Кэмерон тоже. Все реагируют куда сильнее, чем вы».

Джесси Спенсер: «Я сам сделал этот выбор. Очень часто бывает так, что поведение Чейза сценаристы не разъясняют. Когда ничего не написано, мне приходится самому принимать решение. Мне хочется быть тем, кто может согласиться с Хаусом. Мы все работаем

с ним по очень важной причине... В глубине души мы все согласны с тем, чего он хочет. В конце концов, все наши герои вовсе не склонны к самопожертвованию».

После смерти отца Чейз становится более независимым. Это продиктовано необходимостью. Он получает вторую работу, потому что отец вычеркнул его из завещания. Чейз больше не богатенький сынок («Навечно»). Те дни, когда он беззаботно катался на лыжах в гламурном Гштааде («Контроль»), остались в прошлом. Когда Фоглер ищет того, кто следил бы за Хаусом, Чейз соглашается. Но для Триттера делать то же самое он не хочет («В поисках Иуды»). Детектив Триттер, который отлично знает историю с Фоглером, намекает на то, что Чейз сделал это, чтобы разморозить свой банковский счет. Но молодой доктор хранит верность своему наставнику, несмотря на то что Хаус снова считает его предателем и даже ударяет его. Чейз отстаивает интересы Хауса и в тот момент, когда отказывается выписать ему рецепт на викодин. Он сформировал свою репутацию — в серии «Семья» Хаус называет его «подлым ублюдком».

«Я всегда думал, что у наших героев (Чейз и Тринадцатая) есть что-то общее. Чейз, по крайней мере в четвертом сезоне, очень упрям, очень независим. Он не может наплевать на отношение Хауса к себе. Пожалуй, Тринадцатая уважает в нем эти качества».

- Оливия Уайлд

Чейз переживает глубокий внутренний конфликт — ему не чужда человечность. В серии «Вскрытие» он выполняет желание девятилетней девочки, умирающей от рака. Он целует ее, потому что ей кажется, что это ее единственная возможность испытать поцелуй мужчины.

С самого начала Чейз откровенно влюблен в Эллисон Кэмерон. В третьей серии, «Бритва Оккама», он приглашает ее на свидание, но Кэмерон отказывает ему раньше, чем он успевает договорить. Это явный отказ. В серии «Охота» Кэмерон сама домогается Чейза. («Только не играй со мной в хорошего парня», — говорит она.) Позже, в «Бесчувственности», Кэмерон предлагает Чейзу заняться сексом: они на дежурстве, это удобно. Но она явно не влюблена в него. Чейз счастлив, хотя отлично понимает (и говорит об этом Форману), что Кэмерон решила переспать с ним только для того, чтобы заставить Хауса ревновать («Положение плода»). Но он говорит Кэмерон, что хочет от отношений большего. При первой же возможности (серия «В воздухе») она бросает его. Чейз настойчив. Он покупает цветы и постоянно напоминает Кэмерон о своих чувствах к ней. Со временем Кэмерон понимает, что может ответить на его чувства. (Намно-

го позже, в серии «Частная жизнь», Чейз думает, что Кэмерон в нем привлекает только его внешность. Вместе с Хаусом и Уилсоном он отправляется на свидания вслепую, где у него появляется множество поклонниц, несмотря на то что он изо всех сил изображал из себя Форреста Гампа. Неужели люди действительно настолько поверхностны? Тринадцатая лучше понимает свою коллегу. Она уверяет Чейза, что чувства Кэмерон истинны.) Когда в конце пятого сезона Хаус уходит из больницы, Кэмерон забывает о своих сомнениях и выходит замуж за Чейза.

Вопрос: «Я был удивлен тем, что вы поженились».

Джесси Спенсер: «Да, мы такие. Но такой поворот сюжета отлично контрастировал с тем, как Хаус оказался в психиатрической больнице».

Вопрос: «Это означает, что вам есть куда падать?»

Спенсер: «Совершенно верно».

Возможно, самодостаточный Чейз вполне сможет работать и без Хауса. В конце третьего сезона Хаус увольняет Чейза. «Ты пробыл здесь дольше всех, и ты либо уже научился всему, чему было можно, либо не научишься никогда. В любом случае настало время перемен» («Человеческий фактор»). Чейз просто отвечает: «Отлично». «Эта работа была лучшим, что только случалось в моей жизни, — говорит он. — Она была для меня всем. А потерять ее? Что ж, думаю, это тоже к лучшему». Подбирая замену членам своей первой команды, Хаус думает, что Чейз нашел работу в филиале клиники Майо в Аризоне, и выбирает Кэмерон. Но Чейз, поработавший в кардиологии и интенсивной терапии, возвращается в Принстон-Плейнсборо хирургом — судя по всему, сознательно. Форман просит Чейза и Кэмерон вернуться и помочь ему, после того как он увольняет Тринадцатую, а Тауб в шестом сезоне уходит, пока у Хауса нет лицензии.

«Не думаю, что Чейз питает какие-то иллюзии в отношении Хауса. Он более наивен по отношению к самому себе».

– Дэвид Шор

Но Чейз не может уйти от Хауса. Кэмерон считает, что именно Хаус создал такую обстановку, в какой Чейз сумел (в зависимости от вашей точки зрения) умертвить или убить тирана Дибалу, пока тот не вернулся в свою страну и не развязал геноцид, жертвами которого могли стать сотни тысяч человек («Тиран»). Конечно же, Чейз — не Хаус, и смерть Дибалы это доказывает.

«Я перешел границу, — говорит он своему единомышленнику Форману. — Мне будет трудно вернуться на правильную сторону» («Карма в действии»). Форман уже спросил Чейза: «Ты правда думаешь, что можешь убить человека без каких-либо последствий для себя?» Чейз отлично понимает, что это невозможно. В серии «Будь проклят, если сделаешь это» Чейз говорит, что ушел из семинарии, потому что потерял веру. После смерти Дибалы он возвращается в церковь за поддержкой. Он приходит на исповедь, но священник не отпускает ему грехи, пока тот не покается. «Я убил человека, — говорит Чейз священнику. — Но это нужно было сделать» («Храброе сердце»). Когда брак распадается прямо у него на глазах, Чейз говорит Кэмерон, что убил бы Дибалу снова, даже если бы это убило его самого.

> «Даже когда теряешь веру, остается сознание духовности, и это оказывает влияние на всю его жизнь. Я пошел на исповедь... это всегда очень сложно. Не бывает ничего черного и белого... всегда есть что-то серое. Именно это мне хочется увидеть, когда я смотрю сериал, — подобные вопросы возникают, и не всегда на них есть ответы. Мы показываем лишь то влияние, какое они оказывают на наших героев».
>
> – Джесси Спенсер

Исстрадавшись от переживаний, Чейз признается жене, что подделал результаты анализов Дибалы, чтобы лечение не принесло результатов, и диктатор умер. Сначала Чейз хочет покинуть Принстон-Плейнсборо вместе с Кэмерон и начать новую жизнь. Хаус считает, что после смерти Дибалы брак Чейза и Кэмерон распадется. Он ускоряет этот процесс, внушая Чейзу мысль о том, что Кэмерон не считает его ответственным. И это срабатывает. Когда Чейз понимает, что Кэмерон винит Хауса больше, чем его, он решает, что должен принять на себя ответственность за решение убить Дибалу. В полном соответствии с планом Хауса Чейз хочет вернуться к нему, чтобы доказать, что он — не марионетка, а настоящий мужчина. Кэмерон считает, что поступок Чейза доказывает обратное.

> «Вот что Хаус говорит Чейзу и Кэмерон: «Это должно было произойти и могло произойти только сейчас, а не когда-то потом».
>
> – Дэвид Шор

Превратил ли Хаус Чейза в убийцу? Кэмерон считает именно так. Когда Чейз и Кэмерон уходят из больницы, она говорит Хаусу: «Ты разрушил его, и он больше не отличает добра от зла. Он больше даже не считает человеческую жизнь священной» («Командная игра»). Возможно, Чейзу стало бы легче, если бы он вспомнил собственные слова, сказанные им про Хауса Форману в третьей серии. «Он мыслит нестандартно, — сказал он. — Неужели это зло?»

Кэти Джейкобс: «Чейза писали чистокровным американцем. Он был старше Джесси. Но я увидела его на пробах, и мне понравилась его естественность. Я не хотела, чтобы он шел против собственной натуры».

Кэти Крэнделл, художник по костюмам: «Он немного старомодный. Австралиец, но с чуткостью и старомодностью, присущей жителям Восточного побережья. Он – скорее «Esquire», тогда как Форман – больше «GQ». Я хочу, чтобы он всегда выглядел молодым. Ему нет до этого дела, но он знает, что красив. Он знает, что может быть привлекательным. Я хочу, чтобы он всегда оставался стильным и молодым».

ДЖЕССИ СПЕНСЕР О... ФИЛОСОФИИ

Вопрос: «Философия сериала неоднозначна. Как это согласуется с вашими взглядами?»

«Этот сериал отличается от других. В этом и кроется секрет его успеха. Мы сохраняем верность основным ценностям. Иногда это выглядит цинично. Мы далеки от идеализма, и мне это нравится. Когда Хаус оказывается не прав или случается что-то, что заставляет его пересмотреть свои взгляды, это всегда неожиданно и вселяет надежду. Такие моменты особенно ценны. Они построены на контрасте. В такие моменты светлая сторона Хауса начинает сиять».

Вопрос: «Это бывает смешно».

«В любом мраке всегда есть элемент юмора. Даже в самые трудные моменты Хаус находит в себе силы шутить или имитировать то, как люди реагируют на определенные ситуации. Это нужно делать с юмором, иначе сериал станет слишком депрессивным».

ДЖЕССИ СПЕНСЕР О... ХАУСЕ

Вопрос: «Для Хауса нет барьеров».

«Хотелось бы, чтобы мы все могли быть такими. Он не живет по традиционным правилам и условностям».

Вопрос: «Когда он говорит: «Все лгут»...»

«...нас окружает море лжи».

Вопрос: «Вам приходится ударить доктора Хауса (в серии «Счастье в неведении»). Давно ли вам хотелось это сделать?»

«Это вполне естественно, потому что он сам ударил меня раньше («В поисках Иуды»). Ему стало плохо, и я попытался остановить операцию. Я понимал, что это эритропоэтическая протопорфирия — никогда не забуду этого названия! Хаус повернулся и ударил меня в нос. В конце концов я сам ударил его. Это было неожиданно и удивительно. Зрители думали: «Почему никто не может ему возразить?» Они думали, что такого никогда не произойдет».

Вопрос: «Вы говорите ему: «Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое».

«Справляться с ситуациями можно по-разному. Вы предпочли бы американский путь — обсуждение всех проблем с психотерапевтом — или просто стали жить собственной жизнью?»

Вопрос: «Это австралийский подход?»

«Да, абсолютно. Он полностью соответствует австралийскому духу. Американцы любят психотерапевтов».

ДЖЕССИ СПЕНСЕР О... ДЖЕССИ СПЕНСЕРЕ

Вопрос: «В одной из серий вас обвиняют в том, что вы — англичанин. Форман говорит: «На ваших деньгах — портрет королевы. Значит, ты — англичанин». Вас это обидело?»

«Нет. Меня всегда принимают за англичанина, потому что не знают. Некоторые австралийцы на это обижаются. Это все равно, что называть американцев англичанами. А здесь и англичан порой называют австралийцами. Я чувствую себя англичанином. Первоначально Чейз был американцем, но... потом мы подумали: «Почему бы не сделать его австралийцем?» Мы подумали, что это будет гораздо интереснее».

Вопрос: «Вы сами оплатили свою дорогу до Лос-Анджелеса?»

«Да. Меня не приглашали на пробы. [Чейз] был 37-летним американцем, а мне было 24 года. Я не думал, что что-то может измениться, но

в Америке случается все. Нужно просто прийти на пробы. Если результат им понравится, они все поменяют. Сценарий очень сильно изменился».

Вопрос: «В вашей семье есть врачи?»

«Мой отец – семейный врач. Мой старший брат – офтальмолог, а второй – хирург-ортопед. Моя младшая сестра очень похожа на Хауса – она страшно умная и не умеет общаться с пациентами. Она будет анестезиологом. А я играю врача на телевидении. В том, что я играю врача, нет ничего странного. В Штатах, если ты работаешь в кино, то тебе приходится играть врача или полицейского, или сразу обоих. Такое случается».

Вопрос: «Вы никогда не хотели сами стать врачом?»

«Я поступил в университет, но учиться не стал. Я подумывал о медицинской карьере, но никогда об этом не мечтал. Это была наша семейная профессия. Я знал, каково это – быть врачом».

Вопрос: «Музыка очень важна для вас?»

«На съемочную площадку я беру с собой скрипку и иногда репетирую. Я играю на скрипке, гитаре и немного на пианино. Вместе с Хью я играл в его благотворительной группе. Все это не имеет ничего общего с актерской игрой. Мы играли в казино, мы играли на Багамах. Нам заплатили, и мы отдали эти деньги на благотворительность».

Вопрос: «Вы хорошо играете?»

«И да, и нет. Для того, кто не умеет играть, я очень хорош. Для того, кто умеет, моя игра – это кошмар. Я бросал играть на восемь лет, пока был в Англии. Тогда я старался сделать карьеру и полностью сосредоточился на актерском мастерстве. Мне нужно было репетировать, но я этого не делал. Вернуться очень трудно. Я играю уже два года. Пальцы слушаются гораздо хуже, чем раньше».

ДЖЕССИ СПЕНСЕР О... ЧЕЙЗЕ

Вопрос: «Чейз порой поступает безжалостно – например, поставляет Фоглеру информацию...»

«Это верно. Он – доносчик».

Вопрос: «Как вы оправдываете это поведение?»

«Он знает, что ему это сойдет с рук».

Вопрос: «Как вы думаете, Хаус уважает Чейза?»

«Он никогда не скажет об этом открыто, но вы знаете, что в команду он берет только хороших врачей. Хотя Хаус пытался несколько раз меня уволить!»

Вопрос: «У вас были серьезные проблемы с отцом…»

«Это было очень печально. Отношения никогда не бывают идеальными. Самые сложные ситуации возникают из-за того, что люди просто чего-то не знают».

Вопрос: «Чейз не вернется…»

«Нет. С меня достаточно».

Вопрос: «Ваш герой учился в семинарии. Не думали ли вы, что Чейз мог быть мальчиком из хора?»

«Мы изучаем сходство между наукой и религией. Что есть вера? Что означает вера? Ослепляет ли она людей или, наоборот, открывает им глаза?»

Вопрос: «В этом вопросе Чейз на стороне Хауса?»

«У этого мальчишки была вера, и он ее потерял, а потом решил, что наука лучше отвечает его мировосприятию».

Вопрос: «В деле с Дибалой вы приняли решение».

«Допустимо ли избавиться от человека, который собирается начать геноцид? Нормально ли это? Правильно ли это? Это убийство, хотя и не откровенное. Это нечто двусмысленное. Мы не были на сто процентов уверены в том, что он сделал. Тут есть место для размышлений. Я думаю, что убил его. Мое бездействие привело к его смерти. А потом приходится с этим жить, даже если считаешь, что поступил правильно».

Вопрос: «Но вы же дали клятву…»

«Да, я нарушил клятву Гиппократа и навредил своему пациенту. Хотя Чейз считает, что поступил правильно, избавиться от чувства вины за то, что ты сознательно лишил человека жизни, невозможно. От этого никогда не избавиться».

Вопрос: «Поэтому Кэмерон и ушла от вас…»

«Наш брак уже распадался. Кэмерон чувствовала, что что-то не так. Но она обвиняла Хауса, а не меня. Оскорбительно было винить во всем произошедшем Хауса, а не Чейза. Чейз был уверен, что принял собственное решение. Он не был инфицирован хаусовским вирусом, который заставил его так поступить. Хаус не имеет к этому никакого отношения. Для него важна лишь медицинская загадка. Ему все равно, жив Дибала или мертв. Он хочет решать головоломки. Кэмерон уходит от Чейза, потому что считает, что он безнадежно испорчен Хаусом».

Вопрос: «Вы же только что поженились».

«Вы знаете, как это бывает. Ты думаешь: «Ну и сколько это продлится?» Не бывает счастливых браков с любованием закатами. Чейз понимает, что ему не уйти от неизбежного. Поэтому он решает не бежать. Он должен быть в команде. Он должен быть рядом со своим врагом и работать в этой больнице. Он должен остаться».

Вопрос: «Вам нравится эта работа?»

«Да, очень. Надеюсь, мы делаем хорошую работу, потому что сценарий просто великолепен, а мы делаем его живым и достоверным».

Вопрос: «Вам легко запоминать медицинские термины?»

«Я запомнил первый. Прогрессирующая первично-множественная лейкоэнцефалопатия. А они вырезали это из пилотной серии!»

4

14 ЧАСОВ В ДЕНЬ

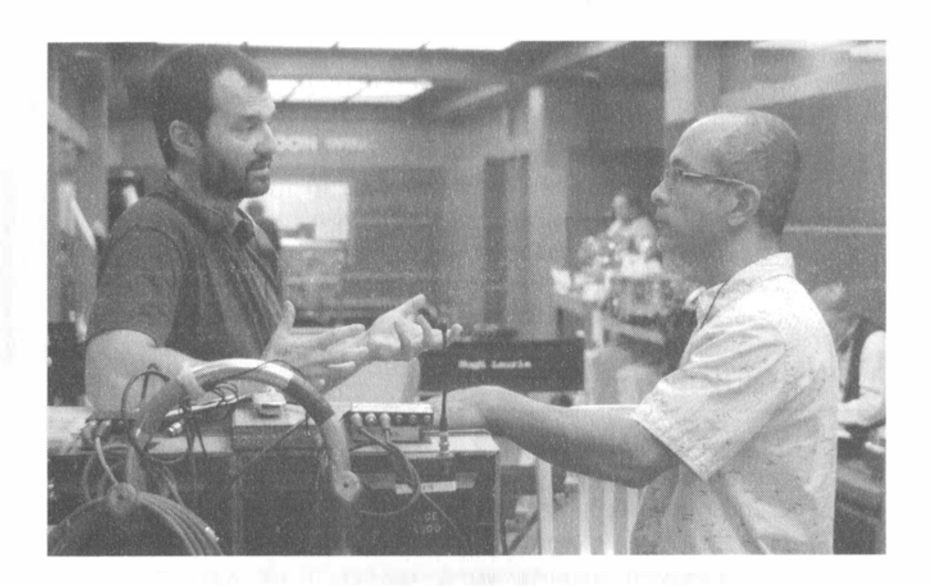

СЪЕМКИ СЕРИАЛА, ЧАСТЬ 2

«Мне нравится дух сотрудничества, царящий на телевидении, нравится чувство команды. В «Аполлоне-13» есть замечательная сцена, в которой Эд Харрис выкладывает карты на стол. «Вот с чем им придется иметь дело!» Точно так же я воспринимаю каждую серию сериала. У нас есть семь дней на ее подготовку, восемь дней на съемки. У нас есть конкретный сценарий, конкретные актеры и конкретный режиссер. Как нужно это сделать? Как сделать это лучше? Как сделать это всем вместе? И мы справляемся со своей задачей, несмотря ни на что».

– Грег Яйтанис, режиссер

Начало съемочного дня «Доктора Хауса» определяется профсоюзными правилами о продолжительности перерыва между концом одного дня и началом следующего. Члены профсоюза операторов должны иметь одиннадцать часов перерыва. Если съемки закончились в 19.30, то следующий съемочный день может начаться в 6.30 утра. Актеры имеют две-

Режиссер Грег Яйтанис (слева) с первым помощником режиссера Робертом Скоттом

надцать часов перерыва в течение каждого дня рабочей недели и не меньше 54 часов отдыха в выходные. В какое время начинать съемку и когда ее заканчивать — через десять, двенадцать или четырнадцать часов, — целиком решает режиссер. Половину серий «Доктора Хауса» снимал Грег Яйтанис.

У Грега Яйтаниса две должности. Как режиссер-постановщик он снимает каждую вторую серию от «Простого объяснения» до «Счастья в неведении». Кроме того, он занимается монтажом, а также руководит предварительным и постпроизводственным этапами. Яйтанису нравится общаться с поклонниками сериала в социальной сети Twitter. Он и сам был поклонником сериала на заре его создания — Грег дружит с одним из «отцов-основателей». Ему нравится держать руку на пульсе. Он уговаривает коллег последовать его примеру, поэтому «Доктор Хаус» пользуется огромной популярностью в сети. В сеть Яйтанис выходит в перерывах между съемками по iPhone. Он всегда в движении. Когда Грег не режиссирует, он продюсирует. «Когда я занимаюсь несколькими делами одновременно, то у меня нет времени скучать, — говорит он. — Это все равно как решать одновременно сто кроссвордов». Яйта-

нис может работать 4–5 часов в день, а порой его рабочий день затягивается на 16, 17 или даже 18 часов. После этого он возвращается домой и падает без сил. Выходные он предпочитает проводить с женой и детьми (конечно, когда это удается).

Затянувшиеся до ночи съемки заставляют людей забывать о семьях. Хотя сам Ййтанис спокойно работает по 14 часов в сутки, он все же старается сделать так, чтобы подобная необходимость возникала не у всех. Он старается максимально эффективно использовать время «первой актерской команды», особенно время Хью Лори, который участвует практически в каждой сцене. Ййтанис определяет темп съемок. Он славится тем, что работает очень быстро.

Главный художник Джереми Касселс, координатор строительных работ Стивен Говард и Ййтанис вместе придумали автоматизированные стены непрерывно используемых декораций, чтобы их можно было поднимать и опускать. Это заметно ускорило съемочный процесс. «Он всегда спешит, — говорит о Ййтанисе Джереми Касселс, — и не собирается никого ждать». Стена между внешним и внутренним кабинетами Хауса двигается. Двигается и стена за кофеваркой во внешнем офисе. Стив Говард придумал замечательную систему движения стен, которая очень ускоряет процесс смены декораций.

Ййтанис всегда находится в самом центре действия. Он прекрасно понимает потребности и актеров, и членов съемочной группы. Под творческим руководством Кэти Джейкобс и в сотрудничестве с главными продюсерами Герритом ван Дер Меером и Марси Каплан Ййтанис обеспечивает максимальную эффективность съемочного процесса. Он консультирует других режиссеров и изо всех сил старается создать для них удобную и безопасную рабочую среду, чтобы серии «Доктора Хауса» получались просто идеальными.

Как продюсер Грег Ййтанис знает концепцию сюжета задолго до того, как в качестве режиссера получает сценарий за семь дней до съемки. Просматривая сценарий в первый раз, режиссер пытается войти в сюжет. Ййтанис советует всем режиссерам искать в сценариях то, что привлекает их лично. Режиссерские стили столь же различны, как и стили сценаристов. В серии «Полный провал» Ййтанис хотел обеспечить плавность и непрерывность видеоигры со вступительных кадров тизера до окончания эпизода. Он использовал одну камеру вместо двух

или трех. Ему хотелось передать ощущение участия в видеоигре. Его фильмы очень отличаются от того, как Кэти Джейкобс снимала два эпизода, открывавшие сезон. Совершенно по-другому снимал «Тирана» Дэвид Страйтон, что и неудивительно, если учесть напряженность и интенсивность сюжета этой серии.

«Полный провал» ознаменовал возвращение Хауса в Принстон-Плейнсборо после лечения в психиатрической больнице Мэйфилд. В этой серии впервые с окончания предыдущего сезона появились основные герои сериала. Яйтанис рассказывает, как это повлияло на его режиссуру. «Я снимал с очень близкого расстояния, чтобы получились очень интимные крупные планы. Мне хотелось как следует рассмотреть наших героев, потому что я чувствовал, что мы очень давно не виделись. Мне хотелось, чтобы на экране возникала реальная физическая близость».

....

Вся подготовительная работа по составлению расписания и техническому обеспечению съемок должна быть завершена вовремя, чтобы в понедельник утром группа без всяких затруднений приступила к работе. Второй помощник режиссера Винс Дуки всегда работает на площадке. Он проверяет, чтобы все было на месте. Именно он сообщает о готовности площадки первому помощнику и самому режиссеру. Пока съемочная группа готовится к съемкам первой сцены, прибывают актеры и начинаются репетиции. Вместе с режиссером и сценаристом актеры прорабатывают сцену и обсуждают, как и что следует играть. Чтобы помочь им сосредоточиться, площадка пуста до самого начала съемок. «Доктор Хаус» — это закрытый сериал. На площадке присутствуют только члены съемочной группы. Менеджер по рекламе Джеффри Коло работал личным помощником в сериале «Доктор Куин, женщина-врач». Этот фильм снимался в общественном парке в Парамаунт-Хиллс. Самая неприятная часть его работы заключалась в том, чтобы сдерживать напор любопытных зевак.

«Актеры, снимающиеся в «Докторе Хаусе», получают бесконечные просьбы об интервью. Их донимают газеты, телеканалы и благотворительные организации. Все запросы поступают к менеджеру по рекламе

Джеффри Коло, который выбирает самые интересные и приемлемые. Когда актер соглашается, Джеффри вместе с личными помощниками находит время для интервью, выкраивая его из напряженного расписания. В этом отношении «Доктор Хаус» – сериал необычный. Руководитель рекламного отдела состоит в штате. У актеров есть собственные менеджеры по рекламе, которые организуют их интервью и участие в официальных мероприятиях помимо «Доктора Хауса». Собственную рекламу организует и канал FOX. Каждый сезон выходит большой рекламный проект FOX Gallery Shoot. Он запускается, когда сезон завершен, реклама приостановлена и возможности для рекламы внутри сериала исчерпаны («Доктор Хаус» скоро вернется»). Подобная реклама становится более разнообразной, пытаясь отвлечь потребителей от знакомой больничной обстановки. Хью Лори, к примеру, сфотографирован с двумя змеями в виде знаменитого медицинского символа, кадуцея. На самом деле использована лишь одна змея и ее зеркальное отображение. Змея – ветеран кинематографа, она снималась еще в фильмах об Индиане Джонсе.

Лори снискал лавры мастера рекламы. Это он придумал цикл фотографий со сломанным автофургоном и главными героями сериала. Кэмерон в платье из тафты чинит двигатель. Тауб бреется, глядя в зеркало бокового вида. Кадди загорает на крыше. Чейз жарит бургеры на небольшом гриле. Форман сидит на ступеньке и качает мышцы. Уилсон гоняет шарики для гольфа. А Тринадцатая предстает перед нами в виде Лары Крофт, расхитительницы гробниц, – с большим арбалетом. Все они находятся на заднем плане. На переднем – сам Хаус в шляпе. Он смотрит в камеру с таким видом, что всем сразу становится ясно, кто здесь хозяин.

«Доктор Хаус» – седьмой сериал, над которым работает Джеффри Коло. Об актерах он говорит: «Мне никогда еще не было так легко работать. Этим людям не свойственно гипертрофированное самолюбие, они очень земные, дружелюбные и позитивные». Джеффри говорит, что в съемочной группе царит полное взаимопонимание. Никто не пытается унизить друг друга или выслужиться за чужой счет. «Должен сказать, что такая же атмосфера царила в большинстве других сериалов, над которыми мне доводилось работать».

Пока актеры готовятся к съемкам очередной сцены, на площадке выставляют освещение и готовят камеры. К актерам присоединяется вторая команда дублеров. Эти люди встают на те места, где будут находиться актеры во время съемки. Это делается для того, чтобы правильно выставить освещение и настроить камеры. Дублеры выявляют все неудобные места и все то, что может помешать движениям актеров. В это время главных персонажей на площадке нет. Подобная «настройка» мо-

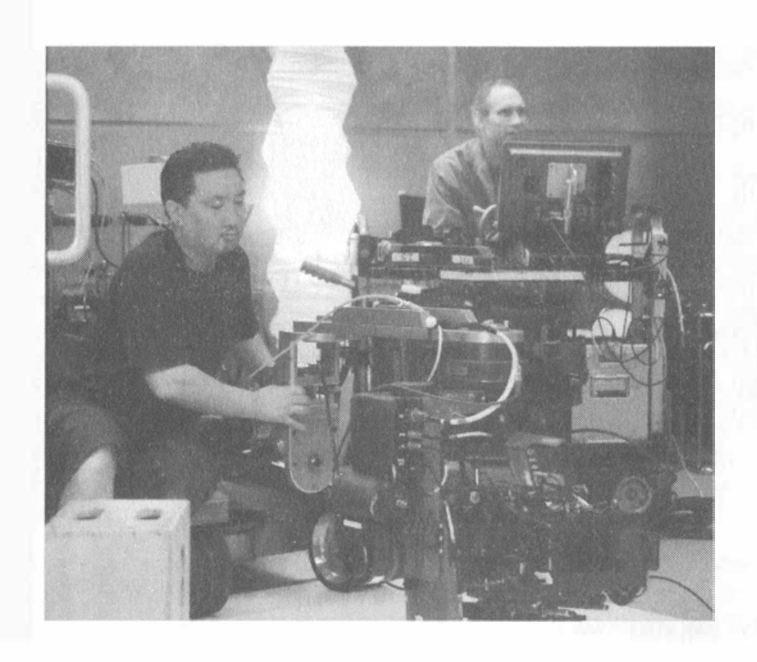
жет продолжаться от двадцати до сорока пяти минут. За это время оператор Гейл Тэттерселл выбирает освещение и ракурсы для каждого фрагмента сцены.

В «Докторе Хаусе» работает пять дублеров. Патрик Прайс дублирует Хью Лори и Джесси Спенсера. Одна дублерша работает на Кадди и Тринадцатую. В группе есть второй Тауб и еще по одному Форману и Уилсону. Если нужен кто-то еще, их выбирают из массовки. Дублеры имеют тот же рост и тон кожи, что и актеры, которых они дублируют. Это необходимо для правильной настройки камеры и освещения. Они проводят на площадке двадцать-тридцать минут, что дает возможность основному актерскому составу отдохнуть, порепетировать или повторить свой текст. Расписание работы исполнителей главных ролей очень напряженное. Без помощи дублеров эта работа была бы попросту невыносимой.

«Патрик Прайс играет в «Докторе Хаусе» медбрата Джеффри Спаркмана. Он же иногда дублирует Хью Лори, когда того показывают со спины. Именно его руки мы видим порой, когда доктор Хаус делает уколы. Патрик работал с Хью Лори в «Стюарте Литтле». В «Доктора Хауса» его пригласили еще в пилотной серии. «Я с самого начала все знал, – говорит Патрик. – Я чувствовал. Я знал, что это будет невероятный сериал. Я просто знал это».

Патрик находится на площадке с раннего утра до поздней ночи практически каждый день. Он считает, что подобный опыт для любого актера бесценен. Патрик советует всем актерам при любой возможности работать дублерами. Сегодня он идеально представляет себе, как Хью Лори двигается, как пользуется своей тростью. Он может копировать его походку, что позволяет ему участвовать в репетициях разговорных сцен в коридорах больницы. «Я слежу за ним, как ястреб, – говорит Патрик. – Я могу быть им, даже когда сплю».

Режиссер создает то, что на киношном сленге называется «видеогородом». Такой «город» находится по соседству со съемочной площадкой. Здесь установлены мониторы, которые показывают то, что видят камеры. Айра Харвиц, один из руководителей сценарной группы, сидит за мониторами рядом со сценаристом эпизода и режиссером. Тут же могут присутствовать продюсеры или актеры, которые не заняты в этой сцене и просто отдыхают. Рядом находятся гримеры и парикмахеры,

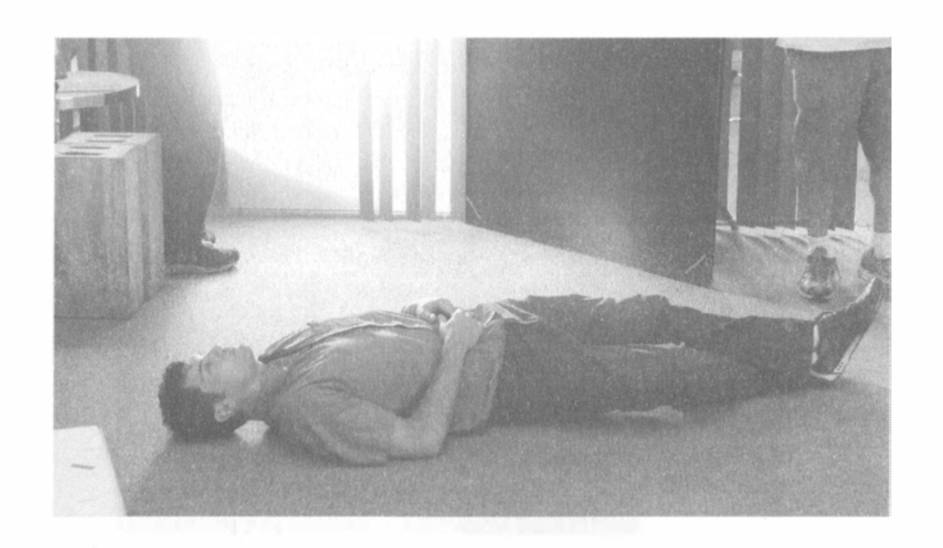

Тяжелое оборудование

услуги которых могут потребоваться в любой момент. Если в сцене используется реквизит, наготове помощник реквизитора Эдди Гриско. Если кто-то захочет услышать, что происходит на съемочной площадке, к его услугам наушники.

Первый помощник режиссера Роберт Скотт нетерпеливо покачивается, ожидая начала съемки. Оператор с площадки сообщает ему, что можно объявлять пятиминутную готовность. Это сигнал для помрежа, который он должен передать актерам. Гримеры наносят последние штрихи. Актеры массовки — то есть те, кто просто проходит на заднем плане или как-то взаимодействует с персонажами, — репетируют со вторым помощником режиссера Джоном Ноланом. Нолан расставляет актеров по местам и напоминает им о том, что они должны делать, когда съемка начнется.

Над дверями, ведущими на съемочную площадку, установлены красные лампочки. Когда они горят, входить в помещение категорически запрещено. Звукооператор подает сигнал к полной тишине. Этим сигналом он дает понять, что готов к

Дублер Хью Лори, Патрик Прайс, за работой

записи. Первый помощник режиссера напоминает всем о необходимости выключить мобильные телефоны. На площадке воцаряется полная тишина. Все молчат. Режиссер сосредоточен на мониторе. Помощник режиссера дает сигнал к записи звука. Перед началом съемки на площадку выходит девушка с табличкой «Сцена шестая, дубль 1». Она хлопает хлопушкой. Этот сигнал используется для синхронизации звука с картинкой. «Умная хлопушка» вмонтирована в пульт звукооператора. После звука хлопушки фиксируется время и происходит синхронизация. Если в съемках принимают участие другие актеры, первый помреж кричит: «Массовка!» После этого актеры занимают свои места и перестают бесцельно бродить по площадке. И вот режиссер готов дать команду «Мотор!».

Актеры играют свою сцену, а режиссер наблюдает за ними на своем мониторе. Съемка может длиться всего несколько секунд. Возможно, нужно снять только то, как один актер реагирует на слова другого актера. Во время следующего дубля будет сниматься тот же диалог, только камера будет направлена на другого актера. Камеры кружатся в заранее отрепетированном танце, приближаясь к актерам или отдаляясь от них. Сцена быстро снята. Грег Яйтанис дает команду: «Стоп!» и подни-

мается из-за монитора. Он может похвалить актеров, дать им какие-то советы или сделать замечания. Возможно, нужно поправить освещение. Сцена либо утверждается, либо делается новый дубль. На третьем дубле Яйтанис говорит: «Это было превосходно! Просто замечательно!»

Роберт Шон Леонард: «Мы читаем сценарии новых серий каждую неделю. Нужно читать их заранее, чтобы точно знать произношение медицинских терминов. Я могу сказать: «В этом случае мы имеем дело с ... Нет, я не могу этого произнести. Ну хорошо, переходим к следующей строчке». Мне просто нет дела. Когда кто-то справляется с произношением, я говорю: «Если ты так же скажешь в день съемки, я сделаю для тебя все, что угодно». Когда я вижу, как врач говорит: «Может быть, у него пор-про-пор-пр-порфия?», то сразу замечаю: «Дженнифер, ради Бога, во время съемки скажи все правильно!».

«Нам нужно примириться с медицинскими терминами. Думаю, что у меня хорошо с произношением, поэтому у меня нет особых проблем. Но все же это занимает определенное время, потому что я не хочу выглядеть так, словно понимаю, о чем говорю, а потом все напрочь забываю. Я никак не мог правильно произнести слово «панцитопения». У меня постоянно получалось «пэнситопения». Сценарист сказал мне: «Ты говоришь, словно играешь в детскую игру. Пожалуйста, сосредоточься». Мне было очень стыдно».

Вопрос: «А что такое панцитопения?»

Питер Джейкобсон: «Честно говоря, когда режиссер говорит: «Снято!», это вылетает у меня из головы. По-моему, это какой-то более сложный вид цитопении. Что-то вроде того».

Все члены команды «Доктора Хауса» восхищаются главным оператором Гейлом Тэттерселлом и визуальной стороной сериала. «Он из той редкой породы операторов, которые умеют двигаться очень быстро и дают потрясающие картинки», — говорит Грег Яйтанис. «Каждый эпизод он снимает так, что в других сериалах нам завидуют, — говорит Кэти Джейкобс. — Его профессиональная этика и качество работы меня просто поражают... Наш сериал невозможно сравнить ни с одним другим».

Сам Тэттерселл редко говорит о своей работе. Если удастся его разговорить, он может сказать что-то вроде: «Моя задача — представить видение режиссера в визуальных образах, предложить определенные ракурсы и контролировать визуальную

сторону сериала. Я слежу за освещением. Мне подчиняются операторы и электрики. Нам нужно передать атмосферу каждой сцены — печаль, грусть или радость». Раньше Гейл работал в рекламе и кино. В телевидении его привлекает скорость, с какой все делается. Нужно четко представлять себе план съемки, иначе придется в панике бежать с площадки.

Тэттерселл не считает, что сериал имеет общий визуальный план. Каждая серия снимается по-своему. Ему нравится постоянство и постоянные перемены. Он всегда стремится к совершенству. В качестве самого визуально неожиданного эпизода он приводит серию, в которой Катнер совершает самоубийство («Простое объяснение»). Оператору удалось создать мрачную и насыщенную атмосферу, которая идеально передает трагизм события.

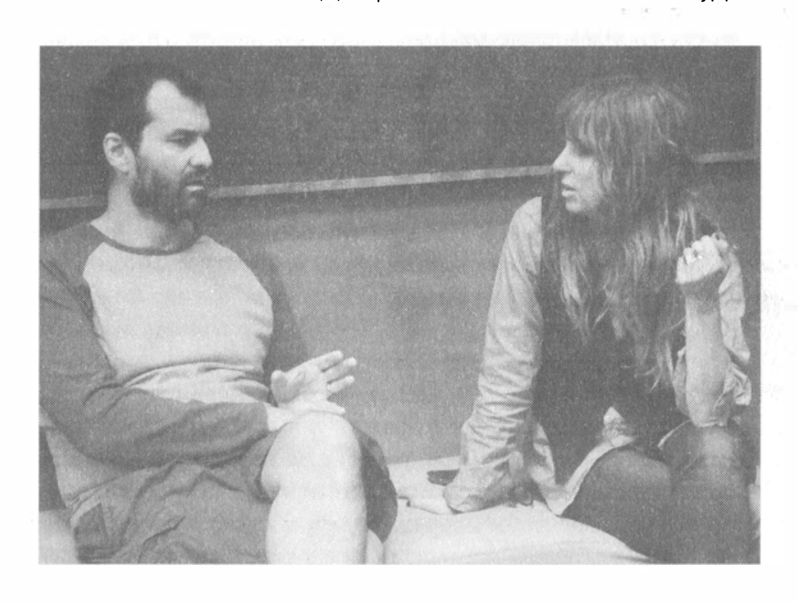
Англичанин Гейл Тэттерселл ставил и снимал рекламу тогда же, когда и его соотечественники Алан Паркер и Ридли Скотт, которые со временем стали выдающимися кинорежиссерами. Он часто работал в США. Сняв в Бразилии «Дикую орхидею» с Микки Рурком и Кэрри Отис, он получил приглашение поработать над первым фильмом о семейке Адамс. Он переехал в Лос-Анджелес со всей семьей и, в профессиональном плане, так и не вернулся назад.

В Калифорнии стоит прекрасная погода, но такого специалиста, как Тэттерселл, она не радует. Свет здесь ужасный. В прошлом, когда фильмы снимались очень медленно, киношникам нужно было место, где долго светит солнце. Поэтому они выбрали южную Калифорнию. Они использовали естественное освещение и градуированную окраску стен студии, чтобы не было слишком «жарко». А потом, по словам Гейла, какой-то идиот решил накрыть павильоны крышами и использовать искусственное освещение. Естественное освещение в Калифорнии очень резкое, дающее длинные тени и черные глазницы, потому что на небе совсем нет облаков. А какое же освещение Гейлу нравится больше всего? «Я бы все снимал возле Северного полярного круга в феврале, когда солнце не поднимается выше одиннадцати градусов над горизонтом и постоянно висит дымка. Такое состояние сохраняется около пяти часов. В Лос-Анджелесе волшебный час сокращается до волшебной минуты, прямо на закате. Но потом наступает полная темнота, и все заканчивается за секунду».

Грег Яйтанис вспоминает великолепную работу Тэттерселла в тизере серии «Раздвоение». Эти сцены снимались в спортивном зале, где боролись глухие старшеклассники. Сценарий поступил к оператору за неделю до съемки. Тэттерселл сумел дать Яйтанису возможность снимать круговую панораму, проложив рельсы вокруг площадки. Съемки проходили в спортивном зале с высокой стеклянной крышей. Тэттерселл придумал осветительный блок, который подвесили на большом кране в 18 футах над площадкой. Этот блок создавал настоящую световую колонну. Софиты были настолько мощными, что над крышей возникло полупрозрачное световое облако, рассеивающее свет, который направляли на старшеклассников с помощью отражателей.

«Серия «Во льдах» была для меня одной из первых. Я самым тесным образом работал с Гейлом. Он решил создать атмосферу клаустрофобии на площадке. У нас был круглый купол с осветительными приборами. Все это напомнило мне солнечные часы. Солнце стояло так низко, что светило через окна... Гейл – потрясающий оператор. Ему нравятся световые колонны, дым... Гейл определил визуальную сторону нашего сериала. Он проделал отличную работу».

– Джереми Касселс, главный художник

Как режиссер режиссеру: Грег Яйтанис и Кэти Джейкобс

Тэттерселл был уверен, что его идея сработает, а если нет, это станет настоящим «позором джунглей». «Я ничем не лучше, чем другие члены нашей съемочной группы», — говорит он и сразу же называет главного осветителя Монти Вударда, главного рабочего-постановщика Шона Уэлана и оператора Тони Гаудиоса, который возглавляет вторую команду. Потом он начинает говорить о «потрясающе талантливых» режиссерах: Кэти Джейкобс, Дэвилде Страйтоне, Греге Яйтанисе. «Мне очень, очень повезло». Продюсеры устраивают просмотр отснятого эпизода на большом экране по понедельникам во время обеда. Пятьдесят человек смотрят и аплодируют. «У нас сложилась настоящая семья», — говорит Гейл. Поскольку члены съемочной группы проводят больше времени с семьей профессиональной, чем с реальной, очень важно, чтобы в группе царила атмосфера взаимного уважения и симпатии.

К сожалению, Гейл Тэттерселл не может управлять зрительским восприятием своей работы на телевидении. Все телевизоры настроены по-своему. Многие из нас смотрят телевизор при включенном освещении, и световые блики падают прямо на экран. Гейл подумывал над тем, чтобы снять фильм с бликом, наложенным прямо на экран. Ему не кажется, что это заметят многие. Статистика показывает, что многие зрители переключают канал, когда им кажется, что картинка слишком темная. И это приходится учитывать при создании мрачной атмосферы. «Как только серия оказывается на канале, мы больше не можем контролировать ее судьбу, — говорит Гейл. — Уверен, что в какой-нибудь темной коробочке сидит тип и нажимает на большую кнопку, на которой написано «темно — светло». Этот процесс мы не можем контролировать».

....

Очень важно задать темп с самого начала съемочного дня. За тем, чтобы время не тратилось попусту, следит первый помощник режиссера. Если репетиция затягивается, он может предложить актерам отойти в сторону и обсуждать свои проблемы там, чтобы операторы могли приступить к работе. Когда режиссер предлагает снять еще один дубль, первый помощник может переспросить: «Вы уверены?», но подобное вмешательство небезопасно. Режиссер-новичок мо-

жет делать слишком много дублей, поэтому помреж иногда спрашивает: «Разве мы этого еще не сделали?» или «Вам не кажется, что пора двигаться дальше?» «Если дубль нужен для того, чтобы все сделать лучше, никто на площадке не возражает, — говорит первый помощник режиссера Кевин Уильямс. — Совсем другое дело, когда режиссер снимает дубли, потому что нервничает или не уверен в себе».

Геррит ван Дер Меер рассказывает такую историю. Питер Мидак снимал «Метод Сократа». Ему нужно было снять сцену, в которой пациентку судорожно рвет кровью. Ушло немало времени на то, чтобы присоединить шланг к лицу женщины и отрегулировать напор. Съемочная площадка была готова к 2.30, спустя тринадцать с половиной часов после начала съемочного дня. Геррит посмотрел дубль на мониторе. Ему показалось, что эта сцена достойна фильма ужасов. «Все было идеально. Режиссер сказал «Снято!», повернулся ко мне и спросил: «Еще один дубль?» Я ответил: «Нет, достаточно».

«Я никогда не считал съемки забавными. Многие актеры просто обожают сниматься, мне же это никогда не нравилось. Двенадцать, четырнадцать часов в день — кому это нужно? В театре ты репетируешь с одиннадцати до пяти в течение трех недель, а потом просто играешь. В дни спектаклей ты приходишь в театр к семи и к ночному ток-шоу Леттермана уже оказываешься дома. Вы понимаете, о чем я? Театр — лучше всего, просто там слишком мало платят».

– Роберт Шон Леонард

В любом сериале достаточно ведущему актеру заявить, что нужен еще один дубль, этот дубль снимают. Иногда сам режиссер замечает мелкие недостатки и предлагает повторить. Как-то раз Грег Яйтанис снимал сцену прохода двух актеров

четыре или пять раз. Когда используется камера Steadicam, многое может не получиться. «Ты просто подстраиваешься, — говорит Яйтанис. — Ты пытаешься режиссировать, но при этом постоянно наталкиваешься на стены. Я стараюсь снимать такие сцены на просторных площадках, а потом просто обозначаю границы, чтобы актеры знали, где нужно работать». Иногда актеры не успевают друг за другом. «Иногда я замечаю в игре актеров легкие накладки и промахи, которые хочется поправить. Все отлично знают своих героев. Я заранее все обсуждаю. Чаще всего актеры делают именно то, что мне нужно. У нас просто феноменальный актерский ансамбль».

Дубли дают возможность вносить незначительные изменения. Можно поправить свет. Иногда кажется, что массовки недостает или, наоборот, слишком много.

«У нас есть выражение: «Унесенные ветром» утром и «Придурки из Хаззарда» вечером». Утром у нас есть двенадцать часов — и все время мира. После обеда время сжимается. Нам нужно закончить к конкретному времени. Последние сцены заметно меняются, потому что все выложились еще с утра. Тут уже не до шедевров. Снимаешь, чтобы успеть снять».

– Кевин Уильямс

Чем больше дублей, тем труднее поддерживать постоянство. Актерам приходится повторять слова и действия. Актерам массовки нужно следить за тем, чтобы каждый раз вести себя одинаково. Если актер массовки выйдет не вовремя, то может получиться так, что один и тот же человек в течение одной сцены дважды пройдет по экрану в одном и том же направлении. Главный сценарист Айра Харвиц следит не только за соблюдением порядка сцен, но и за тем, чтобы актеры вели себя в каждом дубле абсолютно одинаково.

Случается, что на площадке актер говорит текст не совсем точно. Он подстраивает фразы под себя. Айра Харвиц связывается со сценаристом, чтобы убедиться в том, что смысл, вложенный в текст автором, не претерпел искажений. Не во всех сериалах сценаристов допускают на площадку. В «Докторе Хаусе» это непреложный порядок. Во время съемок иногда возникают неожиданные нюансы. Актеры вкладывают в слова такой смысл, о каком сценарист и не подозревал. «Я готов к сотрудничеству, — говорит Дэвид Хозелтон. — Никто не знает конкретный сценарий лучше меня. Если у кого-то возника-

ют вопросы: «А почему я это говорю?», я всегда готов дать ответ». Когда снималась серия «Счастье в неведении», Хозелтон вмешался, чтобы сказать, что гениальному Сидасу очень нелегко признать, что его сироп от кашля беспокоит его жену. Сценарист считал, что этот момент нужно подчеркнуть сильнее. «Мы не хотели упустить этот важный момент, — говорит Яйтанис. — Самое замечательное в присутствии на площадке сценариста — это наличие еще одной пары глаз... Дэвиду показалось, что мы показали это вскользь, а ему хотелось, чтобы зрители все поняли. В таких случаях приходится снимать новые дубли». Еще одна пара внимательных глаз принадлежит Хью Лори, который постоянно и активно участвует в съемочном процессе. «Хью — настоящий второй режиссер на площадке, — говорит Грег Яйтанис. — Он умеет работать в команде. Нужно быть безумцем, чтобы не прислушиваться к его идеям».

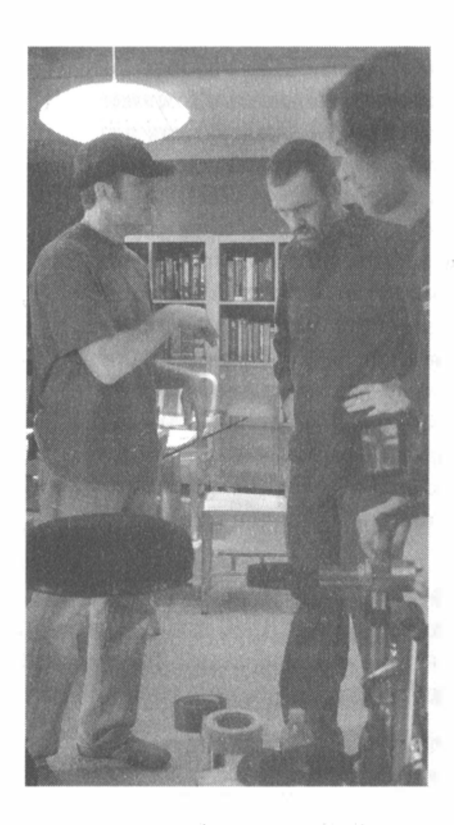
«Хью — настоящий перфекционист. Он очень много работает. У него нет выходных. Иногда сценарист, который присутствует на площадке, говорит, что все в порядке, но Хью начинает твердить: «Нет, нет, мы что-то упустили». Он очень дисциплинирован и трудолюбив. От его взгляда ничто не ускользает, и это очень помогает нам в работе».

– Томми Моран

После нескольких дублей режиссер завершает съемку и дает сигнал звукорежиссеру, чтобы тот заканчивал работу. Если он говорит: «Снято!», то на площадку устремляются осветители и гримеры. Это может нарушить звукозапись и осложнить съемку новых дублей. Съемка продолжается до тех пор, пока Грег Яйтанис не говорит: «Снято! Все в порядке. Печатайте». В условиях современной технологии фраза «печатайте» может показаться несколько странной, но она знаменует собой полное окончание работы. Другие режиссеры говорят: «Проверяйте объективы». Это означает, что оператор может открыть камеру, чтобы убедиться, что на линзу не налип волосок. Хотя и редко, но такое случается.

....

Любая плоская поверхность на съемочной площадке и в кабинетах всегда заполнена закусками — мюсли, шоколадные

«На площадке Хью превращается во второго режиссера»

батончики, свежие фрукты, чипсы, самые разнообразные орехи. Актерам и членам съемочной группы доставляют горячие завтраки, обеды и ужины. В специальном трейлере расположился полностью оборудованный буфет, куда можно зайти, чтобы выпить чашку кофе или перекусить сэндвичем. Еды здесь столько, что хватило бы на целую армию. Питанием сотрудников заведуют супруги Сьюзен и Брайан Бург. В те дни, когда работает только одна группа, Брайан и Сьюзен обеспечивают питанием 125 человек, а также актеров массовки. «Иногда нам недостает еды, и это ужасно», — говорит Сьюзен. «Но мы тут же обращаемся к сотрудникам канала FOX, и все улаживается», — подхватывает Брайан.

По правилам через шесть часов после начала работы членов съемочной группы должны обеспечить горячим питанием. Но продюсеры Геррит ван Дер Меер и Марси Каплан решили устраивать еще и горячие завтраки, что не предусмотрено правилами. «Люди проводят здесь очень много времени, — говорит Геррит, — поэтому им должно быть комфортно и удобно». «Если на площадке будут только полуфабрикаты, людям придется целый день этим питаться, — говорит Марси. — Мы пошли другим путем. Мы готовим настоящую еду. Да, это дороже, зато люди довольны».

Горячий завтрак сервируется по принципу «шведского стола» — яйца, картошка, тосты, овсянка. Главная трапеза дня — обед (сегодня подают тушеную капусту с говядиной).

Меню рассчитано на три недели или около того. «Курица, говядина... рыба с картошкой — все, что любит Хью Лори», — улыбается Сьюзен. Не останутся голодными и вегетарианцы («Лиза [Эделстайн] очень заботится о своем здоровье»). Сьюзен говорит, что Хью Лори всегда помогает ей выносить мусор из столовой. Сьюзен просит Брайана присматривать за ним, чтобы тот не ворочал огромные мусорные баки.

«Как-то раз я собрала весь мусор, и тут появился Хью. Я не успела остановить его. Я спросила: «Почему вы оказываетесь здесь каждый раз, когда я собираюсь выбрасывать мусор?» Он посмотрел на часы и ответил: «Ну сегодня я ждал вас полчаса – где, черт побери, вас носило?» Он прекрасный человек».

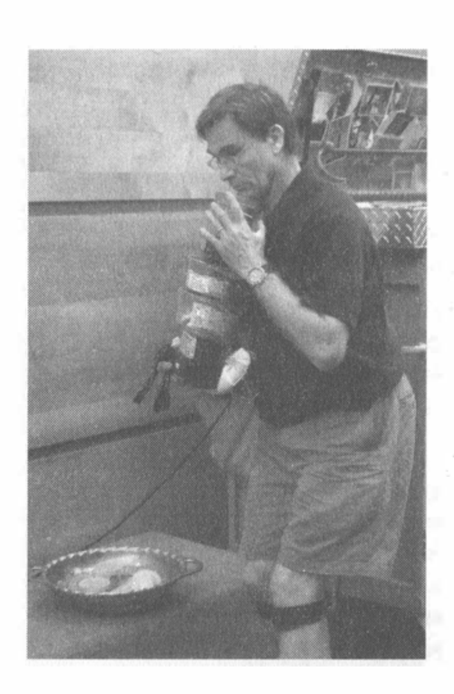
– Сьюзен Бург

Брайан Бург всю жизнь проработал в рекламе и кино. Они со Сьюзен собирались перебраться в Финикс, когда узнали, что в сфере обслуживания появилась работа для тех, кто не является членом профсоюза. После такой работы можно вступить в профсоюз, что открывает более широкие возможности. Сьюзен позвонили и предложили поработать в «Докторе Хаусе». Сьюзен могла сама выбирать себе помощников, и она пригласила Брайана. «Марси [Каплан] поговорила с нами и решила, что мы справимся», — вспоминает Брайан. Бурги не готовят. Горячую пищу доставляют на площадку, перегружают на тележки и доставляют к месту подключения к электричеству. Актеры и режиссеры могут поесть в любое время. Бурги заказывают еду в таких ресторанах, как Panda Express, Versaillesm In 'N Out Burger. «У нас больше всего любят Panda Express», — улыбается Брайан.

Сьюзен Бург рассказывает другую историю. Каждое утро Бурги неизменно подают то, что они называют «сырными яйцами». Когда Хью Лори получил премию Гильдии актеров экрана, то в ответной речи он сказал: «Я хочу поблагодарить Брайана и Сьюзен Бург за лучшие «сырные яйца», какие только готовят по эту сторону от Рио-Гранде».

Вопрос: «А рецептом поделитесь?»

Сьюзен Бург: «Мы же не готовим! Как-то раз мы сменили поставщика, и начался настоящий бунт. Никому не понравились новые «сырные яйца».

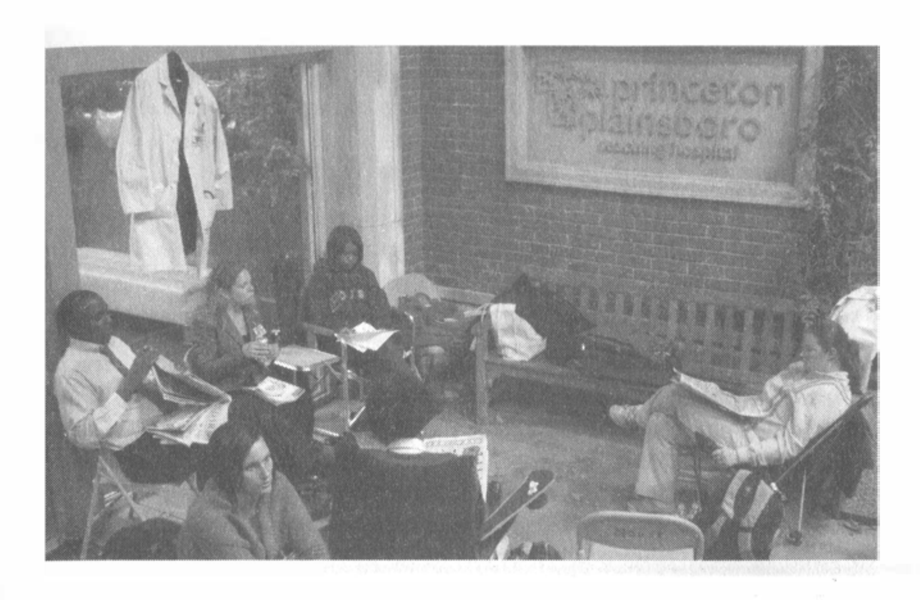

Кушать подано: Брайан Бург готовит легкий перекус

«Супругам тяжело работать вместе, — рассказывает Сьюзен. — Я была домохозяйкой, а Брайан хорошо зарабатывал. Если бы кто-нибудь сказал мне, что в 59 лет я займусь таким делом... Но наша работа нам нравится». Сьюзен и Брайан женаты уже тридцать лет. «Я люблю свою жену сильнее, — говорит Брайан, — чем когда-либо раньше».

Когда площадку начинают готовить для съемок следующей сцены, у части группы наступает перерыв. Актеры массовки собираются возле входа в больничный вестибюль, перед декорациями. Они сидят, читают газеты, проверяют почту или отправляются перекусить. На мусорных контейнерах возле входа в вестибюль висят таблички, которые напоминают всем, что это — не обычные урны, а часть декораций. Актеры отдыхают в своих трейлерах или читают журналы в «видеогороде». В уголке кто-то дремлет. Во время обеда люди исчезают — кто-то направляется обедать на другую площадку, в столовую телеканала, в собственный кабинет или трейлер.

Другие члены съемочной группы выполняют свои конкретные задачи. Джун получает отснятый материал и тщательно укладывает пленку в контейнер, чтобы отправить ее в лабораторию для обработки. Как только пленка поступает в лабораторию, начинается процесс постпроизводства. Все пленки тщательно маркируются и включаются в инвентарную опись. В описи указывается, какая это серия, что оказалось потраченным впустую или переработано. Мег Шейв из производственного отдела строго учитывает все инвентарные описи. Джун загружает в камеру новую пленку для съемок следующей сцены.

Актеры массовки ожидают вызова на съемочную площадку

Съемочная площадка — это арена, где командует режиссер. Здесь царит атмосфера большого бизнеса, но нет напряженности. Впрочем, не следует думать, что промахи легко сходят с рук. Все выполняют свою работу очень эффективно и точно. Актеры и члены съемочной группы стараются как можно быстрее добраться до каждой восьмой страницы сценария. Все давно знают друг друга и частенько подшучивают и разыгрывают. Сегодня режиссеру очень понравилась самодеятельность Оливии Уайлд. Пациентка жалуется на то, что врачи никак не могут понять, чем же она больна. «Я больна, — говорит она. — Вы говорите, что это одна болезнь, вы — что другая...» Уайлд обрывает ее: «Я что, единственная, кто смотрит этот сериал? Так мы и работаем!» Такие моменты приносят всем огромное удовлетворение и дают материал для киношного капустника по окончании съемок.

Хотя первый помощник режиссера всегда напоминает о необходимости выключить мобильные телефоны перед съемкой, всегда находится тот, кто этого не делает. Естественно, что телефон звонит в самый неподхо-

бой и очень щепетилен в еде. Все это свойственно и Форману. Его герой исключительно аккуратен и собран. Форман обладает отличным вкусом в одежде. Он предпочитает одежду от Пола Смита. И кое-что от Хьюго Босс».

– Кэти Крэнделл, художник по костюмам

ОМАР ЭППС О... ФОРМАНЕ

Вопрос: «Ваш герой всегда безукоризненно одет».

«Классный ход, верно?»

Вопрос: «Вы когда-нибудь носите что-нибудь, кроме костюмов?»

«Только если действие происходит в его квартире. Дома он в домашней одежде. Форман очень собранный человек. Он редко расслабляется».

Вопрос: «Форман очень честолюбив...»

«Несомненно. Последнюю пару лет он провел в интересном месте. Чейз и Кэмерон ушли, он тоже ушел и возглавил собственный отдел в другой больнице. Но там он воспользовался методами Хауса, и его уволили. В конце концов он смиренно возвращается в больницу. Когда создается новая команда, возникает новая иерархия. Я уже был здесь и теперь буду командовать. Хаус для всех начальник, но я – лидер команды, даже если другие врачи говорят, что лидера в команде нет».

Вопрос: «Вы проработали здесь шесть лет...»

«Я знаю, что некоторые врачи удивляются, как долго мы еще будем на побегушках. Но врачам этой команды нравится работать под руководством Хауса. Они хотят научиться у него быть лучшими в своей области. Формана больше всего волнует то, сможет ли он стать хорошим врачом».

Вопрос: «Что вы думали, когда увольняли Тринадцатую?»

«Уверен, что кого-то в мире выбор Формана порадовал».

Вопрос: «Форману уже пытались найти подружку, представительницу фармацевтической фирмы».

«Которая использовала Формана. Разумеется».

Вопрос: «Как вы думаете, что будет делать Форман?»

«Да, я думал об этом и разговаривал с Дэвидом Шором. Самое интересное в том, что они сами не знают. Съемки ведутся очень плот-

чил премию «Эмми». Когда предыдущий продюсер-режиссер покинул сериал ради пилотной серии, эту должность предложили Грегу, и он согласился. Надо сказать, что пятнадцать лет назад он считал, что на этом этапе карьеры будет снимать художественные фильмы. Но сегодня он понимает, что ему повезло попасть на телевидение, когда оно было не таким совершенным, как сегодня. У него появилась возможность пройти по всем ступеням карьерной лестницы. Хотя он и не соглашается с тем, что сейчас сценарная драма переживает золотой век (для подобных оценок должно пройти определенное время), Яйтанис не собирается уходить сейчас, когда он уже внес значительный личный вклад в развитие телесериала.

«Примерно три года назад я пришел к выводу, что меня вполне устраивает то, что я не занимаюсь режиссурой. Фильмы, которые мне предлагали, по своему качеству не дотягивали даже до одного эпизода «Доктора Хауса». Они не были ни столь увлекательными, как «Остаться в живых», ни столь интересными, как «24». Они не выдерживали никакой критики». Когда Яйтаниса спрашивают, какие серии ему нравятся больше всего, он сразу же называет свои: «Будь ты проклят, если сделаешь это», «Голова Хауса», «Неверующий» (за эту серию Дэвид Хозелтон получил Гуманистическую премию), а также последние шесть эпизодов пятого сезона, начиная с серии «Взаперти», в которой он впервые выступил в роли продюсера. «Это прекрасный цикл из шести серий. Если вы их посмотрите, то поймете, что все они разные». Разные по визуальному ряду, актерской игре, сюжетам. Заключительная серия, за которую была присуждена премия «Эмми», — «Раздвоение личности». «Если бы этот проект не был таким удивительным, — говорит Яйтанис, — то я работал бы в другом месте».

Напряженная коллективная работа и высокая квалификация всех членов съемочной группы приносят потрясающие результаты на всех уровнях: сериала в целом, эпизода, сцены, кадра. Трудно представить, что кого-то из этих людей можно убрать без ущерба для качества сериала. Кевин Уильямс рассказывает об особенно запомнившемся ему случае. Чейз сыграл свою трагическую роль в смерти диктатора Дибалы, и Форман узнал об этом. Работа Чейза, его брак, даже его свобода находятся под угрозой. Поможет ли ему Форман? Главной проблемой этой серии является этическая: можно ли лишить человека жизни ради спасения многих? И куда заведет Чейза его душевный кризис?

Форман спрашивает Чейза, чувствует ли он себя вправе совершить такой поступок и не испытывать никаких по-

следствий. «У нас было три камеры, – рассказывает Уилсон. – Одна была направлена на профиль Чейза. Мы снимали очень крупный план: силуэт в приглушенном освещении, волосы падают на лицо. Чейз наполовину был в тени. Зрители только догадывались о его чувствах, когда он отвечал Форману. Чейз знал, что последствия будут. Глубину испытываемых им эмоций нужно было передать в односложном ответе. А все остальное должно быть видно на крупном плане. И нам это удалось. Я сказал режиссеру: «Ты сделал это!» А он ответил: «Мы все сделали это».

«Очень многое зависит от освещения площадки, от обстановки и от атмосферы. Все это помогло Джесси... Парни стояли вокруг площадки с содовой, но на этой сцене все разбежались. Мы хотели, чтобы он пошел на площадку и сыграл свою роль. А когда он это сделает, можно начать веселиться... Снято. Печатайте. Мы сделали это. Вот теперь можно отправиться в бар. Наступает время для всего остального».

Когда Форман смотрит в зеркало, он абсолютно уверен. Он жаждет истины, даже в себе самом. Мы боялись, что он получится плоским и скучным, но ему вполне комфортно на своем месте. Его питает его происхождение.

Омар Эппс

ФОРМАН

ОМАР ЭППС

Все врачи в диагностической команде Хауса в то или иное время уходят и возвращаются. Эрик Форман не хотел возвращаться. Из всей команды он активнее всего критикует Хауса и его методы. Он знает, что Хаус способен украсть у Уилсона рецепты. «Хаус — наркоман» («Сын коматозника»). Форман сопротивляется любым намекам на то, что он похож на своего босса. «Да, я такой же, как он, — говорит он в серии «Яд». — Только мне недостает злости, горечи и помпезности». Мать же подростка, которого лечат Хаус и Форман, не видит в них никакой разницы. «Вы такой же помпезный и высокомерный, как и он», — говорит она Форману. Мальчик спрашивает у матери про врачей: «Кто эти люди?», и мать отвечает: «Это два высокомерных ублюдка, которые спасли твою жизнь». Войдя в лифт, Форман и Хаус опускают глаза и видят, что на них одинаковые кроссовки.

> «Для Хауса главное — загадка. Формана загадки привлекают точно так же, просто он решает их по-другому».
>
> – Омар Эппс

С пилотной серии было решено, что Форман в шестнадцать лет был под судом за взлом. Хаус принял его на работу, поскольку ценит его «уличные знания». Детектив Триттер знает, что у Формана есть брат в тюрьме. Он пытается уговорить Формана следить за Хаусом, обещая за это ускорить освобождение брата («В поисках Иуды»). Форман воспользовался вторым шансом. Он постоянно старается доказать, что достоин его. В «Воспитании щенков» Форман никак не может установить контакт с пациенткой Лупе, которая упустила свои возможности. Врачи команды Хауса, в том числе и Форман, совершают лечебную ошибку. Иммунная система Лупе уничтожена, и она не в состоянии бороться с инфекцией. Форман остается рядом с ней. Он рассказывает ей, что воровал машины и грабил дома, но сумел использовать свой второй шанс.

Форман: «Я никак не могу избавиться от мысли о том, что, если я не самый умный, не первый во всем, что я делаю, люди поймут, что мне здесь не место. И тогда меня отошлют назад».

Лупе: «Ты знаешь, что этого не случится. Ты вырвался».

Форман: «Мне никогда не вырваться».

Хаус считает, что винить себя в смерти пациентки не следует. Ошибки всегда случаются. В это же время приезжают родители Формана. Форман

не был дома восемь лет. Его мать больна. Когда он рассказывает матери о том, что произошло, она прощает его, но совершенно ясно, что она не понимает собственного сына.

В «Историях» Форман враждебно относится к бездомной пациентке, но все же приходит утешить ее, когда она умирает. Он знает, что ее муж и сын погибли в автокатастрофе, когда она была за рулем. У женщины галлюцинации. Форман говорит ей, что он – ее муж и прощает ее. Форман не испытывает симпатии к приговоренному к смерти убийце Кларенсу («Признание»). Но когда выясняется, что приступ ярости был вызван опухолью, он готов свидетельствовать в его защиту. (Хаус настаивает на том, чтобы он делал это в свободное время.) И снова дистанция, какую Форман пытается установить между собой и своим прошлым, сокращается: он не может остаться безразличным в этой ситуации.

> «Это отличная серия. Приговоренный к смерти чернокожий пытается установить контакт с Форманом, но Форман не такой, как он. Ты шнуруешь ботинки, ты трудишься изо всех сил, добиваешься отличных результатов. Форман не собирается подчиняться условностям расы, статуса или экономического положения».
>
> – Омар Эппс

Форман постоянно стремится самоутвердиться. Он самый честолюбивый из всей команды Хауса. В «Детоксикации» он говорит, что четырнадцать лет учился (по специальности он невропатолог), а Хаус заставляет его выкапывать дохлую кошку. Форман несколько раз возглавляет команду: когда Хауса во втором сезоне отстраняют от работы за то, что он солгал комитету по трансплантации, и в шестом сезоне, когда Хаус лишается лицензии после пребывания в психиатрической больнице. Хотя Кадди нравится стиль управления Формана, Хаус отказывается уважать его авторитет. «Человек, который имеет мужество нарушить плохое правило, – герой, – говорит Форман. – Хаус не нарушает правила, он игнорирует их. Он не Роза Паркс, он анархист». («Обман»). Свою прямолинейность Форман демонстрирует в серии «Полный провал», когда, почувствовав, что его отношения с Тринадцатой влияют на управление отделом, увольняет подругу.

Форман уже управлял отделом, но не в Принстон-Плейнсборо. После смерти Лупе он теряет уверенность в себе. Когда Хаус спасает двух братьев, проведя мучительную диагностическую процедуру, Форман сдается. Он увольняется.

> **Форман:** «Мне отвратительно то, что я могу слышать, как ребенок кричит от боли, и даже не задуматься над тем, правильно ли я поступаю.

Мне отвратительно, что, стремясь стать таким врачом, как вы, я становлюсь таким же, как вы, человеком. Я не хочу превращаться в вас».

Хаус: «Этого и не случится. Ты был таким же, как я, когда тебе было всего восемь лет».

Форман: «Вы спасете больше людей, чем я. Но я удовольствуюсь тем, что убью меньше. Вот мое заявление об увольнении» («Семья»).

«Форман говорит, что если мы позволим всем врачам вести себя, как Хаус, то морги в мгновение ока переполнятся. Он очень точно оценивает Хауса».

– Дэвид Шор

Кадди говорит Форману, что в жизни бывают вещи и похуже, чем превращение в Хауса. «Это неважно», – отвечает Форман («Увольнение»). «Я не хочу быть вами, – говорит он Хаусу. – Вы – жалкий человек».

Форман получает работу в нью-йоркской больнице «Мерси». Теперь он начальник – у него есть собственная команда («97 секунд»). И сразу же он нарушает правила, чтобы спасти жизнь. Он поступает точно так же, как в Принстон-Плейнсборо. Только здесь ему говорят, что он спутал спасение жизни и умение поступать правильно. Его увольняют. Оставшись без работы, Форман возвращается к Кадди и просит принять его. Он хочет получить повышение, личный кабинет, помощника. Она принимает его на прежнюю должность. «Наверное, ты будешь несчастен», – говорит Хаус. «Я уже несчастен», – отвечает Форман. Он просто не может уйти.

«Я думаю, что раньше он работал только по правилам. У Хауса он научился тому, что для того, чтобы найти ответ, приходится нарушать правила».

– Омар Эппс

Форману удается оставить свое криминальное прошлое позади. Когда Хаус обнаруживает, что Лукас не оставляет его команду в покое («Везучая Тринадцатая»), Лукас говорит, что Форман не делал ничего мало-мальски интересного лет с семнадцати. Чейз согласен, что Форман – скучный человек, хотя у него есть татуировки. Для Формана главное – работа. У него всего трое друзей («Полный провал»). Форман считает, что румынский мальчик в «Иголке в стоге сена» должен идти своим путем, не поддаваясь ограничивающему влиянию

семьи. Но мальчик отвечает ему, что Кэмерон, Чейз и Форман одиноки. Кэмерон и Чейз нашли друг друга. Что же остается Форману?

Для того чтобы понять, насколько хорош персонаж в личном общении, его нужно столкнуть с Кэмерон. В серии «Не будите спящую собаку» Форман пишет статью в журнал о случае, которым занималась Кэмерон. Кэмерон в ужасе — люди не должны так поступать. А Хаус, естественно, не удивлен — люди поступают именно так. Кэмерон берет себя в руки. Она говорит Форману, что должна была сдержаться, что не хочет, чтобы этот случай помешал их дружбе. Форман отвечает, что относится к ней с симпатией, но они — лишь коллеги, а не друзья, а следовательно, извиняться не за что.

> «Когда Форман находится на грани смерти, он заражает Кэмерон своей кровью. Это очень напряженный момент. Если создашь монстра, то, когда чудовище отключится от розетки и начнет жить собственной жизнью, ты не сможешь его контролировать».
>
> – Омар Эппс

Вскоре Форман оказывается в пустой комнате с терзаемым болью полицейским («Эйфория. Часть 1»). Чтобы заставить Кэмерон вернуться в дом полицейского и найти причину болезни, Форман уколол ее окровавленным шприцем. Форман излечивается и приходит к Кэмерон. «Прости, Эллисон. Я не должен был красть твою статью. Я не должен был подставлять тебя. Ты — настоящий друг. Мне нужно знать, что мы помирились». Но Кэмерон не сразу принимает его извинения. Форману приходится потрудиться, чтобы растопить лед. В шестом сезоне он выручает Чейза в деле Дибалы и приглашает его выпить, когда Кэмерон уходит от него («Счастье в неведении»). Но в конце третьего сезона он говорил Чейзу: «Ты мне не нравишься. Никогда не нравился. И никогда не понравишься» («Увольнение»). У Формана нет контакта с родителями, он не сближается с коллегами. Он обречен на одинокую холостяцкую жизнь. В первом сезоне у него возник роман с представительницей фармацевтической компании («Спортивная медицина»). Встретив Тринадцатую, он сначала присоединяется к шуточкам Хауса насчет ее «разносторонности». Но потом он влюбляется в нее — она, по крайней мере, не скучная. Через несколько недель перед ним встает этическая проблема, когда ему приходится руководить курсом лечения, который проходит Тринадцатая. Никто не должен знать о том, что он занимается этим курсом. Он приходит в квартиру Тринадцатой, чтобы узнать, следует ли она протоколу («Пусть едят пирожные»). А потом он организует курс таким образом, что Тринадцатая встречается с Дженис, девушкой, которая хорошо реагирует на новое лекарство («Без боли»). Когда Форман узнает, что Тринадцатая получает плацебо, он хочет перевести ее на настоящее лекарство, но это разрушит его карьеру — самое важное для него. Стоят ли один или три года, ко-

торые лекарство даст Тринадцатой, его карьеры, спрашивает Формана Хаус. Рисковать карьерой и репутацией — совсем не в характере Формана. «Если только ты ее не любишь, — говорит Хаус. — Когда любишь, то начинаешь делать глупости» («Большой ребенок»). И Форман все же меняет лекарства. Тринадцатая понимает, что сделал Форман. Она перестает принимать лекарства, но у нее уже опухоль мозга. В конце концов Форман проваливает клиническое испытание и пытается сохранить и собственную медицинскую лицензию, и лицензию Тринадцатой («Высшее благо»). Формен поступил безрассудно — он знал Тринадцатую совсем недолго. Хаус не готов ввести в свою команду еще одного члена: Формана вместе с Тринадцатой. «По отдельности они — отличные врачи, — говорит он Катнеру. — Вместе они — идиоты». Форман и Тринадцатая ищут новую работу. Хаус увольняет их обоих. Формана он берет назад, только удостоверившись, что он порвал с Тринадцатой («Неверующий»).

> «Шестой сезон совсем не о том, что Форман пытается взять верх над Хаусом. Как говорит Кадди, диагностический отдел существует только до тех пор, пока в нем работает Хаус... Форман парирует: «Это же ты держишь нас на зарплате. Если мы тебе не нужны, мы уйдем и будем жить собственной жизнью. Давай снова откроем отдел и двинемся вперед». Я думаю, что в этом — весь Форман. Думаю, зрители заметили, как он пытается заменить Хауса. Но заменить Хауса невозможно».
>
> - Омар Эппс

Но все же отношения между Форманом и Тринадцатой сохраняются до тех пор, пока честолюбие не одерживает верх над сердцем. Кадди передает управлением отделом Форману, пока Хаус лишен лицензии из-за пребывания в психиатрической клинике. Но Тринадцатая постоянно отвлекает Формана от работы. Пока Форман начальник, оба несчастны. Но он не хочет терять эту женщину. И тогда Форман начинает действовать («Полный провал»).

Тринадцатая: «Ты хочешь порвать со мной?»

Форман: «Нет. Прошлой ночью, когда я подумал, что это произошло, ты была здесь. Ты мне нужна. Я не хочу тебя потерять».

Тринадцатая: «Тогда почему же... ты увольняешь меня?»

Форман: «Мне очень жаль».

Вопрос: «Форман очень вежлив. Когда он увольняет Тринадцатую, видно, что это дается ему нелегко».

Омар Эппс: «Таков его стиль. У него большое сердце».

Форман не готов оставить работу руководителя отдела, хотя Тринадцатая считает, что на его месте поступила бы именно так. (Даже Хаус в серии «Без раскаяния» называет поступок Формана «идиотским».) Форман теряет все: Тринадцатая от него уходит, а Хаус возвращается и снова руководит отделом, пусть даже неофициально. Когда Хаус решает вернуть Тауба и Тринадцатую, Тринадцатая возражает, пока Форман не говорит, что между ними не будет никаких проблем («Командная игра»). Но зрители в этом не уверены. И наконец, в серии «Без раскаяния» Форман извиняется перед Тринадцатой за то, что уволил ее. Он признается, что сделал это ради себя самого. «Я все испортил, – говорит он. – Надеюсь, мы сможем работать вместе». На этот раз он действительно думает именно так. Его честолюбие сокрушено. Форман наконец-то начинает думать о своем сердце.

Прошлое Формана продолжает преследовать его. В серии «На новый рубеж» Хаус дает работу брату Формана, Маркусу (Орландо Джонс), который только что вышел из тюрьмы. Хаус пытается воздействовать на Формана, который убежден в том, что его брат неизбежно вернется на преступный путь. Впрочем, Маркус ничего особенного Хаусу не рассказывает, за исключением того, что их мать умерла, а Форман не стал выступать на похоронной службе. Но тут Хаус рассказывает все то, что знает об их матери. Обман Хауса сплачивает братьев. Уилсон считает, что Хаус именно этого и добивался.

Каковы бы ни были отношения между Форманом и Хаусом, Хаус необходим Форману и в негативной, и в позитивной роли. Когда Форман находится на грани смерти («Эйфория, часть 2»), его отец Родни обсуждает с Хаусом, что делать, если Форман впадет в кому. Родни говорит Хаусу: «Эрик говорит, что вы – лучший врач из всех, с кем ему приходилось работать». И он делает это так, словно озвучивает самую важную для сына вещь на свете.

Вопрос: «Вы не можете представить, чтобы Форман вернулся домой».

Оливия Уайлд: «Он спит в офисе на больничной койке. В фантастическом костюме».

Вопрос: «Он всегда очень элегантен».

Оливия Уайлд: «Это потому, что сам Омар Эппс всегда элегантен. Он всегда выглядит так, словно сошел со страниц журнала «GQ». Он всегда безупречен. И жена вечно поддразнивает его этим».

«Его костюмы прекрасны. Но он еще и красивый мужчина. Я хочу сказать, что он будет отлично выглядеть в любой одежде. Он в прекрасной форме, следит за со-

бой и очень щепетилен в еде. Все это свойственно и Форману. Его герой исключительно аккуратен и собран. Форман обладает отличным вкусом в одежде. Он предпочитает одежду от Пола Смита. И кое-что от Хьюго Босс».

– Кэти Крэнделл, художник по костюмам

ОМАР ЭППС О… ФОРМАНЕ

Вопрос: «Ваш герой всегда безукоризненно одет».

«Классный ход, верно?»

Вопрос: «Вы когда-нибудь носите что-нибудь, кроме костюмов?»

«Только если действие происходит в его квартире. Дома он в домашней одежде. Форман очень собранный человек. Он редко расслабляется».

Вопрос: «Форман очень честолюбив…»

«Несомненно. Последнюю пару лет он провел в интересном месте. Чейз и Кэмерон ушли, он тоже ушел и возглавил собственный отдел в другой больнице. Но там он воспользовался методами Хауса, и его уволили. В конце концов он смиренно возвращается в больницу. Когда создается новая команда, возникает новая иерархия. Я уже был здесь и теперь буду командовать. Хаус для всех начальник, но я – лидер команды, даже если другие врачи говорят, что лидера в команде нет».

Вопрос: «Вы проработали здесь шесть лет…»

«Я знаю, что некоторые врачи удивляются, как долго мы еще будем на побегушках. Но врачам этой команды нравится работать под руководством Хауса. Они хотят научиться у него быть лучшими в своей области. Формана больше всего волнует то, сможет ли он стать хорошим врачом».

Вопрос: «Что вы думали, когда увольняли Тринадцатую?»

«Уверен, что кого-то в мире выбор Формана порадовал».

Вопрос: «Форману уже пытались найти подружку, представительницу фармацевтической фирмы».

«Которая использовала Формана. Разумеется».

Вопрос: «Как вы думаете, что будет делать Форман?»

«Да, я думал об этом и разговаривал с Дэвидом Шором. Самое интересное в том, что они сами не знают. Съемки ведутся очень плот-

но. Нам кажется, что они продумали весь сезон, но на самом деле это не так.

Мне хочется, чтобы характер Формана развивался, потому что благодаря этому я чувствую себя бодрее. Куда он пойдет? Захочет ли он остаться в больнице и работать в собственном отделе? Или займется частной практикой? Хочет ли он иметь семью?»

Вопрос: «А что насчет Тринадцатой?»

«У Тринадцатой еще много лет впереди. Если она захочет иметь ребенка, то тот с 50-процентной вероятностью будет болен синдромом Хантингтона. Я думал об этом и разговаривал со сценаристами. Скорее всего, Форман этого не захочет, но сценаристы твердят: «Нет, он ее так любит, что захочет иметь от нее детей».

«Я думаю, что их отношения настолько интересны для зрителей, что нужно дать им шанс увидеть Формана и Тринадцатую в личной жизни. Так забавно видеть Формана в пижаме с тарелкой мюсли за завтраком. Он никогда еще не представал в таком свете. Эта уязвимость забавна и интересна. Это просто удивительно».

– Оливия Уайлд

Вопрос: «А что вы думаете о поведении Формана во время клинических испытаний?»

«Сказать ей правду было проявлением уважения и доверия. И бесстрашия – ведь она доверяла ему».

Вопрос: «Готов ли Форман рискнуть карьерой ради двух-трех лет, прожитых вместе с Тринадцатой?»

«Все зависит от того, кто об этом думает. Главная слабость сериала – в отсутствии здоровой семейной атмосферы. Хаус – отец, он стремится всех защитить. Чейз совершает безумные поступки, Форман... Кадди все об этом знает и играет роль Матушки-Гусыни. Уилсон похож на Хауса, но в то же время он помогает всем и вся. Во время клинического испытания Форман хотел проявить благородство. Ему все твердили: «Что ты делаешь? Тебя лишат лицензии!» Ему пришлось вернуться в реальную жизнь».

Вопрос: «Давайте вернемся к вашему ужасному поведению в отношении Кэмерон. Вы украли ее статью...»

«Этот поступок был продиктован честолюбием и уверенностью в собственной правоте. Это было интересно, потому что Форман оправдывал себя тем, что Кэмерон не собирается использовать тот случай сама».

ОМАР ЭППС О... ХАУСЕ

Вопрос: «Можно ли назвать Формана и Хауса единомышленниками?»

«Их определенно заводит одно и то же... Хаус подкалывает Формана относительно его юности, хочет покопаться в его переходном возрасте. Он явно талантливый врач. Он умеет видеть всю картину в целом и готов идти на риск. Возможно, Хаус знает это, а Форман пока еще нет».

Вопрос: «Его интересует ваше прошлое...»

«Для него это часть загадки. Хаус просто одержим желанием знать. Хорошо, я готов взять тебя на работу, но я должен прочесть каждую главу твоей жизни, должен знать о тебе абсолютно все, и тогда мы будем на равных. Он был наркоманом и был абсолютно открыт в этом отношении. Все знают обо мне все, следовательно, и я должен знать все обо всех, верно?»

Вопрос: «Разница в том, что Формана больше интересуют люди?»

«Да, конечно. Для Хауса все просто: пациент поступает, он в полном раздрае, мы его лечим, разбираемся с его болезнью и избавляемся от него. Форман другой: мы лечим его, мы разбираемся с его болезнью, но, если мы просто отправим его отсюда, он вернется в прежнее состояние. Не отправить ли его к психологу? Вот таков Хаус, и это правда. Нравится вам это или нет, но это попытка постоянно быть честным, даже если для этого нужно лгать и играть. Все равно, все возвращается к истине. Я думаю, люди уважают в Хаусе это качество, восхищаются им. Мы все люди, и нам хочется обладать подобным качеством».

Вопрос: «А существует ли абсолютная истина?»

«Да. Она не нуждается ни в каких оценках. Она абсолютна – и все. И она отличается от фактов. Нет, истина – это истина. Если люди религиозны или верят в высшую силу, или не верят, в их душе все равно живет истина. Когда смотришь в зеркало, знаешь, что есть истина, а что – нет. Это ежедневная битва. С этим мы имеем дело каждый день».

Вопрос: «Форман более сдержан, чем Хаус...»

«С Хаусом людям приходится жить по чужим правилам – мне бы хотелось сказать это своему боссу. Я бы хотел сказать это моему другу. В реальной жизни для всего есть время и место, и он живет в этом маленьком пространстве, где его время сжато до предела. Он откровенен с пациентами, и Форман такой же».

Вопрос: «Форман пытается помочь Хаусу после смерти Катнера».

«Он пытается удержать его. Хаус не предвидел происшествия с Катнером. Именно это пытаются внушить ему все остальные герои – успокойся, такое бывает. Хаус с этим не согласен. У него для всего есть причина, во всем есть научное начало. Он идет с этим к родителям, к Тринадцатой и Таубу, и все твердят ему: «Это не твоя вина, никто не мог знать». Хаусу трудно с этим смириться. Его естественное состояние – искать для всего причину. Он проецирует это отношение на родителей. Это было очень сложно снимать».

Вопрос: «Хаус не очень щепетилен в расовых вопросах».

«Это не волнует Формана – ведь он знает Хауса. В последнем сезоне Хаус делает вместе с Уилсоном фрикадельки, и Уилсон поддевает его. Шутки бывают не самые политкорректные. Но это все равно смешно. Наши герои отражают нашу собственную нетерпимость и ханжество. Он играет с тем, что происходит в подсознании многих людей. Форман достаточно толстокож.

И мы возвращаемся к вопросу семьи. Членам семьи можно сказать и рассказать что угодно, даже то, чем невозможно поделиться с посторонними людьми, не входящими в семейный круг. Наши персонажи живут в таком мире».

Вопрос: «Он присматривает за вами?»

«Конечно. А мы присматриваем за ним. В конце дня такое отношение в буквальном смысле спасает жизни».

Вопрос: «Хотя вы все убивали людей…»

«Да… Постоянно побеждать не удается…»

ОМАР ЭППС ОБ… ОМАРЕ ЭППСЕ

Вопрос: «Вы учились в школе Ла-Гардия» (школа «Славы», где преподают актерское мастерство и музыкальное искусство).

«Да, это было давно».

Вопрос: «Каково вам в Лос-Анджелесе?»

«Я переехал сюда 13–14 лет назад. И приехал ради бизнеса. Первые несколько лет я вообще не обращал внимания на все вокруг. Я приехал, чтобы работать. Сейчас у меня есть семья и дети, и для

меня многое стало важно. Я люблю Лос-Анджелес, но скучаю по дому. Качество жизни здесь удивительное.

Я хочу в любом месте чувствовать себя как дома. Мне многого недостает. Приезжая, я буквально купаюсь в этом. Но дом мой там, где я живу. Значит, так и должно быть».

Вопрос: «Вы играли очень сложные сцены. На крупных планах видно, что вы испытывали невероятную боль».

«Многим я обязан тем, с кем работаю, актерам, членам съемочной группы. Их работа во многом влияет на игру актера. Когда все вокруг раздражает, сосредоточиться сложно. Но ты знаешь, что нужно делать. Я ощущаю поддержку, поэтому могу позволить себе быть уязвимым. Это очень мне помогает».

Вопрос: «Вы занимаетесь этим делом очень давно. Как вам удается найти в актерском мастерстве нечто новое?»

«В этом и кроется главная привлекательность нашего сериала. Я чувствую, что значительно вырос как артист. Наши сценарии, по моему мнению, лучшие на телевидении. Работать здесь очень интересно и сложно. Это всегда по-другому… Когда только начинаешь, нет никаких ожиданий, нет поддержки и все такое. Как только набираешься опыта, планка уже установлена. Мы установили собственную планку. Знаете, на телевидении принято постоянно превосходить самих себя. Главное, что с самого первого дня это доставляет нам удовольствие. Мы поверили в первый сценарий и откликнулись на него по глубоким причинам. У нас царит та же атмосфера, что и в самый первый день».

Вопрос: «Ваш сериал пользуется огромной популярностью во всем мире. Влияет ли это на вашу работу?»

«Не совсем. Мы скромны, но нам льстят… Главное в зрителях – это их непредсказуемость. Никогда нельзя почивать на лаврах. У нас масса безумных поклонников. Когда мы впервые вышли в эфир, у нас было шесть миллионов зрителей, но они влюбились в наш сериал. И те же самые люди смотрят нас и сейчас. Молва – это страшное дело. Ко мне постоянно подходят люди и говорят: «Моя мама обожает ваш сериал. Наконец и я согласился посмотреть, и вы мне понравились». А кто-то говорит: «Это любимый сериал моих детей. Они мне всю плешь проели, чтобы я посмотрела. Я посмотрела, и мне понравилось». Для меня это невероятно. Вся телевизионная продукция рассчитана на определенную аудиторию, а нам удалось завоевать абсолютно всех. Для меня это удивительно».

5

ГОРОД АКТЕРОВ

ПРОЦЕСС КАСТИНГА

«Иногда лучший апельсин – это лучший апельсин, а лучший Джон Уэйн – это лучший Джон Уэйн».

– Эми Липпенс, руководитель службы кастинга

Кастингом в «Докторе Хаусе» занимаются три профессионала: Эми Липпенс, Стефани Лаффин и Дженелл Скудери. Они отвечают за подбор актеров на все роли со словами. Они работают в сериале с самого первого дня и пересмотрели тысячи актеров на сотни ролей. Кроме того, они знакомы с огромным количеством актеров. Они постоянно смотрят телевизор, ходят в кино и театры, бывают в актерских мастерских. Они часто запоминают актеров на случай, если подвернется подходящая роль. Можно прийти к ним на пробы, получить отказ, а через год – предложение другой роли. На стене кабинета Дженелл Скудери висит фотография Дэйва Мэтьюза. Дженелл постоянно думала о нем и наконец нашла для него роль («Недоумок»). Стефани Лаффин хранит измятую и порванную фотографию Желько Иванека и всегда возит ее с собой из кабинета в кабинет. Для него тоже нашлась роль отчаявшегося человека, захватившего заложников в серии «Крайний шаг».

Служба кастинга всеобъемлюща. У них есть люди в Нью-Йорке, которые могут записать пробу актера. Они знают, кто пользуется популярностью в театрах лондонского Вест-Энда. На каждую роль у них есть сотни вариантов. «Такова наша работа, — говорит Эми Липпенс. — Думать о замечательных актерах и о том, куда бы их пристроить». Каждую неделю новый сценарий открывает массу новых возможностей, и зачастую для роли подходит знакомый актер. В «Докторе Хаусе» играют те, кого Эми Липпенс подбирала для фильмов еще двенадцатилетними подростками. «На протяжении лет мы много раз работаем с одними и теми же людьми, — говорит Эми. — А есть и такие, с кем мы много лет хотели работать и вот наконец нам это удалось... Для нас это карьера, а не рутинная работа, потому что мы занимаемся этим делом очень давно. Актеры доверяют нам свою карьеру до самой пенсии. Мы просто подходим к вопросу кастинга очень благоразумно».

....

Как и все остальные, служба кастинга получает сценарий за восемь дней до начала съемок. (И это еще хорошо! В некоторых сериалах сценарии задерживаются, и кастинг приходится проводить по нескольким страницам, а то и вовсе без сценариев.) Их могут предупредить о каких-то особенных обстоятельствах, но все остальное может меняться вплоть до появления окончательно утвержденного сценария. Как только сценарий получен, нужно определить, сколько актеров потребуется и какие требования следует учесть. Нужны ли дети? Актеров приходится спрашивать, умеют ли они стрелять и есть ли у них аллергия на латекс. А порой нужны те, кто не испытывает аллергии на кошек и собак и не возражает, чтобы по ним прыгали блохи.

Персонажи в сценарии редко описываются подробно и конкретно. В лучшем случае указан возраст. Мужчина в сценарии может превратиться в женщину на съемках, а роль, написанную для чернокожего, получает белый. То же самое происходит и в других сериалах. Доктора Бена Гидеона из сериала «Скрещивание Гидеона» Кэти Джейкобс должен был играть Джером Групмен, а сыграл актер «Доктора Хауса» Андре Брауэр. Любая написанная роль — это возможность найти отлич-

ного актера. Сценаристы не пытаются загнать актеров в строгие рамки, а дают им возможность проявить себя.

«Мы работаем быстро и должны выдерживать темп, потому что многие отделы ждут от нас новых талантов, чтобы они могли работать дальше. А монтажеры реализуют наш замысел и выпускают его в эфир».

– Эми Липпенс

После того как сценарий проанализирован, начинаются разговоры с Кэти, со сценаристом и режиссером. Внесенные изменения влияют на работу службы кастинга – персонажи становятся чуть моложе или чуть старше. Когда требования сформулированы более конкретно, сотрудники службы составляют список потенциальных претендентов на роль. На крупные роли, для которых требуется прослушивание в присутствии режиссера и продюсеров, приглашают не меньше восьми актеров. (Руководство студии и телеканала утверждает только постоянных исполнителей.) Если в списке двенадцать-пятнадцать человек, то почти наверняка он сократится до восьми, потому что часть актеров уже занята. Утверждаются последние требования, и отбор начинается.

Удивительно, но на маленькую роль медсестры, которая произносит одно предложение, просматривают до пятнадцати человек. Актеры, берущиеся за подобные роли, обычно имеют меньше опыта и нуждаются в руководстве. В «Докторе Хаусе» существуют стандарты, которые нужно поддерживать. «Нам нужны люди, которые соответствовали бы уровню всех актеров, участвующих в съемках, – говорит Эми Липпенс. – У нас очень высокие требования к уровню актерского мастерства. Даже если у вас всего одна строчка, вы должны суметь сыграть эту роль».

Количество претендентов огромно – от людей, для которых актерство – это вторая профессия, и тех, кто начал работать довольно поздно, до опытных театральных актеров и тех, кто имеет собственные сериалы и играет главные роли в кино. «В нашем распоряжении уйма актеров», – говорит Эми. В Лос-Анджелесе снимается большинство телевизионных фильмов и сериалов, поэтому и актеров здесь предостаточно. Лишь некоторые серии снимаются на Восточном побережье. Служба кастинга «Доктора Хауса» иногда приглашает актеров из Нью-Йорка – в серии «Обман», к примеру, играла Синтия Никсон.

«Иногда нам нужно то, что есть только в актерах с Восточного побережья или из Чикаго, — говорит Эми Липпенс. — У этих людей удивительно характерные лица».

Лишь немногие актеры действительно из Лос-Анджелеса. Не говоря уже об иностранцах, в «Докторе Хаусе» играет уроженка Чикаго Дженнифер Моррисон (кстати, в этом городе родился и Питер Джейкобсон). Джейкобсон живет в Нью-Йорке, где родился Омар Эппс. Роберт Шон Леонард родился в Нью-Джерси, где росла Лиза Эделстайн, родившаяся в Бостоне. Сама Эми из Балтимора, Стефани из Бостона, а Дженелл — из Коннектикута.

Хью Лори — не единственный британский актер, строящий карьеру в Голли-вуде. Он идет по протоптанной тропе. В сериале «Вспомни, что будет» играет множество британцев: Джозеф Файнс, Соня Уолгер, Джек Дэвенпорт и Доминик Монаган (он же играл в сериале «Остаться в живых»). Вспомним еще Тима Рота из сериала «Обмани меня». Едва ли не больше в последних сериалах австралийцев. Они исполняют две из трех главных ролей в сериале «За гранью». Саймон Бейкер играет в «Менталисте», Джулиан Макмагон — в «Частях тела», Энтони Лапалья и Поппи Монтгомери — в «Без следа», где играет также британка Мириам Жан Батист. И так далее и тому подобное. Не все эти актеры играют американцев. Это не означает, что любому актеру из стран Содружества легко найти работу. «Это не так, — говорит Дженелл. — Порой попадаются очень неважные актеры».

Телевидение, киноиндустрия и театр стали международным бизнесом. Многие американские актеры работают в Европе. Служба кастинга любит подбирать тех, кого уже выбрали сценаристы. Если персонаж — японец, то ищут японского актера, на роли британцев предпочитают брать британцев. У Стефани Лаффин есть длинный список британских актеров, с которыми ей нравится работать. Особую симпатию у нее вызывают Джина Макки и Генри Кэвилл. Получить разрешение на работу для нерезидентов США довольно сложно. Этот процесс занимает не меньше полутора месяцев. Подобный срок устраивает Франку Потенте, которую подбирали во время летнего перерыва, но тем, кто должен работать по обычному восьмидневному расписанию, это никак не подходит. Поэтому актеры, чтобы получить роль, должны иметь «грин-карту» или быть гражданами США.

Все сотрудники службы кастинга без ума от акцента Хью Лори. Стефани Лаффин считает, что соперничать с ним может только Марк Райленс («Боинг-Боинг» на Бродвее) и Дэмьен Льюис («Жизнь»). «Когда кто-то го-

ворит, что у человека отличный американский акцент, я говорю: «Ну-ка, дайте послушать. Он так же хорош, как и Хью?» Обычно наступает неудобная пауза, а потом человек признается: «Ну, не совсем».

Эми Липпенс считает, что это еще одна удивительная черта Лори. «Мы прослушали очень много британских актеров, но они и сравниться с ним не могут... У него безукоризненный американский акцент. Кроме того, он играет очень сложную роль — его персонаж ходит с тростью. А лексикон! Это очень, очень трудная роль. А то, что он британец, лишь придает ему очарования. Он просто блистателен!»

Чтобы найти актеров, в службе кастинга просматривают прежние пробы и собственные заметки, сделанные на основе долгих часов просмотра телевизора и кино. Здесь постоянно в курсе занятости разных актеров. Телевидение работает, как школа, с сентября до весны. Но новые программы снимаются круглый год, и актеры нужны всегда. Агенты постоянно пытаются пристроить своих клиентов: письмами, открытками, по электронной почте, телефону, при встречах с руководством сериалов в неформальной обстановке. «Мне нравится, когда агент работает активно,» — говорит Стефани. «Он играет священника в другом сериале!» Такие слова выводят меня из себя, — злится на агентов Эми Липпенс. — А вдруг его клиент может играть только священников? Упрощает ли это нашу работу? Да. Чувствуем ли мы, что работаем наилучшим образом? Нет».

Кэти Джейкобс — неиссякаемый источник ценных для службы кастинга идей. «Кэти никогда не забывает актеров», — говорит Дженелл Скудери. Она запоминает лица и вспоминает о них, если они могут пригодиться позднее. Подбирая актеров для «Трех историй» из первого сезона, Джейкобс попросила пригласить того, кто ей понравился на прослушивании на роль Чейза. Для этой роли он должен был идеально подойти. Эндрю Киган стал студентом-медиком, который разговаривает с Хаусом в сценах в амфитеатре.

«Для одного из эпизодов мы составили список актеров. Расс и Джи (Расселл Френд и Гарретт Лернер) хотели найти актера, чью речь было бы лучше слышно, чем видно. Нам нужен был актер с характерным голосом. Мы нашли идеальную кандидатуру. Этот парень всю жизнь читал тексты под музыку. Он стал настоящей кинозвездой».

– Стефани Лаффин

Кабинеты, где проходит кастинг, обычно бывают самыми старыми и маленькими, а прослушивания устраиваются в соседних помещениях. То, что должно было бы быть событием напряженным и морально тяжелым, проходит довольно спокойно. На недавнем прослушивании пожилых актеров претенденты так расшумелись в приемной, что их пришлось успокаивать. Эти люди вместе ходили на прослушивания лет тридцать. Встретившись снова, они были очень рады друг другу. «Все актеры разные — говорит Эми. — Одни любят поговорить, другие предпочитают одиночество и тишину».

И вот прослушивание начинается. Актеры по очереди входят в помещение и читают свою роль. Комиссия просматривает пленки, которые они взяли с собой, потому что камера улавливает такие нюансы, которые сложно заметить невооруженным взглядом. Иногда решение принимается сразу, а иногда приходится подумать день-другой. Время очень важно. Если продюсеры или служба кастинга чувствуют, что не нашли исполнителя, все начинается снова и длится до самой последней секунды. Прослушивания можно устраивать раз за разом, потому что, как любит говорит Стефани Лаффин, Лос-Анджелес — город актеров.

....

У руководителей службы кастинга наметанный взгляд. Они чувствуют актеров. Они редко просят о помощи коллег с других сериалов, разве что нужно найти что-то исключительное — например, актера, который говорит на мандаринском диалекте, или слабослышащего подростка. Очень важно сохранять уникальную атмосферу сериала, сделать так, чтобы он не выглядел, как любой другой телевизионный продукт. «Мы очень много работаем над тем, чтобы быть другими», — говорит Стефани Лаффин. Очень важно, чтобы зрители не видели одного и того же актера во всех сериалах. «Мы хотим сохранить свежесть и отличаться от других, — добавляет Эми Липпенс. — У нашего сериала своя неповторимая атмосфера».

Так что же они хотят найти в актере? Им нужна достоверность — предстоит ли актеру играть врача, пациента или пилота. Актер должен без затруднений произносить такие фразы, как «альвеолярная рабдомиосаркома». На прослуши-

вании актеры должны вести себя уверенно и успешно взаимодействовать со своими коллегами. Пока все нормально. Кроме того, если актеру придется играть человека, живущего в Нью-Джерси, где в декабре люди не такие загорелые, как в Лос-Анджелесе, то он и выглядеть должен соответственно. Все это кажется мелочами, но из таких мелочей и складывается успех отдела по подбору актеров. «Нам нужен человек, идеально подходящий для конкретной работы, — говорит Дженелл. — У него может не быть рекомендаций, и он может не быть Джеймсом Эрлом Джонсом». Всегда очень важно не удовольствоваться очевидным. Если актер всегда играет богатых, или рабочих, или жертв преступников, то он может и не пойти на кастинг в такой сериал, как «Доктор Хаус». Хотя, как говорит Эми, однажды такое случается, потому что лучший апельсин — это лучший апельсин.

Одно лишь известное имя еще не означает, что человек получит роль. В некоторых сериалах роли пишутся для конкретных исполнителей. В «Докторе Хаусе» все не так. Конечно, если актер знаменит, это не означает также и того, что он не получит роли. Джеймс Эрл Джонс был приглашен на роль диктатора Дибалы в рамках обычного восьмидневного расписания. Джонс находился в Нью-Йорке, остальные же актеры пришли на прослушивание в Сенчури-Сити. Некоторые актеры настолько известны, что прослушивания им не нужны, и все же процесс проходит точно так же.

«Высший кастинг» — это ситуация, в которой сериалу нужен известный человек, просто в силу его известности. Когда рейтинги сериала падают, каналы часто просят продюсеров пригласить известных актеров, чтобы привлечь внимание любопытных зрителей. «В первом сезоне они говорят: «Вам нужен высший кастинг», — говорит Кэти Джейкобс. — На самом деле это очень сложно — ведь еще никто не знает, кто мы такие. Высший кастинг заметно упрощается именно тогда, когда он совершенно не нужен».

История того, как Питер Джейкобсон получил и чуть было не потерял роль Тауба, очень поучительна. До появления Тауба Джейкобсону предложили участвовать в «Докторе Хаусе» в качестве приглашенной звезды. В первом сезоне ему досталась роль адвоката Фоглера в сце-

не в суде. Джейкобсону не нужно было прослушивание, роль была его. Агент твердил, что он должен согласиться. Но через десять дней после съемки Питеру пришлось вылететь в Австралию, где он три месяца снимался в сериале «Развод по-голливудски». В последнюю секунду он решил, что подобные перелеты слишком утомительны. Через своего агента он отказался от роли. Если бы он принял первое предложение (две сцены), то никогда не стал бы Таубом. Иначе зрители могли бы подумать: «А разве три года назад этот пластический хирург не был адвокатом?»

Кэти Джейкобс работала с Питером Джейкобсоном в сериале «Скрещивание Гидеона» в 2001 году. Поэтому, когда в «Докторе Хаусе» появился новый персонаж, она сразу же о нем вспомнила. Служба кастинга сообщила, что Джейкобсон в Нью-Йорке. Они собирались связаться с ним и записать пробу. Но Стефани Лаффин заметила, что актер обедает в местном ресторане. «Что он здесь делает? – подумала она. – Этого не может быть!» (Джейкобсон «случайно» приехал с женой в Лос-Анджелес.) Джейкобсон понял, что роль может стать постоянной, что было весьма привлекательно. Жена просмотрела сценарий, присланный для прослушивания, и пришла в восторг. «Это же ты!» – воскликнула она. Поскольку Джейкобсон все еще колебался (это был второй его опыт с «Хаусом»), жена сказала: «Ты что, с ума сошел?!» Так сериал получил своего доктора Тауба.

В каждом отделе возникают свои проблемы. Для службы кастинга самое сложное – это найти актера на роль, которая почти не прописана в сценарии. Кэти Джейкобс требовалось много актеров для ее двухчасового эпизода «Сломленный». Она стала подбирать их еще до того, как был написан сценарий. Она выбрала Андре Брауэра, которого знала по «Скрещиванию Гидеона», и Лин-Мануэля Миранду, которого видела на Бродвее в мюзикле «В Хайтс». Франка Потенте («Беги, Лола, беги» и фильмы про Борна) проявила интерес к сериалу. Она встретилась с Кэти в конце пятого сезона и была приглашена на роль в «Сломленном».

Этим и другим актерам Джейкобс сделала предложение. «Я написала: «Мы делаем нечто особенное. Думаю, Вы прекрасно подойдете для роли соседа Хауса (к примеру). Не хотели бы Вы сыграть у нас?» – рассказывает Джейкобс. – И все они согласились, даже не видя сценария. Сценаристы работали, имея их в виду». Если бы Джейкобс начала кастинг, когда сценарий будет написан, то сдать серию в срок вряд ли удалось бы.

А порой бывает и так, что невероятно сложное задание буквально сваливается с неба. «Мы расстались в конце третьего сезона. Я помню, как на прощание Кэти сказала: «В следующем сезоне мы собираемся влить свежую кровь», — вспоминает Стефани Лаффин. — А я ответила: «Да, да, счастливо отдохнуть». А потом Эми позвонили: «Мы собираемся добавить новых персонажей...» Сорок человек! «Но нам не дали ни минуты дополнительного времени», — вздыхает Эми. Решение Хауса сменить состав своей первой диагностической команды реализовалось за два эпизода. Нужно было сорок актеров, но не все роли были со словами. Хаус отверг целую кучу людей, которые не нашли времени поговорить. И все же оставалось более двадцати ролей со словами, в том числе три, которым предстояло стать постоянными. А для этого пятерым актерам нужно было пройти студийные пробы и пробы на телеканале. Речь идет об исполнителях ролей Тауба, Катнера, Тринадцатой, Большой любви и Эмбер. «Мы просто засучили рукава и начали работать, — говорит Эми Липпенс. — Нам пришлось искать актеров в разгар кастинга на телевидении, и у нас было мало времени. Это было очень тяжело. Мы всегда хотим выполнить свою работу наилучшим образом. А тут нам пришлось выполнять свою работу за восемь дней так, словно у нас было два месяца».

Нельзя сказать, что она постоянно думает о болезни Хантингтона. Она не смогла бы справиться с этим, если бы думала о болезни постоянно. Она с головой уходит в работу, потому что только на работе забывает об этом. Это заставляет ее быть хорошим врачом, спасать больше жизней — ведь собственную она спасти не может. В этом заключена ужасная ирония — даже Хаус не может ее спасти. Но они всегда совершают невозможное. Я не удивлюсь, если ее роль была придумана для того, чтобы совершить очередное чудо.

Оливия Уайлд

ТРИНАДЦАТАЯ

ОЛИВИЯ УАЙЛД

В Принстон-Плейнсборо редко называют друг друга по именам — даже Чейз называет жену «Кэмерон». Когда на места Эрика, Эллисон и Роберта было подано сорок заявлений, Хаус использовал собственную систему. Претендентку под номером 13 он называет «Китти Карлайл» — именем знаменитой бродвейской актрисы, которая выступала лет семьдесят назад. Тринадцатая правильно предположила, что ее пациент — пилот. Она не сообщает ему своего имени, поэтому так и остается Тринадцатой. Впрочем, лучше быть Тринадцатой, чем получить прозвище «Беспощадной Стервы» (Эмбер, которая была претенденткой под номером 24) или «Перевозбужденным приемным ребенком» (Катнер, претендент 6). И уж конечно, это лучше, чем превратиться в «Черного религиозного психа» или «Большую любовь», что произошло с Коулом.

Несмотря на отсутствие имени, Тринадцатая пробуждает любопытство Хауса — точно так же, как раньше Кэмерон. Беспечность Тринадцатой привела к смерти пациента — она не убедилась в том, что он принял таблетки от стронгилоидоза («97 секунд»). Это явный повод для увольнения (Хаус увольняет кандидатов, которые принимают Бадди Эбсена за Невилла Чемберлена), но Тринадцатую оставляют.

> «Я была безумно рада, что мне сразу поверили и доверили такую важную сюжетную линию. Я подумала: «Вау, здесь мне дадут развернуться!» Если я могу убить кого-то прямо сразу, значит, я им понравилась. А вот если герой убивает собаку, это означает, что его все ненавидят».
>
> – Оливия Уайлд

Шестым чувством Хаус понимает, что с Тринадцатой что-то не так. Уилсон говорит, что Хауса тянет к женщинам типа Тринадцатой, Кэмерон и Эмбер. «Ты нанимаешь красивых девушек, порабощаешь их, заставляешь их быть рядом с тобой, просто потому что не умеешь строить настоящих отношений. Если они — хорошие врачи, оставь их. Если нет — уволь или попроси уволиться». Но этому совету Хаус следует только в отношении доктора Терзи из ЦРУ. Тринадцатой же он подмешивает наркотик в кофе с кофеином, и это вызывает у нее судороги («Лучше тебе не знать»). Хаус понимает, что с Тринадцатой не все просто. Он находит некролог ее матери, которая умерла после продолжительной болезни. Паркинсон? Нет, Хантингтон! И тут даже Хаус говорит: «Мне жаль».

«Это очень хорошо для повышения драматизма сюжета. У Тринадцатой смертельная болезнь без надежды на излечение. Это усложняет характер – мысль о болезни, которая сулит человеку ужасные события и заставляет постоянно думать о том, когда это случится. Очень интересная дилемма».

– Дэвид Фостер

Болезнь Хантингтона – безжалостный убийца, влияющий на разум и тело. Человек, страдающий болезнью Хантингтона, постепенно теряет контроль над движениями – настолько, что лишается возможности говорить и есть. Он может сохранить трезвость ума, но при этом впадает в депрессию и начинает думать о самоубийстве. Эта болезнь с вероятностью в 50 процентов передается по наследству. Болезнь завершает свое смертельное течение за десять – двадцать лет. Болезнь Хантингтона называют «пляской святого Витта» или хореей – это слово также означает «танец». Сначала Тринадцатая не делает анализов. Она не знает, что у нее развивается смертельная болезнь.

Тринадцатая: «Незнание заставляет меня делать то, чего я боялась. Я хочу научиться летать на самолете, подняться на Килиманджаро, работать с вами».

Хаус: «Да, ты не сможешь ничего этого сделать, если узнаешь».

Естественно, что Хаус не может отказаться от возможности разгадать загадку Тринадцатой. Он откровенно намекает ей, что хочет все знать. Когда Эмбер пострадала в автокатастрофе, Тринадцатая не может работать. Эмбер ей не нравилась, но для нее невыносима мысль о том, что молодая женщина умирает так рано. «Соберись и продолжай работать, – говорит Хаус. – Или уходи». Тринадцатая справляется с собой. После смерти Эмбер она делает анализ на болезнь Хантингтона. Анализ оказывается положительным. В серии «Смерть меняет все» Тринадцатая говорит пациентке, что ей осталось жить лет десять. «Я не хочу просто закручивать гайки и следовать инструкциям. Я хочу быть другой – просто ради себя». Хаус, как всегда, циничен. «Почти смерть не меняет ничего, – говорит он Тринадцатой. – Все меняет только смерть».

Дэвид Шор: «Мне нравится, что в ее голове появился гигантский вопросительный знак. Есть люди, жизнь которых, возможно, совсем коротка, но они предпочитают не знать об этом».

Вопрос: «А это то, от чего Хаус не может уйти…»

Шор: «Именно! Если бы Тринадцатая все узнала тем или иным образом, это изменило бы всю концепцию в самом начале».

В серии «Везучая Тринадцатая» героине Оливии Уайлд кажется, что ее болезнь быстро прогрессирует. Она с тоской думает о приближающейся смерти. Когда девушке, которую она находит в баре, становится плохо, Тринадцатая привозит ее в больницу и признается в том, что даже не знает ее имени. «Пустой, бессмысленный секс, — говорит ей Хаус. — Я ждал, что ты сорвешься с катушек, узнав о своем диагнозе. Но это больше, чем я мог рассчитывать». Когда Тринадцатая пропускает диагностический сеанс, потому что ей нужно поставить капельницу после похмелья, Хаус ее увольняет. Но Тринадцатая не уходит. Она помогает поставить диагноз девушке. Она хочет, чтобы ту лечил сам Хаус. Тринадцатая сочувствует ей, потому что думает, что у той тоже неизлечимое заболевание. Когда Хаус видит, как Тринадцатая облизывает губы, он все понимает — у его новой пациентки синдром Шегрена. «Еще одна жизнь спасена благодаря лесбийской любви», — говорит Хаус.

Тринадцатая начинает рисковать еще сильнее. Хаус снова берет ее на работу, говоря, что та будет катиться по наклонной, пока не разобьется, но до этого момента может быть полезной. В конце «Везучей Тринадцатой» она находит себе новую подружку. А потом в «Крайнем шаге» она соглашается испытать на себе лекарство, которое Хаус прописывает Джейсону (Желько Иванек), захватившему заложников. «Это куда больший риск, чем секс с девушками», — предупреждает ее Хаус. Он говорит, что Тринадцатая хочет умереть, но ей не хватает для этого мужества. Она отвечает, что не хочет умирать. Тринадцатая принимает участие в клиническом испытании нового лекарства, которое Форман проводит на пациентах, страдающих болезнью Хантингтона. Эта серия с самого начала была перегружена этическими и личными проблемами. Тринадцатой не нравится, что Форман включил ее в испытание. Встреча с пациенткой по имени Дженис напоминает Тринадцатой о том, как ее мать забрали в больницу, когда она сама была совсем девочкой по имени Реми. Она рассказывает Форману о том, что мать часто кричала на нее. «Я хотела, чтобы она умерла», — говорит Тринадцатая. Она не стала прощаться с матерью.

Тринадцатая относится к клиническому испытанию неоднозначно. Ей кажется, что Форман манипулирует испытанием и, следовательно, ею самой. Когда Форман начинает давать ей настоящее лекарство,

кажется, что у Тринадцатой появилась новая надежда. Она даже заговаривает о том, чтобы когда-нибудь родить ребенка («Большой ребенок»). Но Форман слишком спешит. Из-за лекарства Тринадцатой становится хуже. У нее возникает опухоль мозга, и она теряет зрение. Ради ее спасения Форман готов рискнуть своей карьерой и работой в Принстон-Плейнсборо.

> «В эпизоде с заложниками, когда она оказывается под дулом пистолета, Тринадцатая начинает по-другому относиться к смерти. Именно Форман заставляет ее выбрать жизнь, попытаться излечиться. Но во время клинического испытания его чувство вины усугубляется тем, что он дал ей ложную надежду... Испытание заканчивается неудачей, счастливой развязки не наступило».
>
> – Оливия Уайлд

Клиническое испытание не помогло Тринадцатой, но ее падение приостановилось. Она преисполнена решимости продолжать работать в Принстон-Плейнсборо и быть с Форманом. Она признается, что скучает по другим женщинам и другим мужчинам:

Тринадцатая: «Моногамия – это все равно что заявить, что, однажды попробовав мороженое «Рокки Роуд», больше никогда не будешь покупать никакого другого».

Форман: «Ты хочешь сказать, что, не получив розовой жевательной резинки, ты будешь гоняться за фургоном с мороженым?»

Тринадцатая: «Нет. «Рокки Роуд» – отличное мороженое. Очень вкусное и изысканное...» («Лучшая сторона»)

Вопрос: «Как вы относитесь к ее сравнению моногамии с мороженым?»

Оливия Уайлд: «Она реалистка. Она знает, что Форман стремится к традиционным отношениям, поэтому пытается заставить его понять реалии жизни. Мне нравятся слова Трюффо, сказанные им о Жюле и Джиме: моногамия – это не выход, но все остальное еще хуже. И Тринадцатая считает именно так: моногамия нереальна, но дружеский союз бесценен. Думаю, она найдет способ решить эту проблему, но пока что она в поиске».

Форман понимает, что не может быть начальником Тринадцатой и одновременно иметь с ней личные отношения. Он увольняет ее, но и

личные отношения тоже рушатся. Форман не признается в том, что совершил ошибку, хотя впоследствии великодушно признает, что может работать вместе с Тринадцатой. Тринадцатая собирается перейти на другую работу, но тут возвращается Хаус и берет ее и Тауба обратно. Соблазняя Тринадцатую, Хаус приходит в ее спортивный зал, где она занимается, пытаясь бороться с проявлениями болезни. Тринадцатая готова проводить время с Хаусом, хотя в ее теле находится бомба с часовым механизмом.

Внешность Тринадцатой

«Она – очень стильная девушка. Тринадцатая бисексуальна, поэтому она одевается слегка андрогинно. Она суперсексуальна, суперженственна и супермужественна одновременно, насколько это возможно».

– Кэти Крэнделл

Вопрос: «У нее есть цветовая гамма?»

Кэти Крэнделл: «Да. Она любит серый и черный, синий и баклажановый, серовато-синий и серовато-зеленый. Все сероватые оттенки. Эти цвета идеально сочетаются с тоном ее кожи и цветом глаз».

ОЛИВИЯ УАЙЛД О... ТРИНАДЦАТОЙ И ФОРМАНЕ

Вопрос: «Рискнет ли Форман своей карьерой ради пары лет, проведенных с Тринадцатой?»

«Пока что они знают друг друга очень недолго... Он готов это сделать, пытаясь предотвратить неизбежное. Ради тех, кого любим, мы готовы сделать все, что угодно».

Вопрос: «Есть ли у Тринадцатой и Формана будущее?»

«Тринадцатая попытается построить отношения с Форманом. Если это не сработает, она найдет способ сохранить нормальные отношения, но не будет отказываться от своей любовной жизни. Возможно, она будет пытаться строить отношения с другими людьми».

Вопрос: «Ей нужно встречаться с кем-то не с работы…»

«Я тоже так думаю, но все они слишком много времени проводят на работе. Меня беспокоит то, что в унынии и депрессии она ищет себе только женщин. Это побочный эффект депрессии и беспомощности. Я не думаю, что это так. Я не думаю, что сценаристы хотели показать именно это. Но именно так это все и выглядит. Мне кажется очень важным то, что, встречаясь с мужчиной, она анализирует свою бисексуальность. Возможно, она попытается построить нормальные отношения с женщиной, и тогда будет ясно, что она делает это не из-за того, что больна и подавлена».

ОЛИВИЯ УАЙЛД О… БОЛЕЗНИ ХАНТИНГТОНА

«Эта болезнь явно привлекает наших сценаристов, потому что в ней есть нечто загадочное… Найден способ раннего ее выявления, и Тринадцатая к нему прибегла. Многие делают анализы, многие не делают. Мне интересно, насколько различается качество жизни людей из разных групп».

Вопрос: «А что сделали бы вы?»

«Я хотела бы знать. Экзистенциалисты на протяжении веков говорили, что, столкнувшись со смертью, смирившись с ней, начинаешь жить по-другому, жизнь становится более наполненной».

Вопрос: «Ваша героиня так и поступила».

«Я думаю, что это было неизбежно. Думаю, что сама поступила бы так же на ее месте. Только любовь может помешать сделать это».

Вопрос: «Но вы не можете предотвратить неизбежное. В вас заложена бомба с часовым механизмом».

«Я видела, как моя мать умирала от болезни Хантингтона, поэтому я точно знаю, что меня ждет. Но потом я стала изучать то, как работает и как ломается человеческое тело. Для меня нет тайны».

Вопрос: «У вас есть какие-то симптомы?»

«У Тринадцатой есть определенные неврологические симптомы, но пройдет еще несколько лет, прежде чем они станут ощутимы. В сериале есть пациент, страдающий болезнью Хантинтона, поэтому зрители понимают, что ждет Тринадцатую. Это очень важно,

потому что большинство зрителей ничего не знают об этой болезни. Если мы будем просто мрачно говорить, что у Тринадцатой появляются определенные симптомы, но не показывать, насколько они ужасны, зрители не испытают эмоционального сочувствия к ней. Но стоит нам увидеть Дженис, и мы думаем: «О, нет, с Тринадцатой этого быть не может!» Мы надеемся на то, что она выздоровеет. Я думаю, она сумеет сделать свою жизнь нормальной и полной».

ОЛИВИЯ УАЙЛД О... ТРИНАДЦАТОЙ

«Доктор Хаус» – пожалуй, самый сложный производственный сериал на телевидении. Я знала об этом, когда шла на кастинг. Было интересно прийти после нескольких сезонов, потому что я уже слышала отзывы о том, что происходит на съемочных площадках».

Вопрос: «Вы смотрели «Доктора Хауса» до начала работы?»

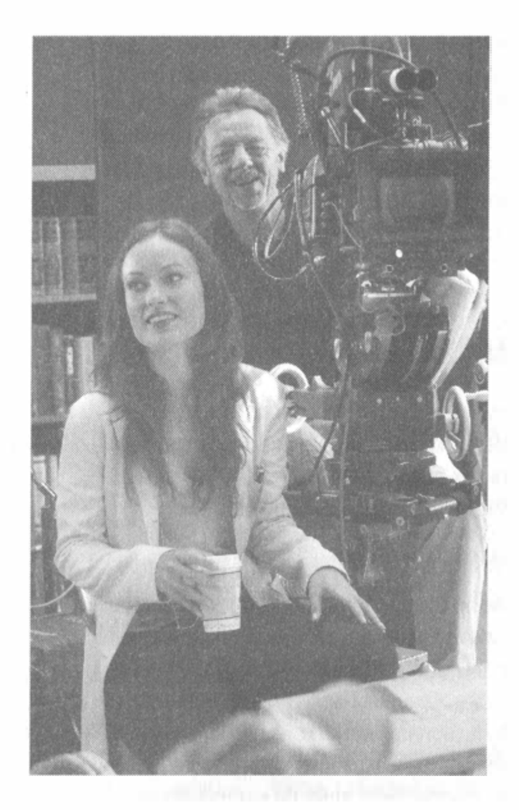
«Я не большой любитель телевизора, но я слышала об этом сериале и знала, что там есть отличные роли для женщин. Я собиралась играть в Нью-Йорке, но тут агент сообщил мне, что в «Докторе Хаусе» может появиться новая роль женщины-врача. Если повезет заполучить эту роль, нужно быть полной идиоткой, чтобы отказаться. Я ответила, что не собираюсь снова работать на телевидении. Он ответил: «Нет, это совсем другое. Тебе вряд ли когда-нибудь попадется такой блестящий сценарий!» И он был прав. Он дал мне прекрасный совет».

Вопрос: «Каким был процесс отбора для четвертого сезона?»

«Мы не знали, что будет происходить на следующей неделе. Несколько человек знали, что мы будем работать в нескольких эпизодах. Мы не знали, как это будет происходить. Я никак не ожидала, что у меня будет столько работы и что моя героиня окажется одной из ведущих с самого первого момента».

Вопрос: «Первоначально вы рассчитывали на роль Эмбер...»

«Я пробовалась на роль Эмбер, а Энни Дудек – на роль Тринадцатой. Мне хотелось играть Эмбер. Я считала ее очень жизнерадостной. Мне казалось, что будет забавно играть такого персонажа... Когда мне сказали, что я буду Тринадцатой, я ответила: «Ну не знаю, она такая непонятная». А мне ответили: «Это очень интересная роль». Мне все

Оливия Уайлд готова к крупному плану

же хотелось играть Эмбер. Энни говорила, что точно так же относилась к своей роли – ей хотелось играть Тринадцатую. Но они оказались правы. Я не смогла бы сыграть Эмбер с таким блеском, как это сделала Энни. Я абсолютно счастлива, что все сложилось именно так».

Вопрос: «Легко ли вам учить медицинские термины?»

«Думаю, что учить медицинские термины – все равно что учить Шекспира. Сказать своими словами нельзя, нужно просто запомнить. В этом есть своя прелесть. В конце концов начинаешь все понимать. Помню, что на прослушивании это казалось мне очень сложным. Но самым сложным словом тогда было «кишечник». Мне нужно было запомнить термины «толстый кишечник» и «тонкий кишечник». В середине прослушивания я их забыла и просто выругалась вслух. Я была в ужасе, а Кэти Джейкобс посмотрела на меня и сказала: «Вы – точно такая же, как и все в нашем сериале. Не волнуйтесь, такое случается каждый день».

Вопрос: «Вы все очень убедительно играете врачей...»

«Чаще всего нас спрашивают: «Как вы все это запоминаете?» А потом спрашивают: «Так ли интересно все это играть, как и смотреть?» Я часто сталкиваюсь с этим в нью-йоркском метро. Люди спрашивают, действительно ли мы разбираемся в медицине. В первом эпизоде у меня произошло забавное происшествие

с Хью. Я говорила с ним об одной болезни и спросила, можно ли вылечить ее этим лекарством. Он задумчиво посмотрел на меня и ответил: «Знаете, я ведь не врач…» О, боже! Простите! Я же это знаю!»

Вопрос: «Изменились ли ваши отношения с настоящими врачами?»

«С того момента, как я начала сниматься в этом сериале, я стала относиться к ним с большим уважением. Я стала более подробно им все рассказывать, потому что поняла, в чем мы неправы. Мы ждем, что врачи совершат чудо, а сами не даем им всей необходимой информации.

Но какая другая команда врачей будет тратить столько времени и сил на благо пациента? Мне бы хотелось попасть в руки такой команды – пятерых докторов, которые день и ночь ищут способ лечения, забывая о самих себе. Думаю, это все потому, что наш сериал делают канадцы, хотя мы над этим и не задумывались. Дэвид Шор с легкостью придумывает, как расстаться с пациентами, покидающими больницу».

Вопрос: «Ваша судьба предопределена. А что, если есть возможность ее изменить?»

«Я думаю, что Тринадцатая изменилась больше всех. Из очень замкнутого, скрытного человека, который упрямо держит все в себе, она превратилась в женщину, открытую для здоровых отношений, способную позаботиться о себе. Она изменилась самым кардинальным образом. Она – живое доказательство того, что люди могут меняться. Хаус может измениться. Его попытки очиститься являются признаком перемен. Он хочет измениться, и это само по себе уже перемена».

ОЛИВИЯ УАЙЛД ОБ… ОЛИВИИ УАЙЛД

Вопрос: «Ваша фамилия Кокберн (родители Оливии, Лесли и Эндрю Кокберн, журналисты). Значит, вы выросли в доме, где постоянно велись оживленные дискуссии и трещали пишущие машинки…»

«Я не знала другого мира. Это было очень интересно. Я всегда чувствовала, что родители держат руку на пульсе мира. Я могла задавать им любые вопросы о мире, о политике, о любом историческом

периоде. Я была уверена в том, что они знают все. Мне всегда хотелось действовать… Я отношусь к актерской игре, как журналист: я изучаю свою героиню точно так же, как журналисты изучают темы своих статей».

Вопрос: «Говорили ли вы о политике за обедом?»

«Я считаю, что очень полезно расти с пониманием того, что дебаты – неотъемлемая часть любой дискуссии. Левые всегда стараются понять, кто из них самый левый. Все люди разные. У меня есть очень консервативные родственники. Я с самого детства знала, что для того, чтобы спорить с республиканцем, нужно научиться говорить на его языке… то есть на языке денег. Если нужно уговорить республиканцев нанимать в школы более квалифицированных учителей и платить им больше, нужно указать на то, что это повысит объем валового национального продукта. Если бы их еще можно было уговорить снизить налоги…»

Вопрос: «А Кэл Пенн покинул нас ради работы в Белом доме…»

«Я спрашивала Кэла, насколько иной стала его работа в администрации, и он сказал, что это – совсем не то, что актерская игра. Например, когда холодно, никто не даст тебе теплое пальто. Вот такие мы инфантильные люди. «Так холодно. Почему никто не протягивает мне кашемировое пальто?» Забавно смотреть, как подобные мелочи его раздражают».

Вопрос: «У вас очень тесные связи с Ирландией…»

«Мой отец ирландец, поэтому мы часто ездим туда-сюда».

Вопрос: «Отсюда и Уайлд?»

«Отчасти да. В нашей семье есть традиция брать литературные псевдонимы. Мой дедушка Александр писал колонку в журнале The Nation под псевдонимом, и мне это всегда казалось очень романтичным. Когда мне было пять или шесть лет, я мечтала писать романы ужасов. Моя тетя Сара Колдуэлл была превосходной детективщицей. Помню, как спросила ее, какой псевдоним мне взять. Меня всегда привлекала эта идея.

Как только я поняла, что в этом бизнесе рассчитывать на тайну личной жизни не приходится, мне захотелось построить барьер, отделяющий бизнес от семьи. Защитить себя и защитить своих родных. Получить возможность идти собственным путем. Я росла в окру-

ге Колумбия в семье известных журналистов. Поэтому я с раннего детства считала себя частью особого круга и ценила это. Но мне всегда хотелось идти своим путем... Вспомните Сигурни Уивер, которая взяла имя героини романа Фицджеральда, и это имя определило ее артистический путь.

Я участвовала в спектакле «Как важно быть серьезным», играла роль Гвендолин. Оскар Уайлд меня поразил. Я погрузилась в его мир. То, как он отстаивал свою индивидуальность и свои принципы, не может не вызывать уважения. Несмотря на все унижения, он сохранил чувство юмора – необходимое для того, чтобы выжить в этом мире.

А кроме того, это солидная англо-ирландская фамилия».

Вопрос: «Вы учились в Ирландии?»

«Мне было восемнадцать лет, и я поступила в школу актерского мастерства в Дублине. Мне нравится Дублин. Кельтский Тигр стал настоящим художественным центром. Достаточно заглянуть в любую щель, и перед вами развернется пьеса Беккета. Это удивительный, потрясающий город. Быть в нем очень приятно. Дублин оказал на меня огромное влияние. Идешь смотреть спектакль, а потом пьешь пиво с Колмом Мини, игравшим главную роль. И никаких барьеров...

Оттуда я поехала в Нью-Йорк, чтобы продолжить изучение актерского мастерства. Мой учитель сказал, что нужно проучиться не меньше года, чтобы понять, действительно ли это мне нужно».

Вопрос: «Если бы вы могли быть неизвестной актрисой, не стало ли бы это для вас идеальным выходом?»

«Конечно! Тогда можно сосредоточиться на собственной работе и не терзаться страхом и неуверенностью. Лучшие актеры не испытывают страха. А очень трудно не бояться, когда знаешь, что тебя сразу же будут критиковать. Впрочем, с этим нужно справляться...»

Вопрос: «Я читал о вас и о Джулии Кристи...»

«Она – прекрасный наставник и учитель. У нее очень реалистический подход к нашей работе. Она очень скромная, даже слишком. Она говорит: «Когда я была моложе, то не была так хороша...» Она прекрасно умеет отключаться от суеты».

Вопрос: «Вы учитесь у Хью Лори?»

«Я постоянно спрашиваю у него совета. Он – настоящий источник мудрости. Он очень самокритичен. Хью – очень добрый и чуткий человек. Он отвечает на все мои вопросы, и его советы для меня бесценны. Его раздражает собственная известность, но, думаю, он с этим прекрасно справляется. Он – великий драматический актер. Знаете, многие актеры считают, что раз уж они добились успеха в одном жанре, то так и нужно работать».

Вопрос: «Расскажите мне о работе в фильме «Трон: Наследие».

«Это нечто совершенно другое. Было очень важно сделать что-то, чего я по-настоящему боялась. Никогда не думала, что смогу сыграть в фантастическом фильме. Эта работа мне очень понравилась. Было очень интересно. Но этот фильм заставил меня по-настоящему оценить «Доктора Хауса». У нас совершенно невероятные сценаристы. Мы привыкли, что все логично, продумано и взаимосвязано – даже с тем, что происходило несколько лет назад. На телевидении сценаристы контролируют ситуацию. Это их мир, а кино – мир режиссера. Я всегда советуюсь со сценаристами, обсуждаю с ними свою героиню. Я попробовала поступить так же в кино, и сценаристы были просто поражены: «Актеры обычно с нами не общаются».

Вопрос: «Как вам удалось все совместить?»

«Съемки проходили во время нашего перерыва. Мы закончили снимать «Трон» в Ванкувере в 6.30 утра понедельника, и в тот же день я вернулась в Лос-Анджелес на съемки «Хауса».

Вопрос: «Вам понравилось делать что-то новое?»

«Я думаю, что очень важно сохранять баланс. Думаю, мне хотелось сделать что-то совершенно иное. Мы с мужем (Тао Располи) вместе сделали фильм («Фикс»). Это было, когда я только вошла в сериал «Доктор Хаус». Я смогла это сделать только потому, что была замужем за режиссером – никакой другой режиссер не стал бы подстраиваться под мое расписание».

Вопрос: «Вы хотите чаще сниматься в кино?»

«Когда люди видят тебя в белом халате, то начинают предлагать роли, связанные с высоким положением и властью. Если играешь врача, то сможешь играть полицейского, политика, пожарного. Лю-

бого, кто наделен властью. Люди воспринимают меня всерьез – и это хорошо. Моя задача – работать в разных жанрах, легко и просто переходить от комедии к драме, как Кейт Бланшетт или Мерил Стрип. Великих ролей немного, они попадаются редко, но все же они есть.

Я снималась у Пола Хаггиса вместе с Расселом Кроу и ухитрилась сделать это за две недели. Спасибо нашим продюсерам за то, что они извещают нас заранее... Сериал для меня важнее всего, поэтому вся моя работа завязана на расписание «Хауса». Если удается найти что-то, что этой работе не мешает, если готов не спать и смотреть на мир красными от усталости глазами... На следующий перерыв у меня уже запланирована пара проектов».

Вопрос: «У вас бывает отпуск?»

«Когда мне начнут говорить, что я слишком старая, тогда я и возьму отпуск. Очень важно иметь несколько дней отдыха, чтобы восстановить силы и обрести вдохновение. Нужно иметь возможность читать, ходить в театры и помнить, что и зачем ты делаешь... Если утром я не успеваю прочесть газеты, то испытываю настоящую тревогу».

Вопрос: «Давайте поговорим о словах...»

«Это очень интересный язык. Некоторые могут говорить: «Ну, сценария пока нет, но директор интересуется, если сценария нет, то...» Я не могу позволить себе смириться с плохим сценарием, но за это я себя еще больше уважаю».

Вопрос: «А вы сами что-нибудь пишете?»

«Да, и стараюсь делать это чаще. Думаю, что в конце концов буду заниматься этим делом».

Вопрос: «И что же вы пишете?»

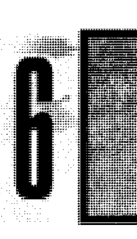
«Мне нравятся книги «нон-фикшн». Я описываю свои мысли по разным поводам. Иногда я пишу рассказы. Пока я еще не готова представить свои труды читателям. Я создаю интернет-сайт, и это забавно. Интернет вызывает у меня чувство обиды и дискомфорта, но единственный способ утвердиться – это иметь в нем собственное место. И тогда можно работать на своих условиях.

Я ценю то, что блогосфера сделала для демократизации журнали-

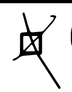
стики. Ужасно то, что никто не проверяет фактов. Идея истины чужда Интернету… Думаю, вместо того чтобы просто обижаться, нужно создать собственную страницу, где можно высказаться. С удовольствием хочу сказать, что собираюсь взять интервью у Джулии Кристи по вопросу… моногамии. Мне неинтересно обсуждать банальные темы типа «я и мой день» или то, в каком макробиотическом ресторане мой собеседник сегодня обедал».

Вопрос: «Вы должны это сделать, потому что у вас слишком мало занятий!»

«Вы правы. Нужно перестать лениться».

ЕСЛИ ЭТО КОГДА-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ

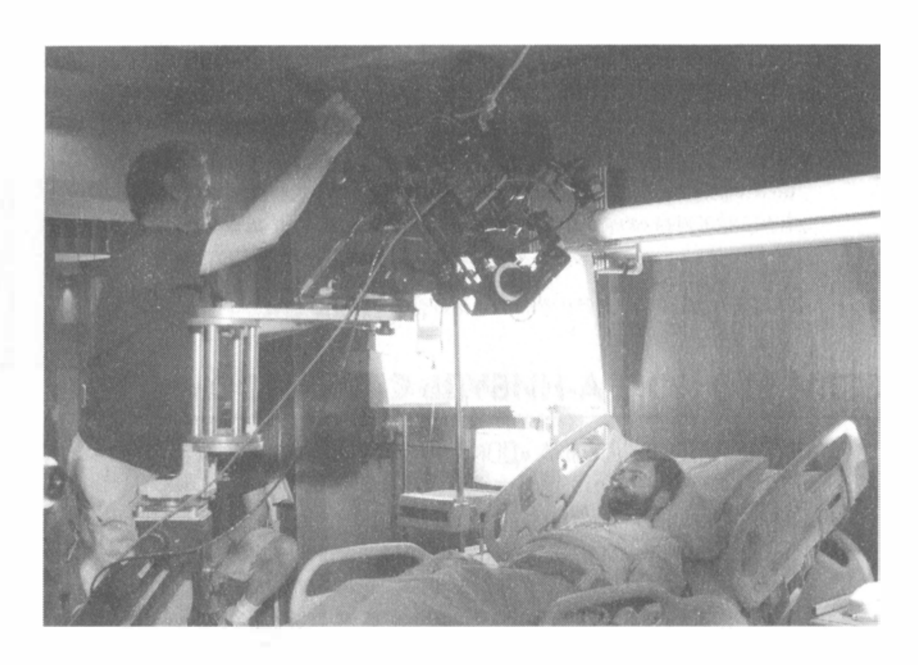

СТРАННАЯ МЕДИЦИНА «ДОКТОРА ХАУСА»

«Если это когда-нибудь случалось, значит, мы можем это сделать. Во врачах есть нечто замечательное – они все записывают. Есть статьи абсолютно обо всем – в Интернете или в журналах. Если за последние пятьдесят лет никто не писал о том, что это произошло, значит, тут что-то не так. Если это случилось всего однажды, значит, ты попал в мир необычного».

– Дэвид Фостер, врач

Каждую неделю зрители «Доктора Хауса» погружаются в мир необычной медицины. Отдел диагностики доктора Хауса берется только за те случаи, которые ставят в тупик всех остальных. Марк, муж бывшей жены Хауса, Стейси, лечился у пяти врачей, прежде чем жена отвела его к Хаусу. Джейсон, который заставил Хауса ставить ему диагноз под дулом пистолета в «Крайнем решении», побывал у шестнадцати специалистов за три года. Сын финансиста Роя Рэнделла, Джек («Карма в действии»), был пациентом 17 докторов. В пилот-

«Сериал "Доктор Хаус" целиком зависит от медицинских странностей»

ной серии Форман повторяет хорошо известную медицинскую аксиому: если слышишь топот копыт, думаешь о лошадях, а не о зебрах. Но семнадцать врачей устранили всех лошадей — Хаусу остались одни зебры. Медицинские диагнозы — это еженедельный кошмар. Сценаристам нужны загадки, способные занять Хауса и дать ему возможность общаться с внешним миром. И в шестом сезоне доктор Нолан (Андре Брауэр) помогает Хаусу это понять. Медицинские события каждой серии в какой-то степени отражают события, происходящие в жизни главных персонажей. Диагноз выполняет двойную функцию: это и медицинская загадка, и сюжетный механизм, способствующий развитию всего сериала. У болезни можно многое узнать.

Выявить личность злодея недели — не главное. Зрители смотрят «Доктора Хауса» вовсе не для того, чтобы сказать: «Я знал, что это подострый склерозирующий панэнцефалит» («Отцовство»). Они смотрят, чтобы понять то, что диагностический процесс раскрывает во врачах и па-

циентах, как они действуют и реагируют. Дэвид Фостер является главным медицинским консультантом «Доктора Хауса» и одним из продюсеров. Доктор Фостер объясняет, почему он хочет использовать болезнь, которая заставляет человека лгать. «Медицинская история каждого эпизода должна быть такой, какую рассказать можем только мы. Она должна давать Хаусу возможность понять характер пациента, который столкнулся с медицинской дилеммой. И разрешить эту дилемму можно только так, как это делает Хаус».

Некоторые болезни дьявольски хаусиански. Они проявляются самым необычным образом. Они либо маскируются под что-то другое, либо их симптомы вскрывают важные философские и этические проблемы, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. И это не говоря еще о том, о чем пациенты сознательно лгут.

- Муж Стейси, Марк, говорит Хаусу, что медовый месяц провел с женой в Париже. ПЭТ-сканирование показывает, что ему только кажется, что он говорит правду, хотя на самом деле лжет. Это означает, что у него галлюцинации – симптом острой перемежающейся порфирии («Медовый месяц»).

- Женщина клянется, что не занималась любовью после расставания с мужем. Но она имела секс со своим бывшим в состоянии лунатизма («Образец для подражания»).

- Писатель страдает афазией (неспособностью говорить) и аграфией (неспособностью писать), потому что втайне от жены пытается излечиться от биполярного расстройства («Трудности перевода»).

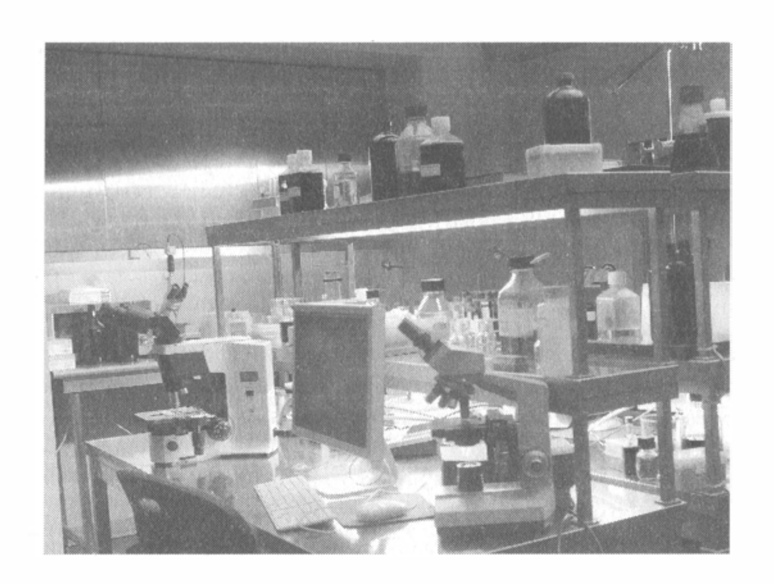
- Физически совершенная девушка-модель на самом деле оказывается гермафродитом. «Настоящая женщина – это мужчина», – говорит Хаус («Внешность обманчива»).

- Полицейский умирает от бактериальной инфекции, причиной чего стал птичий помет, которым он удобрял собственную коноплю («Эйфория, часть 1»).

- Выясняется, что вспышки ярости приговоренного к смерти заключенного (его играет ЛЛ Кул Джей) вызваны феохромоцитомой, а та, в свою очередь, тяжелыми металлами, попавшими в его организм через татуировки («Признание»).

- Юная соблазнительница Али («Официальное согласие») западает на Хауса не в силу его неотразимой привлекательности, а из-за того, что в ее мозгу появился грибок Coccidiodes immitis.
- Девочка оказывается не карлицей, как ее мать. Выясняется, что она страдает гистиоцитозом клеток Лангерганса («Веселенькое Рождество»).
- Дэйв Мэтьюз — пианист-виртуоз. У него обнаруживается острое неврологическое расстройство. Он будет жить, но не сможет играть, потому что правое полушарие его мозга мертво («Недоумок»).
- Женщина страдает абулией, то есть неспособностью принимать решение. Болезнь проявляется, когда на улице она не может сыграть в простейшую игру с тремя картами («Воспитание щенков»).
- Заботливый отец, из-за которого его восьмилетний сын щиплет Кэмерон и кусает Чейза, а шестилетняя дочь ведет себя совсем не по возрасту. Отец пользовался гормональным кремом, который попал в организм детей. А новая подружка отца к тому же еще и воспитательница его дочери! («Веди себя по-взрослому»)
- Повреждение мозга вызывает зеркальный синдром («Зеркало, зеркало»). Пациент теряет ощущение собственной личности и подражает тем, кто в данной ситуации обладает властью.
- Ангедония, неспособность испытывать удовольствие, является синдромом семейной средиземноморской лихорадки («Радость»).
- Необычная терпеливость врача-дефектолога объясняется тем, что у нее закрылся артериальный проток, и она успокаивается, когда у нее поднимается кровяное давление («Большой ребенок»).
- Синдром чужой руки («Обе половинки вместе»). Левая рука пациента живет собственной жизнью: я причиняю тебе боль, но ничего не могу с собой сделать.
- Молодая девушка, ложь которой может быть связана с кровоизлиянием в мозг. Все лгут, и она не может ничего с этим сделать («Известные неизвестные»).
- Порнозвезда, которая ведет слишком чистый образ жизни. Ее иммунная система начинает бунтовать («Командная работа»).

Странные и непонятные состояния могут быть причиной медицинских проблем пациента или недостатков его характера, а могут и не быть. Агрессивность Джаспера, сына

Патологоанатомическое отделение Принстон-Плейнсборо

любвеобильного папаши, можно объяснить. Но ребенок из серии «Гаденыш» — настоящий гаденыш.

Один типично хаусовский случай предстает перед нами в серии «Социальный контракт». Редактор Ник Гринвальд страдает редким заболеванием мозга, которое заставляет его вести себя, словно диджей модной радиостанции: он говорит все, что приходит ему в голову. Он насмехается над носом Тауба, рассказывает, как бы ему хотелось «трахнуть» Тринадцатую и Кадди. Другими словами, он ведет себя точно как Хаус, который в той же серии называет Тауба «Сирано де Берковицем» и отпускает свои обычные неподобающие замечания в адрес своих коллег-женщин. Поведению Хауса нет клинических оправданий. Но когда Ник начинает оскорблять своих домашних, Хаус говорит, что понимает его чувства. Говоря, что отстающая в развитии дочь просто слегка не дотягивает до среднего уровня и что он иногда жалеет о том, что женился на своей жене (которая тоже не поражает высоким уровнем интеллекта), Ник отдаляется от семьи. Он ведет себя чисто по-хаусовски: если такое происходит, когда мы говорим то, что думаем, то неудивительно, что

мы так часто лжем. Когда оказывается, что состояние Ника и его отчуждение от собственной семьи не проходят, Хаус предполагает, что у его пациента синдром Доджа-Поттера. Организм Ника страдает от маленькой фибромы. Удалите фиброму, говорит Хаус, и он снова станет счастливым лицемером. Другими словами, он станет таким же, как и мы.

Иногда в голову приходит крамольная мысль о том, что лечение бывает хуже самой болезни.

Вспомните 82-летнюю женщину, которая попадает в клинику в серии «Яд». Она ведет себя странно — строит глазки мужчинам, мечтает об Эштоне Катчере. Ей нравится жизнь. Хаус напоминает ей Катчера. «Те же сексуальные глаза», — говорит она. Когда Хаус обнаруживает у старушки сифилис, это ее не удивляет. Она подцепила болезнь еще в 1939 году. Сифилис излечим, но она не хочет лечиться. Ей нравится чувствовать себя сексуальной и дурачиться с молодыми докторами. «Я не собираюсь играть в канасту всю оставшуюся жизнь», — говорит она. Хаусу она нравится. Он ценит подобный взгляд на жизнь. Хотя сифилис ее убивает, она доживет свои дни счастливой.

«Мой тесть врач. Ему нравится наш сериал... Единственное, в чем мы обманываем, это во времени. Результаты анализов приходят на следующий же день. Люди поправляются довольно быстро. Или их состояние слишком быстро ухудшается. Он говорит: «Роберт, при этой болезни никогда...» — «Я знаю, я знаю». Я часто это слышу. И все же наш сериал производит на него впечатление. Мы работаем очень тщательно. В сериале нет ничего, что не могло бы произойти в действительности. Я считаю, что все, что мы показываем, в медицинском отношении возможно. Маловероятно, но возможно».

– Роберт Шон Леонард

В серии «Бремя» у пышной женщины обнаруживают тридцатифунтовую опухоль, но она говорит, что ей нравятся собственные формы. Она не хочет меняться, а ее мужу очень нравится ее тело. Но Хаус выясняет, что женщина хочет понравиться не мужу, а другим мужчинам, с которыми спит. Хаус убеждает женщину согласиться на операцию, говоря, что ей не следует так много думать о собственной внешности. «Мужчины — настоящие свиньи... Они готовы заняться сексом с кем угодно». Симпатичный парень Джефф из серии «Прощайте, мистер добряк» теряет не только свое доброду-

шие. В конце эпизода он говорит: «Не уверен, что мне попрежнему нравится кетчуп». А несчастный гений Джеймс Сидас в серии «Счастье в неведении» делает весьма противоречивый жизненный выбор.

Конечно, самым необычным и чисто хаусовским случаем является сам доктор Хаус. В серии «Три истории», за которую съемочная группа получила премию «Эмми», мы узнаем, что случилось с ногой Хауса. Выясняется, что ему самому поставили неправильный диагноз. Он впал в кому, и его жена Стейси согласилась на лечение, которое превратило Хауса в наркомана. Весь сериал он то борется, то не борется со своей зависимостью. Ему то хочется остаться таким, каков он есть, то он пытается избавиться от болезни. В медицине часто встает вопрос, которому свойственна типично хаусовская извращенность: «Итак, пациент, вы действительно хотите почувствовать себя лучше?»

Одно из перечисленных ниже заболеваний – ложный диагноз, изобретенный Хаусом, чтобы убедить пациента в том, что он болен и умирает, потому что Хаус считает, что все дело в его психике (Хаус ошибается). Все остальные – настоящие:

Альвеолярная рабдомиосаркома
Слепота (синдром) Антона
Синдром Эрдхайма-Честера
Эритропоэтическая протопорфирия
Синдром Фицхью-Кертиса
Геморрагическая телеангиэктазия
Наследственная копропорфирия
Воспалительный синдром восстановления иммунитета
Синдром Келли-Сигмиллера
Синдром Корсакова
Синдром Ламберта-Итона
Гистиоцитоз клеток Лангерганса

Лимфангиолейомиоматоз
Мужской псевдогермафродитизм
Нейроцистицеркоз
Синдром Ортоли
Паранеопластический синдром
Феохромоцитома
Первичный антифосфолипидный синдром
Синдром Шегрена
Подострый склерозирующий панэнцефалит
Синдром фон Гиппеля-Линдау
Энцефалопатия Вернеке
Болезнь Уилсона

*** Ответ: В «Храбром сердце» Хаус выдумал «синдром Ортоли»**

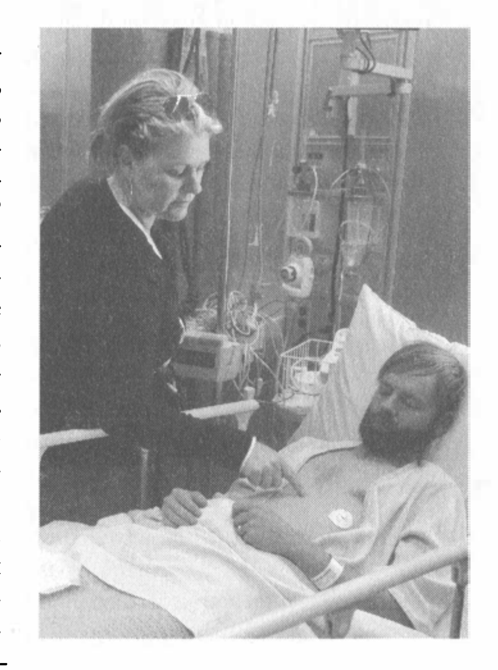
Идет ли речь о сексуальности, счастье, добродушии, честности, жизни или смерти, у пациентов Хауса на кону стоит нечто очень серьезное. Задача медицинского консультанта сериала Дэвида Фостера заключается в том, чтобы эпизоды выглядели реальными, несмотря на то что зрители отлично знают, что это вымысел. Мы должны верить в ставки и реальную опасность, от которой Хаус пациентов избавляет, хотя и нарушает при этом все существующие правила. Иногда кто-то умирает. Это означает, что болезнь не фантастическая, а просто очень серьезная. Фостер говорит: «Если ты устанавливаешь эти правила и игнорируешь их, то теряешь свои ставки и ощущение опасности, потому что зрители скажут, что у вас все заготовлено заранее».

Дэвид Фостер стал врачом, потому что ему всегда нравилось выслушивать людей. Он был интерном в больнице Бет Израэль в Бостоне и несколько лет занимался частной практикой. Его друг Нил Бер был продюсером «Скорой помощи». Благодаря ему, Фостер сделал первые шаги на телевидении. Со временем жизнь доктора Фостера претерпела поворот на 180 градусов. Раньше в ней было немного писательства и много медицины. Затем все стало наоборот. Он стал консультантом медицинских фильмов и сериалов, работал над «Скрещиванием Гидеона». Затем Бер пригласил его в сериал «Закон и порядок». Сначала Дэвид лишь вставлял медицинские термины в готовые сценарии, затем стал писать собственные. В первом сезоне «Хауса» он был консультантом, который в свободное время писал сценарии. Во втором сезоне он стал редактором сюжета и главным консультантом.

«Мне нравятся люди, которые смотрят на мир по-другому. Мне нравится видеть мир их глазами, — говорит Фостер. — Я работал в центральной городской больнице и в центре детоксикации, куда поступали проститутки и наркоторговцы. Мне нравится слушать, как люди рассказывают о своей жизни, которая совсем не похожа на мою. Мне нравится узнавать иной взгляд на жизнь, отличающийся от моего... Один из моих пациентов пожаловался, что проститутка украла его зубные протезы с тумбочки. Кто мог такое сделать? Кому могли понадобиться протезы, которые лежат у постели?»

Иногда то, что предлагает сценарист, выходит за границы возможного, и тогда доктор Фостер категорически возражает Дэвиду Шору. «Я редко говорю, что то, что они предлага-

ют, абсолютно невозможно. Да, я говорил такое, но это случается очень редко». Что вы скажете о шестнадцати дополнительных селезенках? (Идея, которую консультант Джон Содос использовал в серии «Счастье в неведении».) «Очень странно, — говорит Фостер, — но такое бывает». То же самое можно сказать о Мэгги, пациентке из серии «Жизнь прекрасна», у которой рак груди развился в клетках под коленом. «Наш сериал отличается от других медицинских сериалов, — говорит доктор Фостер. — В большинстве из них показывают то, что случается сплошь и рядом. Мы же имеем дело с тем, что возможно, но происходит крайне редко. Как сценаристу и врачу мне это очень интересно. Это невероятно сложная и интересная задача. Мы берем какой-то случай и делаем его совершенно невероятным».

Боббин Бергстром готовит следующего пациента

Боббин Бергстром — квалифицированная медсестра, которая работает медицинским консультантом на площадке. Задача Боббин заключается в том, чтобы обстановка выглядела реальной, а медицинские процедуры убедительными. Она рассказывает пациентам о возможных осложнениях и о болезненных обследованиях. Иногда она весьма скептически относится к тому, что пишут сценаристы. Она всемерно помогает сделать сериал реальным. «Я говорю: «Пожалуйста, покажите мне ваши материалы, чтобы мне было что сказать Хью». Наши актеры — люди очень интеллигентные. Хью очень умный человек, он не захочет выглядеть на экране идиотом. Омар всегда спрашивает меня

со своим невозмутимым видом: «Правда?» Они знают, что лично я такого не видела, но полагаю, что один случай на миллион все же возможен. И это хорошо. Я не всегда соглашаюсь со сценаристами. У нас великолепные сценаристы. Они делают все, что в их силах, чтобы наш сериал был достоверным и точным».

Поскольку все сюжеты опираются на реальность, к сожалению, порой искусство находит параллели в жизни. Когда Боббин Бергстром увидела в сценарии одной из серий пятого сезона синдром чужой руки, это показалось ей странным и надуманным. Она с таким никогда не сталкивалась и ничего не знала об этом заболевании. Но эпизод получился превосходным. Через несколько месяцев она узнала, что у жены ее знакомого возникло аналогичное заболевание. «Все наши сценаристы имеют прекрасное образование. Они читают умные книги и сами очень умные».

Сериал не стремится дразнить зрителей. В серии «Радость миру» зрители довольно долго считают, что Хаус стал свидетелем невозможного с научной точки зрения события — непорочного зачатия. На самом же деле он просто подыгрывает пациентке, стремясь не разрушить приближающуюся свадьбу. Непорочное зачатие — событие слишком фантастическое. «Люди были шокированы до тех пор, пока не увидели развязки, — говорит Дэвид Фостер. — Они твердили: «Это просто невозможно!»

На самом деле, сценаристы отказываются от некоторых историй, потому что считают, что зрители сочтут их невероятными. В «Обмане» Хаус лечит пациента клиники, который заразился через контрацептивный клубничный гель. (Когда женщина спрашивает, сколько времени после лечения ей следует воздерживаться от секса, Хаус отвечает ей: «С эволюционной точки зрения, я бы рекомендовал вечно».) В чьем воспаленном воображении возник этот сюжет? Ни в чьем. Это подлинная история, которую рассказал один из технических медицинских консультантов сериала, Харли Ликер.

Дэвид Фостер: «У него была еще одна история с той же строчкой про лягушек».

Вопрос: «А что они делали с лягушками?»

Фостер: «То же, что и с гелем».

Вопрос: «С живыми или дохлыми лягушками?»

Фостер: «Я полагаю, с дохлыми, но не совсем в этом уверен».

«Это слишком невероятно для телевидения, — говорит Фостер. — Нужно сдерживать свое неверие и верить в то, что все это случилось в действительности. В реальной жизни этого не требуется, потому что все происходит по-настоящему, и никому нет до этого дела».

Такое в «Хаусе» случается сплошь и рядом. В «Историях» Хаус пробует не самую свежую рвоту, чтобы определить содержание в ней соли, поскольку подозревает химический дисбаланс.

«Попробовать рвоту... Я был умер на месте... Меня это не развлекает. Меня это пугает до смерти».

– Роберт Шон Леонард

У юной жертвы урагана «Катрина» обратная перистальтика (серия «Кто твой папочка?», пищеварительная система девочки направляет каловые массы в обратную сторону). Говорит Боббин Бергстром: «Я помню, как кишка разорвалась прямо в лицо Омару («Не рак»). Это было очень грубо. Но маленькая девочка, попавшая в ураган «Катрина»? Нелегко представить, чтобы кал выходил прямо изо рта». А что вы скажете о пациенте, который сделал себе обрезание садовым ножом? («Вскрытие») Или о человеке, который выщипывал волоски из носа щипчиками для ногтей на ногах и занес в нос грибковое заболевание стоп? («Один день, одна комната»)

Медицинские истории Боббин Бергстром

«Эти щипчики для ногтей... Хотите похожую историю? К нам обратился милый старичок, которому было далеко за семьдесят. У него возникла какая-то глазная инфекция, начались вязкие, тягучие выделения. У него на голове была довольно странная повязка. Я заметила, что люди на него посматривают, поэтому подошла поговорить. «Мистер Джонс, — спросила я, — а что это у вас на голове?» — «Знаете, — ответил он, — моя жена намного моложе меня, и она меня бросила. Я сде-

лал повязку из ее трусов. Вот так я к ней отношусь». Ну ладно. Вернемся к глазам. Врач осмотрел его, но не понял, в чем дело. Когда Джонс пришел в третий раз, я что-то заметила. «Доктор, по-моему, я знаю, в чем дело». У пациента были спущены брюки, и он почесал ягодицы, а потом той же рукой вытер глаза. Он занес в глаза инфекцию. Люди порой делают странные вещи... Большая часть того, что показывали в «Скорой помощи», была связана с сексуальными играми».

«В некоторые моменты просто съеживаешься. Например, когда взрываются чьи-то яички. А ведь у меня-то яичек нет».

– Лиза Эделстайн

Так откуда же сценаристы берут свои идеи? Кроме доктора Фостера, никто из них не работал в больницах, не сталкивался с болезнями и страданиями. Благодаря Интернету несложно найти что-то любопытное. Самое важное — связать полученную информацию с заболеванием и общим сюжетом. Возьмем странный метод с паразитами в «Командной работе». Дэвид Фостер говорит, что сценарист Эли Атти был увлечен идеей о том, что многие случаи аутоиммунных и аллергических заболеваний связаны с тем, что мы стремимся к полной стерильности окружающей нас среды. Мы больше не живем на фермах, мы забыли о грязи. Живя в городах, мы моем руки с почти религиозным рвением. Суть метода заключалась в том, чтобы дать организму нечто такое, с чем он мог бы бороться (в данном случае, с паразитом), и тогда он перестанет пожирать сам себя.

Ставя дифференциальный диагноз, врачи рассматривают возможные причины симптомов, присутствующих у пациентов, а затем сокращают возможный список до одного заболевания, совпадающего со всеми симптомами. Дифференциальный диагноз обычно обсуждается в кабинете Хауса. Это происходит почти в каждой серии. Поставив диагноз, Хаус тут же бросается лечить, а не делать анализы. За 44 минуты экранного времени трудно показать работу лаборатории. «У нас есть целый ряд драматических механизмов, которые продвигают сюжет вперед, — говорит Дэвид Фостер. — Лечение быстро подкрепляет теоретические выводы. Пациентам либо становится лучше, либо с ними происходит что-то другое».

Все это весьма напоминает наш собственный опыт общения с врачами, только в сериале ставки более высоки. «Эксперимент является неотъемлемой частью диагностической медицины. Это связано с высоким риском. Часто мы миримся с тем, что Хаус хочет скорее начать лечение. «Я могу сделать три анализа, чтобы подтвердить свой диагноз, или просто начать лечить». Это быстрее и легче. Мы часто ошибаемся, но редко доводим ситуацию до такого состояния, когда пациент страдает из-за наших ошибок».

Главное в сериале — процесс. «Вы никогда не простите создателям сериала, если Хаус волшебным образом найдет правильный ответ. Вам нужно, чтобы он собирал головоломку кусочек за кусочком». Если Хаус скажет, чем болен очень сложный пациент, не перебирая альтернатив в процессе постановки дифференциального диагноза, это будет не «Доктор Хаус», а «Прикосновение ангела».

Итак, сценарист выбрал заболевание и построил на нем сюжет. Другие сценаристы выбирают те черты характера персонажей, которые им хотелось бы раскрыть, а потом придумывают ситуации для этого. Исполнительные продюсеры и сценаристы Расселл Френд и Гарретт Лернер оттолкнулись от знаменитого снимка, на котором плод хватает палец хирурга, и создали сценарий серии «Положение плода». Конечно, думали они при этом о Хаусе. В серии был теплый момент, когда плод действительно ухватился за палец Хауса, но тот, естественно, скрыл свои эмоции за циничным замечанием. «Простите, — говорит он. — Только что понял, что забыл посмотреть «Чужих».

Работая над сценарием «Счастье в неведении», Дэвид Хозелтон искал что-то такое, что, по его словам, «перевернуло бы мозг». Он мог использовать алкоголь, но для «Доктора Хауса» это было слишком примитивно. Сироп от кашля стал идеальным решением. Подобное лекарство есть в каждой домашней аптечке, но оно же является основным источником наркотика, о чем известно не всем. Угроза, которую несут обычные, повседневные предметы, делает эту серию очень тревожной.

О проблемах, связанных с проглоченными зубочистками, Дэвид Фостер читал в «Медицинском журнале Новой Англии» («Иголка в стоге сена»). Этот сюжет сразу его привлек. «Я разузнал, и оказалось, что такое случается довольно часто. Удивительно, но это так. Я подумал, что это будет хоро-

шим сюжетом для нашего сериала и отличной болезнью для Ромео и Джульетты. Наш сценарий мы построили на зубочистке». Фостер написал и о том, как Хаус определил у мужчины диабет, увидев, что на его руках нет волосков, у него слишком тесные ботинки и крошки от пончиков на рубашке («Отказ от реанимации»). В первом варианте этой сцены Хаус ставил диагноз более традиционными способами, не ограничиваясь одним лишь взглядом. Дэвид Фостер говорит, что Дэвид Шор заставил его сделать сцену более зрелищной и увлекательной. Сначала Фостеру казалось, что это невозможно, но потом он придумал ключи, на которые мог обратить внимание Хаус.

Внимание к деталям 1: оборудование патологоанатомической лаборатории

Сценаристы знают, что люди часто на самом деле болеют теми болезнями, которые в «Докторе Хаусе» использованы в качестве вымышленных. Те, кто болен такими болезнями, рады, что о них упоминают (особенно если болезнь очень редкая), рады, что внимание общества к ним привлечено. Тем самым сериал помогает разбудить общественное сознание. Если болезнь более распространена, то становится легче рассказать о ней миру. Если Хаус чем-то интересу-

ется, а мы интересуемся Хаусом, то происходит определенная передача.

Хотя сценаристы ускоряют течение некоторых болезней и процесса лечения, а также скорость получения результатов анализов, они стараются не отступать от правды жизни. Прочитав в газете о ребенке-аутисте и о том, как ему было сложно в больнице, Дэвид Хозелтон решил подвергнуть Хауса такому же испытанию («Линии на песке»). «Я много думал, а потом мы пригласили человека, который работает с детьми-аутистами. Мы пошли в специальную школу, — говорит Хозелтон. — Нам нужна была предельная точность и достоверность. Если бы мы допустили ошибки, родители нам этого не простили бы».

В «Полном провале» пациенту ставят диагноз «болезнь Фабри». Это наследственное заболевание, при котором в клетках накапливаются жиры. Заболевание очень редкое. Им страдает один человек из 117 тысяч. Оно настолько редкое, что, хотя его первые симптомы проявляются в возрасте десяти лет, правильный диагноз ставят лишь в двадцать восемь. Когда серия вышла в эфир, Дэвиду Шору из Канады позвонил человек, страдающий этим заболеванием. Он сказал, что фильм очень его поддержал. Он способствовал постановке правильного диагноза и оплате лечения.

У съемочной группы сериала сложились особые отношения с Национальным союзом лечения психических заболеваний. Союз признает вклад фильма в изменение отношения к таким больным. Союз очень ценит центральную мысль сериала — все лгут. Люди с психическими заболеваниями склонны ко лжи не более, чем здоровые, хотя общество считает иначе. И хотя психические заболевания почти никогда не связаны с волчанкой, люди, страдающие волчанкой, признательны авторам сериала за привлечение внимания к их проблемам.

Нельзя сказать, что в сериале не поднимаются общественно важные вопросы. Просматривая очередную серию, зритель получает урок, который помогает ему изменить отношение к себе или к своим родным — например, делать прививки детям (в «Отцовстве» Хаус говорит родителям, что детские гробы бывают всех цветов), не давать младенцам сырую пищу («Ведь ее предки уже овладели тайной огня», — го-

ворит Хаус в серии «Дети и вода в ванне») и не пытаться сделать себе обрезание самостоятельно.

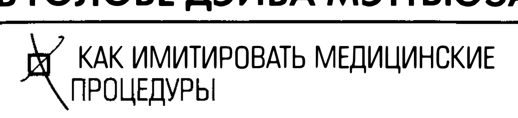
Когда серии смотрят люди, знакомые с конкретной болезнью, они часто думают: «Это не мой случай. Это совсем не то, что произошло со мной». На это Дэвид Фостер отвечает: «Это правильно. Мы снимаем фильмы о случаях, каких приходится один на миллион. Мы выбираем странности. Если бы все было так, как происходит сплошь и рядом, в этом разобрались бы другие врачи. Хаус не потребовался бы. Мы выбираем обычные болезни, которые проявляются необычным образом. Мы выбираем редкие, но все же достаточно обычные состояния, чтобы зритель подумал: «А ведь такое может случиться и со мной».

Волнует ли медицинских консультантов и сценаристов то, что они выходят за рамки обычного течения заболеваний, о которых рассказывают в своих фильмах? Практически не волнует. Мы все — разумные люди, умеющие лгать и обманывать. Точно таковы же и наши тела. В сериале «Доктор Хаус» рассматривают необычные, но более знакомые зрителям болезни, которые маскируются до неузнаваемости («Я не знал, что боль в ухе может быть связана с сердечным приступом»). Таких болезней очень много. «То, что плохо для человечества, полезно для нас, — небрежно замечает доктор Фостер. — Мы заглядываем в будущее, когда разгадывать медицинские загадки станет легко. Доктор Хаус — это просто великолепный персонаж».

Впрочем, Дэвид Фостер не всегда так уверен. «После пилотной серии мы снимали эпизод «Бритва Оккама», — говорит он. — Когда съемки закончились, я сказал: «Я рассказал все, что знаю. Я использовал всю доступную мне информацию. У меня ничего не осталось. Я выжат. Я пуст». Прошло шесть сезонов, и совершенно ясно, что он ошибался. Сериал выходит с завидной регулярностью. «Это удивительно, но тогда я действительно чувствовал то, о чем говорил. Как-то мы сумели это преодолеть».

В ГОЛОВЕ ДЭЙВА МЭТТЬЮЗА

КАК ИМИТИРОВАТЬ МЕДИЦИНСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

«Мы сделали голову Дэйва Мэттьюза для эпизода, в котором ему делали операцию на мозге. Реквизиторы скопировали его лицо. Получилась отличная копия. У нас три таких головы, а у него только одна. Есть фотография, где он сидит рядом с собственной головой. Выглядит довольно зловеще».

– Майк Кейси

Тайлер Паттон и Майк Кейси не только реквизиторы. Они еще отвечают за организацию тех медицинских процедур, которые зрители видят в «Докторе Хаусе» каждую неделю. Все происходящее на экране – это комбинация работы Тайлера и Майка с визуальными и спецэффектами. Например, в сериале врачам часто приходится сверлить черепа пациентам. Сама по себе дрель выглядит, как стандартный домашний инструмент, но здесь она используется не для того, чтобы вешать полки. Сценаристы и режиссер рассказывают Тайлеру и Майку, какой эффект им нужен. «Если

они хотят просверлить голову, — говорит Майк, — а потом нужно все вокруг залить кровью (мы это обожаем), мы можем это сделать».

Реквизиторы собираются и обсуждают, как добиться желаемого эффекта. Дрель на этапе постпроизводства может добавить Элан Солтс, специалист по визуальным эффектам. Это самый простой выход. Отделу визуальных эффектов часто приходится накладывать на изображение кусочки костей, капли крови или мозга, когда дрель впивается в череп. У Тайлера и Майка есть резиновое сверло, которым можно работать в непосредственной близости от головы актера. Для кадров в разрезе они могут использовать череп, заполненный веществом, напоминающим мозг, и покрытый искусственной кожей. Такие черепа делают в специальных мастерских. Искусственный череп можно сверлить, чтобы взять биопсию.

Вопрос: «У вас есть в запасе искусственные мозги?»

Тайлер Паттон: «У нас есть люди, которым можно позвонить, и они сделают такие мозги. У нас вообще масса реквизита. Если нам говорят: «Дайте нам это прямо сейчас», Майк отправляется в столовую и берет там лазанью, а я отправляюсь в мастерскую и начинаю колдовать. Мы можем сделать все».

Раньше Элан Солтс и его отдел визуальных эффектов делали гораздо больше кадров, связанных с путешествиями внутри тела — Элан называет их «Волшебным школьным автобусом», — чем сейчас. Хотя большую часть работы они выполняют на компьютере, им приходится работать и с макетами. Первое путешествие внутрь тела в шестом сезоне произошло в серии «Храброе сердце». Пациент, полицейский, уверен, что его сердце откажет, как и у всех мужчин в его семье. Задача Элана заключалась в том, чтобы с помощью макета объяснить, как в мозгу формируется аневризма и блокирует нерв, передающий сигналы сердцу. Камера прошла по ходу нерва в грудную клетку. И мы увидели, как сердце бьется все медленнее и медленнее, а потом совсем останавливается.

Элан Солтс рассказывает, как снималась эта сцена.

«Я заказал модель той части ствола мозга, где можно было видеть рост аневризмы. На самом деле это был пре-

зерватив, выкрашенный в красный цвет. Мы могли надувать его и видеть, как он блокирует нерв, сделанный из кусочка латекса. Все это мы смогли сделать благодаря волшебному латексу».

Модель ствола мозга была достаточно большой, чтобы можно было поместить камеру внутрь и произвести съемку. У реквизиторов есть еще одна модель черепа, покрытая кожей и кровеносными сосудами, модель мозга и модель ствола мозга. Элан также использует модель грудной клетки. Эта модель гораздо больше натуральной величины. В ней находится сердце, которое приводится в действие с помощью воздушного насоса, и легкие, которые могут надуваться и опадать. Естественного блеска добиваются с помощью метацила, пищевого загустителя, который придает слизистым оболочкам натуральный вид. Элан пользуется справочниками типа «Архитектура человеческого тела», но во всем он руководствуется драматическим вдохновением. «Аневризма того парня могла расти месяцы или годы», — говорит он.

Проблема с этими моделями заключается в том, как должны выглядеть все процессы — внутри человеческого тела темно. Элан помнит, как еще ребенком светил фонариком на собственную руку, а кожа буквально сияла. Он освещает свои тела через слои латекса, чтобы добиться такого же эффекта. Элан понимает, что, как только камера оказывается внутри тела, зрителю становится трудно ориентироваться. Поэтому, как только, к примеру, начинается инъекция, он дает характерный звук, чтобы мы поняли, где находимся. Модели, сделанные Эланом, отличаются высокой степенью реалистичности. Подозрительно высокой. «К нам приходили критики, и меня попросили продемонстрировать им нашу работу, — говорит Элан. — Я показал несколько моделей, и одна женщина обвинила нас в том, что мы воруем трупы. Я сказал, что мы этого не делаем...»

....

Операционная Принстон-Плейнсборо в том виде, в каком она воссоздана на канале FOX, выглядит неприятно ре-

алистично. Координатор художественного отдела обратился к крупнейшим производителям, чтобы приобрести крупное оборудование, например, томограф. Декоратор Натали Поуп достает более мелкие предметы — например, гамма-камеру (нечто вроде атомного сканера). Эти приборы устанавливались на обычной каталке, которая оказалась не соответствующей действительности, поэтому Натали пришлось обращаться в компанию, производящую настоящие больничные каталки. «Я достала подержанную, — говорит Натали, — но все оборудование самое настоящее. «В сценариях иногда упоминаются новые медицинские приборы, — говорит Майк Кейси. — Читаешь и думаешь: «Что это, черт побери, такое?» Он может либо заказать оборудование у производителя, либо скопировать его. Производящие компании всегда хотят, чтобы их товары использовались правильно. Поэтому иногда приходится изменять аппараты точно так же, как пищевые продукты достают из оригинальной упаковки и раскладывают по другим банкам, чтобы их нельзя было узнать.

Вопрос: «Что было труднее всего найти?»

Майк Кейси: «Труднее всего пришлось с аппаратом для электрошока. Мы что-то изобразили, но выглядело это ужасно из-за использованной резины. Впрочем, реальные аппараты выглядят еще хуже».

Еще более пугающе выглядит коллекция эндоскопов, которыми пользуются в сериале. Во-первых, у реквизиторов есть настоящий эндоскоп с камерой. Он вводится в рот пациента. Камерой дистанционно управляет техник. В середине эндоскопа есть канал, через который можно взять биопсию или подать воду или воздух. Это очень дорогой прибор, который производитель предоставил специально для съемок. Тайлер собрал еще один эндоскоп из частей, купленных на электронном аукционе. Автомеханики часто пользуются чем-то в этом роде для диагностики проблем с двигателем. Тайлер и Майк не собираются использовать настоящие эндоскопы на ком-либо. Они прекрасно обходятся собственными поделками.

Пациент лежит на операционном столе. Один конец реквизиторского эндоскопа находится у него во рту. Док-

тора удерживают его на месте. А Майк, спрятавшись под столом, двигает трубку эндоскопа вверх или вниз. Когда реальный эндоскоп проходит через горло пациента, наконечник остается неподвижным, а внешняя трубка двигается, входя и выходя из тела. Если по сценарию эндоскоп нужно вытащить изо рта пациента очень быстро, Тайлер и Майк используют короткую модель, которую действительно можно вытащить в мгновение ока. А потом Элан Солтс сделает так, словно трубку действительно засовывали пациенту в желудок, а потом достали.

«Скальпели: есть безопасные, а есть супербезопасные, сделанные из резины. Мы используем и настоящие, потому что иногда приходится что-то резать. Взглянув на наши скальпели, вы не поймете, что они – ненастоящие. Впрочем, каждый раз, когда кто-то что-то берет в руки, даже если на мгновение, даже если это нечто «супербезопасное», каждый раз все нужно проверять, потому что реквизит попадает в руки актера. Лучше самому порезаться, чем допустить, чтобы кто-нибудь располосовал себя».

– Тайлер Паттон

Тайлер и Майк научились отлично выполнять биопсию. В сериале такую процедуру выполняют два врача. Один смотрит в монитор, а другой оперирует эндоскопом. На этапе постпроизводства видеоинженеры наложат на монитор нужную картинку. Второй врач берет инструмент для биопсии и прижимает его к коже. Иголка на приборе движется таким образом, чтобы казалось, что она проколола кожу. Биопсию берут блестящим стальным инструментом, напоминающим орудие пыток. «Новый режиссер захотел этот, самый страшный», – говорит Тайлер, указывая на сверкающее приспособление. Когда фальшивая игла прижимается к коже, даже самый стойкий актер не может сдержать чувства страха.

Тот же самый принцип использован в различных шприцах. Некоторые устроены таким образом, что, когда поршень вытягивается, жидкость поднимается и заполняет пространство. «Эти шприцы стоят по 800 долларов каждый, потому что они очень маленькие и точные, – говорит Тайлер. – У нас есть шприцы на 20, 10, 5 и 3 кубика, по четыре штуки каждых… В первом сезоне у нас был всего один шприц на пять кубиков. Со временем наши запасы растут».

В большинстве сцен в операционной присутствует кровь. Руководитель отдела спецэффектов Далия Доктер пользуется самой разной кровью. Далия советуется с медицинскими консультантами – Боббин Бергстром и доктором Дэвидом Фостером, чтобы понять, какой тип крови нужен: темная или светлая, в зависимости от ситуации. Чаще всего она пользуется той разновидностью, которую называет «Моя Кровь». Она ей особенно нравится тем, что не оставляет пятен. Если собираются снимать три или четыре дубля, она может использовать эту «кровь», потому что ее можно быстро стереть. Еще один тип «Ротовая кровь». Это вещество можно спокойно брать в рот. «Я пользуюсь ею для порезов, но особенно хороша она во рту, – говорит Далия. – Вы можете немного и проглотить, но не стоит приправлять ею картошку фри».

Помимо коллекции капельниц и катетеров, Тайлер и Майк имеют собственный запас крови. Как и у Далии, у них есть кровь разного цвета и консистенции. Все зависит от того, какое кровотечение показывают в конкретной серии. У реквизиторов есть темная венозная кровь, темная кровь изо рта и водянистая кровь, которая быстро течет. Есть сухая кровь и основная «бутафорская кровь», на этикетке которой написано: «Не причиняет вреда при употреблении внутрь». «Ну и, конечно, мы не можем обойтись без специальных салфеток, – говорит Майк. – Они идеально впитывают бутафорскую кровь».

Одна из задач Боббин Бергстром заключается в том, чтобы рассказывать актерам, как нужно играть медицинские сцены. Очень важно, чтобы они выглядели реалистично, а для этого актеры должны вести себя адекватно. Когда снимается любая сцена в процедурной, или у постели пациента, или в кабинете Хауса, когда тот делает себе инъекцию, Боббин находится рядом. Она всегда готова дать совет или ответить на любые вопросы. Она может сделать замечание актеру или что-то предложить режиссеру. Она не просто должна объяснить актеру, насколько больно ему в этой сцене. Как себя чувствует человек после диализа? Если у человека возникают судороги или боль в груди, то как он должен показать это физически? «Когда у человека боль в груди, – говорит Боббин, – он далеко не всегда хватается за грудь. Есть масса способов показать сердечный приступ».

«Я должен спросить у своего бухгалтера, не могу ли я списать медицинские расходы, потому что, находясь у врача, я работаю. Когда мне меряют кровяное дав-

ление или берут анализ крови, я пристально наблюдаю за их действиями. Мне не хочется, чтобы меня этому учили на площадке. Выполнение процедур – это самая сложная часть нашей работы. Нужно полностью сосредоточиться на том, чтобы все сделать правильно и при этом в каждом дубле повторить все действия в точности. Врач не думает о том, как взять кровь. И я не хочу об этом думать. Я хочу просто играть сцену. Все делают это по-разному, а я делаю это, как Боббин».

– Питер Джейкобсон

Любой, кто смотрит медицинские драмы, видит, как сотни пациентов умирают. «Зрители видят прямую линию на мониторе и думают: «Ну, пора бежать с электродами», – говорит Боббин. На самом деле в такой ситуации протокол предписывает сначала дать лекарства и начать массаж сердца. Чтобы обеспечить медицинскую достоверность, очень важно учитывать меняющиеся обстоятельства при любой возможности. Боббин также консультирует актеров по физическому изображению боли. Некоторые анализы, которые зрителям кажутся очень болезненными – например, биопсия костного мозга, – в больницах выполняются с мощным обезболиванием. А вот спинномозговая пункция, которую часто делают в «Докторе Хаусе», вещь болезненная, и это подтвердит вам каждый, кто испытал это на себе. «Я рассказываю пациенту, как, по моему мнению, это должно выглядеть, а режиссер говорит: «Вот это усильте или, наоборот, ослабьте», – говорит Боббин. – Много раз они преувеличивали реакции, чтобы добиться большего драматизма».

Точно так же зрители реагируют, когда тикающий монитор начинает издавать долгий постоянный звук «биииииииииип». Сегодня подобные эффекты и картинки мониторов добавляют на этапе постпроизводства. Боббин сама занимается этими эффектами. Она подключает к монитору прибор для измерения давления, чтобы показать сердечный ритм. Техник на площадке имитирует плоскую линию на экране только для актеров, чтобы им было на что реагировать в нужный момент.

Боббин говорит, что актерам очень трудно реально изображать сцены умирания. Легко заметить плохие сцены умирания в кино, когда человек театрально падает на постель. Чтобы избежать подобного, герои просто истекают

Внимание к деталям 2: медицинский холодильник патологоанатомической лаборатории

кровью в операционной, а потом их просто везут на каталке в морг или на вскрытие. Сам момент смерти в кино стараются не показывать.

Диктатор Дибала в исполнении Джеймса Эрла Джонса умирал очень драматично. Его арестовали, потом ему делали дефибрилляцию, а потом эффект еще больше усилили с помощью музыки. «Он истек кровью и перестал двигаться после дефибрилляции, и всем стало ясно, что он умер, — говорит Боббин. — У нас получилась прекрасная, печальная, очень реалистическая сцена смерти, хотя обычно к таким сценам теряешь интерес через пару секунд».

Вопрос: «Бывает такое, что люди заходят в ваш кабинет, закрывают дверь и спрашивают: «Не посмотрите на это?»

Боббин Бергстром: «Бывает. И зачастую так я получаю информации гораздо больше, чем от тех, с кем работаю. Но я не возражаю, потому что чаще всего людям просто нужна поддержка».

Боббин пару раз пришлось решать реальные медицинские проблемы на площадке. В одном из сериалов, где она работала, актер упал с подиума, и она наложила ему шину и оказала первую помощь до приезда парамедиков. На съемках «Доктора Хауса» у актера случились настоящие судороги. Боббин помогала ему до тех пор, пока его не увезли в больницу. Он вернулся на работу на следующий день. Актер упал там, где на полу была разлита бутафорская кровь, и медсестра спросила, не разбил ли он голову. «Когда у этого парня начались судороги, люди просто стояли и смотрели на него, – говорит Боббин. – Они были заняты своим текстом, а я сделала все за доли секунды».

Мы видим персонажа и не всегда знаем, каковы его мотивы, цели и чувства. В этом и заключается драма. И комедия. И развлечение. Вот почему люди хотят смотреть на других людей в разных костюмах. Из-за этого напряжения.

Питер Джейкобсон

ТАУБ

ПИТЕР ДЖЕЙКОБСОН

Крис Тауб чуть было не исчез из сериала в первые пять минут отбора врачей для четвертого сезона «Хауса». Он стоял в ряду D, поэтому Хаус должен был его выгнать, так как Кадди сказала, что у него слишком много кандидатов. Но Тауб остался, а уйти пришлось красивой женщине-врачу. Первый вклад Тауба в общее дело – предложение сделать пациентке, потенциальному астронавту из НАСА, операцию по увеличению груди, чтобы замаскировать следы операции на легких. Тауб говорит женщине, что, если у человека есть мечта, его не волнует то, что другие смеются над ним («То, что нужно»). Тауб и сам хочет стать более толстокожим. Это становится ясно в серии «Урод», где есть мальчик с большим наростом на голове. Лечение мальчика снимают для документального фильма, поэтому актерам приходится часто мелькать перед камерой. Тауб же сомневается в правильности поставленного Хаусом диагноза. Хаус его увольняет, Кадди берет его обратно, и Тауб опережает других кандидатов на места в диагностической команде Хауса.

> «Первым эпизодом, в котором внимание было обращено на Тауба, стал «Урод». Героем этого эпизода был мальчик с огромным наростом на голове, напоминающим брокколи. Мой герой был пластическим хирургом, на этом и строился сценарий. Незадолго до съемок сценаристы пригласили выдающегося пластического хирурга, и я присутствовал на встрече. Это было очень интересно: крупный, успешный пластический хирург – и сценаристы, которые буквально бомбардировали его вопросами, связанными с их работой».
>
> – Питер Джейкобсон

Таков и Тауб: он уверен в себе, немного хитроват, и ему очень хочется остаться в команде.

> «Самое интересное в Таубе то, что он – великолепный врач. И это несмотря на то, что он был успешным пластическим хирургом в Нью-Йорке и занимался чисто косметическими операциями, которые так нужны богатым людям. Мне нравится думать, что он не всегда был пластическим хирургом. Он мог заниматься и другими сферами медицины. Он очень, очень квалифицированный врач».
>
> – Питер Джейкобсон

Заинтригованный Хаус, как всегда, интересуется прошлым Тауба. Тауб был женат, но из-за романа с дочерью своего партнера ему пришлось уйти из семьи. «Некоторые принимают обезболивающие таблетки, – говорит Тауб. –

Я изменяю. У каждого свои грешки». Таубу досталась сомнительная честь заинтересовать Хауса. Хаус раскопал кое-что интересное и теперь может мучить своего нового коллегу. Скучные люди его не интересуют. Поэтому Хаус называет Тауба «мини-жеребцом» и говорит, что он — не настоящий врач.

> **Вопрос:** «Хаус жесток с Таубом. Его промахи – это чисто человеческие черты...»
>
> **Дэвид Шор:** «Он – волокита».
>
> **Вопрос:** «Это случалось не один раз?»
>
> **Шор:** «Думаю, много, много раз. Для меня интересно то, что, по моему мнению, он искренне любит свою жену. Ему не хочется ей изменять. Но он не может устоять перед соблазном, делает неправильный выбор, а потом сожалеет об этом».

Тауб чуть старше остальных членов команды. Кадди понимает, что он способен противостоять Хаусу. Хаус говорит ей, что принял его на работу только потому, что она этого хотела («Игры»). Тауб принят в команду, он счастлив, но напряженность в отношениях с женой (роль Рэчел играет Дженнифер Кристал) не исчезает. Впрочем, жена тоже не все ему говорит. В серии «Осложнения» Лукас узнает, что на ее секретном счете лежат 83 тысячи долларов. Рэчел покупает мужу «Порше», о котором тот всегда мечтал. Когда она дарит ему машину, Тауб говорит: «Нам нужно поговорить».

Совершенно ясно, что в Принстон-Плейнсборо Тауб получает меньше, чем получал бы, занимаясь частной практикой. И это является еще одним источником семейной напряженности. В серии «Пусть едят пирожные» Тауб участвует в онлайновых консультациях, организованных Катнером от имени Хауса. Хаус узнает об этом. В серии «Сюда, киска» Тауба обманывает ловкий мошенник, и он чуть не лишается солидной суммы. Тауб всегда в поисках своего шанса. Смерть Катнера выбивает его из колеи. Тауб по-настоящему потрясен. В серии «Без боли» Тауб с Катнером обсуждают самоубийство. Тауб рассказывает, как кто-то из его коллег пытался совершить самоубийство, а он должен был что-то сделать, чтобы это остановить. Катнер предполагает, что речь идет о самом Таубе, но тот все отрицает.

В серии «Под прикрытием» Тауб объединяется с Тринадцатой и Чейзом, чтобы проучить Формана, которому кажется, что он зарабатывает меньше, чем его коллеги. В конце концов зарплату всех троих урезают, чтобы

повысить зарплату Формана. «На ум приходит фраза: «Кто твой папочка?» – говорит Форман. Таубу предстоит еще один непростой разговор с женой.

Жизнь Тауба складывается непросто – его то увольняют, то снова принимают на работу. Он находится скорее в лагере Тринадцатой. Ему хочется работать с Хаусом, тогда как Чейз и Форман делают это просто из чувства долга. Когда Хаус уходит и его место занимает Форман, Тауб возвращается к пластической хирургии. «Я пришел сюда, чтобы работать с Хаусом», – говорит он («Полный провал»).

> «Когда я впервые услышал о том, что мой герой уходит, то подумал: «Ну, и что дальше?» Я знал, что увольнение не будет постоянным. Я всегда воспринимал подобные повороты сюжета как нечто необходимое для повышения драматизма сериала. Увольнение углубило все мои жизненные конфликты. Уйти и снова вернуться очень тяжело для меня. Еще тяжелее это для моей жены. Ставки выросли во всем».
>
> – Питер Джейкобсон

Когда положение Хауса в команде пошатнулось, Тауб, как и Тринадцатая, оказался легкой добычей («Командная игра»). Хаус поручает явно не заинтересованному Таубу и Тринадцатой выяснить информацию о порнозвезде. Они ставят диагноз. Пластические операции и корректировка век – это все скучно. Только рядом с Хаусом можно заняться настоящей работой. Тауб хочет вернуться. А что же его жена? «Я реорганизовал свою жизнь, чтобы проводить с ней больше времени. Но совершенно ясно, что я не люблю ее так, как мне казалось». Домашние весьма прохладно отнеслись к желанию Тауба вернуться в Принстон-Плейнсборо. День благодарения он проводит на работе. «Жизнь слишком коротка, чтобы думать о деньгах, – говорит Тауб. – Она с радостью отказалась кое от чего. Например, от секса» («Счастье в неведении»). Тауб продолжается разрываться. В серии «Взаперти» Тауб присваивает диагностическую идею Катнера и получает от Хауса разрешение вернуться.

Тауб много внимания уделает отношениям с женой. В серии «Высшее благо» Тауб говорит Рэчел, что хочет иметь детей. Раньше он этого не хотел, а теперь хочет. Но не хочет она. Возможно, она уже устала от компромиссов, а Тауб еще нет. Когда Чейз ударяет Хауса, Тауб делает фотографию, показывает жене и говорит, что это сделал он. Рэчел снова влюбляется в него. Тауб говорит, что он преподал Хаусу полезный урок. Якобы. Это еще одна ложь, которую Хаус оценил бы по достоинству.

«В этическом и личном плане он немного нечистоплотен, но он хороший человек. Он хочет быть хорошим врачом, хочет сохранить семью... Он волокита, который не хочет расставаться с женой, семьянин, не перестающий смотреть на сторону. Это очень интересный персонаж. Мы знаем немало публичных людей, которые ведут себя точно так же».

– Дэвид Фостер

Кризис в отношениях Тауба и Рэчел происходит в серии «Черная дыра». «Крис, я люблю тебя, но, если ты снова начнешь говорить так, словно допрашиваешь свидетеля в суде, я сверну тебе шею», – говорит она. Рэчел жалуется на то, что они с мужем больше ничего не делают вместе. Коллеги Тауба считают, что она снова подозревает его в измене. Он клянется, что верен жене, но разве отмоешь добела черного кобеля? И как можно это доказать? Тауб пытается. Он приглашает Рэчел на работу, чтобы устроить романтическое свидание прямо на парковке (впрочем, уединиться им не удается из-за Хауса), а потом просит ее снова выйти за него замуж. Хаус одобряет этот шаг. «Это хорошо для тебя», – говорит он. Но потом Хаус видит, как, разговаривая со знакомой медсестрой, Тауб нежно гладит ее по руке. И это лишний раз доказывает правоту убежденности Хауса в том, что ничто в этой жизни не меняется.

ПИТЕР ДЖЕЙКОБСОН О... ТАУБЕ

Вопрос: «Тауб приписывает себе честь ударить Хауса...»

«Это в высшей степени нечестно. Но довольно умно. Поскольку такой шаг оказался для него выгодным, Тауб считает, что поступил правильно.

Когда я только прочитал сценарий, то подумал, что такого не бывает. Но потом я понял, что он был выбит из колеи, и только это событие вернуло его к жизни. Мы прекрасно сыграли эту сцену. Она получилась очень жизненной и достоверной».

Вопрос: «Очень ли велик недостаток Тауба по меркам хаусовской вселенной?»

«Я так не думаю. Это нечто среднее. Трудно оценить поведение таких людей, но если присмотреться, то всегда заметишь какие-то сигналы и намеки на то, что происходит. Мне нравится играть человека, который не сопротивляется течению... Для меня самое ин-

тересное в сериале – это когда персонажей (и моего героя, в частности) ловят на чем-либо. Это создает драматическую напряженность».

Вопрос: «Ваш брак показывают только в напряженных ситуациях».

«Как только я оказываюсь дома со своей женой, то сразу же напрягаюсь. Сериал посвящен Хаусу и нам. Не думаю, что Хаус выжил бы без интересных жизненных превратностей наших персонажей. Сценаристы умело дозируют эту информацию. Даже когда наши герои оказываются за пределами больницы, у них все равно сохраняется связь с Хаусом, иначе в чем был бы смысл сериала? На свадьбе Чейза и Кэмерон вы видите нас с женой среди приглашенных. Свадьба захватывает нас. Это единственный раз, когда мы показаны без конфликта. Это настоящее семейное счастье».

Вопрос: «Мы понимаем, что вы не можете обходиться без головоломок...»

«Ни в коем случае! Тауб – умный, заинтересованный врач. Как бы его ни оскорбляли, Тауб всегда хочет во всем разобраться и победить. Он не стремится стать Хаусом, но хочет быть человеком, умеющим разгадывать загадки».

Вопрос: «Он экстраверт?»

«Не могу сказать, что он очень хорошо умеет общаться с пациентами. В «Уроде» есть несколько моментов, по которым ясно, что он – не самый доброжелательный человек в мире. Однако и ему свойственны теплота и чуткость. Он проявляет сочувствие и вселяет уверенность в подростка-пациента, потому что уже немолод, многого добился и хорош в своей профессии. И часть владения этой профессией заключается в умении общаться с людьми. Сценаристы заставляют меня задумываться над проблемами верности и самоубийства. Тауб – обычный человек, ему свойственны все человеческие слабости и эмоции. Не думаю, что человек может быть роботом».

Вопрос: «Как вы думаете, Тауб когда-нибудь взорвется?»

«Не знаю, но приятно уже то, что у вас возник такой вопрос».

Вопрос: «Кто-то сказал, что Тауб подлый»

Дэвид Шор: «Смерть Катнера очень сильно повлияла на него. Возможно, после этого события он станет лучше».

Вопрос: «Ушел его приятель и коллега по бизнесу…»

Шор: «И это произошло очень драматическим образом. Это событие заставило Тауба ценить каждый день. Он в чем-то стал похож на Кэмерон: понял ценность жизни каждого человека».

Вопрос: «Отношения Катнера и Тауба очень интересны. История с Интернетом…»

«Мне она очень понравилась. Особенно тот момент, когда Хаус подлавливает нас с ожившим трупом. Было утомительно изображать шок и ужас четыре или пять раз подряд, но все равно это было очень интересно».

Вопрос: «Интересно ли вам играть эту роль как актеру?»

«Мне это очень нравится. Чем страннее и чуднее, тем лучше. У меня были классные моменты: когда Хаус заставил меня прийти к нему и доказать, что я умею играть в ракетбол в морге («Социальный контракт»). Актеру всегда интересно выйти за рамки того, что обычно происходит в любом сериале».

Вопрос: «А что вы можете сказать о его одежде?»

«Классная! Сегодня у него коричневый костюм. Он всегда носит белые рубашки с галстуками».

Вопрос: «А что он носит дома?»

«То же самое. Он спит в рубашке с галстуком. Только перед сном закатывает рукава. Он успешный парень, довольно консервативный. Для него важно показать, что у него есть деньги, даже если это не так. В одежде они с Форманом постоянно соперничают. Он может победить в этой борьбе (в отличие от меня). Я одеваюсь неплохо, но немного консервативно».

ПИТЕР ДЖЕЙКОБСОН О… ПИТЕРЕ ДЖЕЙКОБСОНЕ

Вопрос: «В вашей семье есть врачи?»

«Ни одного. Отец Лизы Эделстайн в семидесятые годы был педиатром Кэла Пенна… Мы с Лизой работали вместе пятнадцать лет

назад. У нас была одна сцена в фильме «Лучше не бывает». Мы играли еврейскую пару, которых Джек Николсон оскорбляет в ресторане. Это была запоминающаяся сцена. Но ни одного врача в моей семье нет».

Вопрос: «Теперь есть».

«Да, действительно. Иногда ко мне подходят странные люди, которые спрашивают, не могу ли я оказать им медицинскую помощь».

Вопрос: «Это все белый халат…»

«Я изо всех сил стараюсь не носить белых халатов за пределами съемочной площадки».

Вопрос: «А как вы справляетесь с медицинской стороной сериала?»

«Мне приходится много читать, чтобы понять, в чем дело. Это самое сложное – проследить медицинскую линию, потому что мы снимаем эпизоды в произвольном порядке. Если хочешь сыграть хорошо, то должен точно знать все, что произошло раньше. А в этом сериале это еще более важно. Когда твой текст связан с медициной, ты должен четко представлять себе суть обсуждаемой проблемы».

Вопрос: «Вы можете оценить телевизионное и медицинское качество этого сериала?»

«Не совсем. Я знаю, что это хороший сериал. Оценить качество фильма можно лишь с третьего просмотра. Только тогда удается забыть о своем актерском эго. Когда смотришь в первый раз, то обращаешь внимание только на собственные промахи и на свой ужасный внешний вид. В такой ситуации уже не до сути дела. Только с третьего просмотра я начинаю смотреть сериал как профессионал и зритель. Некоторые актеры вообще не смотрят свои фильмы. Но мне это кажется полезным».

Вопрос: «Расписание очень напряженное?»

«Мы справляемся. Первые помощники режиссеров знают, что моя семья живет в Нью-Йорке, и при любой возможности стараются составить расписание таким образом, чтобы освободить меня на выходные. Часто это не получается. Но я точно знаю, что они старались, просто обстоятельства сложились таким образом».

Вопрос: «В сериале есть определенный ритм...»

«В последнем сезоне были два дня, когда я снимался сразу в трех эпизодах, потому что так сложилось. В один день я снимался в эпизоде, съемки которого заканчивались, и в эпизоде, съемки которого только начинались. Кроме того, пришлось сыграть одну сцену для третьего эпизода».

Вопрос: «Значит, у вас было три костюма...»

«И три медицинских истории, о которых я должен был помнить. Впрочем, это увлекательно и не так уж тяжело. Конечно, я не сказал бы так, если бы был Хью Лори. Он работает на другом уровне. Он тянет на себе этот сериал день за днем. Думаю, мне досталась очень приятная, легкая работа. У меня есть много выходных. Впрочем, если брать все в целом, съемки – это отличный способ провести время!»

ПИТЕР ДЖЕЙКОБСОН О... ПРОЦЕССЕ ОТБОРА

Вопрос: «Вы не знали, кого выберут?»

«Я получил роль, а потом узнал, что будет тридцать новых актеров, претендующих на эту роль. Я подумал: «Это просто ужасно». Потом я узнал, что пятеро из нас получат постоянные роли – Оливия, Кэл, Эди (Гатеги, Большая Любовь), Энни (Дудек) и я. А дальше они могли делать все, что угодно. Было несколько актеров, которые оставались до конца. Они могли уйти или остаться. Когда дело дошло до «финальной пятерки», мы все еще продолжали гадать, кто из нас в нее войдет».

Вопрос: «А вы сами не устраивали для других актеров проделок в стиле Тауба?»

«Мне это и в голову не приходило. Мы отлично сработались. Это было прекрасное время. Когда оказываешься в столь нервной и напряженной обстановке, когда рядом с тобой пять актеров-невротиков, то забываешь о притворстве. Мы были очень открыты друг с другом. «Ты, наверное, останешься, им нужен чернокожий». «Нет, они выберут тебя, им нужен еврей». «Им нужен индус». «Ты такая милашка». Мы были честны друг с другом. Это делало нашу жизнь проще, потому что все мы были просто глупы».

Вопрос: «Актеры испытывают то же давление, что и их персонажи?»

«Это очень странно. Прочитав сценарий для пробы, моя жена сказала: «Это ты». Но потом, когда она узнала о развитии сюжета, изменила свое мнение: «Ты не хотел браться за эту работу, а теперь каждый день беспокоишься из-за того, что тебя уволят. Зачем тратить четыре месяца жизни на беспокойство из-за возможной потери работы?» Но это такая замечательная работа, безумная, но очень увлекательная!»

Вопрос: «Вам было приятно, когда прозвучало последнее слово?»

«Очень! Безумно! Это был настоящий восторг! Дело в том, что я живу в Нью-Йорке, моя жена и сын остались в Нью-Йорке, и мне приходилось постоянно ездить туда и обратно. Я постоянно летал с побережья на побережье. Три месяца меня вообще не было дома, а моему сыну всего пять лет. В это время нельзя быть вдали от него. В глубине души я чувствовал, как хорошо было бы, если бы мы снова оказались все вместе. Но лишь на два процента. На девяносто восемь процентов я уверен в том, что хочу эту работу, что она мне нужна. Я был в полном восторге, когда получил ее!»

Вопрос: «Вы должны были знать, что Кэл Пенн уходит, но вы не знали, что его заставят выстрелить себе в голову?»

Омар Эппс: «Думаю, что и он этого не знал! Мы все думали, что они найдут для него другой выход — таблетки или что-то в этом роде. **Но это же Дэвид Шор! Ему все нужно делать с блеском!»**

КАТНЕР

КЭЛ ПЕНН

В «Простом объяснении» Катнер исчезает. По словам Тауба, у него больна собака. Таубу кажется, что Катнер отправился на фестиваль комиксов. Это случилось как раз в тот момент, когда Тауб украл идею Катнера. Форман и Тринадцатая отправляются на квартиру Катнера и находят его бездыханное тело. Он выстрелил себе в голову. Тринадцатая и Форман пытаются его реанимировать, но безуспешно. Тело уже остыло. Катнер мертв.

> «Тело Катнера присутствовало, но сам он в эпизоде не играл. Многие из нас думали, что он должен был появиться. Первая часть эпизода прошла под знаком вопроса: «Где Катнер?» Мы думали, что это лишь для пробуждения зрительского интереса. Мы не ожидали такой потрясающей развязки, но она оказалась очень шокирующей. Вряд ли можно было придумать что-то более шокирующее».
>
> – Питер Джейкобсон

Режиссером этой сцены был Грег Яйтанис. Сценарист Леонард Дик не хотел, чтобы тело показывали, но Кэл Пенн все же лежал там. «Кэл был там, и это сделало эпизод еще лучше – он лежал в луже крови, – вспоминает Яйтанис. – Все актеры были в крови». Серия была мрачной, печальной и неспокойной – вполне соответствующей настроению потрясенных коллег Катнера. Коллеги-актеры Кэла Пенна тоже были удивлены. «Такой поворот сюжета был довольно жестоким», – говорит Питер Джейкобсон. «Меня это удивило», – вторит ему Роберт Шон Леонард. Но жестокость события и его неожиданность подтолкнули Хауса к срыву. «Во всем этом был глубокий смысл», – соглашается Питер Джейкобсон.

> **Вопрос:** «Вы были потрясены, узнав о судьбе Катнера?»
>
> **Грег Яйтанис:** «Ну, я знал, что что-то должно произойти, потому что я просил у них сценарий, а они все никак его не присылали».

Несомненно, Хаус понял и принял бы сделанный Катнером выбор, если бы под тем были основания. Он обрушивается на членов своей команды за то, что они не заметили приближающейся катастрофы. Но никто ничего не знал. Кадди приглашает психолога, хотя знает, что его услугами никто не воспользуется. Она предлагает врачам взять отпуск, но никто этого не делает.

Кадди: «Я сожалею о твоей утрате».

Хаус: «Это не моя утрата».

Кадди: «Тогда мне жаль, что ты так думаешь».

Тринадцатая и Форман отправляются к приемным родителям Катнера, и Хаус присоединяется к ним. Имя Катнера по рождению – Чоудхури. Хаус обвиняет убитых горем родителей в том, что они лишили ребенка идентичности, заставили его терзаться сомнениями относительно того, кто же он на самом деле. Хаус заходит так далеко, что Форман останавливает его. «Там был отличный момент, когда Форман остановил его, – говорит Дэвид Шор, – но нужно было видеть выражение на его лице. Хаус отступил. Не уверен, что в нашем сериале еще когда-нибудь такое будет. Он отступил». Грег Яйтанис помнит реакцию матери Катнера в исполнении Мэри Джон Дешанель на слова Хауса: «Отвращение и омерзение, смущение и униженность... Помню, что был очень тронут этой сценой».

Тауб безумно злится на своего друга Катнера. Он говорит, что Катнер идиот. Ему жаль друга, но он не испытывает вины за то, что не сумел предвидеть самоубийства. «Это естественная реакция. Мне нравится, как они написали этот эпизод», – говорит Питер Джейкобсон. Актеру нравится то, что глубина отношений между Таубом и Катнером проявилась лишь после смерти Катнера.

> «Тауб возводит стену, замыкается в себе и ходит на работу. А потом рушит эту стену – и это один из самых глубоких и доставляющих радость актеру эпизодов. Для актера нет лучшего подарка, чем герой, который изо всех сил пытается держать все в себе. Каждый день мы пытаемся вести себя, как обычно, надеваем брюки и изображаем из себя нормальных людей, хотя далеко не всегда чувствуем себя именно так. Играть нечто подобное – огромное наслаждение».
>
> – Питер Джейкобсон

Хаус отчаянно ищет ответа. Он звонит друзьям Катнера, изучает его прошлое (он играл в футбольной команде Дартмута). Хаус приходит на квартиру Катнера. Ему кажется, что Катнера убили. Вскоре после этого он теряет сон, у него начинаются галлюцинации, которые приводят его в психиатрическую больницу Мэйфилд. Кадди говорит, что в переживаниях Хауса нет ничего необычного. Ведь Катнер мыслил точно так же, как Хаус, и точно так же, как он, нарушал установленные границы. Хауса это не убеждает. «Если бы он мыслил, как я, то знал бы, что жить несчастным сравнительно легче, чем несчастным умереть».

Хаус столкнулся с непостижимым, и это выводит его из себя. «Я чувствовал, что эта серия получилась невероятно честной, – говорит Грег Яйтанис. – Когда происходит нечто абсолютно неожиданное, как здесь, и ты не чувствовал, что это приближается, то ни у кого не оказывается ответа. Именно так в жизни и бывает». «Это было настоящим потрясением, – говорит Питер Джейкобсон. – В кино часто скрывают мир боли и переживаний. Если мы привлекли внимание к необходимости замечать, когда ближним нужна помощь, это прекрасно».

Вопрос: «Такое случается… Люди иногда лишают себя жизни, и никто не может этого предвидеть. Такие события становятся загадкой для всех. И Хаус не может решить эту загадку».

Дэвид Шор: «Именно это мы и хотели показать. Вот почему мы не стали ни рассказывать, ни намекать на то, что случилось с Катнером, что заставило его пойти на такой шаг. В последний раз мы показали его очень неопределенно. Зрители не поняли, что с ним происходит. «Я просто не знал этого человека». И это говорит доктор Хаус, которому достаточно посмотреть на человека восемь секунд и с точностью сказать, что он ел на завтрак три дня назад! А с Катнером он проработал два года, общался с ним очень тесно – и все же не знал его. Хаусу очень нелегко это признать».

ДЕКО́РАЦИИ И СЪЕМОЧНЫЕ ПЛОЩАДКИ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО «ДОКТОРА ХАУСА»

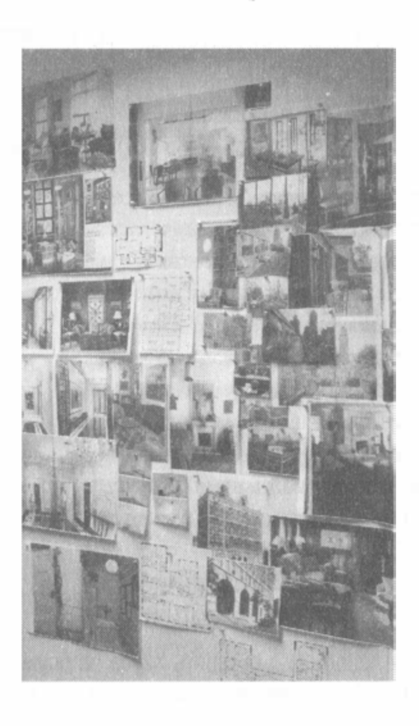
«Большинство решений связано со временем и финансами. Продюсеры говорят, что шоу-бизнес – не место для дружбы, здесь все решают деньги. К счастью для нас, «Доктор Хаус» – очень успешный сериал, поэтому нам позволяют гораздо больше, чем в других сериалах».

– Джереми Касселс, художник-постановщик

«Не думаю, что Уилсон мог бы жить в клевой квартире с открытыми балками», – говорит Кэти Джейкобс. Кэти и художник-постановщик Джереми Касселс встретились в коридоре, чтобы обсудить, какой может быть квартира, купленная Уилсоном вместе с Хаусом для шестого сезона. Стены коридора увешаны фотографиями квартир и жилых домов, отксеренными и вырванными из журналов страницами со снимками. В центре подробный план квартиры. Сначала сценаристы предложили лофт с высокими потол-

ками, похожий на дом Тринадцатой. Кэти захотела чего-то более «мужественного». «Я думала, что они поселятся в старом доме. Придадим квартире более современный вид и избавимся от некоторых стен».

В перерыве между первым разговором, который состоялся несколько дней назад, и этим Джереми разработал второй вариант. После того как идея переезда Хауса и Уилсона в Нью-Йорк была отвергнута, Джереми придумал квартиру в нью-йоркском стиле в Принстоне. На одном из снимков, приколотых к стене, изображен дом начала века на Саттон-плейс в Нью-Йорке. В таком старинном доме большие квартиры имеют просторную прихожую, столовую, кабинет, возможно, библиотеку, несколько спален и комнату для прислуги, в которой может поселиться Хаус. Джереми также поговорил с оператором Гейлом Тэттерселлом о том, чтобы добавить балкон, который придаст пространству дополнительную глубину.

Планы и примерные схемы квартиры Уилсона/Хауса на стене продюсерской сериала

Встал вопрос о том, как Хаус и Уилсон будут взаимодействовать на этом пространстве. «Мне понравились все комнаты, только я подумала, что они слишком отделены друг от друга», — говорит Кэти. С обстановкой квартиры можно подождать. Ни у Хауса, ни у Уилсона нет мебели, разве что пианино Хауса. Мужчины должны оставить свой отпечаток в квартире, даже если их вполне устроит огромный телевизор и диван перед ним. (В «Черной дыре» Уилсон демонстрирует ту же нерешительность, что и в сцене с Эмбер, когда они покупали кровать:

он просто не может выбрать мебель.) Кэти и Джереми обсуждают окрестности, вид из окна. Им кажется, что стоило бы заказать что-то новое. Но самое главное — это интерьер квартиры. Спальни Хауса и Уилсона должны располагаться рядом. «Это замечательно, — говорит Кэти. — Я хочу, чтобы у них был общий холл». Джереми обещает к завтрашнему дню подготовить новый план.

«Я знала людей, которые работали в этом бизнесе, и они говорили: «Не можем поверить, что вы поехали в Нью-Джерси, чтобы снять все это!» А я отвечал: «Никуда мы не ездили. Все построили здесь, в павильоне звукозаписи».

– Джереми Касселс

Джереми Касселс — мастер визуального обмана. Джереми привык работать масштабно. Ну или он умеет заставить зрителя поверить в масштабность своей работы. Когда Хаус несколько недель провел в психиатрической больнице в Нью-Джерси («Сломленный»), казалось, что все снимали на Восточном побережье. Но это не так. Задача художника-постановщика сделать все достоверным, но при этом нужно успевать за стремительно несущимся поездом. «У нас множество отличных руководителей отделов. Они прекрасно справляются со своей работой, и все взаимодействуют с Кэти». Все вместе — художники, реквизиторы, декораторы, костюмеры, члены съемочной группы и актеры — они могут в Сенчури-Сити создать настоящую больницу из Нью-Джерси.

«Для визуального завершения сезона я предложил потерять Хауса за двумя дверями в чем-то, напоминающем Страну Оз. Если у вас есть какая-то идея, вы должны найти для нее удачное визуальное выражение».

– Кэти Джейкобс

Строительство больницы Мэйфилд заняло больше времени, чем обычный эпизод. Джереми пришлось поехать изучить реальную больницу. «Это была трудная задача, потому что все сразу вспоминали «Пролетая над гнездом кукушки» (классическая кинолента 1975 года), а с тех пор больницы изменились». И все же Кэти хотела донести до зрителей мысль о том, что, решившись на реабилитацию, Хаус оказался в жесткой и бескомпромиссной среде. Джереми искал подходящее здание в Принстоне и других городах. Сначала его вни-

мание привлекали загородные дома, а потом он увидел психиатрическую больницу Грейстоун-Парк в городе Парсиппани, Нью-Джерси. Он показал Кэти фотографии входа, который произвел на него глубокое впечатление. «Она ответила: «Мне нравится это место», — рассказывает Джереми. — Оставалась только одна проблема: больница находилась в Нью-Джерси». Впрочем, она была давно закрыта и заброшена, так что снимать интерьеры все равно не удалось бы, даже если бы это оказалось экономически оправданным.

Производственный отдел начал подыскивать похожее здание в Лос-Анджелесе, но ничего не вышло. Они нашли больницу в Огайо, которая была в лучшем состоянии, но снимать в Огайо было сложно, поскольку невозможно было использовать местных специалистов. Дешевле было поехать в Нью-Джерси и пригласить нью-йоркских кинематографистов для натурной съемки. Сцену, в которой Хаус входит в больницу, снимали целый день. Джереми летал в Нью-Джерси четыре раза. Он делал фотографии и снимал поэтажные планы, чтобы руководствоваться ими в работе. Кэти, Джереми и сценаристы обсуждали то, как будут взаимодействовать между собой персонажи, хотя сценарий еще не был написан. Появились телефоны, аптека, палаты и процедурные. Джереми и декораторы всегда уделяют огромное внимание деталям. Они тщательно прорабатывают дверные наличники, плинтусы и подлокотники кресел. Стекла на съемочной площадке специальные — когда камера направлена сквозь них, создается впечатление старого стекла.

....

Координатор строительных работ Стив Говард занимался строительством декорации больницы Мэйфилд, как и всех других декораций «Доктора Хауса». Он работает на четырех площадках канала FOX и в 30 000-футовом павильоне в Синтанелле. Стив руководит постройкой всех декораций. Надо сказать, что в других сериалах не бывает больше двух площадок. В подчинении Стива от 35 до 60 рабочих. Вместе с ними Стив создает от десяти до двенадцати «переменных» декораций для каждого эпизода. Две съемочные площадки, больница, постоянные и «переменные» декорации — пло-

щадь «царства» Стива составляет около пятидесяти тысяч квадратных футов.

«Во время длительного перерыва я беру два дня отгулов. Строительство больницы Мэйфилд заняло два месяца. Самым сложным было то, что у нас не было полного сценария. Джереми не знал, какие помещения потребуются внутри больницы. Мы знали, что нужны палаты, но нам пришлось оставить большое пустое пространство. Потом работы остановили на две недели, и так все и осталось».

– Стив Говард

Неожиданно скорый съемочный поезд дал задний ход и двинулся другим путем. Сценаристы решили вернуть Хауса в Принстон-Плейнсборо раньше, чем планировалось ранее. Сначала Джереми собирался построить кабинет психиатра Хауса, доктора Нолана, прямо на площадке. Но поскольку количество сцен сократилось, было решено переоборудовать под кабинет Нолана правую сторону комнаты отдыха. Из-за этого нужно было сначала снять все сцены в комнате отдыха. «Геррит и Марси спросили меня, нельзя ли как-нибудь использовать то, что у нас уже есть. Поэтому мне пришлось изменить обстановку, выкрасить стены в другой цвет и придать пространству иной вид». Перемены происходят так стремительно, что, говоря словами Кэти Джейкобс, «остается только низко поклониться нашим декораторам и Джереми».

«Они два дня снимали в Синтанелле на выгульном дворе, а мы за эти два дня полностью перестроили декорацию. Но фон остался прежним. Если присмотреться, то можно заметить, что вид из окна Нолана точно такой же, как и из комнаты отдыха. Мы лишь чуть-чуть изменили фон. Я исходил из того, что кабинет Нолана просто находится на другом этаже».

– Джереми Касселс

Кэти Джейкобс ставила двухчасовой эпизод «Сломленный». Декорации были построены еще до завершения работы над сценарием. Заранее подобрали и актеров. Этим двухчастный эпизод отличается от стандартных серий.

«Кэти проделала отличную работу. Ее вклад в эту историю невозможно переоценить. Все получилось просто прекрасно. Я общался со многими людьми, и все они говорили, что это было настоящее кино. Понимаю их снисходительное отношение к телевидению, и тем более ценна для меня их оценка».

– Дэвид Шор

«Сломленного» показали в кинотеатре для актеров и членов съемочной группы. Все они разделили мнение Дэвида Шора. Джереми Касселс заметил несколько огрехов, которые были бы незаметны на телевидении, но стали очевидными на большом экране. «Моя жена удивилась: «О чем ты говоришь? Я не видела там никакого фона». Все твердили, что все получилось прекрасно. Наверное, так оно и есть. Просто я к себе придираюсь». Джереми высоко оценил работу плотников, которые трудились над постройкой декораций больницы. Ему было грустно расставаться с ними. Во имя продолжения истории больница рано понадобилась и быстро стала ненужной. «Полагаю, сценаристы придумали гениальную идею, — говорит Джереми. — Хаус вышел из больницы, но его медицинская лицензия не восстановлена».

Вопрос: «Палата Хауса, комната отдыха, аптека... Где все это?»

Стив Говард: «Все разобрали».

Вопрос: «Значит, Хаус больше не вернется в психиатрическую больницу?»

Говард: «Если вернется, то это обойдется недешево».

Вопрос: «Если это произойдет в этом сезоне, вам придется нелегко».

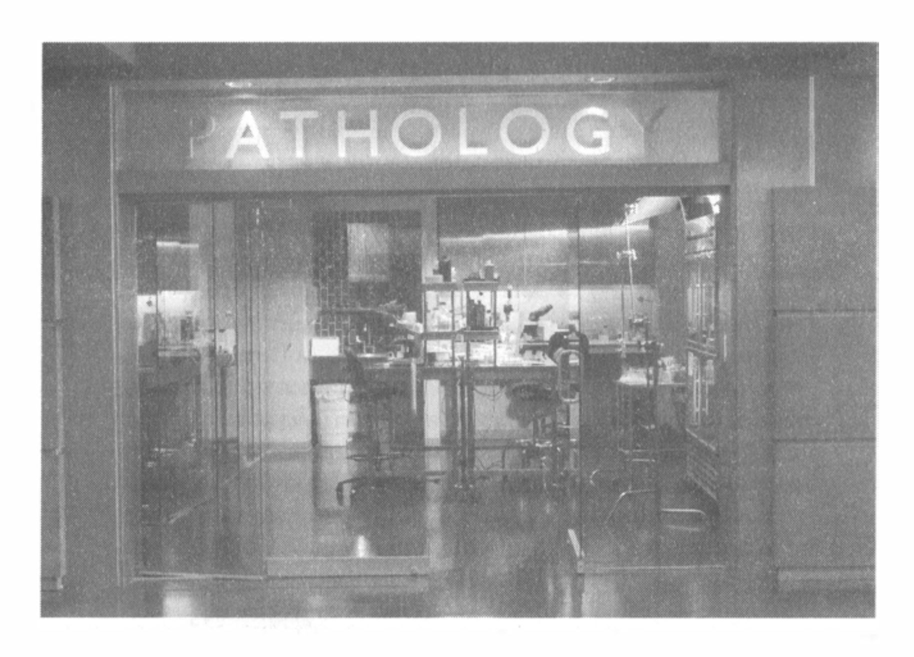
Говард: «Некоторым всегда нелегко».

....

Вопрос: «Вы ставите перед ними задачи?»

Кэти Джейкобс: «Скорее, предоставляем возможности. Они — отличные ребята. Мы работаем вместе».

Проектирование квартиры Уилсона/Хауса двигалось быстро. Джереми переделал эскизы, а декораторы создали небольшую трехмерную модель квартиры за один день. Благодаря этому Кэти Джейкобс получила возможность с помощью небольшого прибора оценить, как будут выглядеть кадры, снятые с определенных точек. Кэти нравятся глубокие кадры, а это представляет определенную проблему для Дже-

Почти как на самом деле: внешний вид патологоанатомической лаборатории

реми. В Мэйфилде и квартире Уилсона на окнах нет штор, а это означает, что вид из окна должен быть очень убедительным.

Кэти постоянно думала о комнате Хауса. «У него не может быть узкой кровати. Может быть, он захотел поставить широкую кровать в детской комнате, чтобы ему было тесно?» Кэти изучает ванны. Сколько должна стоить ванна? Дешевле купить ванну или сделать? Будут ли ванну заполнять водой (это спецэффект)? (Ванну выбрали для того, чтобы Хаус воспользовался ею без разрешения Уилсона. Выбор остановили на модели «Пикассо».) Каждое оформительское решение влечет за собой массу последствий. «Это влияет на работу декораторов и электриков, на их бюджет. Геррит и Марси знают, сколько можно потратить, и приходится подстраиваться под их требования».

«Идеи для строительства я получаю от Джереми. Он приносит все чертежи из художественного отдела. Я беру чертежи и уже представляю, каким должен быть

бюджет. Затем продюсеры изучают смету и говорят нам, что мы можем сделать, а от чего придется отказаться. Иногда мы вообще ничего не можем сделать. Хотя на разработку проекта ушла масса времени, мы все же не можем этого сделать».

– Стив Говард

Сериал должен развиваться в определенном темпе. Окна строятся на полозьях, чтобы их можно было снимать для перемещения камеры. Из-за присутствия камеры все помещения больше, чем в реальной жизни. Спальня должна быть достаточно большой, чтобы можно было снять общий план. «Нужно максимально облегчить работу съемочной группы, иначе возникнут проблемы, — говорит Джереми. — Наш главный мастер Шон Уэлан называет это «декораторским окном». То есть нам нужна просто дырка в стене». Дверей тоже должно быть много, но не везде, «иначе на каждой стене будет дверной проем». «Очень сложно снять шесть страниц диалогов в один день», — говорит Джереми.

Джереми Касселс учился в художественной школе Глазго в своей родной Шотландии. Стремясь найти работу в кино, он отправился в Австралию, где познакомился с человеком, снимавшим малобюджетную картину. Джереми спросил, не может ли он чем-нибудь помочь. И очень скоро он уже колесил по всей стране с декорациями в своем грузовике. Потом он осел в Лос-Анджелесе, стал главным художником и работал над такими фильмами, как «Смертельная битва», и такими сериалами, как «Профиль убийцы».

«Больше всего мне нравится то, что все длится не слишком долго и ни в чем нет никакого архитектурного смысла, — говорит Джереми. — Все постоянно меняется. Каждый день я прихожу и думаю, что все держу под контролем, и вдруг мне приходится строить абсолютно новую квартиру для Хауса и Уилсона».

На площадке царствует обман. В больнице Принстон-Плейнсборо приемный покой располагается в подвале, но на площадке он находится рядом с кабинетом Хауса. Если камера смотрит из кабинета Хауса в коридор, то приемный покой виден слева. Дэвид Шор любит сцены, в которых герои разговаривают, идя по коридору, поэтому команде нуж-

но иметь возможность выходить из кабинета Хауса, не проходя через приемный покой. При каждом проходе приемный покой закрывают перекрашенными панелями: еще один момент, о котором нужно постоянно помнить. Другую часть съемочной площадки, второй этаж, меняют и перекрашивают, чтобы создать никогда раньше не показываемое онкологическое отделение Уилсона, расположенное на столь же не упоминаемом пятом этаже. Мониторы лифтов в вестибюле рассчитаны только на четыре этажа. Их придется заменить.

Дэвид Шор: «Нам снова понадобился новый этаж... Не могу сказать, что в этом есть смысл, потому что на четвертом этаже есть застекленная крыша».

Вопрос: «Коллекционеры будут жаловаться, что раньше о пятом этаже ничего не говорили...»

Шор: «То же самое было с космическим кораблем «Энтерпрайз».

Некоторые помещения больницы, например, приемный покой и смотровая над операционной, кажутся маленькими. Вестибюль же огромен. «Больше всего в моей работе мне нравится то, что можно дурачить камеру, — говорит Джереми Касселс. — А подбирая объективы, и зрителей тоже».

«Это обратный способ работы. Снимая пилотную серию или фильм, ты отталкиваешься от сценария. В нашей работе мы не можем отталкиваться от сценария. Мы должны создавать новые возможности для сценария».

– Кэти Джейкобс

Со временем пространства «Доктора Хауса» расширяются. Первые декорации, использованные для съемок пилотной серии в Ванкувере, разобрали и перевезли в Лос-Анджелес. Декорации были очень скромными. Если сцену снимали в операционной, то под нее быстро переделывали больничную палату. «Что нам обязательно нужно было сделать, так это построить операционную, потому что множество сцен происходит именно здесь, — говорит Геррит ван Дер Меер, вспоминая то время. — Я понимал, что нам не понадобится большой вестибюль. У нас было много палат и кабинетов. Но нам не хватало съемочного пространства. Мы решили расшириться. Многие декорации стали просторнее,

Вид на вестибюль больницы Принстон-Плейнсборо с балкона второго этажа

но вестибюль на площадке 15 оставался маленьким, поэтому, чтобы решить проблему пространства, мы придумали устроить на площадке второй этаж». Тогдашний художник-постановщик Дерек Хилл спроектировал вход таким, каким мы видим его сейчас, и добавил антресольный этаж.

«В перерыве между первым и вторым сезонами мы увеличили размеры больницы вдвое. Это заняло около семи недель. Нам было очень страшно. Мы справились. Кое-что закончить не успели, но все же смогли завершить работы на первой неделе. Таков темп этого сериала, и он остается постоянным».

– Стив Говард

«Это настоящий инженерный подвиг», — говорит Геррит о новом вестибюле. Второй этаж должен выдерживать сотню людей и тяжелое оборудование, такое, как рычажные подъемники для перемещения камеры. Поэтому потребовалась консультация строителей. «Работы заняли много времени», — говорит Геррит. Вестибюль стал не просто съемочной площадкой, а настоящим зданием, построенным в па-

вильоне звукозаписи. «Мы сделали его настолько прочным, что он выдержит даже землетрясение, – улыбается Стив Говард. – По этим кабинетам и коридорам ходят очень ценные люди». Половина стен – капитальные, способные выдержать землетрясение и защитить несущие балки. С неожиданным осложнением инженеры столкнулись, работая с полом. Нужно было врыть более сорока стальных опор и поддерживающих бетонных колонн. Под полом площадки 15 обнаружился полноразмерный каток, построенный студией для фильмов с участием олимпийской чемпионки Сони Хени – одной из самых знаменитых кинозвезд 30–40-х годов. Поэтому строителям пришлось пробиваться через слои дерева и асфальта и через гигантскую сетку металлических труб, по которым на каток подавалось охлаждающее вещество. «Некоторым нашим работникам пришлось работать под сценой, – рассказывает Стив Говард. – Они работали, как шахтеры, прорывая шурфы и устанавливая опоры».

«Когда мы начали сезон, сценаристы стали обыгрывать второй этаж в сценариях. До этого все твердили: «Зачем Герриту второй этаж?» После нескольких первых эпизодов это был уже не мой, а общий этаж».

– Геррит ван Дер Меер

Строительство идет быстро: Стив Говард построил квартиру Лукаса за пять дней. Все декорации очень легкие, чтобы можно было снимать стены для движения камеры. Если на кухне стоит стол, то стену за столом приходится передвигать, чтобы камера могла показать комнату. Двери полые. Стены сделаны из тонкой фанеры и обрамлены более прочным материалом. Если декорацию разбирают, то все упаковывают очень компактно и отправляют на склад. Много раз декорации восстанавливали и использовали для других целей. Квартиру Катнера, к примеру, делали долго. Говорит Стив Говард: «Мы изо всех сил старались, чтобы Кэти и Дэвид Шор все одобрили. Мы использовали его холл в другой декорации, в квартире Тринадцатой. Впрочем, его декорация была настолько уникальной, что сохранить ее целиком мы просто не могли. Нам удалось использовать в других декорациях односторонние стены, окна и двери. У нас есть стены, которыми мы пользовались в двадцати декорациях».

Стив Говард начал работать в строительстве специально, чтобы набраться опыта для кино. Работу ему предложил друг, который помогал продюсеру Дино де Лаурентису строить студию в Уилмингтоне, штат Северная Каролина. Стив родился в Санта-Монике. Его отец снимался в рекламе и небольших фильмах. Стив жил в Морристауне, неподалеку от того места, где находилась настоящая больница Мэйсфилд, и его бабушка работала там добровольным помощником.

Главная мастерская Стива Говарда, где изготавливаются декорации, переезжает с площадки на площадку. «Мы страшно шумим, образуются тучи пыли — ужасная картина, — говорит Стив Говард. — Но это все пустяки по сравнению с тем, что приходится делать на улице. Приходится буквально танцевать на площадке. Помощникам режиссеров тоже бывает сложно подстроиться под нас». Обычно Стив переходит с десятой площадки на одиннадцатую, иногда на четырнадцатую или пятнадцатую. Порой приходится работать на улице. «Мы можем все перетащить примерно за час», — говорит он. У него есть и вторая мастерская, а также еще одна в Синтанелле.

У Стива есть станки для работы по дереву и металлу. Все оборудование на колесах, и на всем написано имя Стива Говарда. Стив объясняет, что все строительные мастера, в том числе и он сам, являются членами местной ячейки Международного союза работников театра и сцены, и оборудование принадлежит профсоюзу. Рабочие передвигают стены там, где уже закончилась съемка. Все декорации строят плотники и рабочие, состоящие в других профсоюзах. Но всеми ими руководит Стив.

Команда маляров только что закончила покраску сестринской комнаты онкологического отделения. Стив взял старую сестринскую комнату и расширил ее. Ее предстоит разделить на три части и приспособить для съемки. После окончания съемок эту декорацию частично придется сохранить. Скорее всего, она понадобится в будущем. Стив никогда не знает, какая часть его работы попадет на экран. «Строишь целую квартиру с кухней, ванной и большим холлом, а

Съемочная история сцены 10 на площадке
студии FOX увековечена на табличке на здании

потом смотришь серию, где показывают только лицо актера и книжные полки за его спиной».

Вопрос: «Вы привязаны к декорациям?»

Стив Говард: «Не совсем. Я занимаюсь этим двадцать лет. Я строил первую «Черную жемчужину» для «Пиратов Карибского моря». Я строил уменьшенную копию английского корабля «Виктори». Вот такие декорации вызывают эмоциональную привязанность».

Вопрос: «И что они с ними сделали?»

Говард: «Распилили и выбросили. Все уже запечатлено на пленке и обрело вечную жизнь».

«Мы строим декорации до того, как сценаристы закончат сценарии. Все выглядит совсем по-другому – новое пространство. Нужно расклеить все наклейки и подобрать все предметы».

– Кэти Джейкобс

Когда квартира Уилсона/Хауса была спроектирована, до начала съемок первой сцены оставалось две недели. Уил-

сон и Хаус приходят посмотреть квартиру, и Уилсон решает купить ее. За это время главный оператор Гейл Тэттерселл изучил планы и определился с освещением, а Стив Говард начал строить большую спальню Уилсона, маленькую Хауса и все остальные комнаты. Площадь квартиры составила 3000 квадратных футов. В последнюю очередь заканчивали библиотеку. Для жилой комнаты использовали новый фон. 80 процентов стен можно передвигать для удобства съемки. Дальше предстояло спроектировать и построить еще пару спален, холл и ванную для дома Кадди. Когда Хаус и Уилсон поселятся в квартире, которую они перехватили буквально из-под носа Кадди, напряженности не избежать. Разница спален — веская к тому причина.

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ, ЛОС-АНДЖЕЛЕС

КАК ВЫГЛЯДИТ «ДОКТОР ХАУС»

«Самое главное – это тон и то, как все гармонирует друг с другом. Вопросы о гардеробе мне задают постоянно: какого цвета твои скатерти, какого цвета стулья, какого цвета простыни?»

– Натали Поуп, декоратор

Неглаженые рубашки и спортивные куртки Хауса; костюмы Формана; характерные для Тринадцатой цветовые сочетания; больничная мебель и постельное белье Уилсона – все это создает облик сериала. Этими вопросами занимаются костюмеры и декораторы, которым активно помогает Кэти Джейкобс. Необходимо создать определенную атмосферу и придерживаться определенной палитры. Художник по костюмам Кэти Крэнделл показывает Кэти Джейкобс варианты сестринской формы для онкологического отделения. Вместе они выбирают самые сдержанные цвета. В этом отделении лежат самые тяжелые больные, поэтому во всем нужно соблюдать сдержанность.

«Здорово!» Кэти Джейкобс одобряет предложенный дизайнером Кэти Кренделл костюм

Под руководством Кэти Крэнделл работают восемь человек, и на каждого она может положиться. Иногда восьмерых сотрудников явно недостаточно. Тот факт, что сцена — это всего лишь восьмая часть странички, может быть обманчивым. Неделю назад начались съемки эпизода, в котором Хаус, Уилсон и Кадди едут на медицинскую конференцию («Известные неизвестные»). В сценарии было написано, что им предстоит присутствовать на вечеринке в стиле 80-х годов. Прочитав эту фразу, Кэти сразу поняла, что ей придется одеть массу людей в стиле Боя Джорджа и ранней Мадонны. Позднее ей сообщили количество этих людей — сто человек плюс Хаус и Кадди. Конечно, Кэти справилась. «Нет ничего невозможного, — говорит Кэти. — Мы никогда не говорим «нет».

Кэти Крэнделл работала с Кэти Джейкобс с самого начала. Она создавала костюмы для героев, которые так важны для атмосферы сериала. «Мы самым тесным образом сотрудничаем с парикмахерами и гримерами. Вместе мы создаем облик персонажей», — говорит Кэти. На стенах ее кабинета

висят фотографии актеров и снимки, под влиянием которых создавался гардероб героев. Кэти сумела создать характерный и запоминающийся облик каждого из них. «Внешность говорит о многом, не говоря ничего. Одежда заметна, но не бросается в глаза и помогает определить характер героя».

Кэти подбирает всю одежду для сериала – от костюмов Формана до одежды стюардесс и медицинской формы, которую носят в больнице Принстон-Плейнсборо. Когда нужно было придумывать костюмы для вечеринки в стиле 80-х, она использовала не только обычные источники – Интернет, книги и костюмерные мастерские. Ей пришлось задействовать еще кое-что. «Мы жили в это время, – говорит она. – Я заглянула в собственный школьный альбом». Кэти сумела заглянуть во внутренний мир участников медицинской конференции, для которых и проводилась вечеринка. Доктора наверняка захотели бы походить на известных людей – например, на персонажей из фильма «Охотники за привидениями» или на мистера Т. «Секрет заключался в том, чтобы сделать это плохо, – говорит Кэти. – Так, как это сделали бы обычные доктора. А не так идеально, как подобрали бы костюмы профессиональные костюмеры».

Кэти занималась дизайном интерьеров, а потом подруга помогла ей получить работу помощника режиссера по костюмам в малобюджетном фильме. Художник по костюмам взяла Кэти под свое крыло, и с тех пор она работает в кино. Она была помощником художника по костюмам на многих фильмах. Поработав с Брайаном Сингером на втором фильме «Люди Икс», она пришла в съемочную группу «Доктора Хауса».

Вопрос: «Какое главное качество необходимо для такой работы? Хороший глаз?»

Кэти Крэнделл: «Да, хороший взгляд и хороший вкус. Умение общаться. И улыбаться».

Костюмы Кэти расположились в двух огромных помещениях, которые называют «клетками». Получив сценарий, Кэти первым делом обращает внимание на то, сколько дней

предстоит играть каждому персонажу. «Предположим, в сценарии описывается пять дней. Значит, каждому понадобится пять костюмов. Я буду сидеть здесь целый день и подберу все костюмы». Внизу находятся костюмы главных героев. Те, что использовались в последнее время, висят ближе к двери. Рубашками, футболками и пиджаками Хауса занято около тридцати футов вешалок. Каждый предмет одежды представлен в двух экземплярах на случай, если один будет поврежден. Лавандовых рубашек целых четыре, поскольку по сценарию две были испачканы. Кэти использует одежду не один раз — точно как в жизни. Каждый предмет одежды снабжен этикеткой с указанием эпизода, чтобы Кэти знала, когда все это надевали в последний раз. Это помогает определить, когда можно использовать одежду снова.

Кэти Крэнделл: «Когда Эмбер умерла, мы стали использовать ее гардероб для массовки. Кто знал, что она вернется?! Пришлось судорожно все разыскивать... «Вот это носила Эмбер, и вот это, и вот то...»

Вопрос: «Вы не говорите: «Пожалуйста, больше так с нами не поступайте!»?»

Кэти: «Нет, я говорю, что в следующий раз мы будем умнее. Гардероб Катнера мы храним отдельно. И одежду Эмбер тоже».

Высоко наверху, почти под потолком, хранится то, что Кэти называет «основным запасом». Когда в сериале появляется приглашенный актер, одежду для него она ищет именно там. Если ничего подходящего не находится, она все покупает и отправляет одежду на склад, когда эпизод отснят. В отдельном отсеке хранится все, что используется в конкретном эпизоде, — то, что только что надевали, будет храниться до тех пор, пока эпизод не выйдет в эфир.

«Я общалась с хирургом-ортопедом, и он сказал: «Вы не можете узнать, где они находят белые халаты? Они мне так нравятся». Я ответила, что узнаю у Кэти, в какой компании они их заказывают. Когда я спросила, Кэти ответила: «Если бы ты знала, как много людей задает мне этот вопрос!» У нас шелковые халаты, изготовленные на заказ. Я вернулась и сказала своему хирургу, что у главных героев халаты сшиты на заказ, а остальные заказаны в компании Med Line. Он ответил: «Да, да, мы тоже получаем их оттуда».

– Натали Поуп

«Это настоящее царство декольте», — говорит Кэти, показывая сорок футов вешалок Кадди. На Уилсона приходится около десяти футов, у Тауба еще меньше. Сумочки и обувь хранятся в трейлере. Тут же находятся сшитые на заказ белые халаты главных героев. Все они совсем не белые, а почти серые. Это сделано для того, чтобы на экране они не выглядели слишком яркими. На халате Тринадцатой ярлычок «Доктор Тринадцатая», а не «Доктор Хэдли». Одежда для снимающегося эпизода находится в трейлере, и ею занимаются три костюмера. Двое следят за одеждой главных героев, а третий — за одеждой всех остальных актеров. Как только съемочный день заканчивается, одежду актера упаковывают, ночью чистят и доставляют на площадку перед началом нового съемочного дня. Так обращаются с каждым «рабочим» предметом одежды. Костюмеры тщательно фиксируют то, как надета одежда, чтобы воспроизвести все в точности, если потребуется переснимать сцену. Все продиктовано необходимостью. Достаточно отпустить вожжи на пару дней, и Кэти уже ничего не найдет.

....

«Идеальные условия для нашей работы — это пустое помещение. Входишь в квартиру, а в ней ничего нет. А потом приходишь сюда через полгода, и она уже становится целым миром. И это делаю я. Я вдыхаю жизнь». Так о своей работе говорит декоратор Натали Поуп. Все, что не является реквизитом, обеспечивает она. Меблировка квартиры Уилсона и Хауса была долгим процессом. Сначала Натали и Кэти обсудили визуальные детали — нужен ли прямой диван или лучше выбрать слегка скругленный. Первые предметы — телевизор, диван и постер — привез Хаус. Обычно Натали начинает все с нуля, всегда оставляя возможность для изменения существующего пространства. В серии «Крайний шаг» в кабинет Кадди врывается вооруженный захватчик. В процессе освобождения заложников кабинет взрывают, поэтому в сценарии была предусмотрена полная реконструкция кабинета. А это означало, что кабинет Кадди мог бы стать совсем другим, менее мрачным.

Декоратор Натали Поуп отделывала кабинет Нолана в больнице Мэйфилд, стараясь сделать его сугубо профессиональным, где нет ничего личного. «Так воспринимает его Хаус, – говорит она. – В этом кабинете не должно быть ничего личного». Натали поместила в кабинете Нолана единственную картину. Она висит над головой доктора, но по ней нельзя выстроить никакой истории. Мебель Натали выбрала «старо-новую» – модерн середины века, переделанный в более современном стиле. Хотя это кабинет психиатра, в нем чувствуется налет стиля – хотя бы в форме кресла для пациента. «Кресло отделано хромом, хотя больше нигде в кабинете хрома нет, – говорит Натали. – Я это обожаю. Я высоко ценю фактуру, а кресла очень фактурные. Они создают теплую, живую атмосферу. Легкая фактура очень полезна для декоратора».

Все больничные интерьеры и квартиры персонажей – это работа Натали и ее отдела. Книги Уилсона перевезли из квартиры Эмбер. Возле кровати Уилсона лежит роман Кормака Маккарти. Если книга стоит на полке корешком к зрителю, Натали не нужно получать разрешения издателя. Если же Хаус вытаскивает из шкафа роман Стивена Кинга и видна обложка, возникает целая масса сложностей. У Натали есть целые коробки книг разных издательств, которые можно использовать в сериале. Многие из них мы видим в кабинете Кадди. Большинство книг в кабинете Хауса бутафорские. Компания Faux Books берет настоящие книги и делает из них легкие имитации.

«У нас было совещание по концепции эпизода «Командная игра», и режиссер сказал, что ему хотелось бы посмотреть, как все это делается. Я ответила: «Хорошо, я позвоню моему порнодилеру». У меня есть свой поставщик. В долине есть компания, которая поставляет мне диски и все прочее. Они делают настоящее порно. Они показали нашему режиссеру свое освещение и оборудование. Мне приходится бывать и в стрип-клубах, и в полицейских участках, и в больницах. Все они разные. Я не копирую собственную работу. Разве что герои снова оказываются в том же стрип-клубе. Я не собираюсь менять кресла, потому что не прикасаюсь к ним».

– Натали Поуп

На столе Хауса всегда лежит груда бутафорских писем. Верхнее письмо адресовано Хаусу, на нем есть обратный адрес и проштампованная марка. То же самое можно сказать и о следу-

ющем письме, и о следующем, и о всех остальных. На письма и официальные больничные документы нанесен логотип больницы Принстон-Плейнсборо. На медицинских картах пациентов есть наклейки с именем и датой поступления. Юридический отдел выдает Натали список имен, которые можно использовать. На доске с именами благотворителей в вестибюле больницы использованы имена членов съемочной группы, работавшей над пилотной серией. Для Натали «все детали имеют значение. Я трачу массу времени на мелочи, которых никто не заметит». Главное — не шокировать зрителей. «Нашу работу не должны замечать», — говорит Натали. Многие приклеивают дома записки с напоминаниями о том, что, к примеру, в 9.00 нужно быть у зубного врача. Натали пишет маленькие записки и расклеивает их в разных местах, чтобы все выглядело реально.

Вот почтовый адрес Хауса:

Gregory House, MD

Princeton Plainsboro Hosp., #4101

978 Washington Road

Princeton, N.J. 08542

Вот карта одного из пациентов:

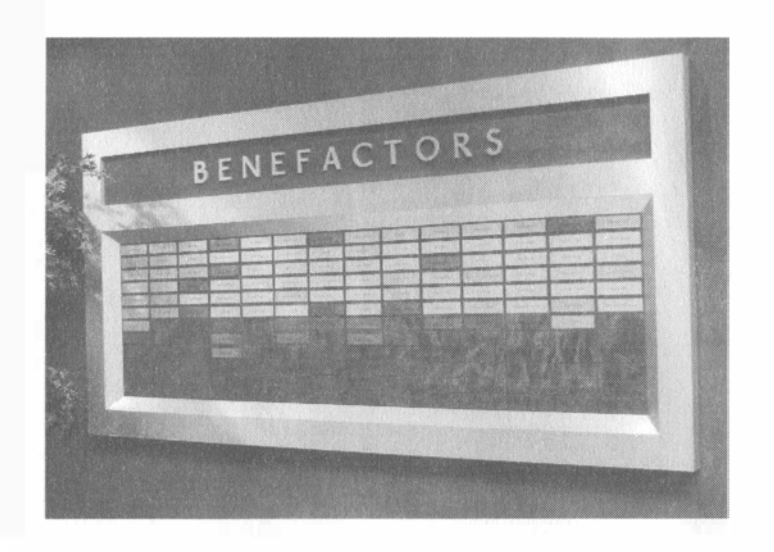
Rogner, Bruce I, Patient ID 85873, dob 09/10/80

Список телефонов в аптеке начинается со строки

Dr. Andersen, Oncology x. 55467

Телефон Кадди 55788

Занимаясь дизайном интерьеров, Натали старается не руководствоваться собственным вкусом. «Я должна думать о том, какой может быть спальня девятилетнего сына очень богатого отца. У этого ребенка должно быть все», — говорит она, рассказывая о декорациях для серии «Карма в действии». Вступительные сцены серии снимались в особня-

Совет попечителей больницы Принстон-Плейнсборо
и пилотная стена славы «Доктора Хауса»

ке Грейстоун-Мэншн. Этот особняк в Беверли-Хиллз принадлежит городу. В нем уже снимались фильмы, в том числе «Голова-ластик» и «Люди Икс». Натали арендовала большой обеденный стол. Кровать мальчика она купила в фирме Pottery Barn. Когда съемки закончились, кровать отправили на склад в Калвер-Сити или в Синтанеллу.

На стенах кабинета Натали висят фотографии ее работы. Класс из «Большого ребенка», бар Шерри, где Хаус напился в серии «Голова Хауса», кабинет Нолана. Натали до сих пор вспоминает Будду, которого она нашла для серии «Родовые травмы» в реквизиторском отделе студии Universal, и настольную модель японского храма для серии «Уилсон».

О мальчишнике Чейза («Раздвоение») Натали говорит: «Оттуда столько всего вырезали!» В Голливуде она нашла кондитерскую, где пекут торты для мальчишников и девичников. «Мне сделали заказной торт с фигурой женщины в красных кружевах и корсете». В «Родовых травмах» Натали нужно было оформить похороны полковника военно-морского флота США Джона Хауса, отца Хауса. Для этого ей понадобились настоящие награды и чепрак.

Детали большие и малые: аптека и бейджик доктора Чейза на его не самом белом лабораторном халате

Натали Поуп училась на факультете документального кино в университете Южной Калифорнии. Она работала в компании по изготовлению реквизита при художественном факультете. Натали была декоратором в фильме «Кошмары Фредди», а потом в целом ряде фильмов ужасов и художественных фильмов. Натали получила диплом театрального художника и работала в небольшом театре, где декораций почти не было. На канале NBC Натали работала над сериалом «Медицинские расследования», который стал выходить одновременно с «Доктором Хаусом». «Я смотрела «Доктора Хауса» и думала, что нам его никогда не переплюнуть». Она рассказывает: «Мне казалось, что стоит начать здесь работать, и магия исчезнет. Но когда я вместе со всеми смотрела премьеру серии «Сломленный», то просто плакала». Натали нравится смотреть сериал, потому что, как только актеры оказываются на площадке, «я оттуда ухожу». Ей нравится видеть, что́ из ее работы было использовано. «Я говорю: «Мне так хочется, чтобы они снимали оттуда, потому что тогда будут видны те замечательные предметы, которые я нашла».

«У меня замечательная команда, которая каждый день работает не покладая рук», – говорит Натали. Не каждый предмет, который они находят или делают, используется режиссерами. Для празднования 4 июля все занимались изготовлением шляп, бумажных цепочек и петард. Один парень целый день мастерил флаг. «Кэти посмотрела на этот флаг и добавила один элемент, который подчеркнул, что это июль, – говорит Натали. – Она сделала все блестяще». Этим утром Натали уже оформила две площадки. «А потом мне нужно мчаться по магазинам. Я постоянно думаю: «Интересно, как они работают? Нет ли у них обеденных перерывов? Успею ли я?» Мне нужно все купить до пятницы».

У меня лучшая работа на земле. Я люблю тех, с кем работаю. У нас великолепная группа — люди умные, необычные, сложные, эксцентричные. Я счастлива находиться рядом с ними. В каждом есть какая-то изюминка. В лучшем смысле этого слова.

Лиза Эделстайн

КАДДИ

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН

Принстон-Плейнсборо — больница Лизы Кадди. Она — одна из трех женщин, управляющих этой большой больницей («Правила мафии»), — на самом деле первая. Ей всего 32 года, и она одна из самых молодых руководителей («Шалтай-Болтай»). Кадди знала, на что идет, приглашая на работу Хауса. «Когда я тебя нанимала, я знала, что ты сумасшедший» («Отказ от реанимации»). И в этом есть своя история. В серии «Контроль» в первом сезоне председатель совета директоров больницы и главный враг Хауса Фоглер говорит, что ему известно о том, что Хаус и Кадди «очень давно» спали вместе. Когда Хаус рыскает по спальне Кадди, пытаясь понять, почему ремонтник упал с крыши ее дома, выясняется, что Кадди училась в Мичигане, когда Хаус там работал. Уже тогда он был настоящей легендой («Шалтай-Болтай»).

Спустя несколько лет, когда Хаус и Кадди танцуют на вечеринке в стиле 80-х годов на медицинской конференции (серия «Известные неизвестные»), мы узнаем больше. Кадди одета, как Джейн Фонда. Она танцует с Хаусом, одетым, как Джон Адамс (это не 80-е годы), они вспоминают то, как танцевали вместе в последний раз. Это было на медицинском факультете, на той неделе, когда они познакомились. Они выследили друг друга. «Одно ведет к другому», — говорит Хаус. «Тогда так не вышло», — отвечает Кадди. У них был секс, но Хаус больше не позвонил. Он объясняет Кадди, что хотел позвонить и встретиться с ней, но в то утро декан медицинского факультета выгнал его. Кадди смущена и растеряна. Время упущено, и вот теперь все начинается снова. Хаус трезв. Он изо всех сил старается наладить отношения с Кадди. Но он не знает, что в гостиничном номере за ее ребенком присматривает Лукас.

> «Теперь мы знаем, что они познакомились в колледже, несмотря на разницу в возрасте. Он был выпускником, а я только поступила. В кампусе о Хаусе ходили легенды, и ей, естественно, хотелось быть с ним, потому что она ему подходила — она была желанна и физически, и интеллектуально. У них случился роман на одну ночь. Но теперь мы знаем, что это произошло неумышленно. Думаю, она была потрясена, узнав, что Хаус не собирался ее бросать. Каждый раз, когда она пытается сблизиться с ним, что-то мешает...»
>
> – Лиза Эделстайн

Как же Кадди терпела Хауса все эти годы? Даже когда он не подвергал ее авторитет сомнению, не препирался с ней и не таращился в ее декольте, он всегда вел себя просто безобразно. В серии «В воздухе» Хаус и Кад-

ди возвращаются из Сингапура, где Хаус выступил с трехминутной речью и выкинул сотни долларов на порно и обслуживание в номере. В самолете выясняется, что себе он купил билет в первый класс, а Кадди приходится лететь эконом-классом. Когда его соседу становится плохо, он меняется с ней местами.

Очень мило.

Хаус постоянно говорит гадости, например, в серии «Детки»:

Хаус: «Такую грудь не увидишь у других деканов медицинских факультетов».

Кадди: «Что, женщины не могут руководить больницей? Или это удел только уродин?»

Хаус: «Нет, они могут быть милашками. Просто как-то не обращаешь внимания на их грудь».

Мило.

Хаус называет груди Кадди Пэтти и Сельмой — так зовут сестер Мардж Симпсон, больших любительниц подымить. Почему? «Они всегда дымят» («Известные неизвестные»).

Мило.

Кадди не остается внакладе. В пилотной серии Кадди вываливает на Хауса целую кучу обвинений: он не выставляет счетов, не консультирует пациентов, он должен проработать в клинике шесть лет. Хаусу все это неинтересно.

Хаус: «Уже пять часов. Я собираюсь домой».

Кадди: «Зачем?»

Хаус: «Мило».

Мы видим проблему: Кадди — начальница Хауса («Я подписываю чек на твою зарплату»), и она пытается держать его в ежовых рукавицах. Но между ними остаются десятилетия незаконченных отношений. Когда Кадди и Хаус спорят возле смотровой, Хаус говорит: «Я вижу твои соски». Услышавший это студент-медик говорит приятелю: «Неудивительно, что она его ненавидит». Но другие более проницательны. «Это не ненависть, — говорит она. — Это прелюдия» («Храброе сердце»). И это уже что-то. Кто знает, если бы Хаус не сорвался, то, может быть, он шел бы домой ради Кадди.

. . . .

Дэвиду Шору было очень трудно найти Хаусу подходящую начальницу. Это была самая большая проблема кастинга. «Это очень сложный характер, — говорит он. — У нас было два варианта начальника. Можно было найти начальника, который не давал бы ему ничего делать, а он бы обводил его вокруг пальца. Если бы мы пошли этим путем, начальник был бы идиотом... Полковником Клинком. «Герои Хогана» — очень смешной сериал, но мы не собирались делать ситком. И мы не хотели, чтобы она со всем соглашалась, потому что тогда она была бы нам не нужна. Мы шли по туго натянутому канату. Лиза сумела сыграть человека, который отлично знает, что Хауса невозможно контролировать, но при этом понимает, что он — гений. Она знает, что если ей удастся держать его в руках, сдерживать и укрощать его, контролировать его хоть немного, она может сделать большое и полезное дело».

«Ее осуждают за то, что она неподобающе одевается, не открывает дорогу женщинам и так далее и тому подобное. Это все чепуха. Каждую неделю она занимается феноменально сложной и требующей полной отдачи работой. И при этом она остается веселой, очаровательной и в то же время подавленной и несчастной. Как и все обычные люди».

- Хью Лори

Кадди нанимает Хауса на работу за его талант. Но со времени начала сериала недостатки его выросли до огромных размеров. Потребление наркотика выросло вдвое. Кадди говорит Хаусу, что он наркоман, но он отрицает. «Дело не в твоей ноге, — говорит она. — Тебе просто нужно больше» («Детоксикация»). И все же Кадди считает, что Хаус необходим больнице, что он стоит больше, чем сто миллионов, которые теряет больница, когда она принимает его сторону, а не сторону Фоглера, благотворителя, вознамерившегося во что бы то ни стало уволить странного доктора.

К третьему сезону Хаусу становится трудно скрывать свою наркоманию, особенно перед лицом самого решительного своего врага, детектива Триттера. Кадди постоянно пытается заставить Хауса выбраться из ямы,

в которой он оказался. Но когда это ему окончательно не удается, ей приходится спасать его, дав ложные показания в его пользу («Слова и дела»).

> **«Это был самый лучший** момент в истории Триттера. Она солгала, но отказалась признать, что солгала. Она ненавидит Хауса за то, что он заставил ее сделать это. В конце концов, она вполне в стиле Хауса понимает, что ложь была необходима во имя высшего блага. Но она понимает и то, что, сделав это, в чем-то убила собственную душу».
>
> – Дэвид Шор

Кадди пытается создать семью, но в этом ей постоянно мешает незавершенный роман с Хаусом. В конце второго сезона Хаус узнает, что Кадди ищет донора спермы («Навечно»). Он счастлив помочь ей, делая ей уколы в ягодицы, но при этом он не поддерживает ее решение иметь ребенка. В тяжелый момент, когда боль в ноге становится невыносимой, Хаус говорит Кадди, что из нее не получится хорошей матери («В поисках Иуды»). А потом, когда ей кажется, что она нашла ребенка, которого могла бы усыновить, но она теряет его, он говорит, что она будет прекрасной матерью («Радость»). И через секунду они (наконец-то!) целуются. Прелюдия развивается – Хаус разносит туалет Кадди («Пусть едят пирожные»). Но он явно не может дать ей то, чего она хочет и что ей нужно. Проходит еще один эпизод, и Кадди находит своего ребенка, Рэйчел («Радость миру»).

Хотя поначалу ей приходится нелегко (в серии «Большой ребенок» Кадди признается Уилсону, что не испытывает никаких чувств к ребенку), она берет себя в руки. После смерти Катнера Хаус сходит с катушек, и за помощью он обращается к Кадди. Для Хауса ребенок Кадди помеха. «Иди и корми этого маленького ублюдка, если это помогает тебе ценить себя» («Под моей кожей»). «Ты мне нужна», – говорит он. И Кадди ухаживает за ним во время детоксикации. Но истинное падение Хауса еще впереди. С балкона второго этажа он объявляет всей больнице, что спит с Кадди. «Это переходит всякие границы», – говорит она («Обе половинки вместе»).

> **Вопрос:** «Ей не нравится то, что вы с балкона объявили всему миру, что спали с ней?»
>
> **Хью Лори:** «Да. Это заставило ее страдать».

Секс с Кадди был галлюцинацией. Наконец Хаус признает, что с ним не все в порядке.

Вопрос: «Хаус был убит, узнав о Лукасе и Кадди».

Дэвид Шор: «Мы не собирались облегчать ему жизнь».

Вопрос: «Это подлый удар».

Шор: «Он это заслужил».

Похоже, что у Хауса был шанс построить отношения с Кадди, но он его упустил. Пока Хаус находится в больнице, Кадди живет своей жизнью. Она принимает на работу Лукаса, приятеля Хауса. Ей нужно выяснить, кто в бухгалтерии ворует деньги. «Теперь я мать, — говорит она. — Мне нужен человек, на которого я всегда могу положиться» («Известные неизвестные»). А в Лукасе есть все, чего нет в Хаусе.

> «Я надеялась, что они вернут Триттера — он такой высокий и мужественный. Я никогда этого никому не говорила — это были только мои мысли. Он лучше противостоит Хаусу, потому что Лукас ему настоящий друг. Триттер — это прямой вызов мужественности Хауса. Рядом с ним другие мужчины чувствуют себя маленькими и слабыми».
>
> – Лиза Эделстайн

Когда Хаус, Уилсон, Лукас и Кадди завтракают в отеле, Лукас нарушает неловкое молчание. Он рассказывает то, что Кадди рассказала ему о Хаусе и о себе. Хаус чувствует себя преданным. И все же Кадди поддерживает Хауса так, как не стал бы ни один начальник. Она — партнерша, какой никогда не станет, и любовница, о которой он мечтает, и женщина, с которой он спорит, которую оскорбляет и на которую полагается, как на свою трость. Кадди для него все.

> «Лиза — настоящая радость. Был сериал — я не помню названия, — который получил премию. Они все вышли на сцену и махали зрителям. А я посмотрел на этих женщин и подумал: «Я понимаю, что вы здесь делаете. Вот прекрасная и гламурная, вот веселая и забавная, вот подавленная и несчастная...» И тогда я подумал, что в Лизе Эделстайн есть все. Для того, чтобы сделать то, что она делает каждую неделю, потребуются все эти женщины, а люди еще дают им премии. Это так несправедливо».
>
> – Хью Лори

В серии «С пяти до девяти» зрители видят день в больнице с точки зрения Кадди. Она поднимается в пять утра, делает зарядку, присматривает за Рэйчел, проверяет свой мобильник, пытается заняться сексом с Лука-

сом — и все это до ухода на работу. Несмотря на душевную слабость и беспокойство о Рэчел, на работе она — суровый босс. Она увольняет сотрудника, укравшего наркотики, а потом казнит себя, узнав, что пропало много лекарств. Она останавливает ссору Чейза и главного хирурга. Ей удается разрядить обстановку, когда пациент, которому Чейз против его воли пришил палец, хочет подать на больницу в суд. Ей удается победить страховую компанию, договорившись о новых условиях. На этот раз Хаус — не главная ее проблема, а коллега и даже доверенное лицо.

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН О... КАДДИ

Вопрос: «Она носит эти юбки — узкие, короткие юбки. Кажется, что в них невозможно ходить. А если ей придется бежать за автобусом, она сможет?»

Кэти Крэнделл: «Черт побери, да!»

Вопрос: «...она к тому же носит шпильки...»

Крэнделл: «На каблуках Кадди может пробежать марафон!»

Вопрос: «Как вы ходите в этих юбках?»

«В большинстве из них трудно сделать хороший шаг. Вот почему приходится «вилять» бедрами. Просто по-другому не получается».

Вопрос: «Значит, они вам не нравятся. Они кажутся такими неудобными».

«Одежда многих женщин неудобна исторически».

Вопрос: «У Кадди одежды больше, чем у кого-либо другого».

«Это правильно. Она же руководит больницей, поэтому должна хорошо одеваться».

Вопрос: «Она выбирает интересную цветовую палитру...»

«Она любит розовые тона, сочетание красного и черного. Ей нравятся деколье, крупные ожерелья и браслеты».

Вопрос: «Это самоутверждение».

«Да, я тоже так думаю. Я принимала участие в формировании ее гардероба, и это было очень интересно. У нас прекрасный художник по костюмам. Для женщины очень приятно, что можно делать покупки дваж-

ды. Для себя и для своей героини. Когда я прихожу в магазин и выбираю что-то дпя себя, то всегда обращаю внимание на то, что подошло бы Кадди. Увидев что-то особенно интересное, я могу позвонить Кэти. «Знаешь что? Я увидела совершенно замечательную вещь!» Она всегда в восторге, когда такое случается. Конечно, большую часть одежды подбирает Кэти, но я тоже могу оказаться в интересном месте и подумать: «Сама я этого не надела бы, но моя героиня – без труда».

Вопрос: «Значит, вы порой становитесь Кадди?»

«Я знаю Лизу Кадди очень давно. Удивительно, но у нас с ней очень похожие фигуры, поэтому я могу сказать, как она будет выглядеть в определенной одежде с первого взгляда».

Вопрос: «Мы мало знаем о ее прошлом…»

«Мы с Дэвидом Шором говорили об этом в первом сезоне. О Кадди было мало известно, и я боялась, что она останется второстепенным персонажем… Только меня беспокоило, кем была Кадди и откуда она взялась. Я изучала, в чем заключается моя работа и насколько необычно, что такой пост занимает женщина. Все эти детали и мое представление об отношениях между ней и Хаусом я передала Дэвиду. Это было очень страшно. Он – фантастический человек. Он сумел все повернуть по-своему. Он не стал выгонять меня из кабинета и из сериала. Он использовал мои идеи, и я этому очень рада. Теперь у нас гораздо более проработанный сюжет. Прекрасно, что можешь вносить свой вклад в создание этого сериала».

Вопрос: «Вы – единственный доктор, который никого не убил».

«Я почти убила своего садовника, когда он упал с крыши».

Вопрос: «Но это была не ваша вина».

«За последние десять лет у Кадди почти не было практики. Были люди, которых я не смогла спасти, – например, та женщина, ребенка которой я усыновила».

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН О… ХАУСЕ

Вопрос: «Почему ему потребовалось столько времени, чтобы сказать это?»

«Он много работал над собой в психиатрической больнице и вернул-

ся другим человеком. У него появились жизненные навыки, которых не было раньше. Как долго ему удастся оставаться таким, я не знаю. Это очень удивило Кадди. Она наконец смирилась с тем, что Хаус ушел. Она и сама изменилась. Она поняла, что ей нужна стабильность в жизни — ведь она стала матерью. А тут появился мужчина абсолютно стабильный и устойчивый, совсем не тот, кого она отправила в психиатрическую больницу».

Вопрос: «Как медик Кадди не может мириться с наркоманией Хауса...»

«Он действительно наркоман... Кадди трудно понять неспособность контролировать прием лекарств, потому что она не наркоман. Если вы не наркоман, вы просто принимаете лекарство при необходимости и не хотите его принимать в любое другое время. Наркоманы же принимают таблетку за таблеткой... В реальном мире он давно лишился бы лицензии. Любому врачу, принимающему обезболивающие, трудно работать, даже если эти лекарства ему прописаны. Но это же Принстон-Плейнсборо. Это особенное место».

Вопрос: «Кадди стелется перед Триттером — она лжет и лжесвидетельствует».

«Она была бы в тюрьме через 15 минут. Что за мир! Все мои добрые дела остаются безнаказанными».

Вопрос: «Вы готовы пойти в тюрьму...»

«Кадди искренне верит в этого парня. Она понимает, что он — гений, поэтому терпит его безумие. Думаю, что безумие ее даже привлекает. Великие умы всегда привлекательны... пока не получаешь удар прямо в лицо.

Некоторым образом она похожа на мать-львицу, которая будет бороться за него до смерти. Она всегда готова его защитить. Вот почему ее так злит его отношение. Она чувствует себя преданной. Она делает все, чтобы он был в безопасности. Она готова даже защитить его от самого себя. Хаус привязан к ней, он ценит все, что она делает для него. Не думаю, что он способен на что-то большее, чем набрасываться на нее. Это классическая история покинутости. Самый покинутый бросает всех остальных, чтобы сохранить собственную покинутость. Очень похоже на доктора Хауса».

Вопрос: «Кадди совершает безумные поступки. Когда вы пытаетесь превзойти друг друга в безумстве — разбиваете туалеты...»

«Она пытается опуститься до его уровня, но на самом деле это не так. Ей гораздо труднее вести себя так ужасно, чем ему. Она же еще и начальница. Она просто не может позволить себе вести себя подобным образом. Но на самом деле это просто такая прелюдия».

Вопрос: «Прелюдия, которая длится шесть лет! Когда вы сойдетесь, это будет...»

«...настоящий рок-н-ролл».

Вопрос: «Через двадцать пять лет Хаус и Кадди останутся друзьями?»

«Они всегда будут знать друг о друге. Они обречены на этот танец до конца жизни. Они пройдут все этапы: и когда будут безумно желать секса, и когда не будут выносить друг друга, и когда их снова потянет друг к другу... Думаю, что некоторые люди просто не могут обойтись без подобных пререканий».

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН О... ГОТОВНОСТИ ОСТЕПЕНИТЬСЯ

«Она остепенилась, стала матерью и старается во всем поступать правильно: подбирать правильных сотрудников и правильных друзей. Лукас кажется ей наилучшим выбором, потому что он очень ответственный. Это очень разумный подход к выбору парня. Лично я пыталась так поступить, но у меня ничего не вышло... Многие люди выбирают партнеров разумом, а не сердцем. Они готовы многое терпеть. Я так не могу. Для меня это сродни проституции... Не могу считать Лукаса идеальным вариантом. Кадди выбирает Лукаса, потому что это гораздо проще и удобнее».

Вопрос: «Как вы думаете, Хаус окончательно упустил свой шанс?»

Хью Лори: «Не знаю. На телевидении сценаристы никогда не хотят закрывать все двери».

Вопрос: «Лукас – единственный человек, кроме Уилсона, с которым у Хауса есть какие-то отношения».

«Верно. Он не может ненавидеть Лукаса. Он его любит».

Вопрос: «Человек, умеющий гениально решать загадки, кажется Кадди привлекательным. Лукас тоже решает загадки».

«Ее привлекает творческое мышление. В этом вся суть. У Хауса,

в отличие от Лукаса, есть весьма привлекательная темная стороне. Лукас – это безопасный вариант того, чего она на самом деле хочет. Вот только как долго она сможет пробыть с этим безопасным...»

Вопрос: «В последний День благодарения она отправляет Хауса по чужому адресу...»

«Да, это так... Думаю, что в этом эпизоде она поступила с ним очень нечестно. Я спрашивала об этом, потому что, кроме всего прочего, у нее еще и отношения с Лукасом. Хаус много работал над собой, а она не оценила...

«У Хауса есть все шансы завоевать Кадди. Она дала ему все возможности, какие только могла, а он упустил их все. Несправедливо было бы заставлять ее ждать дальше. С другой стороны, может быть, она найдет кого-то получше».

– Дэвид Шор

Кадди и Хаус провели вместе шесть лет: он дергал ее за косички, а она пинала его – вот чем они занимались. Это настоящая прелюдия. Не думаю, что она нравилась бы ему, если бы они постоянно не пререкались. Это держит его в тонусе».

Вопрос: «В конце пятого сезона он думает, что они могут быть вместе».

«Он хотел жить с ней, и мне казалось, что это здорово. Мне понравилось, что он подумал об этом и захотел этого. В галлюцинациях он занимался с ней сексом и думал, что им нужно жить вместе – и он на самом деле этого хотел. Я думала, что это прекрасно. Но он оказался слишком далек от того, чтобы реально воплотить свои мечты в жизнь».

Вопрос: «Собирается ли Кадди остепениться?»

«Не знаю. Я могу ответить на этот вопрос с собственной точки зрения. Я не знаю, почему люди хотят вступить в брак. Я думаю, что все должны иметь на это право, но не понимаю, почему это так желанно. Я понимаю, что люди хотят иметь партнера, хотят быть с кем-то... Но все остальное в браке меня просто ставит в тупик. Так что я не знаю, как ответила бы на ваш вопрос Кадди».

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН О... СЕРИАЛЕ

Вопрос: «Похоже, вы прекрасно проводите время...»

«Я на самом деле люблю свою работу».

Вопрос: «Вы берете работу на дом?»

«Мы работаем, когда работаем. А когда мы перестаем работать, то сразу же забываем о том, что только что делали... Единственное исключение – когда случается неожиданный поворот сюжета, как это случилось с моей героиней, у которой неожиданно появился ребенок. Это очень личностный момент... Конечно, работу на дом я не беру, но подобные истории очень выматывают морально. Это совсем не та усталость, что после обычного рабочего дня. Когда играешь эмоционально нагруженные сцены, то тратишь все свои силы – и физические, и духовные».

Вопрос: «Вы смотрите свой сериал?»

«Я смотрю его по кабельному телевидению. Трансляцию я смотреть не могу, потому что не терплю рекламы... Я смотрю, потому что это часть моей работы. Я многому учусь. «Мне не следует больше надевать эти брюки, о чем я только думала?» или «Почему мои собственные волосы выглядят, как парик?» – вот что меня занимает. Очень трудно смотреть на свою работу объективно, но всегда можно заметить что-то хорошее и что-то плохое, понять, чему следует уделить больше внимания и над чем поработать. Поймать себя на лжи актер может лучше кого бы то ни было».

Вопрос: «А можете ли вы смотреть сериал, как обычный зритель?»

«Только сцены без моего участия».

Вопрос: «Весело ли сниматься в комических сценах?»

«Мне очень понравилась сцена (в «Полном провале»), где Уилсон приходит и говорит, что у него сломался туалет, а Кадди отвечает, что она сейчас сходит за инструментами. Мне нравится быть смешной. Это требует определенной тонкости и спокойствия. Шутишь – и шутка начинает жить своей жизнью».

«Хью, Лиза и Роберт полностью доверяют друг другу, и это заметно на экране. На этом и построен сюжет нашего сериала. Кадди говорит: «Это ужасно, это ужас-

но, но ты можешь это сделать». Они умеют справляться с трудностями с изрядной долей юмора. Мы пытаемся сделать наш сериал смешным, хотя часто нам бывает сложно даже улыбаться – ведь речь идет о смерти и болезнях. Сцены с Кадди дают нам возможность внести элемент юмора в наш сериал, и все актеры отлично справляются с этой задачей».

– Томми Моран

Вопрос: «В вашем сериале ощущается командный дух, никто не подсиживает друг друга…»

«И это делает меня счастливой. Не могу сказать того же о работе в других проектах. Наша работа на 95 процентов позитивна – и это особенно удивительно, учитывая ее продолжительность. Все актеры вполне вменяемы. Большинство людей, с которыми я сталкиваюсь, очень доброжелательны и приветливы. Все стараются сделать так, чтобы рабочая обстановка была приятной. Когда кто-то ведет себя по-другому, это просто удивительно. Когда ты – один из главных героев сериала, то вполне можешь сделать съемочную площадку местом приятным или неприятным. Я просто не понимаю, почему у кого-то может появиться желание сделать другим что-то плохое».

Вопрос: «А как же эго?»

«Это странно. Это проявление духовной незрелости. Это чувство продиктовано ложными причинами. Это актерство в худшем смысле слова…»

Вопрос: «Скажите это Хаусу…»

«Он ведет себя так, потому что несчастен и не обладает терпимостью. Когда тебе больно, ты просто не можешь многого выносить. Викодин ему помогает – он смягчает ощущения».

Вопрос: «Когда вы в первый раз читали сценарий, то смогли ли оценить его качество?»

«Мне нравится, как наши сценаристы раскрывают сюжеты. Мне нравится, что они готовы рисковать с форматом и смело раздвигают границы».

Вопрос: «А этот мрачный взгляд на мир…»

«Я не считаю его мрачным, просто реалистическим. Мне близки взгляды Дэвида Шора – любое волшебство кажется мне очень опасным… Я сторонница традиций и культуры, но я вижу, что все

это не самым лучшим образом соотносится с реальной жизнью».

Вопрос: «Кадди и Хаус на стороне науки...»

«Они оба реалисты. Может быть, это женский взгляд на жизнь.... Она страдает из-за своих надежд больше, чем он. Я думаю, у него вообще нет никаких надежд. Может быть, выйдя из психиатрической больницы, он станет другим, может быть, у него появится надежда. Может быть, и она поймет, что страдала слишком долго, и попытается сделать шаг навстречу. Это очень интересная динамика».

Внешность Кадди

«За время работы над этим сериалом меня постоянно спрашивают, почему у блузок Кадди такие глубокие декольте? Ни один врач или больничный администратор не наденет блузки с таким глубоким декольте. Я этого не понимаю. Она осознает свои достоинства – она сильная, независимая женщина и одевается так, как хочет. Мне кажется, что это для нее совершенно естественно».

– Кэти Крэнделл, художник по костюмам

«Мне нравится, как она одевается. Очень женственно и со вкусом. Если она чувствует себя сексуальной, то и одевается именно так. Кадди проводит в больнице почти всю жизнь. Теперь у нее есть ребенок, поэтому появилось время на что-то еще. Но до ребенка больница была для нее всем. Это означает, что все аспекты своей личности она могла проявлять только там. Ей нужно чувствовать себя женственной, сексуальной и сильной. Она чувствует, что держит ситуацию под контролем и может расслабиться. И все это у нее происходит в больнице».

– Лиза Эделстайн

ЛИЗА ЭДЕЛСТАЙН О... ЛИЗЕ ЭДЕЛСТАЙН

«Моя карьера развивалась медленно и упорно. Каждый год я делала новый шаг вперед... Я работаю с 1988 года. Тогда в Нью-Йорке я участвовала в постановке собственного мюзикла о СПИДе. Я сама написала музыку и слова. И это определило мой путь... Я приехала в Лос-Анджелес и постепенно начала коллекционировать отличные работы – «Зейнфельд», «Крылья», «Без ума от тебя»...

В этот сериал я попала через неделю после того, как меня не утвердили на роль в «Отчаянных домохозяйках». Я так рада, что Фелисити Хаффман получила ту роль. Она справляется с ней прекрасно. А я счастлива, что мне досталась роль Кадди. Я благодарна судьбе за этот сериал, потому что только сейчас понимаю, что он для меня значит... Не думаю, что кто-то относится ко мне снисходительно или делает мне поблажки. Я просто работаю — и стараюсь сделать это как можно лучше».

Вопрос: «Вы снимались в самом первом эпизоде «Западного крыла» и были главной героиней».

«Я играла девушку по вызову. Это была роль-мечта, потому что я попала в потрясающий проект. Кроме того, я работала с Ароном Соркином и Томми Шламмом над «Ночью спорта»... Арон рассказал мне о пилотной серии «Западного крыла». Ему хотелось, чтобы я сыграла эту роль. Я пробовалась на другую, но мне досталась эта. Наверное, я действительно больше похожа на девушку по вызову, чем на пресс-секретаря...

Первую сцену мы снимали в номере отеля. Я была в мужской рубашке и трусиках. Мне предстояло сниматься с Робом Лоу. Роб — настоящая кинозвезда, в старших классах я была безумно влюблена в него. Это был чудесный момент. Если бы я могла вернуться в прошлое и сказать себе пятнадцатилетней, что я не только стану актрисой (а об этом я мечтала с самого раннего детства), но еще и буду сниматься с Робом Лоу в этом фантастическом проекте в одних трусиках и мужской рубашке... Этот сериал оставил у меня потрясающие впечатления».

Вопрос: «Вы знаете, что снимаетесь в настоящем хите?»

«Да, я слышала. Очень приятно слышать такие слова о своей работе. В то же время это трудно осознать. Я прихожу и делаю свою работу. Меня чаще узнают, люди чаще вмешиваются в мои разговоры, я вижу свои фотографии и даже не подозреваю, когда они были сделаны. Мне приходится думать о безопасности. Мне приходится переезжать.

В известности есть свои тревожные и пугающие стороны, а есть и стороны очень приятные. Конечно, приятно, что тебя узнают благодаря твоей работе. Люди считают, что ты хорошо работаешь. В то же время фанатики пугают. В мире масса людей одержимых. Некоторые из них совершенно безвредны, а других приходится опасаться.

Интернет делает человека уязвимым. Даже на красной дорожке на церемонии вручения «Эмми» тебе задают глупейшие вопросы. В этом году нас впервые спросили, что у нас надето под платьями. Я не питаю ни малейших иллюзий. А не хотите

поговорить о моем тампоне? Я так к этому отношусь. На случай, если это кому-то действительно интересно, я ими не пользуюсь.

То же можно сказать и о телевидении высокого разрешения. Вам совершенно не нужно видеть такие мельчайшие детали. На лице проявляются морщины, люди выглядят старше. На улицах ко мне часто подходят и говорят, что в жизни я выгляжу гораздо моложе и стройнее, чем на экране. Ну разве это не здорово? Это, конечно, мило, но воочию меня видит за неделю не более тысячи человек, а на экране – 88 миллионов. И всем эти миллионам я кажусь старой и толстой».

Вопрос: «Людям кажется, что они имеют право говорить подобные вещи, потому что они чувствуют, что знают вас».

«Это довольно странно. Ты – товар, ты продаешь, рекламируешь и производишь этот товар».

Вопрос: «Но только не тогда, когда вы идете по улице…»

«Именно так и происходит. Подобное отношение связано с реалити-шоу. Моя работа – это то, что я делаю на экране. Я люблю свою работу, по-настоящему люблю, но все остальное, что с ней связано, меня немного раздражает. Но так я зарабатываю деньги. Мне приходится иметь дело с внешним миром. Зарабатываю я неплохо, поэтому и с остальным приходится мириться».

Вопрос: «Вы смотрите телевизор?»

«Я часто смотрю телевизор. Сейчас идет много замечательных сериалов: «Безумцы», «Большая любовь», «Медсестра Джекки», «Настоящая кровь», «30 потрясений»… Люди, которые не работают, говорили мне, что сейчас сложно найти работу, потому что на каналах идет слишком много реалити-шоу. Но в то же время это бывает полезно, потому что многие каналы предпочитают снимать меньше серий, при этом повышая их качество. Мы снимаем 22 серии в год, и это очень нелегко».

Вопрос: «Прошло шесть лет. Ваш сериал не утратил свежести?»

«Я просто люблю свою работу. Люблю по-настоящему. Мне нравится приезжать на студию, нравится ходить по бутафорским улицам, мне нравится находиться в декорациях, нравятся люди, с которыми я работаю. Я выбрала для себя правильную работу. В такой среде я чувствую себя абсолютно комфортно. У нас великолепные сценарии. Когда снимаешься в сериале по неудачному сценарию, когда сценаристы ведут себя неподобающе… к счастью, в «Докторе Хаусе» мы от этого избавлены. Нам очень повезло с этой работой во многих отношениях».

Вопрос: «А медицинские термины вас больше не пугают?»

«Нет, мне это нравится. Мне нравится собирать информацию, я очень хорошо все запоминаю. Уровень моих медицинских познаний довольно высок... Мой отец врач. Я могла бы стать неплохим врачом в другой жизни. Но я была ужасной ученицей, у меня не было интереса к учебе. Мне никогда не окончить бы медицинский факультет. Я не осилила даже колледжа. Я не умею учиться».

Вопрос: «Но на телевидении вы играете врача...»

«Да, верно. И я могу ответить на целую кучу вопросов. Причем довольно убедительно».

Вопрос: «А случалось такое, чтобы кто-нибудь подошел к вам на улице и?..»

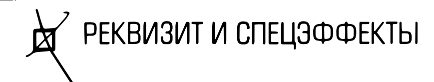
«Нет, но этот вопрос мне тоже часто задают».

Вопрос: «А вам случалось встречать кого-нибудь на улице и думать: “О, посмотрите-ка на этого человека...”?»

«Да, случалось. Я часто ставлю людям диагнозы. Просто не могу с собой справиться. Люди думают, что я ставлю диагнозы, потому что играю врача на телевидении. На самом деле я занималась этим всю жизнь. Мне нужна табличка: «Это не потому, что я псевдодоктор. Просто я – медицинская всезнайка».

10

ИМИТАЦИЯ РАДИ ПРАВДОПОДОБИЯ

РЕКВИЗИТ И СПЕЦЭФФЕКТЫ

На самом деле гигантских теннисных мячиков не существует. Реальные мячи чуть меньше. В начале первого сезона у нас было шесть таких мячей, но настоящие невозможно восстановить. Мы связались с китайцами, но и они не смогли нам помочь. Эти мячи не так сильно отскакивают от поверхности.

Тайлер Паттон, мастер по реквизиту

Многие эпизоды «Доктора Хауса» – это два фильма в одном: тизер, который задает тон эпизода, и сам эпизод, в котором разрешается проблема, возникшая в тизере. Тизер может не походить ни на что виденное зрителями сериала ранее. Тизеры снимают в других местах, с другими актерами. В тизере царит другая атмосфера. Порой в тизере происходят впечатляющие события: рушатся дома («Один»), происходят несчастные случаи в Антарктике («Во льдах»), задумываются межгалактические путешествия («Черная дыра»), а также случаются разнообразные происшествия с машинами, велосипедами и скоростными поездами. Фильм в мини-

атюре, которым является тизер, требует очень напряженной работы, особенно в отношении спецэффектов. Но самая сложная и драматичная сцена произошла в конце эпизода: я говорю о катастрофе автобуса в серии «Голова Хауса».

Первоначально «Голову Хауса» намеревались показать после Суперкубка 2008 года, реклама в полной мере соответствовала престижному месту в телевизионной сетке. В тизере мы видим полностью дезориентированного Хауса, который приходит в себя в стрип-баре. У него разбита голова, он не помнит, как оказался в этом месте. В большинстве тизеров главные герои не участвуют. Хаус в тизере новой серии появился, чтобы познакомить с главным героем тех зрителей, которые сериал не смотрят, но после трансляции матча еще не выключили телевизор. Но забастовка сценаристов поставила крест на этой идее. «Голова Хауса» и «Сердце Уилсона» стали заключительными сериями четвертого сезона. Уилсон теряет свою подружку Эмбер, а Хаус чуть не убивает себя, пытаясь вспомнить, кто во время катастрофы был в автобусе вместе с ним, какие симптомы были у этого человека и почему он себя так плохо чувствует.

Из-за забастовки сценаристов у реквизиторской группы появилось дополнительное время для подготовки съемок сложной сцены катастрофы. Помимо эффекта зеленого экрана и участия настоящих каскадеров, многие визуальные эффекты предстояло наложить на этапе постпроизводства. В сцене использовались два автобуса: один лежал на боку на площадке канала FOX, а второй разобрали, чтобы использовать на съемочной площадке. Корпус автобуса собрали на вращающейся платформе, чтобы его можно было поворачивать вокруг своей оси, как цыпленка в гриле. Несмотря на то что во время катастрофы автобус всего лишь упал набок, с помощью спецэффектов создалось впечатление, что он полностью перевернулся. Каскадеры попадали с сидений и покатились по автобусу в точном соответствии с планом Джима Викерса. На других кадрах актеры лежали на дне автобуса, а на них сыпалось бутафорское стекло — еще один эффект, использованный во время съемок сцены катастрофы.

Когда режиссер Грег Яйтанис снимал эти сцены, автобус был окружен зелеными экранами, чтобы фон можно было наложить позднее. Использовались также световые эффек-

ты, создающие впечатление того, что автобус перевернулся и покатился: двигались осветительные приборы, а не автобус. Специалист по визуальным эффектам Элан Солтс затем сделал сцену максимально достоверной. Энн Дудек, которая играла роль Эмбер, получила металлическую штангу, вонзившуюся в ногу, и массу повреждений лица — отличная работа гримеров. В одном кадре трость Хауса, украшенная огненным символом, взлетает в воздух. После катастрофы у Хауса начинаются галлюцинации. Он разговаривает с пассажирами автобуса. Эти сцены сопровождаются параллельными линиями пульсирующих огней, разбегающихся от автобуса. Этот эффект предложил оператор Гейл Тэттерселл. Он вспомнил взлетные дорожки аэродрома, возле которого вырос.

Приглашение группы каскадеров для этой сцены стоило очень дорого. Продюсерам Герриту ван Дер Мееру и Марси Каплан предстояло решить, можно ли это себе позволить. «Сцена была короткой, но очень дорогой», — говорит Гарретт об автобусной катастрофе в «Голове Хауса». Марси и Геррит хотели бы сохранить такой крупный реквизит, но перевернувшийся автобус явно не предназначался для дальнейшего использования.

«У нас есть все ручки, какими только пользуются в мире. И парик блондинки — просто на всякий случай».

– Майк Кейси

Каскадеры участвовали и в серии «Человеческий фактор». Спасатели береговой охраны подбирают в море дрожащую женщину, а ныряльщик пытается спасти в бушующем море ее спутника. Эти люди бежали с Кубы и хотели попасть к доктору Хаусу. Геррит и Марси уже работали с большим водяным контейнером, который был необходим для съемок сцены спасения. В 1996 году Марси продюсировала фильм «Убрать перископ», а Геррит сталкивался с этим в Англии. Удовлетворяющий двум критериям Марси («доступный и свободный»), контейнер нашли в Пакоиме. Вторую часть снимали в ангаре аэропорта Санта-Моники. Над контейнером не мог летать обычный вертолет. Кроме того, использовать насто-

ящий вертолет береговой охраны США было невозможно. Поэтому пришлось обойтись миниатюрной копией. «Собираешь все вместе, и сцена выглядит вполне убедительно», — говорит Геррит.

Для серии «Совершенно секретно» режиссер Деран Сафиан заказал армейский «Хаммер» для сцены, в которой Хаусу кажется, что он потерял ногу во время операции «Буря в пустыне». Сцену снимали около двадцати минут. Марси Каплан беспокоило то, что придется снимать несколько дублей, что было бы связано с серьезными проблемами для реквизиторов. «Они пришли на площадку с видеокамерой, перевернули машину, и Деран сказал: «О'кей, мы все сняли», — вспоминает Геррит. «Я была поражена — может быть, все-таки нужно повторить, — говорит Марси. — Мы просмотрели всю сцену. Обычно снять второй дубль предлагаю не я».

....

Для того чтобы зрители поверили в то, что наблюдают за жизнью людей в реальной больнице в Принстоне, штат Нью-Джерси, хотя на самом деле съемки проходят в гигантских павильонах в Южной Калифорнии, используется множество уловок. Как и в случае автобусной катастрофы, многие эффекты накладываются на отснятый материал (визуальные эффекты), другие же сцены снимаются прямо на площадке (спецэффекты). Когда вы видите, что персонаж что-то держит в руках, то во время съемки актер мог ничего и не держать. Если это гигантский теннисный мяч, то нужно подобрать верную разновидность гигантского теннисного мяча. Все, что актеры берут в руки, это реквизит, которым занимаются Тайлер Паттон и Майк Кейси. Всем, что вы видите на фоне, заведуют декораторы. Это медицинский сериал, поэтому все травмы и симптомы болезней должны выглядеть реалистично. Во многих сценах, где снимаются сложные медицинские процедуры, используется весь арсенал — реквизит, визуальные эффекты, спецэффекты, грим, костюмы, декорации. Все это помогает зрителям почувствовать себя в настоящей больнице Принстон-Плейнсборо.

Джесси Спенсер кое-что поправляет в перерыве между съемками

Реквизиторы Тайлер Паттон и Майк Кейси ухитрились превратить свой кабинет в нечто вроде полинезийского бунгало. Тайлер сидит за стойкой, которая выполняет роль его стола. На стенах висят картины с изображением бамбука и пальм. В маленькой комнате разместилось множество комнатных растений. Дополняют картину укулеле и пара бутылок из-под текилы в виде пистолетов. Тайлер и Майк проводят на работе столько времени, что хотят чувствовать себя на отдыхе хотя бы в рабочем кабинете. Кое-что они купили, кое-что позаимствовали в других сериалах — например, в «Вегасе», который был снят с эфира. Это же телевидение, так что все здесь не так необходимо, как может показаться. Черепа, которые находятся повсюду, бутафорские. А вот ручная граната настоящая.

В ярко освещенном трейлере разместился кабинет и студия Далии Доктер, которая отвечает за грим для спецэффектов. На стенах развешаны фотографии ее работ — шелушащаяся кожа, огромные наросты на лице, шрамы, скелеты, сыпь и кровавые раны. Далия заказывает протезы. Она же

наносит грим, который превращает здорового актера в чуть ли не смертельно больного пациента. В углу стоит бутафорский череп с всклоченными волосами и огромной открытой раной размером с серебряный доллар. Этот череп использовался в серии «Увольнение». Далия весело описывает, как все было. «Она находилась в магнитном томографе, и у нее появилась рана на голове. Мне пришлось делать эту бутафорскую голову, имитировать ее волосы. Да, и еще нужно было море крови...»

В трейлерах, на площадке, на складах и в своих гаражах Тайлер и Майк накопили уйму полезных вещей. Все, что было использовано в сериале, тщательно хранится. Хранятся также отвергнутые варианты реквизита и предметы, которые могут пригодиться когда-нибудь. Майк говорит: «Когда мы что-то покупаем, то покупаем сразу одиннадцать штук». Это относится ко всем их покупкам. То, чего купить не удается и на складе не оказывается, Тайлер и Майк могут одолжить в какой-нибудь реквизиторской компании, например, в Hand Prop Room, или заказать в фирме, специализирующейся на изготовлении реквизита.

«Хорошего реквизитора от великого отличает образ мышления. Великий мастер всегда опережает съемку на один шаг. Когда актер приходит на площадку и говорит: «А что мне нужно делать? А где мне взять зажигалку?», я всегда могу ему сказать: «Вам, наверное, понадобится зажигалка. Посмотрите вот эти...» – «О, замечательно, давайте остановимся на Zippo. Или Bic? А зеленая у вас есть?» На все подобные вопросы я всегда отвечаю: «Ну конечно!»

– Тайлер Паттон

Опираясь на сценарий, реквизиторы собирают все, что понадобится для съемок эпизода, в специальном трейлере. Помощник реквизитора Карл Джонс все сортирует и раскладывает по ящикам, чтобы Эдди Гриско мог доставить их прямо на площадку к съемкам каждой сцены. Как только реквизит использован, все предметы возвращаются на склад. Съемочный склад Тайлера и Майка выглядит как самый странный магазин в мире. Материал последнего сезона разложен по эпизодам и хранится под рукой. Бутылки содовой с безликими этикетками хранятся вместе с результатами анализов и факсами, использованными в конкретном эпизоде. Здесь же находятся и записки, которые Тринадца-

тая делала во время отпуска в Таиланде. В конкретной сцене Тринадцатая писала на конкретной странице, поэтому эту страницу приходится копировать несколько раз для разных дублей.

«В блокноте есть и другие страницы на случай, если она захочет его перелистать. Невозможно оставить предмет на площадке – и установить правила его использования. Если вы говорите актрисе, что она не может перелистывать страницы, значит, реквизиторы сработали плохо. Нужно заранее думать, что может прийти в голову актерам».

– Тайлер Паттон

В сериале использовали фотографии Оливии Уайлд, сделанные в Таиланде. Пришлось только убрать логотип авиакомпании с самолета. Кроме этого, понадобились и профессиональные фотографии, которые с соблюдением всех требований закона были приобретены у фотографа. Сцена с блокнотом занимает на экране всего пару секунд.

На длинной вешалке висят трости Хауса – штук пятьдесят, по несколько штук каждого вида. Тайлер вручную наносил мотив пламени на трость Хью Лори. Таких тростей здесь тоже немало. «А тут гитары Хауса, – говорит Майк. – Его приемник. Его ракетка. Его крикетная бита. Его виски. Black Fox Single Malt Scotch. Настоящие бутылки стоят дорого».

Опись выглядит еще более странно. «Конфеты и оберточная бумага, – говорит Тайлер. – Курительные трубки... А вот кусок кожи с груди». Рядом лежат бутафорские сладости и мюсли. Коробки выглядят, как настоящие, но они не похожи на упаковку известных брендов. Рядом «одноразовый фиксатор головы». В коробке сложены образцы губной помады Кадди, которые Хаус ошибочно принял за свои таблетки в серии «Под моей кожей». Сценарист хотел золотую помаду, режиссер – прозрачную, поэтому Тайлер и Майк раздобыли сорок образцов, из которых можно было выбирать. Потом, когда нужная помада была выбрана, они купили шесть образцов выбранного варианта, на всякий случай. Как говорит Майк, им не хочется оказаться в положении, когда кто-нибудь скажет: «Мы не можем снять эту сцену, потому что у нас нет двухдолларовой помады».

На трейлере реквизиторов красуется личный символ Тайлера Паттона – дракон. Тайлеру нравится маркировать

свои вещи. Но если он напишет на кружке «Тайлер», ее нельзя будет использовать в качестве реквизита. Символ дракона в этом отношении более универсален. В трейлере хранится масса реквизита, аккуратно разложенного по ящикам. «Дыроколы, степлеры, линейки. Какая линейка вам нужна? — спрашивает Тайлер. — У меня есть несколько старых школьных деревянных линеек, потому что сегодня их очень трудно найти». «А тут у нас курево, — поясняет Майк. — Всяческий наркотический хлам. Сигареты с травкой. Крэк на случай, если герой курит крэк. Бутафорский кокаин. Бутафорская марихуана. Бутафорские суставы и всякая чепуха». И снова Тайлер: «Портфели — у нас их штук пятьдесят. На выбор Уилсону я предложил больше двухсот».

Вопрос: «А дома у вас все в таком же порядке?»

Майк: «Нет, время на это у нас есть только на работе».

Тайлер: «Мой гараж выглядит почти так же. У меня в гараже много всего полезного».

Масса проблем у реквизиторов связана с едой. В сценах с едой актеры стараются ничего не есть. Каждую сцену снимают с разных точек, крупным и общим планом. Если актер что-то съест в одном дубле, ему придется есть во всех. Если актриса откусит кусочек гамбургера, то ей придется делать это каждый раз. А значит, реквизиторы должны обеспечить нужное количество гамбургеров, а также иметь несколько про запас. Если актер не собирается жевать и глотать откушенный кусок, рядом всегда есть мусорное ведро.

В серии «Полный провал» оставшийся без работы Хаус предается искусству высокой кулинарии с чисто научным энтузиазмом. Он готовит сложное блюдо из яиц и рагу. Тринадцатая пробует его творение и заявляет, что это — самое вкусное, что она когда-либо пробовала. «Эта серия стала для меня настоящим кошмаром, — говорит Тайлер Паттон, которому пришлось специально приглашать кулинарного стилиста для консультаций. — Он вытаскивал из яиц желток специальным шприцем. Маленькие яичные желтки были сделаны из силикона». Специальные яйца изготовили на фирме Autonomous Effects, которая поставляла на съемки манеке-

ны. «Нам нужно было приготовить маленькие кусочки тофу со специями для Оливии. Она съела штук пятнадцать, если не двадцать, — вспоминает Тайлер. — Я еще не отравил ни одного актера».

Вопрос: «А бывает такое, что актеры съедают все, что вы ставите перед ними?»

Тайлер Паттон: «В конце рабочего дня такого не бывает. По утрам все голодные. Да и днем актеры тоже едят».

Майк Кейси: «Роберту Шону Леонарду захотелось что-нибудь съесть в кадре, но в сценарии этого не было. Реквизитор спросил его: «Вы уверены?», он ответил: «Да», и мы дали ему смесь орехов и сухофруктов. И ему пришлось есть ее снова, и снова, и снова. После окончания съемок он подошел ко мне и сказал: «Если я еще когда-нибудь скажу, что хочу есть, напомните мне эту смесь. Сегодня я съел ее больше, чем мог бы съесть за всю оставшуюся жизнь».

Тайлер Паттон: «Хью попросил какого-нибудь печенья. У нас всегда все определено — и вид печенья, и вид коробки. В тот день у нас было только печенье без сахара для диабетиков. Он сказал: «Что ж, неплохо». К концу съемок он сказал: «Я сейчас взорвусь». Обычно их съедают всего несколько, а ему пришлось съесть шестьдесят. Он отправился в свой трейлер, причитая: «О, мой живот!» Актерам нужно быть очень осторожными».

Целый ряд проблем связан с оружием и деньгами. Показ денег на экране — это особый вопрос. В техническом смысле копирование купюр для съемок — это фальшивомонетничество, если следовать букве закона. Поэтому существует целый ряд ограничений. Купюры должны быть больше или меньше реального размера. Тайлер Паттон — оружейник. Ему тоже приходится многое проверять. Работа с бутафорским оружием ничуть не проще, чем с оружием реальным. Внешне пистолеты остаются точно такими же, как и раньше. Их меняют, чтобы стрелять холостыми, но в то же время пистолеты очень легко снова приспособить для стрельбы настоящими пулями. В «Докторе Хаусе» оружием пользуются редко. Когда Уилсон отправился охотиться на индеек, его бывший пациент Такер стрелял в сумку химиотерапевта, подвешенную на дереве. Актер стрелял холостыми, а в сумке взорвался специальный заряд, чтобы выстрел выглядел реальным.

Тайлер Паттон из голливудской семьи. Его дед в 50-е годы был режиссером шоу «Супер-цирк». Его мать и отец были актерами, а отец к тому же еще и продюсером и помощником режиссера. В шестнадцать лет Тайлер получил водительские права и стал водить грузовики для съемок рекламы . Майк Кейси тоже вошел в этот бизнес через рекламу. Три года он был помощником реквизитора, а Тайлер уже стал мастером. Кроме того, в «Докторе Хаусе» Тайлер Паттон играл и играет нейрохирурга. Во время операций он пользуется реквизитом, который сам же для себя и сделал.

«Когда ты молод, то смотришь на участников съемочной группы и восхищаешься реквизитором: у него есть оружие, у него есть выпивка, все пристают к нему с вопросами. Он – хозяин. Он – настоящий мужчина. Конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что лучше было бы стать оператором или, к примеру, гримером».

– Тайлер Паттон

«Все наши дни не похожи один на другой, – говорит Тайлер о своей работе. – Всегда появляется что-то новое. Но мы знаем так много о самых разных вещах, что нас это почти не беспокоит». В тизере к серии «Готовы на все» показаны гонки с перегрузками. И теперь Тайлер знает о том, что надевают на себя водители и какими наушниками они пользуются, куда больше, чем самые ярые любители этого вида спорта. «Нам пришлось побеседовать с парнями, – говорит он. – Мы побывали в технической зоне и повсюду спрашивали: «А это что? А это зачем? А что он делает?» Как только маленький эпизод был снят, у нас появились другие заботы».

В своем кабинете Тайлер и Майк повесили не только расписание съемок, но еще и «пять золотых правил», разработанных специально, чтобы не «потеряться» в течение длинной рабочей недели. В их списках встречаются одинаковые пункты – например, «подавлять эмоциональные реакции» и «не зариться на чужое». В списке Тайлера есть такой пункт: «Воздерживаться от использования портативных раций без острой необходимости» и «относиться к мелким проблемам позитивно». «Он заставляет меня соблюдать мои правила, – говорит Майк, – а я заставляю его не забывать о его правилах… Половина успеха в том, чтобы

все ладили друг с другом... Нам это удается, потому что после всех этих лет мы остались друзьями. Люди удивляются, как нам это удается. Мы проводим друг с другом времени больше, чем с собственными женами». «Хорошо, что это очень напряженный сериал, – говорит Тайлер. – У нас всегда есть чем заняться. У нас остается слишком мало времени на отдых – постоянно приходится работать... В этом сериале нам предоставлена почти полная свобода, и мы стараемся оправдывать это доверие».

Вопрос: «Где вы взяли крикетный мяч Хауса?»

Майк Кейси: «По-моему, я привез его из Индии. Мне хотелось найти настоящий мяч. Если бы он оказался недостаточно хорош, Хью мне этого не простил бы. У него есть несколько мячей – теннисный, крикетный, мяч для боулинга. За мячами присматривают реквизиторы, но мне приходится иметь запасные, потому что, как ни грустно это признавать, порой реквизит на площадке воруют. Мячи для боулинга на траве такие клевые, что мне пришлось завести четыре на всякий случай. Похоже, в этом сезоне мы уже один потеряли».

Главный гример Далия Доктер и ее сотрудники Эд Френч и Джейми Келмен в 2007 году получили премию «Эмми» за выдающийся грим. Премия была присуждена за образ Джорджа, 600-фунтового парня, которого в серии «Будь что будет» спасают пожарные. «Это был настоящий подвиг», – говорит Далия, глядя на фотографии, запечатлевшие процесс трансформации актера. Далия работала над концепцией серии вместе с режиссером и сценаристами. Она же руководила подготовкой костюма, который шили в специализированной лаборатории. Для работы с актером потребовался дополнительный трейлер. Гримировали и одевали актера трое гримеров в течение трех с половиной часов. В те дни Далии пришлось приезжать на площадку раньше всех – в 3.42 утра. «Интересно было проходить по съемочным павильонам в такое время, – рассказывает Далия. – Все вокруг выглядело таким заброшенным». Одна из проблем заключалась в том, чтобы искусственная кожа была похожа на настоящую. Кроме того, убедительность грима во многом зависела от актера. «Успех принадлежит актеру, – говорит Далия о Пруитте Тейлоре Винсе,

600-фунтовом человеке. — Костюм и грим на нем выглядели совершенно естественно... Ему было весело, и весь процесс ему нравился».

Далии Доктер часто приходится участвовать в съемках медицинских сцен. Когда Хаус и Форман начинают вскрывать тело полицейского в серии «Храброе сердце», зрители видят, как пила впивается в грудь трупа. Далия снабдила актеров силиконовым протезом, имитирующим рану. Она выкрасила его, добавила немного крови, а на этапе постпроизводства добавили эффект распиливания. В «Полном провале» одного из актеров нужно было немного «утолщить». Для этого использовали грудную накладку. Но грудь актера уже была в кадре. Как на грех, он оказался довольно волосатым. Поэтому в накладку пришлось по одному подсаживать волоски.

В серии «Осложнения» художник получает сильнейший удар в голову. Далия отправила исполнителя этой роли в лабораторию, где изготовили муляж его головы и шеи, чтобы показать режиссеру и сценаристу. Затем была изготовлена накладка, которую актер надел на съемку. Далия тщательно хранит все свои протезы и накладки, поскольку они могут пригодиться для чего-то другого. За несколько лет она научилась изображать самые разные сыпи, при этом ей не удалось скопировать ни одной своей работы.

В нормальной обстановке у Далии есть неделя на разработку и осуществление своих спецэффектов. Сценарист работает с ней в самом тесном сотрудничестве. В одной из серий («Под моей кожей») у пациентки сильно шелушилась кожа. «Сценаристка Пэм Дэвис прислала мне ссылку, и я прочитала эту историю в Интернете. Я просто плакала. Женщина приняла антибиотик, и через шесть часов ее кожа покрылась язвами, стала шелушиться... Все думали, что она умирает. У нее выпали волосы. На ее лице остались одни глаза. Это было так страшно. Но она выжила. И она красавица». Имитировать кожу очень сложно. Приходится использовать несколько слоев очень тонкого материала. Сложно было создавать грим и для серии «Урод», в которой был пациент с огромным наростом на лице. Пришлось придумывать специальную накладку, которая была совмещена с париком.

Если вам нужна татуировка, обращайтесь к Далии Доктер. Она пользуется фирменными татуировками Tinsley. «Секрет хорошей татуировки в том, что она не черная, – говорит Далия. – Если она будет слишком черной, то на экране покажется фальшивой. Нужны более приглушенные тона, которые выглядят реалистично».

Фотографии работ, выполненных Далией в шестом сезоне, занимают в трейлере целый угол. Здесь и «мастер свободы», который спрыгнул с парковки в «Сломленном», и Альви, сосед Хауса по палате, после того, как Хаус ударил его. («Мне очень нравился Альви», – говорит Далия.) Тут и Винс из «Полного провала», и скелеты, которые исследовали на ДНК в «Храбром сердце». Для Далии очень важно фотографировать свои работы, потому что многие сцены снимаются в произвольном порядке. Пациента могут снимать окровавленным и при смерти, а сразу после этого идут сцены, в которых он выглядит намного более здоровым. Фотографии Далии помогают обеспечить преемственность.

«Я на цыпочках пробираюсь по площадке и выглядываю из окна пациента. В окне вы видите дерево. Ветви его трепещут на ветру. И эта картинка должна быть реалистичной. Я иду дальше и вижу одного из членов съемочной группы, специалиста по спецэффектам. Он сидит в кресле, держит в руках веревку и дергает за нее, чтобы ветки дерева колебались. Он будет заниматься этим всю сцену. Как вы думаете, это занимательно? Люди просто не представляют себе нашей работы».

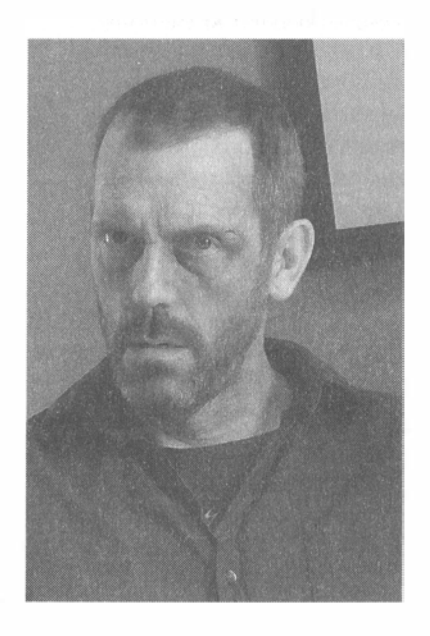
– Далия Доктер

Далия начала учиться мастерству гримера, когда ей было сорок лет. Она училась в школе гримеров, где овладела своим мастерством. А потом она пошла традиционным путем и стала искать работу в Голливуде. Ей пришлось постучаться не в одни двери. Она работала на короткометражках, телевизионных фильмах, потом в сериалах. Пять сезонов она отработала в «Ангеле». Хотя раньше она специализировалась на декоративном гриме, в «Хаусе» Далия занимается спецэффектами. Декоративным гримом здесь занимаются Кэтлин Кроуфорд и Марианна Элиас, а парикмахеры – это во-

обще другой отдел. «Но работаем мы все вместе, – говорит Далия. – Мы настоящая команда». При необходимости Далия помогает гримерам. В сложные моменты она всегда приходит на помощь реквизиторам. Если актеру, сидящему в ее кресле, нужны повязки (в техническом смысле это реквизит), она сама накладывает их.

ДРАКИ И ШРАМЫ

В серии «Счастье в неведении» Чейз дерется с Хаусом. При этом на лице Хауса остаются весьма заметные следы, созданные Далией Доктер. Требовалось оценить, насколько сильно Чейз ударил Хауса. С такими вопросами чаще всего обращаются к медицинскому консультанту Боббин Бергстром. Как должен выглядеть глаз сразу после удара и через два дня после драки? «Они хотели, чтобы синяк был очень большим, со ссадиной, – говорит Далия, – но это было бы нереалистично для одного удара». В других случаях гримерам предоставляют свободу: от огромного синяка на следующий день не остается и следа.

Глаз Хауса, пострадавший от кулака Чейза, стал выглядеть получше

Вопрос: «А Тринадцатая никогда не била Хауса?»

«Думаю, Тринадцатая нашла бы другой способ. Она так наказывает Хауса, что приводит его в неумеренный восторг. То, что она утратила свою всегдашнюю холодность и потянулась к нему, – это его победа. Ударить его она может своим безразличием».

В этом случае Далия тренировалась в гриме для Хью Лори на его дублере, Патрике Прайсе. Она сделала Патрику сло-

манный нос, разбитый глаз и синяк. Впоследствии для имитации разбитого глаза использовали крохотную латексную накладку. Далия показывает ее. «Этот кусочек я использовала на Патрике. Для Хауса я найду что-нибудь в этом роде. Держаться накладка будет на клее, а края мы замаскируем. Надеюсь, она продержится целый день».

Вопрос: «Он ударил его прямо в глазницу и повредил глаз – хороший удар».

Далия Доктер: «Да. И еще он сломал ему нос. Через два дня с ним будет все в порядке».

Гримирование Патрика Прайса под побитого Хауса заняло два часа. Фотографии передали режиссеру Грегу Яйтанису, сценаристам, Кэти Джейкобс и Хью Лори. Все они могли высказать свои замечания. Патрик является дублером Хью Лори на протяжении всего сериала. Это был лучший удар, полученный Хаусом за все серии. «У Джесси Спенсера могучий удар, – говорит Патрик. – Ведь он из Австралии. Он крепкий парень».

11

ПЕРЕВОД НА ЭКРАН

ВИЗУАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И МОНТАЖ

«Это все равно что строить машину. Вы берете один тип двигателя – о, этот не подходит! Значит, нужно взять другой. А что вы скажете о выпуклости на боку машины? Наша работа сродни процессу строительства – мы строим, ломаем, строим снова и ломаем снова, пока не получится именно то, чего все хотят».

– Крис Брукшир, монтажер

Последние кусочки головоломки «Доктора Хауса» находятся в монтажных комнатах и звуковых студиях, а также на компьютерных экранах отдела визуальных эффектов, которым руководит Элан Солтс. «Сегодня мы делаем много компьютерной графики, – говорит Элан. – Путешествия внутри тела пациента неуклонно сокращаются, остаются только в тизере, что делает их особенно необычными и запоминающимися». В сериале нет ничего более необычного, чем видеоигра в начале серии «Полный провал» в шестом сезоне. Пациент галлюцинирует, и в его воспаленном воображении персонажи футуристической игры превра-

щаются в Тринадцатую и Формана. Этот тизер не похож ни на один другой в сериале. Некоторые зрители даже проверяли, тот ли канал у них включен. «Я этого боялась, — говорит продюсер Марси Каплан. — Вдруг людям не понравится и они выключат?» Впрочем, достаточно было посмотреть серию пару секунд — и выключать уже не хотелось.

Элан Солтс — член гильдии кинематографистов. Он помнит еще те времена, когда пользовались зелеными и синими экранами, а о компьютерной графике не имели и представления. В детстве Элан хотел быть фотографом, в колледже он снимал видео, а потом стал экспериментировать с черно-белой камерой Sony Portapak, где пленка наматывалась на катушки. Он снимал документальные фильмы для общественного телевидения и занимался другими телевизионными работами. Когда его работодателю понадобился специалист по визуальным эффектам для римейка «Миссия невыполнима», над которым он работал, работу предложили Элану. «Я сказал, что не знаю никого, кто этим занимается, а они ответили, чтобы я руководствовался названием нашего проекта. Видите, что из этого получилось!»

Видеоигра задумывалась во время перерыва между сезонами. «Это был очень амбициозный замысел, — говорит Элан Солтс, который принялся за работу сразу же, как только предыдущий сезон завершился. — Я считал, что нужно начинать как можно раньше. Это был долгий, сложный процесс. Мы сразу сказали сценаристам: «Что это вы придумали?» В реальной жизни эта работа заняла бы три-четыре года». Имея двух сыновей, Элан многое знает о видеоиграх. Идея заключалась в том, чтобы показать технологию будущего, словно герой серии, Винс, придумал что-то новое. Персонажи надевали очки виртуальной реальности и стояли на своеобразных пьедесталах, паля из пистолетов во все стороны. Тайлер Паттон и команда реквизиторов сделали пистолеты и очки. Тайлер придумал прототип оружия, и в мастерской сразу же сделали шесть копий. Очки изготовили из наушников и хоккейных масок. В микрофон превратили подставку от настольной лампы со стола Тайлера. Все остальное было более технологичным.

«Нам нужна была игра, которая представляла бы собой нечто среднее между видеоигрой и анимационным фильмом. И я думаю, у нас это получилось».

– Грег Яйтанис, режиссер

Элан Солтс отточил свое мастерство в области визуальных эффектов на футуристическом сериале Джеймса Кэмерона «Темный ангел». Сценаристы придумали постапокалиптическую медицинскую лабораторию, напоминающую больницу Принстон-Плейнсборо и населенную мутантами. Элан работал вместе с художником Кристианом Ваггонером, который создавал видеоигры для Джорджа Лукаса. Художник сделал эскизы персонажей игры: Шимпанзе-снайпер, Человек-ящерица и Винс, герой серии. Режиссером этого эпизода был Грег Яйтанис. Он составил подробную раскадровку игры, и за работу принялись пятнадцать техников отдела визуальных эффектов студии Encore Hollywood. По сюжету герои игры пробирались через столовую в больницу/лабораторию, а по пути на них нападали доисторические птеродактили и «отродье» – гибриды летучих мышей с воронами. От них нужно было отстреливаться лазерным оружием. «Это было настоящее безумие, – улыбается Элан, – но мы это сделали. Мы были готовы выпустить анимированную версию нашей игры в субботу утром».

Элан вспоминает и другие тизеры. Мальчика, который в галлюцинациях видит инопланетян («Каин и Авель»), битком забитый зал на концерте Дейва Мэттьюза, где было всего восемьдесят человек («Недоумок»), оторванную ногу Хауса («Совершенно секретно») – «еще один маленький гэг», по выражению Элана, – обрушившееся здание в «Одном», полетную тренировку женщины-астронавта НАСА, когда она начинает слышать глазами («То, что нужно»).

«Мы пытаемся быть просто отвратительными. У нас есть один сценарист, который любит втыкать иголки в глаза, поэтому мы пользуемся этим эффектом постоянно. Похоже, всем это нравится».

– Элан Солтс

Сотрудникам отдела визуальных эффектов часто приходится готовить целые последовательности кадром, что помогает ускорять работу над эпизодом. Во фрагменте с видеоигрой режиссеру Грегу Яйтанису понадобился более общий

план, но, когда камеру отвели назад, в кадр попал осветительный прибор, который Гейл Тэттерселл установил на потолке. Элан сказал: «Снимайте, потом я об этом позабочусь. Мой парень посидит за компьютером пару минут и избавится от этой лампочки. А вы сейчас всей группой будете полчаса решать, как бы сделать так, чтобы она не попала в кадр». В отделе визуальных эффектов делают незаметными накладки, показывают, как пациент мгновенно покрывается сыпью, делают желтыми глаза пациентов, страдающих желтухой, — это куда удобнее, чем пользоваться контактными линзами. Если реквизиторы подключили трубки, чтобы из уха пациента хлестала кровь, то видеоинженеры благополучно эти трубки стирают.

«Мы соревнуемся с фильмами. Хотя зрители смотрят нас не на киноэкране, они устраиваются в своих гостиных перед 50-дюймовыми телевизорами. И это повод к тому, чтобы выглядеть хорошо».

– Дэвид Шор

Элан участвует в сложнейшем процессе, благодаря которому зрители «Хауса» убеждены в том, что видят настоящую больницу Принстон-Плейнсборо в Нью-Джерси. Стив Говард нанял садовника, который занимается тем, что подстригает пальмы так, чтобы они выглядели, как на Восточном побережье. Сцену охоты Уилсона и Такера на индеек («Уилсон») снимали в Лос-Анджелесе. «Мы стреляли в Гриффит-парке, но сумели сделать так, что все вокруг напоминало осень в Нью-Джерси, — говорит Элан. — У нас есть современные средства, которые позволяют слегка менять цвет».

«Не знаю, почему бы им просто не сказать, что Хаус со всей командой перебрался в университетскую клинику Лос-Анджелеса? То, что действие происходит в Принстоне, Нью-Джерси, создает массу неудобств. Не знаю, многие ли люди обращают на это внимание».

– Элан Солтс

Во время производственного совещания с руководителями других отделов, которое Элан Солтс называет «встречей у кухонной раковины», принимается решение о том, будут ли

использованы спецэффекты (те, что реализуются на площадке) или визуальные эффекты (в период постпроизводства), какова задача гримеров и так далее и тому подобное. Так обсуждался, к примеру, антарктический эпизод «Во льдах», где Хаус ставит диагноз, а потом флиртует с Кейт (Мира Сорвино), ухитрившейся заболеть на исследовательской станции на Южном полюсе (станцию прямо в павильоне построили декораторы). «Во льдах» должны были показывать сразу после игры на Суперкубок. «Я сказала: «В такой серии визуальные эффекты должны быть просто убойными», — рассказывает Кэти Джейкобс. — Мы с Эланом и монтажером Дориан Харрис работали в поте лица. Мы всю душу вложили в тизер, зная, что его будут показывать сразу после Суперкубка... Мы втиснули туда все».

Антарктическую станцию спроектировали и построили в павильоне за семь дней. В начале тизера показывают, как лопасть ветряка летит прямо на антарктический лед и повреждает ногу мастера. (Это ложный след, пациентом будет другой человек.) Большая часть сцены — это компьютерная графика, за исключением лопасти ветряка, частично снега и снегохода, который транспортный отдел сумел раздобыть в Орегоне и доставить на площадку.

Идея тизера заключалась в бескрайних снежных просторах, полярном сиянии и сыплющемся снеге. Надо сказать, что настоящий снег никогда не выглядит на экране таким же настоящим, как снег бутафорский. Как и с любыми эффектами, здесь было очень важно определить, что можно попытаться сделать в декорациях, а что придется дорисовывать в период постпроизводства. В Голливуде есть специалисты по всему. Естественно, что эту задачу поручили компании Snow Business. Компания оформляла съемочную площадку, а Элан на компьютере дорисовывал все остальное ради достижения максимального эффекта.

«Мы любим кровопролитие. Элан проделал великолепную работу, показывая нам, что происходит внутри тела. Но сериал «CSI: Место преступления» все изменил. Люди хотят видеть, как ноготь летит и впивается в стену, а потом следователи вытаскивают его своими пинцетами. Зрители теперь ожидают визуальных эффектов такого уровня».

– Дэвид Фостер

....

Рядом с кабинетом Элана Солтса расположились трое монтажеров «Доктора Хауса»: Эми Флеминг, Крис Брукшир и Дориан Харрис. Они целый день сидят за телевизионными экранами и превращают отснятый материал в то, что канал FOX покажет в понедельник вечером. Раз или два в день данные и файлы, содержащие отснятый материал, поступают в монтажные машины AVID. Монтажер приступает к работе немедленно. Нужно как можно быстрее узнать, нет ли каких-то технических проблем, на случай, если необходима пересъемка. Когда съемки завершены, у монтажеров есть четыре-пять дней на то, чтобы предоставить смонтированный эпизод режиссеру.

«Игра актеров выше всяких похвал. Актерский ансамбль подобран просто великолепно, и актеры играют на одном уровне. Когда оказываешься на площадке вместе с Хью Лори, то должен играть чертовски хорошо. Хью Лори может делать четыре разных дубля, и он будет фантастически хорош в каждом. У нас масса отличного материала для работы».

– Крис Брукшир

На площадке одна сцена снимается несколько раз – с разных точек и расстояний, под разными углами. Монтажер принимает творческое решение, какой из кадров наилучшим образом соответствует следующему, и следующему, и следующему. «Существует язык съемки, – говорит Дориан Харрис, – и язык монтажа. Всегда нужно следовать строго определенным правилам». «Мы стараемся сделать так, чтобы зрители поняли сюжет, – подхватывает Крис Брукшир. – Мы пытаемся сделать сюжет творческим и увлекательным, превращаем в кино сырой материал».

«Предположим, нам досталась сцена, в которой Уилсон ругает Хауса за неправильно принятое решение. Сцена обретет новое значение, если вместо того, чтобы показывать ругающегося Уилсона, показать зрителю реакцию Хауса. Это придаст сцене гораздо большую глубину. Все зависит от выбора, сделанного актерами, режиссером, монтажерами, продюсером... Это очень сложный процесс».

– Крис Брукшир

Первоначальный вариант обычно длится на восемь-девять минут дольше эфирного времени. Монтажер делает прикидоч-

ный вариант, зная, кто был сценаристом и режиссером. За годы работы над сериалом все уже отлично узнали друг друга и почувствовали визуальный язык проекта. «Мы знаем, как примерно должен выглядеть очередной эпизод, поэтому стараемся сохранить общую атмосферу сериала», — говорит Крис.

Дополнительные девять минут теряются при окончательном монтаже. Режиссер работает с полученным материалом четыре дня. Затем серия поступает к продюсерам. В истории кино или телевидения еще не было такого, чтобы «режиссерский вариант» оказался короче того, чего хочет продюсер. И все же режиссер предпочитает порезать себя сам, а не оставлять это продюсеру. «В интересах режиссера представить продюсерам короткий вариант, чтобы у них не оставалось поля для деятельности, — говорит Дориан Харрис. — Однако именно Дэвид Шор и Кэти Джейкобс решают, что останется в эпизоде, а что нет». Продюсеры лучше представляют себе общий сюжет сериала, поэтому они могут выбрать кадры, подчеркивающие то, о чем монтажер может и не догадываться. «Я хочу, чтобы реакция была более эмоциональной, потому что впоследствии на ней будет строиться сюжетная линия, — говорит Крис. — Мне нужно, чтобы гнев вырвался на поверхность».

Многие опытные профессионалы, работающие над «Доктором Хаусом», приехали в Лос-Анджелес абсолютно безработными. Все они когда-то работали на телевидении, в некоммерческом кино или рекламе в разных городах страны. Эми Флеминг окончила киношколу. Ей очень нравится заниматься монтажом, «собирать кадры воедино и воссоединять замысел сценариста и режиссера». Она приехала в Лос-Анджелес из Чикаго, где работала преимущественно в рекламе.

Дориан Харрис считает монтаж великолепным средством обучения. Ее не интересует съемочный процесс. Она работала в Нью-Йорке, где сотрудничала даже с Робертом Олтманом. Муж Дориан тоже занимается шоу-бизнесом. Он помощник режиссера и директор художественных фильмов. Крис Брукшир начал работать личным помощником, потом стал монтажером художественных фильмов. Но он понял, что узнает гораздо больше и получит опыт гораздо быстрее на телевидении. Первым его проектом стал «Закон и порядок».

При монтаже материала очень важно не потерять сюжетную линию. Она должна прослеживаться с начала и до конца. Сюжет не должен распадаться на части. Главное правило первоначального монтажа – не убирать диалогов. Сценаристы «Доктора Хауса» очень тщательно связывают воедино сюжетные линии, поэтому фраза, произнесенная в первой сцене, наверняка будет связана с фразами третьей или четвертой. В некоторых случаях добавляются «автоматические диалогозаменители». Это делается тогда, когда невозможно подключить микрофон или когда планируется добавить или изменить какие-то строки. Такие «заменители» не снимаются. Иногда приходится переснимать всю сцену целиком, чтобы сохранить цельность сюжета.

Монтажеры занимаются монтажом и производственного звука, то есть звукозаписи, сделанной на площадке. Они добавляют временные звуковые эффекты и музыку, которые позднее заменяются перезаписанным звуком. Кроме того, серия проходит этап монтажа на канале, где отслеживается соответствие стандартам, а также монтируются рекламные ролики. Необходимо обеспечить договорную чистоту использованных музыкальных произведений. Расходы делятся на период производства, дистрибуции и на зарубежных партнеров. Как только картинка и звук «совпадут», работа монтажеров заканчивается. Эпизод передается во внешние отделы, которые переводят его в формат высокого разрешения и чистят звук. После этого очередная серия отправляется на телевизионный канал и запускается в эфир.

«Для меня самое привлекательное на телевидении – это то, что ни на чем нельзя останавливаться. Невозможно бесконечно затягивать процесс, поскольку в конце концов тебе укажут на дверь. Мы всячески ускоряем процессы, но при этом не увлекаемся. Я делала небольшие фильмы больше года. Сокращение постпроизводственного процесса пошло бы им только на пользу. В кино часто живут не по средствам».

– Дориан Харрис

«Часто мы работаем над эпизодами подолгу. В таких случаях нужно доверяться инстинктам. Если считаешь, что прав, нужно идти до конца, – говорит Крис. – Начинаешь терзаться сомнениями и делаешь все только хуже». «Лишь в очень немногих фильмах, которые я делала, мне казалось, что нам не хватает времени», – так считает Дориан Харрис.

Хаус и Уилсон — единственные два героя нашего сериала, которые сознательно предпочитают быть вместе. Я не работаю на него, он не работает на меня. Это единственные искренние отношения во всем сериале. Единственные отношения, построенные по личному выбору. Каждой истории нужны такие отношения. И это мне нравится больше всего.

Роберт Шон Леонард

УИЛСОН

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД

Что мы знаем о доктора Уилсоне? Он возглавляет онкологическое отделение в больнице Принстон-Плейнсборо. По его спортивному костюму можно предположить, что у него есть какая-то связь с университетом Макгилл в Монреале. Существуют три бывших миссис Уилсон и недавно умершая подруга, в квартире которой Уилсон прожил какое-то время. Он еврей. Он водит хорошую машину и одевается, как управляющий банком. Уилсон очень заботливый, но немного зависимый. А Хаус его лучший друг.

Когда после смерти Эмбер Уилсон покидает больницу и Хауса, Катнер очень четко объясняет Хаусу, что он значил для него: «Он платил за твой обед, ему нравились большие грузовики, и он был твоей совестью» («Не рак»). С пилотной серии совершенно ясно, что Уилсон убежден в дружбе Хауса. Но, даже соблюдая правила хорошего тона, Хаус находит забавный способ продемонстрировать свою дружбу. В серии «Уилсон» в шестом сезоне, когда Уилсон и Хаус поселяются вместе в старой квартире Эмбер, Хаус будит Уилсона в 6.30 утра, превосходно, но очень громко исполняя на гитаре «Веру» Джорджа Майкла. Он выбрасывает из морозилки всю еду Уилсона, чтобы освободить место для собственной «Маргариты». И это еще мелочи. Что же ищет в этих отношениях Уилсон?

Если Тауб – патологический бабник, то Уилсон – большой любитель жениться. Хаус зависит от таблеток. Уилсон зависит от обязательств. Впрочем, у него вполне могут быть отношения с несколькими женщинами одновременно. В начале первого сезона Уилсон женат, но совершенно ясно, что дома есть определенные проблемы, потому что Рождество и Хануку он встречает с Хаусом за китайской едой. Он говорит Хаусу, что любит свою жену, Хаус смеется. «Я знаю, что ты любишь свою жену, – говорит он. – Ты любил всех своих жен. Возможно, любишь их и сейчас. На самом деле ты также любишь всех женщин, которых ты любил и которые не стали твоими женами» («Верность»). Во втором сезоне Хаус застает Уилсона увивающимся за Дебби из бухгалтерии («Вскрытие»). Уилсон ухитряется ухлестнуть и за Кэмерон. Он очень непостоянный человек.

«Моя жена не умирала. Она даже не болела. Все было хорошо. Просто я встретил девушку... с которой мне было весело... Вот так. И я не хочу, чтобы это ощущение исчезло... Невозможно контролировать свои эмоции» («Крутой поворот»).

«Серия «Уилсон» снята с точки зрения Уилсона. Забавно, но так всегда и было. Уилсон – это Ватсон для Холмса-Хауса. Мне всегда казалось, что весь сериал – это наблюдения Уилсона за своим другом. Хотя Уилсон часто отсутствует в сюжете очередного эпизода, все равно это его взгляд на Хауса. Уилсон любит Хауса. Он – единственный, кому Хаус искренне нравится, кому ничего от него не надо и кто не собирается ничего ему давать. В этом они равны».

– Хью Лори

(Вопрос остается только в том, о какой жене идет речь – ведь их было три.) Уилсон обладает скрытыми талантами. Он отчаянно пытается скрыть свой актерский талант. В «Частной жизни» Хаус находит у Уилсона диск с малобюджетным порнофильмом «Дикие наслаждения» («Он обнаружил, что наполовину жеребец... но все же мужчина...»). Уилсон утверждает, что дублерша действительно занималась диким сексом. Когда Хаус отправляется на свидание с Кэмерон («Любовь зла»), Уилсон дает ему весьма конкретные советы. Он говорит о мечтах, надеждах и ожиданиях. Совершенно ясно, что и сам он руководствуется этими советами. А в «Воспитании щенков» Хаус выслеживает вторую бывшую миссис Уилсон, чтобы разузнать о том, как его друг вел себя на свиданиях. Уилсон хотел дружбы, она обманом женила его на себе. «Он обманет вас, – говорит эта женщина. – Он всегда рядом, а потом в один прекрасный день его нет». Возможно, не стоило заниматься сексом слишком рано, предполагает Хаус. «Но секс с Джеймсом просто фантастический, – возражает бывшая жена Уилсона. – Никто так не старается дать женщине то, чего она хочет».

К концу третьего сезона Уилсон уходит от третьей жены, потому что у нее обнаружился роман («Секс убивает»). Тогда Хаус и Уилсон впервые поселяются вместе. Их заедает быт: Хаус съедает еду Уилсона и саботирует его попытки найти новую квартиру. Когда тот спит, Хаус окунает его руку в миску с водой, и он мочится на диван. Удивительно, но Уилсон почти не реагирует. Он всего лишь подпиливает одну из тростей Хауса («Безопасность»). (Уилсон вполне может пере-

нять тактику Хауса. В серии «Один» он крадет новую гитару своего друга, чтобы заставить его набрать новую команду.) Уилсон всегда в поиске. В серии «Любовь зла» Хаус упоминает о романе Уилсона с пациенткой и о его увлеченности медсестрой из педиатрии. «Мои браки были настолько паршивыми, что я все свое время провожу с тобой, — говорит Уилсон. — Больше всего ты боишься того, что у меня начнется счастливая личная жизнь». Впрочем, вероятность этого ничуть не больше, чем найти лохнесское чудовище. Хаусу не о чем беспокоиться. Не было, пока не появилась Эмбер.

> «Моя подруга Пэм Дэвис написала великолепную сцену, в которой я осматриваю грудь пациентки, а Хаус подсыпает мне какой-то наркотик, и я отключаюсь... («Увольнение») Это было по-настоящему забавно. В духе Бака Генри. Я использовал приемы Кэри Гранта, пытаясь натянуть перчатки...»
>
> – Роберт Шон Леонард

Хаус постоянно испытывает Уилсона. В серии «Папенькин сынок» он занимает у него деньги, чтобы понять, насколько сильна их дружба в долларах и центах. (Уилсон одалживает ему 5000 долларов на покупку машины, но Хаус на эти деньги покупает мотоцикл.) С детективом Триттером Хаус заходит слишком далеко. Сначала Уилсон говорит Триттеру, что это он прописывает Хаусу все лекарства («Будь что будет»). Когда Хаус крадет у Уилсона рецептурный блокнот, чтобы самому выписывать себе наркотики, Уилсон обвиняет его настолько резко, что их дружба рушится. И это лишний раз подтверждает правоту Хауса в том, что касается человеческих отношений («Сын коматозника»). Даже когда Триттер угрожает лишить Уилсона практики, Хаус бездействует. Он не собирается связываться с Триттером, который заставляет его признаться в собственной наркомании. «Ты либо помогаешь мне в этом, либо нет», — заявляет Уилсон («Из огня да в полымя»). Измученный Уилсон идет на сделку с Триттером — Хаус признается в краже рецептов в обмен на право пройти курс реабилитации, а не оказаться за решеткой («В поисках Иуды»). «Мне нужно тридцать сребреников», — говорит Уилсон Триттеру.

До этого момента Уилсон был одним из главных сторонников точки зрения Хауса в вопросе его наркомании. Он считал, что, несмотря на зависимость, Хаус все равно остается силой позитивной. Уилсон спасает Хауса от Фоглера, выступив в его защиту на заседании совета директоров, одним из вопросов повестки дня которого было увольнение странного доктора. «Да, он сумасшедший. Он несчастный. И он должен пересмотреть свой этический кодекс. Но это для него работает. Он спас сотни жизней» («Дети и вода в ванне»). Только Уилсон ценит Хауса больше фоглеровских

ста миллионов долларов. Даже Кадди сначала голосует против Хауса, и кажется, что Уилсон проиграл. Хаус не собирается спасать ни себя, ни Уилсона. Фоглер предлагает Хаусу шанс: он должен выступить с речью, рекламирующей производимое им лекарство. Хаус принимает предложение. Но не может сдержать обещания.

Уилсон: «Я голосовал за то, чтобы тебя оставить... У меня нет детей, мой брак – отстой, у меня в жизни только две вещи – работа и эта дурацкая ненормальная дружба. Но и то, и другое значат для тебя меньше, чем какая-то паршивая речь!»

Хаус: «Это не так... Если бы я мог сделать все снова...»

Уилсон: «Ты поступил бы точно так же».

Аллергия Хауса на отношения не ослабевает. В «Недоумке» Хаус имитирует терминальную стадию рака мозга с помощью лекарств. Он позволяет своим коллегам думать, что ему осталось жить всего несколько месяцев. Естественно, что его обман пугает коллег. «У тебя нет рака, – говорит Уилсон. – У тебя есть люди, которым на тебя плевать. И что же ты делаешь? (Смеется.) Ты симулируешь рак, а потом отталкиваешь тех, кому не все равно».

«Неужели Хаус вскрыл мой ящик и украл рецептурный блокнот? Конечно, да. Если бы он этого не сделал, то не был бы Хаусом. Я знаю, что это в его натуре».

– Роберт Шон Леонард

Судя по лавандовой рубашке своего друга, Хаус понимает, что Уилсон с кем-то встречается («Во льдах»). В серии «Никогда не меняйся» выясняется, что подруга Уилсона – Эмбер, сверхагрессивная девушка, которую Хаус не принял на работу из-за ее полной неспособности признать свою неправоту. «Она – Беспощадная стерва, а ты плачешь над «Победить темноту», – говорит Хаус. «Почему страшному всегда нужно жалкое?» – вопрошает он, и сам отвечает на собственный вопрос: «Подожди-ка, ведь дело не только в сексе? Тебе нравится ее индивидуальность. Тебе нравится ее коварство. Тебе нравится, что ей плевать на последствия. Тебе нравится, что она может унизить кого угодно, если он это заслужил... О, мой бог! Ты спишь со мной!»

Вопрос: «Узнав об отношениях между Уилсоном и Эмбер, Хаус говорит: «О, мой бог! Ты спишь со мной...»

Роберт Шон Леонард: «А я отвечаю: «Да, ну и что?» Я хочу сказать, что те качества, которые привлекают человека в друге, иногда привлекательны и в партнере. Мне это кажется вполне логичным».

Но, похоже, Уилсону удается изменить Эмбер. Она не бросает его в обмен на работу по предложению Хауса. Любовь и уважение Уилсона побеждают карьеризм. В серии «Прощайте, мистер Добряк» Хаус и Эмбер договариваются о совместной опеке над Уилсоном. У Эмбер оказалось мало времени на то, чтобы изменить Уилсона. Когда в серии «Сердце Уилсона» Катнер и Тринадцатая ищут квартиру Эмбер, то находят там весьма откровенное домашнее видео. Конечно, эта запись предназначается Уилсону, а не Эмбер. В магазине мебели Эмбер просит у него совета, какую кровать выбрать, но Уилсона парализует нерешительность («Воплощая мечты»). Уилсон говорит Эмбер, что всегда мечтал о водяном матрасе, покупает его и тут же жалеет о своем решении.

«Он идет и покупает водяной матрас, а стоит ему оказаться дома, как он говорит: «Я не хочу водяной матрас». Он хотя бы попытался. Но сделал все неправильно. Я думаю, он настолько рехнулся, что даже не знает, чего хочет. Эмбер говорит: «Ты хочешь водяной матрас? Если хочешь, купи». Я думаю, что он настолько запутался, что вообще не понимает, чего хочет».

– Роберт Шон Леонард

Несмотря на все различия между партнерами, Уилсон твердо решил жениться снова, и Эмбер согласна. Но в серии «Голова Хауса» приходит осознание: Эмбер попадает в автобусную катастрофу вместе с Хаусом. В серии «Сердце Уилсона» Эмбер умирает – Уилсон отключает машину, которая поддерживала ее жизнь. Эмбер отправилась забрать пьяного Хауса из бара (он позвонил ей, разыскивая Уилсона). Хаус рискует жизнью, принимая лекарство от болезни Альцгеймера для глубокой стимуляции мозга. Ему обязательно нужно вспомнить, какой симптом он заметил у Эмбер перед катастрофой. Он понимает, что она приняла амантадин от гриппа, но у нее отказали сердце и почки. Ничего нельзя сделать. В начале пятого сезона Уилсон уходит из больницы Принстон-Плейнсборо.

Хаус: «Мне жаль. Я знаю, что не попытался и убил ее. Я знаю, что не хотел причинить ей вред. Я знаю, что это был чертов несчаст-

ный случай. Но я чувствую себя полным дерьмом, ведь она умерла из-за меня».

Уилсон: «Я не виню тебя. Я хотел бы. Я пытался. Мне нужно было сто раз просмотреть ее историю болезни, чтобы найти способ... Но это не твоя вина».

Хаус: «Тогда все в порядке. Я понимаю, что тебе плохо, но, может быть, я могу помочь».

Уилсон: «Не все в порядке. Я собирался уходить не из-за Эмбер. Я не хотел бросать тебя... потому что, как всегда, пытался защитить тебя. В этом-то и проблема. Ты распространяешь несчастья, потому что не можешь чувствовать ничего другого. Ты манипулируешь людьми, потому что не можешь иметь никаких нормальных отношений, а я на это способен. Долгие годы сплошные игры, подколы, ночные звонки... Я должен был быть в том автобусе, а не... Ты должен был быть в этом автобусе один. Если Эмбер меня чему-то и научила, так это тому, что я должен думать о себе. (Берет коробку.) Мы не друзья, Хаус. И не уверен, что когда-то были друзьями». (Выходит из кабинета.)

Как и все другие персонажи до и после него, Уилсону не удается полностью порвать с Хаусом. Он пытается. Для слежки за Уилсоном Хаус нанимает частного детектива Лукаса Дугласа (Майкл Уэстон). Он хочет понять, не болен ли он. Уилсон нашел новую работу, он говорит, что переезжает («Не рак»). Уилсон отсутствовал четыре месяца. Но тут умирает отец Хауса, и ему приходится вернуться. Мать Хауса звонит ему, чтобы он уговорил сына приехать на похороны отца, с которым они всегда были друг другу чужими людьми («Родовые травмы»). По дороге на похороны Уилсона арестовывают (не без участия Хауса). Выясняется, что в Луизиане все еще действует давний ордер на его арест. Во время вечеринки по поводу окончания медицинского института в Новом Орлеане Уилсон швырнул бутылку в зеркало и начал драку. Хаус платит за Уилсона залог. Ему скучно, а с Уилсоном все по-другому. В похоронном агентстве Хаус пытается уговорить Уилсона признать, что он его бросил. Хаус страшно боится потерять друга. Он доводит Уилсона до того, что тот швыряет бутылку бурбона прямо в витраж. С Уилсоном по-прежнему не скучно. Хаус знает, что терзало Уилсона в Новом Орлеане — развод. Ему трудно терять людей. Уилсон признает, что Хаус прав, и говорит: «Эта странная, беспокойная поездка — самое веселое, что было в моей жизни после смерти Эмбер».

«Уилсон совсем свихнулся. Со стороны человека, которого он считает своим другом, он терпит невыносимое. Это еще хуже, чем влюбленная женщина, которая все терпит от своего любовника. Отношения Уилсона и Хауса еще более интимны. Почему же он все это терпит? Просто он любит этого парня».

– Лиза Эделстайн

Итак, Хаус и Уилсон воссоединились. Хауса волнует, что за время их расставания Уилсон мог измениться. Он нанимает Лукаса для слежки за ним. Они обнаруживают, что у Уилсона новая подружка, Дебби, бывшая проститутка («Везучая Тринадцатая»). Уилсон хочет помочь ей с поступлением на юридический факультет. Но при этом он делает вид, что у них роман. Он хочет доказать, что остался прежним. И все довольны. Со временем Хаус и Уилсон начинают жить вместе в той квартире, где Уилсон жил с Эмбер.

Понять зависимость Уилсона можно, если вспомнить о его отношениях с братом. Из серии «Истории» мы знаем, что у Уилсона есть брат, с которым он не виделся девять лет. В «Социальном контракте» Хаус выясняет, что брата Уилсона, Дэниела, обнаружили спящим в вестибюле офисного здания на Манхэттене и поместили в психиатрическую клинику. Уилсон говорит, что не рассказывал Хаусу об этом, потому что между ними нет социального контракта: Уилсон все ему рассказывает, а Хаус ему не лжет. Уилсон рассказывает Хаусу, что его брат шизофреник. Когда Уилсон учился в медицинском институте, Дэнни звонил ему каждый день. Но однажды у Уилсона не было времени для разговора, и Дэнни сбежал. Хаус считает, что жизнь Уилсона определяется этим чувством вины. «Ты развил в себе талант ублажать людей не хуже, чем олимпийские чемпионы развивают свои мышцы, – говорит Хаус. – Подумай о том, что не следует чрезмерно реагировать на обычные события». Уилсон понимает, что они разные люди.

«Моя жизнь – один большой компромисс. Вокруг каждого я хожу на цыпочках, словно они сделаны из фарфора. Я всю жизнь трачу на анализ. Что будет, если я скажу это? И вот появляешься ты. Ты – наркоман жизни. Если я предложу тебе сладкую ложь, ты швырнешь ее мне в лицо. И давай не будем это менять».

В серии «Взаперти» Хаус выясняет, что новая девушка Уилсона работает в больнице, где лежит Дэнни. «Она сиделка, как и все твои бывшие».

«Да, это объясняет его осторожность. Он вырос в сложной семье. После того инцидента ему пришлось очень нелегко. Он сбежал из дома. Он больше не может быть прежним. Все это очень схематично… Мне кажется, что его родители – настоящие сволочи. Старший сын причинил им много боли, и они перенесли ее на младшего. Они винят младшего за то, что он им не помог. Они просто жалкие и ничтожные люди».

- Роберт Шон Леонард

В шестом сезоне Уилсон целиком сосредоточен на лечении Хауса. Вместе с Кадди они хотят снять его с таблеток. «Видишь, – говорит Уилсон призраку Эмбер, – ему действительно стало лучше» («Храброе сердце»). А потом они узнают о Лукасе.

«Когда мы это задумывали, и Хью, и другие люди об этом говорили, я этого не сознавал. Я очень горжусь тем, что нам удалось снять часовую серию о настоящей мужской дружбе. Это большая редкость. Это замечательно, и мы все очень рады, что нам это удалось».

- Дэвид Шор

В «Известных неизвестных» умирает пациент Уилсона, Джозеф Шульц. Уилсон терзается чувством вины из-за того, что не был с ним до конца. Он готов совершить профессиональное самоубийство – подать заявление с признанием в эвтаназии. Хаус пытается его урезонить, но Уилсон не хочет отступать. «Если я у тебя чему-то и научился, то лишь тому, что нужно делать то, что кажется тебе правильным, и не думать о последствиях», – «для меня это работает», – отвечает Хаус. И тут же накачивает друга наркотиками, крадет его брюки и выступает вместо него под псевдонимом доктор Перлмуттер.

Увидев Уилсона в зале, Хаус отклоняется от ранее задуманного сценария. «Я не могу уклониться от ответственности, – говорит Хаус/Перлмуттер, изображая Уилсона. – Мои друзья пользуются этим слишком часто». Сначала Уилсон злится на Хауса за то, что он с ним сделал, но потом благодарит его. Хаус объясняет ему, что он сделал для мистера Шульца все, что мог. «Ты хороший друг. Кадди должна это знать», – говорит Уилсон. «Она должна знать, что я на-

качал тебя наркотиками, чтобы ты не признался в убийстве», — отвечает Хаус.

В серии «Уилсон» мы видим, что Уилсон действительно прекрасный врач. Пациенты ему не безразличны. (Хаус поддразнивает Уилсона. «Я знаю, что ты здесь, — говорит он в серии «Необходимые знания». — Я слышу твою заботу».) Уилсон помнит имена своих пациентов. В «Известных неизвестных» он с глубокой теплотой называет умирающего пациента Джозефом. Это непонятно Хаусу, который даже не знает, что Тринадцатую зовут Реми («Большой ребенок»). Уилсон понимает, что у его пациента обострение, потому что тот не рассказал ему о проделках своих внуков (Уилсон знает их по именам). Это говорит о депрессии, связанной с рецидивом рака. Это чисто хаусовский вывод, но сам Хаус никогда не снисходил до того, чтобы выяснять о своих пациентах подобные подробности.

Появляется друг Уилсона Такер. Такер был его пациентом, и Уилсон спас ему жизнь пять лет назад. Они подружились. Такер называет Уилсона Джимом, и Хаус тут же испытывает к нему антипатию. (Все знают, что Джима зовут Уилсоном.) У Такера есть молодая подружка, но, когда здоровье его ухудшается, он возвращается за утешением к бывшей жене и дочери. С типично хаусовской агрессивностью Уилсон идет на сверхрискованную процедуру, чтобы спасти жизнь Такера. Хаус предупреждает, что он должен быть готов к последствиям провала. Двойная доза препаратов справляется с раком, но при этом страдает печень пациента.

С помощью Хауса Уилсон пытается найти печень для пересадки Такеру. В последней надежде Такер просит Уилсона пожертвовать ему часть печени. Если при лечении пациента Уилсон вел себя как Хаус, то на свою неудачу он реагирует как Уилсон. Узнав, что его друг собирается стать донором печени, Хаус называет его тряпкой. Уилсон говорит, что сделает это, ведь пациент — его друг. «Они все умирают, — говорит Хаус. — И они все твои друзья». Несмотря на возражения Хауса, Уилсон просит его присутствовать на операции.

Хаус: «Нет».

Уилсон: «Почему?»

Хаус: «Потому что, если ты умрешь, я останусь один».

Хаус наблюдает за операцией снаружи. Уилсон спасает Такера. Поправляясь, Такер говорит, что вернется к своей подруге. Он говорит, что те, с кем ты хотел быть, умирая, — это не те, с кем хочется быть, когда снова жив. Такая позиция неприемлема для Уилсона. Это непорядочно. Ког-

да подружка Такера приходит его навестить и называет Уилсона Джимом, он поправляет ее: «Меня зовут Джеймс».

Уилсон всячески доказывает Хаусу, что он не тряпка. Хаус успокаивает его — вполне естественно испытывать гнев. Уилсон звонит своей второй бывшей жене-риелтору и уводит из-под носа Кадди квартиру, которую она собиралась купить, чтобы поселиться там с Лукасом. «Она причинила боль моему другу, — говорит Уилсон, — и должна быть наказана».

Кэти Джейкобс: «Думаю, что они оба — фантастические врачи. Мне интересно, как становятся фантастическими врачами. Фантастические люди не всегда становятся фантастическими врачами».

Вопрос: «Если бы соединить Хауса и Уилсона, получился бы великий врач».

Хью Лори: «По-моему, они знают это. Из них получился бы фантастический врач и, возможно, совершенно удивительный человек».

Роберт Шон Леонард: «Если бы удалось соединить Уилсона и Хауса, то получилось бы интересное сочетание. Уилсон мог бы быть прекрасным метрдотелем. Он по натуре таков. Если бы ему не нужно было делать ничего другого, это было бы превосходно».

Уилсон усвоил урок, преподанный ему Хаусом. Хаус мешает ему применить усвоенные знания на практике, когда накачивает его наркотиками и мешает совершить профессиональное самоубийство, признавшись в эвтаназии. Хаус уравновешивает чувства вины и зависимости, столь свойственные Уилсону, хотя именно эти качества делают его великолепным врачом. Когда умирает Эмбер, Хаус понимает то ощущение несправедливости, с которым борется Уилсон. Это вполне соответствует его собственному взгляду на мир. «Ты всегда хочешь быть готов к худшему. Поэтому ты и стал онкологом. Здесь нет никаких сюрпризов, худшее случается постоянно. Но Эмбер... Она была молодой и здоровой. Ее смерть пришла ниоткуда» («Родовые травмы»).

«Пожалуй, в эмоциональном плане — это худшая работа для Уилсона, но его пациентам повезло. Думаю, что если у вас возникнет таинственная болезнь, то вы тут же броситесь к Хаусу. Никто лучше его не разберется с этой проблемой. Если же болезнь не смертельна, то вы предпочтете кого угодно, кроме него, чтобы не терпеть его

отношения к себе. Но если у вас рак, то лучше Уилсона вам врача не найти».

– Дэвид Шор

Отношения между Хаусом и Уилсоном – главные в «Докторе Хаусе». Они – как инь и ян. Большая часть пациентов Уилсона умирает, пациенты Хауса преимущественно выживают. Хаус не может ни с кем поладить – Уилсон ладит со всеми. Уилсон скучный – Хауса так назвать невозможно. У Хауса прекрасный почерк – когда в серии «Папенькин сынок» Уилсон начинает писать на доске, мы видим, что его почерк просто ужасен. По их шуткам видно, что они сами отлично это понимают:

Уилсон: «Ты можешь быть настоящим ублюдком».

Хаус: «Да. А ты – хорошим парнем».

Уилсон: «По крайней мере я пытаюсь».

Хаус: «Пока ты стараешься быть хорошим, ты можешь делать все, что хочешь».

Уилсон: «А пока ты не стараешься, ты можешь говорить все, что хочешь».

Хаус: «Так, значит, вместе мы можем делать все, что угодно. Мы можем править миром!»

И Уилсон вздыхает («Верность»).

Внешность Уилсона

Вопрос: «А что вы можете сказать о гардеробе Уилсона?»

Кэти Крэнделл: «Он очень консервативен. Все от «Брукс Бразерс».

Вопрос: «Ему нравится носить бежевое и коричневое...»

Крэнделл: «Иногда он повязывает красный галстук. Он консервативен и старомоден. Он одевается так, как, по его мнению, должны одеваться врачи».

Вопрос: «Если он собирается на свидание, может ли он отказаться от галстука?»

Крэнделл: «Возможно. Когда он встречался с Эмбер, то носил розовые рубашки, или желтые, или даже зеленоватые. Их выбирала ему Эмбер. Но их отношения продлились слишком недолго».

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД О... УИЛСОНЕ И ХАУСЕ

Вопрос: «Что в Хаусе привлекает Уилсона?»

«Мне нравится этот парень. Он меня притягивает. Многие журналисты спрашивают, почему Уилсон проводит время с этим ужасным Хаусом... Хотя я отлично знаю, что и другие персонажи сериалов обладают теми же качествами, что и он: они одиночки, мизантропы, не терпят женщин, играют на джазовых инструментах и в одиночестве по вечерам пьют виски. Это блестящие люди. Резкие и неприятные. У них странное чувство юмора, они очень неуживчивы. Но, простите, что же здесь непривлекательного? Такова человеческая натура. Покажите мне сериал о милом, дружелюбном человеке, который каждую неделю пишет письма матери, – и он мне не понравится. В Хаусе привлекательно все. Он настоящий герой. Мы говорим о вымышленном персонаже. И Хаус очень, очень привлекательный персонаж».

Вопрос: «И он позволяет Уилсону быть плохим».

«Каждые отношения дают людям что-то особенное. Благодаря этим отношениям Уилсон оказывается в таких ситуациях, в каких никогда не оказался бы по собственной воле. Иногда это для него хорошо, иногда не очень».

Вопрос: «После смерти Эмбер Уилсон всячески уклоняется от личных отношений. Хаус хочет разобраться с этим. Он хочет сохранить Уилсона для себя...»

«Хаус – очень непростой человек. У него есть проблема. Речь не о любопытстве, ревности или мелочности. Когда нанимаешь частного детектива, чтобы следить за своим другом, это уже выходит за границы нормы. У него явно есть проблема».

Вопрос: «Произошедшее с братом Уилсона многое объясняет».

«Думаю, мы оба чувствуем себя брошенными. Мы оба одиноки. Думаю, у Чейза есть друзья, Хаус и Уилсон одиноки. У них есть видеоигры. Есть футбол. Есть порно. Есть нездоровое питание. Они оба ведут одинаковую одинокую жизнь. Я всегда так думал. Самое смешное, это когда Уилсон заболевает, оказывается в больнице и просит Хауса пойти к нему домой и забрать все порно, чтобы хозяйка квартиры не нашла. Хаус приходит с коробками, а Уилсон спрашивает: «А где немецкое порно? Где все немецкое порно?» Хаус

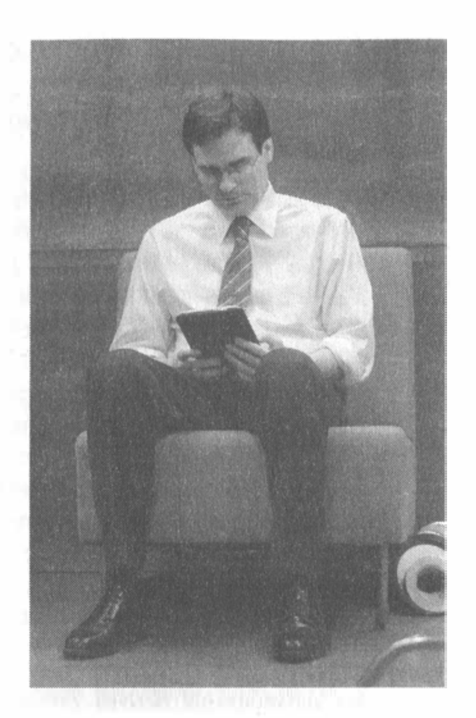
не нашел целую кучу дисков, потому что они были спрятаны под полом. Думаю, это два очень одиноких человека».

Вопрос: «Хаус – это позитивная сила вселенной?»

«Он делает людям много добра... Мое восприятие мира значительно отличается от восприятия Уилсона. Мне кажется, что наш мир слишком серый... Не следует судить его строго».

Вопрос: «Но ведь Уилсон и не склонен к строгим суждениям».

«Он куда более строг, чем я. Если у взрослого человека нет детей, о которых ему приходится заботиться, он склонен к строгим суждениям. Если ты сам причинил себе боль, мне нет до тебя дела. Уилсон часто так думает».

Роберт Шон Леонард наслаждается заслуженным отдыхом

Вопрос: «Хаус не приемлет многих – врача Рона Ливингстона, который лечит туберкулез, и Фоглера, лекарство которого может спасти тысячи жизней. Но оба они ханжи, и это для Хауса неприемлемо».

«Вы можете счесть меня циником, но что хорошего в том, чтобы спасти тысячи жизней? Разве на Земле мало людей? Я не знаю, во что верит Уилсон».

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД О... ХЬЮ ЛОРИ

Вопрос: «Когда вы с Хью Лори подружились?»

«Думаю, что при первой же встрече. Очень хорошо помню тот момент. Он входил в лифт. Удивительно, но у него уже была трость.

Он ею не пользовался, но она у него была, уж не знаю зачем. Я был с Лизой Эделстайн. Мы только что прибыли в Ванкувер сниматься в пилотной серии. Мы познакомились в первый же вечер и отправились есть суши.

Мы с Хью сразу же выяснили, что оба — типичные Иа-Иа из «Винни-Пуха». Помню, как Хью сказал: «Ты не можешь быть таким. Это я такой. Невозможно вытерпеть двух таких на одной площадке». Мы — не самые позитивные люди, если говорить о нашем взгляде на жизнь. Хью очень нравится этот сериал. Если нужно что-то сделать, он сделает все, что угодно. Это человек, на которого можно положиться, который способен принимать решения в сложных ситуациях. У нас одинаковое чувство юмора. Мое театральное прошлое причудливым образом пересекалось с его прошлым. Кен Брана, Эмма Томпсон, Имельда Стонтон, Стивен Фрай — всеми этими людьми я восхищался, а потом мне довелось работать с ними. Не думаю, что в Голливуде много 34-летних актеров, которые знали бы, кто такой Питер Кук, и с кем можно было бы поговорить об Имельде Стонтон, и Стивене Фрае, и Дереке Джейкоби. В этом ему повезло.

Хью удивительный человек. Уникальный актер. Он — не театральный актер. Полагаю, он долгое время считал себя актером скетч-шоу или комиком. Он попытался играть в кино — и вдруг заполучил на свою голову такую роль. Даже он признал бы, что это была большая удача».

Вопрос: «В Англии у него была невероятная история…»

«Он добился большого успеха, а теперь пошел в другом направлении. Не думаю, что в Лондоне с ним могло бы произойти нечто подобное. Там сложилось очень твердое убеждение в том, кто такой Хью Лори. Они такие упертые, потому что эта роль совершенно не похожа на то, что он делал раньше. А так поступать не принято».

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД О... УИЛСОНЕ

Вопрос: «Мы не видели пациентов Уилсона».

«Чаще всего мы видим, как он провожает их в последний путь. В этом у него много общего с Кэмерон. Надеюсь, нам никогда не придется испытать ничего подобного».

Вопрос: «Уилсон хочет помогать людям».

«Думаю, поэтому он и пошел в медицину. Он умный человек, медицина его привлекает. Ему хочется помогать людям…»

Вопрос: «Хотел бы Хаус стать похожим на Уилсона?»

«Не думаю, что подобная мысль могла бы прийти ему в голову. Вряд ли он думает: «Надо быть более внимательным к людям». Думаю, он считает меня сумасшедшим, и в этом он недалек от истины. По-моему, Уилсон куда более нездоровый человек, чем Хаус. Это мое мнение как актера. Это мое мнение. Думаю, он очень зажат».

Вопрос: «Все лгут. А Уилсон лжет?»

«Думаю, что он лжет гораздо чаще, чем Хаус».

Вопрос: «Давайте поговорим о том, что Уилсон более нездоров, чем Хаус. Он не способен освободиться в мыслях, поступках, словах…»

«Он хочет быть хорошим парнем. Что бы ни произошло с ним в родном доме с братом и родителями… Я думаю, что он живет в состоянии тихого отчаяния. Всего пара миль, которые он не собирается преодолевать, а потом в один прекрасный день он умрет. И он так и не преодолеет этих миль. Это делает Хаус. У него куча проблем, ему больно, и он делает больно многим людям, но он делает это».

«По-моему, Уилсон – человек куда более нездоровый, чем Хаус. Это мое мнение как актера. Это мое личное мнение. Я думаю, что он очень зажат».

– Роберт Шон Леонард

Вопрос: «Он постоянно что-то ищет. Все его браки…»

«Это чушь. Он ничего не ищет. Я жесток к Уилсону, но я должен это сказать. Его браки – всего лишь отговорки. Они совершенно одинаковы».

Вопрос: «А сам он считает, что ищет?»

«Он должен искать способ не быть хорошим парнем. Вот что он должен искать. Когда Уилсон женится на том, кому нужна помощь, это не поиск. Это удобное кресло и пачка сигарет. Это удобно».

Вопрос: «Интересно было бы, если бы Уилсон стал плохим парнем».

«Эмбер пыталась его хоть чуть-чуть изменить».

Вопрос: «Она пытается освободить его, заставив задуматься над тем, чего же он действительно хочет…»

«Именно это я и хочу сказать. Даже если он женится на подходящей девушке вроде Эмбер, которая заставит его искать, у него все равно ничего не получится. Он так и умрет, не пройдя этих двух миль. Это трагично и печально, но, к сожалению, таков он есть. Таких людей много. Может быть, и я – один из них. Хаус не такой… Да, он причиняет людям боль, но делает это чисто, быстро и искренне. Путь Уилсона более извращенный и, как мне кажется, более болезненный. По-моему, он ранит людей гораздо сильнее, чем Хаус».

Вопрос: «Роберт Шон Леонард считает, что Уилсон причиняет людям большую боль, чем Хаус».

Дэвид Шор (с улыбкой): «Не уверен в этом. Здорово, что Роберт так думает… Сами посудите, если бы это было так, то он никогда не стал бы другом Хауса. Уилсон много скрывает в себе. Думаю, ему хочется быть больше похожим на Хауса. А Хаус дружит с Уилсоном, потому что в каком-то отношении ему завидует».

Вопрос: «Потому что благими намерениями вымощена дорога в ад?..»

«Он старается все сделать правильно, хочет, чтобы все были счастливы… Он старается быть хорошим парнем. И этим ранишь людей больнее, чем когда превращаешься в Питера Фонду и смываешься».

Вопрос: «Значит, мы никогда не увидим плохого Уилсона…»

«Это не было бы забавно. Не думаю, что Хаус этого захотел бы. Он не хочет будить Уилсона, как это делала Эмбер. Хауса он вполне

устраивает таким, каков он есть. Хаусу больно видеть, как он боится. Посмотрите на броненосцев. Они умеют сворачиваться в очень маленький шар. Когда такое видишь, это удивительно. Думаю, что Хаус именно так и относится к Уилсону».

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД О... РОБЕРТЕ ШОНЕ ЛЕОНАРДЕ

«Думая о Хаусе, я сразу вспоминаю свой трейлер, грим на моем лице, Айру Харвица, который рассказывает мне о сценарии. О том, как мне хочется освободиться к половине седьмого, потому что жена готовит ужин. Таков мой день. Большинству людей не приходится играть в сериалах. Для меня же сериал – это моя жизнь. В Айове в восемь вечера включают телевизор и видят меня. И одна серия плавно перетекает в другую.

По-моему, я самый ленивый человек уж точно на этой площадке, а может быть, и во всем Лос-Анджелесе. Я не люблю работать. Когда я пробовался в этот сериал, то параллельно пробовался и в «Числа». Мне нужно было решить, куда пойти, а в «Числах» было слишком много сцен для меня. Слишком много текста. Я подумал, что это будет утомительно. В «Докторе Хаусе» меня бы устроила роль вроде Шнейдера (Дуайт Шнейдер из сериала «Живи настоящим»). Выходишь в каждой восьмой сцене и говоришь: «Знаете, трубы ваши...» Мне нравится эта роль. Мне нравится парень, у которого в каждой серии всего две-три сцены.

Я люблю мою жену. Мне нравится моя жизнь. Я люблю свою дочь. Я люблю своих собак. Я люблю свой сад. Я очень ленив, когда дело касается работы. Мне больше нравится сидеть дома. Меня часто разыгрывают на площадке, поскольку всем кажется, что я не стремлюсь к совершенству на экране. Когда съемка закончена, я собираюсь уходить. И тут кто-нибудь говорит: «Я заметил кабель на заднем плане». Мне сразу же хочется сказать: «Правда? Ну и ладно!» Мне всегда хочется уйти и никогда не хочется делать дублей».

Вопрос: «Может быть, это связано с вашим театральным прошлым? Невозможно идеально играть каждый вечер?»

«Это нельзя сравнивать. Работа в театре очень отличается от работы в кино. Кино чаще всего – это очень скучная работа. И в этом заключается величайший парадокс. Те, кто не работают в кино, считают, что это самая восхитительная работа в мире. Если вам не нравится читать, то вам не повезло, потому что тут вам придется двенадцать часов не работать ради одного часа работы каждый день».

Вопрос: «И повторять одно и то же снова и снова...»

«Я никогда этого не чувствую. Есть актеры экрана, которые мне очень нравятся. Я не такой. Мне нравится смотреть на Брандо и Криса Уокена. Я – очень осторожный. Я всегда помню об огромном объективе. Мне никогда не избавиться от этого чувства. Людям нравятся актеры типа Криса Уокена, потому что они очень живые. Они хихикают, смеются, моргают, трут лицо – они очень живые. Наверное, им больше нравится сниматься, чем мне. Во время съемок я все-таки зажат».

Вопрос: «Остается спросить, почему же вы этим занимаетесь?»

«Если бы в театре платили больше, я бы выбрал театр. Актеры работают в трех сферах. Вам нужны фильмы, вам нужно телевидение, вам нужен театр. Не хочу сказать, что эта работа не доставляет мне удовольствия. Это отличный сериал. Здесь работают прекрасные люди. Хью – просто невероятный, а лучших сценаристов я еще не встречал. Просто мне никогда не нравилось работать в кино. Общаясь с Итаном Хоуком или друзьями юности, я понимаю, что им это очень нравится. Нравится так же, как мне – играть на сцене. Когда они говорят о Тарантино, или о нашем сериале, или о «Челюстях», то делают это точно так же, как я говорю о Томе Стоппарде. Мои истории связаны с театральными школами, театрами, Джозефом Паппом... Я вырос на Сэме Уотерстоне и Блайт Дэннер...»

Вопрос: «Значит, вам просто пришлось работать на телевидении?»

«За то, что мне нравится, денег не платят. Мне нравится читать книги Филипа Рота, играть в баскетбол, читать Джорджа Бернарда Шоу... Но все это неважно оплачивается, так что...

Какая у меня цель? Я рассказывал вам, что, прочитав книгу про Джона А. Реблинга, человека, который построил Бруклинский мост, я подумал: «Надо же! Откуда же берутся такие парни?» Я очень ленив. Моя цель в жизни – заработать как можно больше денег, чтобы как можно меньше делать».

Вопрос: «Вы смотрите сериал?»

«Я знаю актеров, которые прячут голову в песок, но я могу смотреть на свою работу. Это меня нисколько не беспокоит, но и удо-

вольствия не доставляет. Я не буду менять своих планов, чтобы посмотреть свою серию, но не стану и прятаться под диван. Я предпочту посмотреть «Закон и порядок» – мы с женой любим Винса д'Онофрио. Ей нравится «Няня 911». Не то чтобы я не любил «Доктора Хауса». Наш сериал мне нравится. Я знаю, что произойдет. Мне просто не нужно его смотреть».

Вопрос: «Вам нравится жить в Лос-Анджелесе?»

«Мы здесь просто «остановились» на время съемок «Хауса» Мы живем в Нью-Йорке, а здесь просто проводим одиннадцать месяцев в году. Моя жена Габриэла выросла в Таусенд-Оукс, примерно в часе езды к северу отсюда. Мы поселились у ее родственников».

Вопрос: «А есть ли у вас отпуск?»

«Каждый год у нас бывает около месяца свободного времени где-то в мае, а потом пара недель на Рождество. Я возвращаюсь в Нью-Йорк. Я чувствую себя настоящим человеком только в Нью-Йорке. Может быть, это и означает «быть дома»? Жаль, что это удается только шесть недель в году».

РОБЕРТ ШОН ЛЕОНАРД ОБ… УВОЛЬНЕНИИ

Вопрос: «Уилсон уволится?»

«Обязательно. Это печальный случай. Впрочем, я не знаю. Но даже тогда он будет встречаться с Хаусом после работы. Не знаю, будут ли они по-прежнему жить вместе. Это мне как-то не по душе. Скорее они будут встречаться в парке, пить кофе и говорить о жизни».

Вопрос: «Какими вы видите Хауса и Уилсона в старости? Останутся ли они друзьями?»

«Это меня не удивило бы. Я считаю, что с течением жизни меняется только одно – семья. Мне не кажется, что хоть у кого-нибудь из них появится семья. Думаю, они останутся старыми друзьями на скамейке в парке, ну и все такое, как у Саймона и Гарфанкеля. Городской шум осядет на их плечах, как пыль. Думаю, они такими и будут».

12

ВСЕ ЛГУТ

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ ВСЕЛЕННОЙ, ЧАСТЬ 1

Вопрос: «Откуда взялась фраза «все лгут»?»
Дэвид Шор: «Думаю, это я придумал».

Первым эту фразу в пилотной серии произносит Хаус. Ее произносит Уилсон («Смысл»), детектив Триттер – и с вескими основаниями («Сын коматозника»), Эмбер («Сердце Уилсона»). Все лгут. Даже эмбрионы. А тем, кто говорит правду, все равно не верят. «Так что же, все лгут, кроме приговоренного убийцы?» («Признание»). «Все лгут, кроме политиков?» («Образец для подражания»). Все лгут – и это абсолютная определенность сериала, константа мрачной вселенной Хауса. Рассказывая о себе, каждый пациент может солгать. И на то имеется масса мотивов. «Люди лгут по тысяче причин, – говорит Хаус. – Но всегде есть основная» («Крутой поворот»). Поскольку для того, чтобы солгать, нужно только открыть рот, мотивы и возможности всегда оказываются под рукой. И оказывается, что все лгут.

Хаус: «Основное условие человеческого существования: все лгут. Единственная переменная: о чем лгут. Сообщая человеку, что он умирает, нужно сосредоточиться на его

приоритетах. Нужно понять, что для него важно. За что он готов умереть. За что он готов солгать» («Три истории»).

И это не просто слова. В пилотной серии пациентка, Ребекка Адлер, спрашивает у Уилсона, друг ли ему Хаус. «Думаю, да», — отвечает Уилсон. Мы полагаем, что Хаус никогда об этом не говорил. «Важно не то, что люди говорят, — отвечает Ребекка. — Важно, что они делают». Что ж, в таком случае Уилсон уверен. «Да. Он заботится обо мне». Если мы не можем доверять словам, говорит Уилсон, перефразируя Хауса, то можем точно положиться на действия. Скажите это детективу Триттеру из третьего сезона, который стремится упечь Хауса в тюрьму. «Такие люди, как вы, — говорит Триттер Хаусу в 56-м эпизоде после пилотной серии, — лгут даже своими поступками».

Вопрос: «В сцене, где Хаус извиняется перед Триттером, тот говорит ему: «Ты недостаточно хорош, потому что даже твои поступки лгут».

Роберт Шон Леонард: «Думаю, что люди лгут. Думаю, что плохие парни чаще всего выигрывают. Мне очень нравятся слова Триттера. Я готов сказать это о любом, с кем встречался в жизни. Жаль, что никто не сказал такого мне».

В «Трех историях» Хаус говорит о самом важном для умирающего, когда выясняется, что фермер, которого он лечил, солгал. Его укусила не змея, а собака. Если бы он сказал правду, то его можно было бы вылечить раньше, но собаку пришлось бы усыпить. Для лжи есть масса причин. Форман говорит об этом в серии «Жизнь прекрасна». «И есть только одна причина сказать правду».

Хаус: «Есть причина тому, что все вокруг лгут. Это работает. Это позволяет обществу функционировать. Это то, что отличает человека от животного».

Уилсон: «О, а я думал, что это большие пальцы на руках».

Спросите Дэвида Шора, согласен ли он с тем, что все лгут, потому что такова социальная необходимость, и он ответит вам: «Да!» Но он рассматривает это явление в самом широком смысле, особенно применительно к Хаусу.

«В Хаусе живет внутреннее противоречие. В этом противоречии содержится истина, которая не имеет смысла и сама по себе является противоречием. Он верит в высшую истину. Он не верит в эмоции, он верит в истину и в то, что необходимо ради достижения этой истины. В том числе и в ложь».

Но истина — очень скользкая вещь.

«Не хочу сказать, что все вокруг считают нечто черным, но говорят, что это белое. Я считаю, что люди воспринимают все по-своему. Они по-своему оценивают свой вклад в работу, по-своему смотрят на отношения с супругами, детьми, друзьями. Но и другой участник отношений тоже видит все по-своему. Многие видят мир в розовом свете.

Поэтому, когда Хаус говорит, что «все лгут», он имеет в виду, что никто не знает истины. Более того, никто не знает, что никто не знает истины. Он гонится за объективностью и пытается освободиться от всего, что замедляет его продвижение в этой гонке».

Все это Дэвид Шор усвоил очень рано, когда занимался юриспруденцией.

«Приходит клиент, рассказывает тебе свою историю, и ты думаешь: «Надо же, какой стервец! Не могу поверить, что он такое с вами сделал!» Ты полностью веришь клиенту, отправляешься в суд и там слышишь историю другой стороны. Ты знаешь, что если бы к тебе пришел этот человек и первым рассказал свою историю, то стервецом в твоем представлении оказался бы твой клиент. И ты понимаешь, что ни один из них не лжет, в строгом смысле этого слова. Оба искренне верят в свои истории, но истории эти противоречат друг другу. Просто каждый из них видит события в определенном свете и приходит к определенным заключениям. Они ничего не делают, просто так видят».

Для Хауса истина — это решение загадки, медицинской тайны. Эта реальность приведет его вселенную в относитель-

ный порядок — по крайней мере для него. Хаус старается, насколько это возможно, устранить из головоломки человеческий фактор. Он встречается с пациентами только в случае крайней необходимости. Идеальный случай он воспринимает в виде математической проблемы, потому что «цифры не врут» («Без причины»). К счастью для пациентов, Хаус обычно оказывается прав, а следовательно, ущерб, нанесенный его поведением, хоть как-то компенсируется. В серии «Каин и Авель» Кадди говорит, что Хаусу неплохо бы иметь хоть какое-то смирение. «А зачем ему это? — спрашивает Кэмерон. — Потому что это есть у других? А зачем ему быть, как другие?»

ЛОЖЬ И ЛЖЕЦЫ, КОТОРЫЕ ЕЕ ПРОИЗНОСЯТ

- Хаус тайно проводит анализ беременной пациентке, чтобы узнать, ее ребенок от мужа или от любовника («Материнство»). «Самые успешные браки основываются на лжи, — говорит Хаус. — Вы отлично начали».
- Муж должен решить, возможно ли, чтобы больная жена солгала и изменила ему. Только тогда он может согласиться на ее лечение от сонной болезни. Женщину лечат, она поправляется, и это доказывает, что она солгала («Верность»).
- Бейсболист, который говорит правду о том, что он не знал о приеме стероидов, лжет своей жене о марихуане («Спортивная медицина»).
- Мужчина лжет своей семье: он говорит, что в 80-е годы был летчиком-испытателем, хотя на самом деле провел это время в индийском ашраме, где заразился проказой («Проклятый»).
- Велосипедист-гонщик может сколько угодно лгать о приеме допинга, потому что его тимому лечат переливанием крови. Переливание скрывает его обман («Крутой поворот»).
- Женщина лечится от бесплодия, но одновременно принимает противозачаточные таблетки, поэтому не может забеременеть. Ей предстоит операция по удалению опухоли, и она не может больше лгать своему мужу. Она просит Формана сказать ее мужу о том, что из-за операции ей придется прекратить лечиться от бесплодия. «Правила конфиденциальности не позволяют мне сказать вашему мужу правду, — от-

вечает Форман. – Но я обязан положить конец этой лжи» («Необходимые знания»).

- В серии «Невежество» супруги – пациенты Хауса – обвиняют друг друга в заражении герпесом. Можно ли заразиться этой болезнью через сиденье в туалете? Если нет, то один из них лжет.
- Художник лжет своей подружке о том, что ему удалось продать много картин. На самом деле он принимает участие в клинических испытаниях трех экспериментальных препаратов, которые и влияют на его здоровье («Осложнения»).
- Девушка утверждает, что она очень эмансипированная и ушла от родителей, потому что отец ее насиловал. На самом деле она бросила семью из-за смерти брата, произошедшей из-за ее невнимательности («Эмансипация»).
- Мужчина, страдающий «синдромом запертого человека», лгал своей жене о том, что он был в Сент-Луисе. На самом деле он подрабатывал уборщиком на фабрике, где и заразился («Взаперти»).
- Шарлотта лжет мужу – она не признается, что ездила в Бразилию с любовником. Там она заразилась лейшманиозом, но диагноз поставлен слишком поздно («Простое объяснение»).
- Психопатку Валери лечат от болезни Уилсона («Без сожалений»). Она больше не может лгать мужу о том, что любит его. Прощай, трастовый фонд. Здравствуйте, новые чувства. «Это больно», – говорит Валери. «Так и будет», – отвечает Тринадцатая.
- Микки, полицейский под прикрытием, хочет дождаться серьезного дела, прежде чем рассказать обо всем полиции («Под прикрытием»). Наркодилер Эдди рискует жизнью, чтобы спасти своего партнера Микки. Его арестовывают, и он понимает, что Микки, который умирает от синдрома Хьюза-Стовина, предал его.
- Старшеклассница Эбби чуть не умирает от аллергии на сперму, но дело в том, что сперма принадлежит не ее приятелю, а его отцу. Мужчине нужно признаться в своем поступке, иначе Эбби умрет. Хаус полагает, что в таких обстоятельствах лгать легче. «Учитывая то, какова правда, – говорит он, – это нелегкое дело» («Черная дыра»).
- Мать и дочь никогда не лгали друг другу. Вот только девочка на самом деле была приемной. На самом деле ее мать – наркоманка («Жизнь прекрасна»).

Первоначально Хауса очень смущают отношения между Мэгги и ее одиннадцатилетней дочерью Джейн («Жизнь прекрасна»). Похоже, они абсолютно честны друг с другом. Мать Мэгги умерла от рака груди, но не говорила девочке, что больна. Мэгги поклялась никогда ничего не скрывать от собственного ребенка. Джейн знает, что ее мать курит марихуану, знает, каким сексом она любит заниматься. Но Хаус чувствует, что за такой откровенностью должно что-то скрываться. И он прав. Мэгги отказывается позволить Хаусу провести анализ на совместимость костного мозга, потому что знает – результат будет отрицательным. Джейн – приемный ребенок. Мэгги пообещала ее матери не говорить девочке, что она – дочь наркоманки. И это напрочь перечеркивает ее стремление никогда не лгать.

Но Джейн не лжет. Когда Мэгги говорит Джейн, что все будет хорошо, та чувствует неправду. «Ты умираешь, – говорит она матери. – Тебе никто не поможет. Ничего не будет хорошо». Тринадцатая считает девочку холодной и бесчувственной. Хаусу же кажется, что он совершенно неожиданно встретил комету Галлея в неурочное время.

Хаус: «Я видел нечто удивительное – чистую правду. Она сказала матери, что та умирает. Лишила ее всяческой надежды».

Уилсон: «Звучит ужасно».

Хаус: «Это все равно, что увидеть какое-то необычное астрономическое событие, которого, как ты точно знаешь, никогда больше не увидишь».

Уилсон: «Ты постоянно говоришь людям горькую правду. Ты в этом большой мастер».

Хаус: «Это потому, что мне нет дела. А ей есть. И все же она это сделала. Она это сделала, потому что ей есть дело».

Вскоре Хауса осеняет. Он понимает, что у Мэгги рак груди, несмотря на профилактическую двойную мастэктомию. Став свидетелем одного чуда, когда девочка сказала правду, он совершает второе и спасает жизнь Мэгги.

«Время очень важно для меня как для актера. Оно имеет магический смысл. Это фактор X. Мне кажется, что этот сериал с таким главным героем не мог бы

выйти несколькими годами раньше. За эти годы многое произошло, и мир изменился. Сегодня люди предпочитают знать неприкрытую, прямую правду, а не поддаваться на уговоры пропаганды, которая хочет, чтобы мы чувствовали себя в безопасности. В этом отношении мы очень продвинулись. Мы хотим иметь дело с реальностью. И в этом сериале такое происходит каждую неделю».

– Омар Эппс

ЛОЖЬ ИМЕЕТ ПОСЛЕДСТВИЯ

Не верьте тому, что правда делает человека свободным, Совсем наоборот. Отказавшись от лжи и признав свою гомосексуальность, бандит из «Правил мафии» был вынужден обратиться в программу защиты свидетелей. В серии «Любовь зла» белый муж и чернокожая жена обнаруживают, что у них общий отец, который передал им редкую генетическую болезнь. Отец насильно пытался разлучить их, когда они были молоды. Истина выяснилась слишком поздно. Их отношения разрушены.

Иногда ложь имеет положительные последствия. В серии «То, что нужно» Хаус делает ненужную операцию по увеличению груди, чтобы скрыть следы операции на легком, которую он сделал Грете. Грета летчица и мечтает полететь в космос. Если в НАСА узнают о реальной операции, ее отстранят от подготовки. Потом Хаус лжет врачам, принимающим участие в конкурсе на замещение должностей в его команде. Он говорит, что выдал тайну Греты, точно зная, что кто-то попытается присвоить себе эту заслугу и выдаст тайну сам. Хаус лжет своему старому другу, скрывая от него результаты теста на отцовство в серии «Кто твой папочка». В серии «Контроль» Хаус лжет комитету по трансплантации, заявляя, что не видит никаких психологических причин, по которым его пациентке следует отказать в пересадке сердца. Ее следует исключить из программы, но она говорит Хаусу, что хочет жить, и он лжет, чтобы спасти ее жизнь. В сериале вообще очень много лжи. Уилсон лжет детективу Триттеру, потому что не хочет говорить о том, что Хаус украл у него рецептурный блокнот. Скажи он правду, и Хаусу пришлось бы на десять лет сесть в тюрьму.

«Мой отец точно такой же, как ты. Вам несвойственна безмерная любовь, от которой хочется на стенку лезть. У вас есть нормальный моральный компас, который не позволяет вам лгать ни по какому поводу. Отличное качество для бойскаутов и свидетелей в суде. Дерьмовое качество для отца».

– Хаус Кэмерон («Папенькин сынок»)

«Все лгут. Хаус абсолютно прав. Это очень интересно. Пациенты лгут медсестрам. Они приходят в приемный покой пьяными. Я спрашиваю: «Сколько вы сегодня выпили?» – «Только банку пива, я выпил банку пива» – «Вы уверены, что их было не две?А еще что-нибудь?» – «Нет, нет, только банку пива!» – «Вы не принимали никаких лекарств?» – «Ни единой таблетки!» А потом приходит врач, и я слышу: «Ну да, я выпил 12 банок пива и принял 4 таблетки антидепрессантов. И я делаю это каждый день в течение последних десяти лет». Не знаю, может быть, существует какой-то фактор доверия. Или их уже слишком много раз спрашивали к этому моменту. Смешно, но это именно так».

– Боббин Бергстром

Ни в одной из серий последствия лжи не могут быть более тяжелыми, чем в «Папенькином сынке». Отношения между Карнеллом, который только что окончил Принстон, и его отцом омрачены ложью. Отец говорил сыну, что его мать погибла под колесами машины, которой управлял пьяный водитель. Он делал это, чтобы сын не водил машину в пьяном виде. Ложь сработала, и Карнелл никогда этого не делал. Карнелл же говорил отцу, что учится, а сам летал на Ямайку со своими богатыми дружками. Отец Карнелла хочет, чтобы тот знал о своих корнях. Карнелл проводит долгие часы, знакомясь с семейным бизнесом. В этом тоже есть неправда. Отец говорит врачам, что они занимаются строительством, но на самом деле – утилизацией отходов. Если бы Хаус знал об этом, он бы задал вопросы, которые привели бы к радиоактивному брелку, подаренному Карнеллу отцом, чтобы что-то постоянно напоминало сыну о его корнях. Ложь имела фатальные последствия: иммунная система Карнелла разрушена, он умирает. Карнелл спрашивает отца, поправится ли он, и отец клянется, что да. Мы знаем, что это очередная ложь.

Всю серию Хаус уклоняется от встречи с родителями, которые хотели встретиться с ним, оказавшись поблизости проездом. Уклониться не удается, и Хаус тепло обнимает мать при встрече. «Так рад вас видеть», – говорит он. «О, Грег, – улыбается мать, – не ври».

13

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ ВСЕЛЕННОЙ, ЧАСТЬ 2

«Ты только даешь сценарий, а уж что люди в нем увидят, зависит от них. Я никогда не говорю, что в какой-то сцене они должны быть счастливы или печальны. Их отношение к жизни и к событиям нашего сценария целиком зависит от них. Я хочу дать им направление, задать определенные вопросы, заставить задуматься над ними. Но когда они включаются в эту гонку, я точно знаю, в какой точке американских горок они находятся и что решат, сойдя с аттракциона. И все же их решения целиком зависят от них».

– Дэвид Шор

Если бы вам остался один день жизни, как бы вы его провели? Дэвид Шор и сценаристы не находят ничего лучше, как задаваться подобными философскими вопросами и этическими проблемами в сложнейших ситуациях, которые постоянно возникают в больнице Принстон-Плейнсборо. В серии «Сын коматозника» Хаус делает укол L-дигидроксифенилаланина, чтобы разбудить мужчину, который десять лет находился в состоянии комы. Сын этого человека смертельно болен, и у отца есть всего двадцать четыре часа, после чего он снова впадет в беспамятство. Отцу и сыну есть о чем поговорить. Как же они проведут это время вместе? Для вселенной Хауса это не просто.

В серии «Один день, одна комната» пациентка, которую Хаус не хочет лечить, пытается заставить его поговорить с ней. Ее изнасиловали. Она целый день в больнице. Ужас пережитого преследует ее. Неужели ей так и не удастся обсудить с Хаусом великие экзистенциальные вопросы?

Этические и философские вопросы — украшения на дверной ручке — поднимают ставки. В сериале часто ставятся широкие этические проблемы, не ограничивающиеся судьбой отдельного пациента. Зрителя спрашивают, что он сделал бы в такой ситуации? Но ответов на эти вопросы вы не найдете. Каждый должен сделать собственный выбор.

«Именно это и привлекает зрителя в нашем сериале — серьезные этические вопросы».

– Дэвид Шор

Возьмем того коматозника (Гэбриел в исполнении Джона Ларокетта). Хаусу нужен Гэбриел для того, чтобы выяснить историю пациента и вылечить его сына Кайла. Разбудив Гэбриела, он ступает на шаткую этическую почву. Кадди безуспешно пытается его остановить. Понимая, что у него только один день, Гэбриел, вместо того чтобы встретиться с сыном, хочет получить свой любимый сэндвич из магазинчика на берегу. Целый день Гэбриел катается по Нью-Джерси с Хаусом и Уилсоном, понемногу выдавая личную информацию. Заканчивается его день в отеле Атлантик-Сити.

«Что интереснее — та философская дилемма, с которой сталкивается этот персонаж, или те разговоры, которые ведет с ним Хаус? Именно это интересует Дэвида. Сама по себе медицинская загадка — это хорошо, но мы учились мыслить этими терминами еще до прихода к нему. Очень часто мы просто предлагаем ему голую идею, а обсуждение перерастает в настоящий философский спор о том, что может быть интересного в жизни такого персонажа. Так и определяется основная тема эпизода».

– Гарретт Лернер

Гэбриел находится в коме после пожара. Он пытался спасти жену из огня. Пожар начался случайно, по вине двенадцатилетнего Кайла. Сегодня же Кайл алкоголик с боль-

ным сердцем. Хаус выявляет у него генетическое заболевание, унаследованное от матери. Гэбриел говорит, что хочет, чтобы сыну пересадили его сердце, — у Кайла нет шансов найти донора, потому что он алкоголик. Гэбриел настаивает, несмотря на то что у него есть шанс проснуться в будущем и излечиться. Он не смог спасти жену, но может спасти сына. Чтобы сохранить сердце, Гэбриелу нужно повеситься, то есть решиться на медленную и мучительную смерть. С помощью Хауса он решается на это.

«Мне доставляет огромное удовольствие обсуждать отношения между Хаусом и Уилсоном, Хаусом и Кадди и все такое. Это основа всего сериала. Но в то же время не меньшее удовольствие мне доставляют те жемчужины, которые разбросаны по всем сериям. Думаю, что все дело в структуре. Медицинская тайна – это структура, великолепно выполненная кованая рама. Но истинный гений украшал дверную ручку».

– Хью Лори

Гэбриел никогда не вернется в Принстон, чтобы увидеть сына. Он никогда даже не попробует свой любимый сэндвич. Не зная, что сказать Кайлу, Гэбриел спрашивает у Хауса: если бы тот мог услышать от отца что-то одно, что бы это было? Хаус (помолчав): «Я бы хотел, чтобы он сказал: «Ты был прав. Ты поступил правильно». Когда Кайл спрашивает Хауса, что передал ему отец, Хаус повторяет свои слова. «Ты был прав...» В этих обстоятельствах подобная фраза бессмысленна. Кайл спрашивает Хауса, что же пытался сказать ему отец. «Не знаю, — отвечает Хаус. — Он же твой отец».

Как обычно, Хаус ищет самый короткий путь из точки А в точку Б. Есть проблема (Кайлу нужно сердце), есть решение (его отец как раз под рукой). В серии «Не будите спя-

щую собаку» Ханне нужна пересадка печени. Ее любовница Макс готова пожертвовать часть собственной печени. Кэмерон узнает, что Ханна собирается бросить Макс. Она хочет рассказать об этом до того, как Макс решится на рискованную операцию. «Это аморально», — говорит Кэмерон. «Предположим, ты права, — отвечает Хаус. — Мы скажем, она передумает, наша пациентка умрет. Это морально?» Хаус преодолевает все неудобные этические препятствия. Но и Кэмерон не придется мучиться: Макс знает о планах Ханны. Ей кажется, что Ханна не сможет уйти, если она пожертвует ей половину печени.

Вопрос: «Не кажется ли вам, что это очень мрачно?»

Грег Яйтанис: «Не думаю, что это идет вразрез с характером персонажа. Может быть, сам я думаю иначе, но это выбор персонажа, и я уважаю его».

В «Положении плода» Хаус ставит беременной женщине диагноз — материнский зеркальный синдром. Для Хауса все просто — удалить нежизнеспособный плод и спасти жизнь матери. Кадди не согласна. Она хочет провести операцию, чтобы спасти ребенка. Для Кадди плод — это ребенок (моральная проблема). Хаус соглашается оперировать, и во время операции плод/ребенок хватает его за палец.

Хаус: «Ты позволила материнскому инстинкту взять над собой верх и чуть не убила двух человек. В таких случаях плод убирают, а мать выживает в десяти случаях из десяти. Ты сделала, что захотела. Ребенок и мать умрут в 9,9 случая из десяти».

Кадди: «Иногда одна десятая значит больше, чем девять и девять десятых».

Хаус принимает быстрые решения — правильно или нет, но я буду действовать. Он словно бульдозером сносит все этические препятствия, перед которыми застывает большинство людей. В «Трех историях» он излагает свое видение мира наиболее подробно. Хаус может ответить на этический вопрос однозначно — да или нет. И это делает его вселенную очень сложным местом для всех остальных.

Хаус: «Уверен, что это идет вразрез со всем, чему вас учили, но правильное и неправильное существует. Одно то, что вы не знаете правильного ответа, – возможно, вы даже и не можете его знать, – еще не означает, что ваш ответ правилен или даже приемлем. Все гораздо проще. Он абсолютно неправильный».

ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННА, И ЭТО ВСЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ

«Все неважно. Мы – просто тараканы, антилопы гну, умирающие на берегу реки. Все, что мы делаем, не имеет никакого значения».

– Хаус («Воплощая мечты»)

Хаус делает все, что в его силах, лишь бы избежать длительного спора с пациентами. Он бы предпочел вообще не разговаривать с ними и готов даже дать каждому 50 долларов, лишь бы они ушли из клиники («Один день, одна комната»). Часто его собеседники остаются недоумевающими, оскорбленными или обиженными. Когда Кадди спасла шкуру Хауса, солгав в его пользу, она заставила его работать по-настоящему. Он ставит молодой женщине диагноз хламидиоз и понимает, что ее изнасиловали. Ева хочет поговорить с ним, но он не хочет ее лечить. В физическом плане с ней все в порядке, загадки нет. Она не знает, почему ей хочется поговорить с Хаусом, на что он отвечает: «У вас должна быть причина. У всего на свете есть причины».

«К каждой проблеме он подходит с фундаментальной точки зрения. Он никогда не спрашивает, что предписывает ему закон. Он поступает в соответствии с основными этическими принципами. И он понимает, что масса проблем, с которыми сталкиваются врачи, очень, очень трудны и порой неразрешимы».

– Дэвид Шор

Хаус жестоко говорит, что она пытается установить контроль... как при изнасиловании. «Если бы мы страдали из-за каждого, кто страдает на этой планете, жизнь кончилась бы», – говорит Хаус Кадди. Это его любимая тема: почему я должен заботиться именно об этом человеке, а не о каком-то другом? Но Ева настойчива. Отказавшись беседовать с психиатром, она принимает львиную дозу снотворного, а проснувшись, видит Хауса у своей постели. Он пришел, потому что ему велела Кадди. Ева говорит, что ей хочется пого-

ворить. Хаус не знает, что сказать. Ева становится для него загадкой. Он спрашивает, что случилось, и она отвечает, что ему на самом деле совсем не хочется ее слушать. «Конечно, хочется», — возражает Хаус. «Вы врете», — говорит Ева. Хаус объясняет, что это не ее вина. Но она знает все. Она хочет поговорить. Хаус хочет понять, почему она доверяет ему — разговаривать с незнакомцем неразумно.

Хаус: «Все разумно».

Ева: «Меня изнасиловали. Объясните, какой смысл вы в этом видите».

Ева спрашивает, случалось ли с Хаусом что-то ужасное. Уилсон говорит Хаусу, что девушка хочет установить контакт с ним и это его пугает. Он советует что-нибудь придумать. Хаус рассказывает Еве, как мучила его бабушка. Она была сторонницей жесткой дисциплины. За малейшую провинность Хаусу приходилось спать во дворе или купаться в ледяной воде. Ева не верит и говорит, что Хаус никогда не стал бы называть такую женщину «бабушкой». «Что, черт побери, мне сделать, чтобы вы стали видеть во мне человека, а не просто изнасилованную женщину?» — спрашивает она. «Ничего», — отвечает Хаус. Он говорит, что такая история наверняка случалась с кем-нибудь, так почему не с ним? Не собирается же она строить свою жизнь на том, что случилось с ней в той комнате? «Такова жизнь, — отвечает Ева. — Это целый ряд комнат. И то, что с нами в них случается, и определяет нашу жизнь».

«Мы все ничтожные, самодовольные твари, ползающие по земле. Но не обделены мозгами и поэтому изредка, если сильно постараться, мы можем иногда надеяться на нечто меньшее, чем абсолютное зло».

– Хаус («Один день, одна комната»)

Когда Кадди говорит Хаусу, что Ева беременна, Хаус пытается убедить ее сделать аборт. Ева считает аборт убийством. «Правильно, — говорит Хаус. — Это жизнь, и ты должна ее прервать». Но вся жизнь дается Богом. Отлично, а Гитлер? А отец ее ребенка? Ева не хочет об этом говорить. Почему нельзя поговорить о чувствах? «Ответов нет. А если нет ответов, то зачем об этом говорить?» Но Хаус настаивает. Он

спрашивает, не хочет ли Ева прогуляться. Они сидят на скамейке в парке. Хаус говорит, что представил, как один из бегунов, пробежавших мимо, сломал ногу. И неизбежно разговор возвращается к Богу.

Хаус: «Бога или не существует, или Он невообразимо жесток».

Ева: «Я в это не верю».

Хаус: «А во что вы верите? Почему, как вы думаете, это случилось?

«Мне нужно знать, что все имеет смысл, — говорит Ева.— Это меня успокаивает».

Хаус: «Да, да... Сейчас вы чувствуете себя хорошо?»

Ева: «Меня изнасиловали. Как вы это объясните?»

Ева спрашивает, терзается ли чувством вины парень, сделавший это. Но Хаусу это неинтересно. «Меня интересует то, что чувствуете вы».

Ева: «Правда?»

Хаус: «Я заперт в комнате вместе с вами, верно? Почему вы выбрали меня?»

Ева: «В вас что-то есть. Похоже, вам тоже больно».

И Хаус признается. Но дело не в его бабушке. Все дело в отце. «Я бы хотела рассказать вам, что случилось со мной», — говорит Ева. «И я хотел бы это услышать», — отвечает Хаус. Ева установила контакт с Хаусом и заставила его поговорить. Когда позже Хаус играет в футбол с Уилсоном, приходит Кадди и сообщает, что Ева прервала беременность и выписалась. Она хочет поговорить о том, что случилось. Кажется, все закончилось благополучно, но Хаус говорит: «Мы лишь заставили девушку плакать». Так почему же он разговаривал с ней?

Хаус: «Потому что я не знаю».

Уилсон: «Ты будешь ее искать?»

Хаус: «Один день, одна комната».

«Дэвид блестяще прячет эти темы внутри очень смешного и едкого сериала. Эти фильмы разбивают мне сердце, трогают меня, заставляют меня смеяться в голос. И это прекрасно, что он умеет вплетать в сюжеты такие мысли».

– Грег Яйтанис

Если правда, что жизнь бессмысленна, как считает Хаус, он все равно оказался там, куда приходят все. Он постоянно пытается оспорить веру и отказывается руководствоваться прочими условностями. «Мне всегда было интересно, что там, на другой стороне», — говорит умирающий Эзра в «Официальном согласии». На что Хаус отвечает: «Ничего». В серии «Будь проклят, если сделаешь это», где выясняется, что монахиню отравляет старая противозачаточная спираль, Хаус обсуждает вопросы религии с теми, кто трудится во имя нее. У монахини случаются видения и судороги.

Монахиня: «Сестра Августина верит в то, чего нет».

Хаус: «Я думал, что это ваша должностная обязанность».

Сестра Августина: «Почему вам так трудно поверить в Бога?»

Хаус: «Мне трудно вообще поверить. Вера не основана на логике и опыте».

Вопрос: «Хаус ученый, а люди на смертном одре нуждаются в утешении. Но он не собирается идти у них на поводу».

Дэвид Шор: «Я много об этом думал. В сериале, где люди смотрят в лицо смерти, обязательно должна быть религия. Если бы они не думали о Боге или о том, что Бога нет, это было бы безумием. Невозможно приблизиться к концу жизни, не думая, есть ли что-нибудь после смерти. В нашем сериале почти постоянно кто-то находится на грани смерти.

Думаю, что мы уходим от этой темы не потому, что в Америке живут лишь закоренелые атеисты – их много, и мы обращаемся и к ним тоже. Просто мы не выбираем в герои лжесвидетелей. Когда Хаус говорит умирающему, что после смерти ничего нет, Уилсон ругается с ним. Мы постоянно ставим Хауса перед проблемами, которые очень трудно решить, перед вопросами, на которые нет ответа. Но Хаус остается тверд в своих убеждениях. Для нас очень важно, чтобы те, кто не согласен с ним, не выглядели глупцами, которых он легко побеждает, а они и не сопротивляются. Это было бы забавно в медицинской истории, но не в серьезном фильме».

В серии «Хаус против Бога» Хаус выступает против Бойда, мальчика-проповедника. Его симптомы объясняются герпесом. Хаус снова повторяет свое кредо: «В этой вселенной нет ничего, что нельзя было бы объяснить». В серии «97 секунд» Хаус и Уилсон спорят о том, можно ли отнимать у умирающего веру в то, что впереди его что-то ждет. «Его убеждения глупы», — говорит Хаус

Уилсон: «Все кончено. Ему осталось несколько дней, может быть, часов. Неужели тебе жалко, чтобы он провел это время с улыбкой на лице? Какое извращенное удовольствие ты находишь в том, чтобы преисполнить его душу страхом и ужасом?»

Хаус: «Нельзя принимать решения, основываясь на лжи. Боль лучше, чем ничего».

Уилсон: «Откуда ты знаешь про ничего, ты там не был».

Хаус: «Боже, как меня достал этот аргумент, не надо ездить в Детройт, чтобы узнать, как там воняет».

Уилсон: «Ну да. Детройт, загробная жизнь — все то же самое».

И все же, когда умирающий говорит, что умрет через 97 секунд и окажется в загробном мире, Хаус готов остановить собственное сердце, чтобы узнать, действительно ли там что-то есть. Он делает это в присутствии Эмбер, зная, что Беспощадная Стерва не даст ему умереть. Хаус готов поверить, если тому найдутся научные доказательства. В природе веры есть нечто такое, чего науке никогда не опровергнуть. Поэтому Хаус продолжает вести себя по-прежнему. Он дразнит мормона Коула, называя основателя его религии, Джозефа Смита, «похотливым козлом». Коул бьет Хауса («Ангелы-хранители»). Нельзя сказать, что Хаус не готов страдать за свои убеждения. При этом он всячески старается надеяться на что-то меньшее, чем абсолютное зло.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Вопрос: «Цель и средства. Вы похищаете людей. Вы совершаете тяжкие преступления...»

Хью Лори: «Такая уж работа».

Кэмерон: «Но я знаю, что никогда не достигну такого... возбуждения».

Форман: «Ты скучаешь по тем, кто пытался убить тебя?»

Кэмерон: «Нет. Я скучаю по тем, кто готов на все, лишь бы выполнить свою работу. Наверное, поэтому мне так трудно это все бросить» («Готовы на все»).

«Полагаю, эта часть детской и очень мужской стороны характера Хауса заставляет его постоянно ставить перед собой сложные задачи, вроде... удастся ему попасть скомканной бумажкой в мусорную корзину или нет? Уверен, вы бы не смогли катать крикетный мяч по холлу, а потом разбить пожарный извещатель... Хаус поступает так с собой постоянно. Он ставит перед собой проблему и полностью сосредоточивается на том, чтобы сделать то, что должно быть сделано, – например, разбить пожарный извещатель или что-то другое. Задачи, которые он ставит перед собой, медицинские просто случайно. Он вполне может провести целый день, раздумывая над ними – или над тем, как попасть скомканной бумажкой в мусорную корзину».

– Хью Лори

Любой врач, для которого взлом чужого жилища является должностной обязанностью (Форман), умеет обходить острые углы. В поисках истины (ответа на медицинскую загадку), ради доказательства собственной правоты или просто для того, чтобы поступить по-своему, Хаус не остановится ни перед чем.

- Хаус чихает на хирурга, чтобы тот остановил операцию («Детоксикация»).
- Хаус мучает политика (наверняка лжеца), лишая его кислорода, чтобы заставить признаться в том, какой наркотик он принимает («Образец для подражания»).
- Хаус крутит наклонный стол, к которому привязан «святой» доктор Себастьян Чарльз («Туберкулез или не туберкулез»). Это «жестоко и непрофессионально», говорит Форман, но благодаря этому у Себастьяна выявляется болезнь сердца, которую иначе никто не заметил бы.
- В «Ошибке» Хаус пытается подкупить хирурга, выполняющего пересадку печени, двадцатью тысячами долларов. Когда это не удается, он шантажирует его, угрожая рассказать жене о его романе с медсестрой. И действительно рассказывает.

- Хаус вводит смертельно больного пациента, пытавшегося совершить самоубийство, в кому против его воли. Он пытается спасти его жизнь («Официальное согласие»).
- Хаус делает буйному пациенту парализующий укол, чтобы успокоить его до ввода седативного. Опасный способ установить тишину и покой («Один день, одна комната»).
- Прикинувшись водителем лимузина, Хаус похищает звезду мыльных опер Эвана Грира, заметив, что тот стал играть по-другому («Воплощая мечту»).
- Хаус ставит глухому ребенку кохлеарный имплант, хотя тот этого совсем не хочет. «Это акт заботы, – говорит Уилсон. – Который ты осуществил аморальным и незаконным образом. Но ребенку хорошо» («Раздвоение»).
- Хаус подсыпает наркотик, похищает и связывает соседа Уилсона, ветеринара-канадца, чтобы насильно избавить его от боли в ампутированной руке («Тиран»).

Квинтэссенцией метода Хауса можно считать лозунг: «Сначала лечи, потом спрашивай». Мы становимся свидетелями его применения на каждом сеансе дифференциальной диагностики. Если все остальное вычеркнуть, значит, у пациента та болезнь, которая осталась на доске. Если эту болезнь лечить и пациент останется жив, значит, диагноз верный. «Если я прав, я спасу его жизнь. Если нет, он все равно умрет, что бы я ни делал» («Отвлекающий раздражитель»).

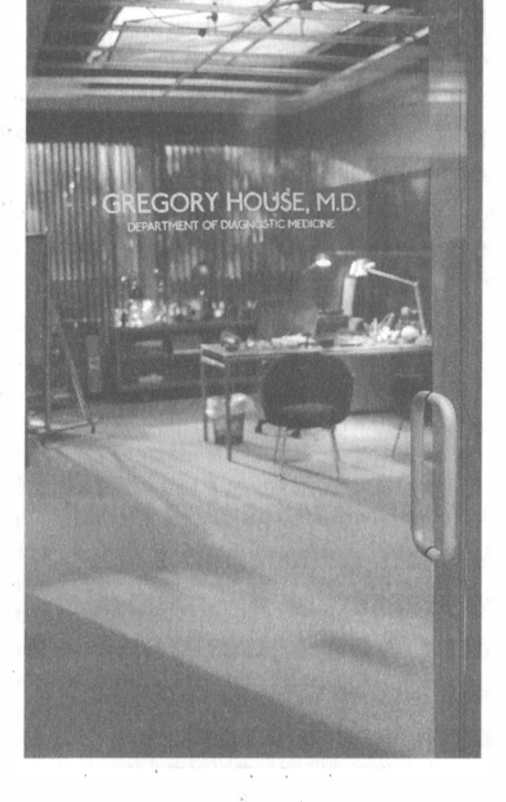
ВСЕ ОБЛАЖАЛИСЬ

«Бритва Оккама. Простейшее объяснение почти всегда означает, что кто-то облажался».

– Хаус («Бритва Оккама»)

И Форман («Воспитание щенков»), и Чейз («Ошибка») знают, что последствия медицинской ошибки могут быть фатальны для пациента. И опасность исходит из готовности Хауса сделать для спасения пациента все, как только ему кажется, что он нашел ответ. Если он ошибается, то... Очень редко (например, в «Храбром серд-

це»), где Хаус и Форман вскрывают живого пациента) такие ошибки приносят положительный результат (в этом случае труп восстал из мертвых, как Лазарь). Хаус не боится блефовать, несмотря на размер ставок — по словам Кадди («Ошибка»), 40% всех судебных тяжб в больнице Принстон-Плейнсборо связаны с ним. Она же говорит, что потратила более пятидесяти тысяч долларов на судебные издержки из-за его безумного поведения («Отказ от реанимации»). Такую цену приходится платить за желание работать с Хаусом.

Добро пожаловать в веселый дом

Геррит ван Дер Меер рассказывает о том, как кому-то из его близких поставили диагноз «рак легких». Этот человек уже попрощался с родными и друзьями. Но оказалось, что диагноз в корне неверен — это был тяжелый случай пневмонии. Геррит считает, что медицина — это скорее искусство, чем наука. Хаус с ним не согласился бы. Именно человеческий фактор — ложь, ошибки, роль верного истолкования — делает медицину искусством.

«Именно здесь я узнала о том, что такое «мертвецкий колокольчик». На палец ноги умершего надевали кольцо и привязывали колокольчик. Кто-то оставался на кладбище. И если недавно похороненный мертвец двигался, колоколь-

чик звонил, и человека выкапывали. Вытащите меня отсюда! Мертвецкий колокольчик».

– Марси Каплан

Хаус: «Успех длится до тех пор, пока кто-то не облажается. Неудачи будут всегда» («Сломленный»).

УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ НЕПРАВИЛЬНО

«Питеру Блейку и Дэвиду Шору нравится идея убить Гитлера и тех, кто заслуживает казни. Но им приходится бороться с чувством вины за это. И Питер решил использовать это в сюжете».

«Мой сын только что начал изучать философию в университете. Я – гордый отец. И я представляю, как они на первой неделе с одиннадцати до часу изучают этику. Они будут говорить именно об этом. Зачем мы боремся, чтобы спасти пациента, который, если это нам удастся, станет причиной смерти тысяч человек?»

– Хью Лори

В «Бритве Оккама» Чейз спрашивает Кэмерон: «Ты когда-нибудь отбирала жизнь?» Кэмерон не отвечает. Через два года Кадди спрашивает Хауса, не помог ли он смертельно больному пациенту покончить с жизнью. «А если да, ты действительно хочешь это знать?» – спрашивает Хаус. Кадди не хочет. В конце серии становится ясно, что Кэмерон помогла пациенту умереть. Хаус находит ее плачущей в часовне. Он кладет руку ей на плечо и говорит: «Я горжусь тобой» («Официальное согласие»).

Продвинувшись вперед еще на пару лет, мы видим, как Чейз позволяет диктатору Дибале умереть. В «Известных неизвестных» Уилсон помогает своему пациенту (терминальная стадия

рака легких) умереть, сообщая ему код морфиновой помпы. Чувствуя необходимость оправдаться в том, что он оставил пациента умирать в одиночестве, Уилсон пытается выступить на медицинской конференции. Первая строчка его речи: «Эвтаназия. Давайте признаемся, мы все делаем это». Убивать людей неправильно, верно?

Вопрос: «Все кого-то убивают...»

Дэвид Шор: «Уилсон помогает своим пациентам... Его поступок в моральном отношении отличается от того, что сделал Чейз с Дибалой. Пациент Чейза не хотел умирать. В этом заключается глубокая моральная разница, по моему мнению».

Вопрос: «В эпизоде с Дибалой Чейз просит Формана лжесвидетельствовать в его пользу перед Хаусом и Триттером. Но Форман и сам в этом замешан. Он сжигает документы, а это значит, что они с Чейзом в одной лодке. Если бы он сказал правду, то ему пришлось бы оправдываться. Хотя, конечно, не так, как Чейзу».

Когда Дибала только поступает в больницу Принстон-Плейнсборо, первой задается вопросом о том, нужно ли его спасать, Кэмерон. «Мы вылечим Дибалу, он сядет в самолет и вырежет половину своей страны», — говорит она. После того как Чейз помешал юноше убить Дибалу, Кэмерон говорит, что, возможно, в следующий раз не стоит этого делать. Чейз и Кэмерон обсуждают оправданное убийство. «Пытаюсь ли я убить нашего пациента? — говорит Кэмерон. — Конечно, нет. Но если он умрет, должна ли я притворяться, что это нехорошо для нашего мира?» Конечно, Кэмерон лечит пациента так, как этого требует закон, ее клятва и все, чему ее учили. Столкнувшись с высшим авторитетом, Чейз доводит Дибалу до смерти. А раньше, споря с Кэмерон и отстаивая полностью противоположную точку зрения, Чейз говорит о последствиях такого убийства:

Чейз: «Только психопаты могут убивать других людей, не находясь в состоянии аффекта».

Кэмерон: «Нет, если убийство оправдано. Вспомни солдат».

Чейз: «Даже когда это оправдано».

ЧУВСТВО ВИНЫ – БЕСПОЛЕЗНАЯ ЭМОЦИЯ

Стремление Хауса отвергать все, что нельзя измерить, как фунт яблок, означает, что ему недостает более абстрактных эмоций (наслаждение и боль все-таки можно измерить). Он не большой мастер надежд и ожиданий; сожаление и чувство вины просто непродуктивны. Это Уилсон так терзается чувством вины за то, что не остался с умирающим раковым пациентом, что почти готов признаться в эвтаназии в зале, полном врачей. У Чейза чувство вины за убийство Дибалы так далеко не заходит, поэтому священник говорит ему, что он предал себя. Этого слишком мало и для Кэмерон.

В серии «Шалтай-Болтай» Хаус говорит Кадди, что она будет несчастна, пока в мире все не станет хорошо. Кадди страдает из-за того, что ее садовник упал с крыши ее дома и потерял руку. «Твоя вина. Это извращение, и это делает тебя дерьмовым доктором, – говорит Хаус. – Зато ты вполне удовлетворена тем, что делаешь». Так ли? «Станет ли мир лучше, если люди не будут испытывать чувства вины? – весьма неприятно спрашивает Хаус. – Секс станет лучше. Видела бы ты Стейси в последние месяцы наших отношений. Сплошная вина. Сплошные крики».

Хаус борется с тем, что может быть чувством вины, а может и не быть («Без сожалений»). Он изрезал на кусочки несколько фотографий Кадди в ее кабинете, чтобы подшутить над Лукасом. Кадди очень расстроена. Хаус уничтожил фотографию, которую сделал ее умерший отец, и другой такой у нее нет. К Хаусу обращается Уибберли, которого он донимал на медицинском факультете и перед которым извинился в рамках программы реабилитации. Хаус узнает, что его поступок (подмена экзаменационных работ) разрушил жизнь Уибберли. Тот так и не смог окончить институт, а сейчас еще и потерял дом. В это же время Хаус лечит Валери, психопатку, лишенную совести и чувства вины. У Хауса происходит сложный разговор с Валери, которая интуитивно чувствует, что он переживает какую-то моральную перемену.

Хаус чувствует вину, но не может осознать ее. Он отказывается извиняться перед Кадди и дает Уибберли пять тысяч долларов, чтобы он мог оплатить закладную. Уилсон упрекает Хауса. Он говорит, что Хаусу легче дать парню, до которого ему нет дела, денег, чем извиниться перед женщиной, которая его любит. Впоследствии выясняется, что Уибберли солгал. Его проблемы никак не связаны с Хаусом. Он просто хотел узнать, остался ли Хаус таким

же ублюдком, каким был в институте. Хаус пытается вернуть свои деньги, чем доказывает, что остался таким же ублюдком. Когда он приходит поговорить с Кадди (возможно, даже извиниться), там оказывается Лукас, и он уходит. Чтобы избавиться от чувства вины, он пробирается в дом Уибберли и оставляет чек в почтовом ящике.

ИЗМЕНИТЬСЯ НЕВОЗМОЖНО

«Я хочу почувствовать себя лучше. Что бы это, черт побери, ни значило. Я устал быть несчастным».

– Хаус («Сломленный»)

Хаус ненавидит меняться. В «Линиях на песке» он не хочет идти в свой кабинет, пока не вернут старый ковер, испачканный кровью. Оказавшись в психиатрической больнице Мэйфилд, Хаус случайно признается, что хочет измениться. Он сломлен. Но ведь одна из его максим гласит, что люди не могут измениться. Хаус разговаривает с ортодоксальной еврейкой, которая несколько месяцев назад была музыкальным продюсером и употребляла героин. Вместо того чтобы подумать, что человек обрел религию и кардинально изменился, Хаус ищет диагноз, который объяснил бы ее поведение галлюцинациями. (Выясняется, что он неправ: она изменилась.)

«Во вселенной этого сериала и во вселенной, в которой я живу, люди могут меняться, но ненамного. Невозможно измениться, пока не захочешь измениться. А если ты хочешь измениться, это только первый шаг. Мне кажется, это уместно в кино больше, чем на телевидении: озарение – и все меняется. Думаю, мы должны стараться измениться, мы должны стараться стать лучше, но идея стать совершенно другим человеком кажется мне слишком наивной. Мы таковы, каковы есть, и это не означает, что мы не можем бороться и не можем выбирать. С другой стороны, мы – то, что мы выбираем. В этом и заключается конфликт между Хаусом и Уилсоном».

– Дэвид Шор

В «Веселеньком Рождестве» Хаус быстро ставит диагноз девочке, которая не растет из-за недостатка гормона роста, а не потому, что ее мать – карлица. Сначала девочка не хочет меняться. Она хочет быть такой, как ее мать. Хаус старается убедить мать приступить к лечению дочери.

Хаус: «Мы с вами оба знаем, что быть нормальным — отстой! Ведь мы оба — уроды. Именно уродство делает вас сильнее. Насколько сильной вы хотите ее видеть?»

Состояние девочки отличается от несчастья Хауса и даже от его больной ноги. Ее можно вылечить. Хаус больше похож на писателя, который соглашается на экспериментальную операцию, чтобы преодолеть биполярное расстройство («Трудности перевода»). Быстрого решения не существует. Трубач Джон Генри Джайлс («Отказ от реанимации») видит в Хаусе родственную душу. «Я знаю эту хромоту, — говорит Джайлс. — Я знаю этот безымянный палец без кольца». Джайлс понимает, что Хаус так же одержим своей работой, как и он сам музыкой. «У тебя есть это — то, о чем ты думаешь постоянно, что делает тебя нормальным». И это делает нас великими, — говорит Джайс. — Единственное, чего нам не хватает, это всего остального». Он имеет в виду личные отношения. А потом все кончено, и слишком поздно.

Может ли Хаус измениться, даже если захочет? В «Известных неизвестных» Хаус приходит в гостиничный номер Кадди, чтобы посидеть с ее дочкой. По совету Уилсона он делает первый шаг. Он избавляется от таблеток, они были так близки на вечеринке, он изменился. И тут он видит Лукаса с ребенком Кадди. Слишком поздно.

Мысль о том, что человек может измениться, жизненно важна для второго витка романа Уилсона и Сэм (Хаус называет ее так: «Бездушная гарпия, на которой ты был женат до нашей встречи» («Падение рыцаря»).

Уилсон: «Люди меняются, Хаус»

Хаус: «Конечно. Они становятся старше. Яичники съеживаются, и хорошие парни вроде тебя снова кажутся привлекательными».

Хаус считает делом чести развести Сэм и Уилсона. Точно так же, как с Кэмерон и Чейзом, Хаус говорит, что всего лишь оказывает услугу, ускоряя неизбежное. Отлично зная, что сводит Уилсона с ума, Хаус устраивает домашнюю ловушку. У себя дома Уилсону приходится сталкиваться с массой запретов: не ставь молоко на стенку холодильника, не

бросай банановую кожуру в то мусорное ведро, не ставь большие тарелки в нижнюю часть посудомоечной машины. Уилсон был так напряжен, что никогда не вспоминал о том, как это было, когда он был женат на Сэм. Хаус хотел, чтобы Уилсон наконец-то постоял за себя, и ему это удалось, Уилсон взбунтовался. Между Сэм и Уилсоном произошла ссора, и все отношения выяснились раз и навсегда. Уилсон назвал Сэм эгоистичной стервой. Хаусу все удалось.

За одним исключением. Сэм возвращается и говорит Уилсону, что она изменилась. Уилсон говорит, что он тоже постарается. Уилсон говорит, что им следовало сказать все это друг другу десять лет назад. Но совершенно понятно, что это было невозможно. Для этого ему сначала нужно было измениться.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВСЕГДА ПОЛУЧАТЬ ТО, ЧТО ХОЧЕШЬ...

Вопрос: «Справедливо ли говорить, что нельзя всегда получать то, что захочешь? Вы всегда получаете то, что хотите?»

Роберт Шон Леонард: «Получить желаемое можно. Но потом случается автобусная катастрофа. Я не знаю, можно ли удержать то, что хочешь. Лично мне кажется, что все это – случайность. В мире множество добрых, хороших, заботливых людей попадает под автобус, а сволочам сходит с рук даже убийство. Я всегда думаю об этом на дороге, когда еду из Нью-Йорка в Нью-Джерси. Едешь три мили по 101-й трассе, а потом чувствуешь, что скоро нужно сворачивать на 405-ю. Люди начинают прижиматься вправо, и движение замедляется. Но всегда находятся люди, которые несутся всю дорогу, а потом резко сворачивают направо. В такой ситуации я сразу же думаю – может быть, этот парень попадет в ужасную аварию или его мать умирает от ужасной болезни, но все же мне кажется, что у такого человека все в полном порядке. И, думаю, у него действительно все о'кей».

... ТЫ ПОЛУЧАЕШЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПОЛУЧАЕШЬ

«Люди получают то, что получают. Это не имеет ничего общего с тем, чего они заслуживают».

– Хаус («Смерть меняет все»)

Миллиардер Рой Рэнделл из «Кармы в действии» считает, что боги наказывают его за безграничный успех в бизнесе. Сначала умирает его жена, потом неизлечимо заболевает сын. Рэнделл считает, что это его вина. Рэнделл настаивает на встрече с Хаусом, потому что тот — лучший врач. Но в то же время он сознательно растрачивает собственное состояние, считая, что тем самым восстановит карму и исцелит сына. Хаус ставит мальчику диагноз и спасает его. Рэнделл считает, что подействовало его финансовое саморазрушение; Хаус знает, что все дело в медицине.

«Я стараюсь быть максимально хорошим человеком, насколько это для меня возможно, но я не верю тому, что меня ждет святой Петр с небольшим блокнотиком моих деяний. Я не верю в существование морального кодекса, не верю в Страшный суд в конце времен… Я не верю в предопределенность. Я верю в то, что человек может делать то, что хочет. Я не считаю, что за это будет наказание. Если завтра вы захотите стать серийным убийцей, пожалуйста. Я ничего не знаю о вашей судьбе, не знаю, что почувствую в связи с этим».

– Роберт Шон Леонард

В серии «Сердце Уилсона» Уилсон терзается. Он не знает, почему Эмбер оказалась в автобусе с Хаусом, словно ее намерения могли возыметь какое-то действие на то, что случилось. Тринадцатая не может активно принимать участие в лечении Эмбер, потому что ее саму терзают страхи из-за ранней смерти. А вот у Катнера уже есть горький опыт. Он рассказывает Тринадцатой, что его родителей убили, когда ему было всего шесть лет. Жизнь несправедлива. Пока Эмбер умирала в операционной, Катнер смотрел телевизор и ел мюсли. А что происходило в его голове, становится нам ясно позднее, когда он поставит самый главный вопрос сериала, на который так и не найдется ответа.

«Лично я думаю, что это случайность. Ты получаешь то, что можешь получить».

– Роберт Шон Леонард

После смерти Эмбер Хаус в галлюцинациях видит себя вместе с ней в автобусе. Он говорит, что это ему нужно было умереть. Почему?

Хаус: «Потому что жизнь не должна быть случайной. Потому что одинокий, мрачный наркоман должен был погибнуть в том автобусе, а молодая, влюбленная девушка, которую среди ночи выдернули из собственной квартиры, должна была уйти целой и невредимой».

Эмбер: «Тебе не свойственно жалеть себя».

Хаус: «Я дорос до жалости от отвращения к себе и саморазрушения… Уилсон будет ненавидеть меня».

Эмбер: «Ну, ты это заслужил».

Если у Хауса случился прорыв, то это тяжелый урок. На секунду Эмбер уподобляется Хаусу в серии «Один день, одна комната», а Хаус, как Ева, знает все вопросы, но не находит ответов.

Эмбер: «Сойди с автобуса».

Хаус: «Я не могу. Потому что… Потому что здесь не больно. Я лгал. Я не хочу испытывать боль, не хочу быть несчастным. И я не хочу, чтобы он меня ненавидел».

Эмбер: «Что ж… Не всегда получаешь то, что хочешь».

Я никогда не считал, что у Хауса золотое сердце. Это не означает, что он мне не нравился. Я даже любил его. Мы любим не только тех, у кого золотое сердце, — иначе наш мир был бы очень скучным местом. Я всегда думал, что Хаус, бесспорно, находится на стороне ангелов, но это вовсе не означает, что он сам — ангел. Не нужно быть ангелом, чтобы бороться на их стороне.

Хью Лори

ХЬЮ ЛОРИ

В конце серии «Увольнение» Хаус в кафе встречает симпатичную девушку-диетолога, Хани. Хаус лечил ее приятеля-вегана. Она думает, что Хаус пригласил ее, чтобы поговорить о работе. Но она быстро понимает, что это не собеседование, а скорее свидание. Хани говорит, что ничего не знает о Хаусе, хотя ей прекрасно известно, что он врач. Хаус откровенно перечисляет собственные качества. Он принимает антидепрессанты. Он ест мясо. Он пристрастился к наркотикам. Он не всегда верен своим подругам. Девушка быстро перебивает: «Насколько же вы должны быть несчастны, если спасаете жизни, спите с кем попало и принимаете наркотики?» Хороший вопрос. (Хаус даже интересуется у Хани, не была ли она в старших классах членом дискуссионного клуба.) Кроме этого, Хаус говорит, что ненавидит чай, и тут же заказывает его.

«Доктор Хаус» — это, конечно, история Хауса. «Хаус — наш главный герой, — говорит Дэвид. — У него есть начальница, лучший друг, подчиненные, и он всегда в центре действия». Хаус участвует практически в каждой сцене сериала, и сюжет закручивается вокруг него. Как говорит Чейз, Хаус всегда будет командовать — хочет он этого или нет («Карма в действии»). Другие персонажи лишь помогают высветить или скрыть различные стороны его характера: Кадди и Камерон показывают отвращение Хауса к личным отношениям; Уилсон — его противоречивую потребность в дружбе; Форман и Чейз — его двойственное отношение к помощи людям; Тауб и Тринадцатая — потребность в контроле. Некоторые персонажи (Стейси, Кадди, в некоторой степени Кэмерон) ему симпатизируют. Другие (Фоглер, Триттер и в некоторой степени Кадди) его терпеть не могут. Но все они связаны с ним.

> «Во многих отношениях он — демонстративный эгоманьяк, но не обычный эгоманьяк. Ему не нужно, чтобы окружающие аплодировали ему за его добрые дела».
>
> – Хью Лори

История жизни Хауса, как и истории большинства персонажей, раскрывается перед нами очень медленно. Когда он приходит в себя после ранения в серии «Без причины», на его запястье браслет с датой рождения (достоверной ли?) — 6 ноября 1959 года. В «Трех историях» рассказывается о том, что произошло с его ногой. Мы узнаем, что Хаус учился в Мичигане одновременно с Кадди и был исключен («Известные неизвестные»). В «Отвлекающем раздражителе» Хаус профессионально мстит профессору Веберу, который, как и Хаус, поступил в университет Хопкинса, учил-

ся у тех же профессоров и получил интернатуру в престижной клинике Майо, чего никогда не случилось бы, если бы он не подставил Хауса. Хаус резко критикует лекарство от мигрени, разработанное Вебером. Догадываясь о неприглядном пути Вебера, Хаус сначала испытывает его лекарство на пациенте, находящемся в коме, а потом на себе самом. Каким-то образом Хаус сумел стать дипломированным диагностом, специализирующимся по инфекционным болезням и нефрологии.

Сколько раз Хауса увольняли? В серии «Шалтай-Болтай» Кэмерон говорит, что Хаус — прекрасный врач. «Но все другие главные врачи его всегда увольняли». «Четверо его уволили, — говорит Кадди. — Вопрос в том, почему я взяла его на работу?» Но ответ ей известен. Как она сама говорит в пилотной серии: «Этот сукин сын — наш лучший врач».

СПАСАТЬ ЖИЗНИ

«Спасение жизней — это дополнительный ущерб».

– Хаус («Неверующий»)

Хаус — по-настоящему одаренный диагност. Порой ему удается определить, чем болен пациент, только взглянув на него. Его знания в области болезней и симптомов просто колоссальны. Он потрясающе начитанный человек. (В «Верности» он читает в португальском медицинском журнале о том, как кто-то заразился сонной болезнью от своей подружки. Исследования мигрени, проведенные Вебером, он находит в индийском медицинском журнале. Пожалуй, единственная монография, которую он не перечитывал, это учебник по волчанке, в котором он прячет свой викодин в серии «В поисках Иуды».) Хаус не успокоится, пока не поставит правильный диагноз. Хотя бы в высокой степени правильный. В серии «Крайний шаг» он возвращает человеку, захватившему его и тринадцать заложников, пистолет, чтобы получить возможность завершить процесс постановки диагноза. Принимая во внимание все это, можем ли мы назвать его по-настоящему хорошим врачом?

Уилсон: «У некоторых врачей есть комплекс мессии. Им необходимо спасать мир. У тебя же комплекс Рубика. Тебе нужно решать загадки» («Отказ от реанимации»).

Хаус спасает жизни, потому что ему интересно разгадывать медицинские загадки. Сами пациенты ему в лучшем случае безразличны. В пилотной серии Форман спрашивает: «Разве мы стали врачами не для того, чтобы лечить пациентов?» На что Хаус отвечает: «Мы стали врачами, чтобы

лечить болезни. Лечение пациентов делает большинство врачей несчастными». Пациенты только и делают, что лгут и мешают разгадывать головоломку. Более точно объясняет позицию Хауса Форману доктор Уилсон в серии «Метод Сократа».

Уилсон: «Он любит загадки».

Форман: «Пациенты – это загадки?»

Уилсон: «Ты так не думаешь?»

Форман: «Я думаю, что они люди».

Интерес Формана подстегивает то, что Хаус все же встречается с пациенткой. Люси – настоящая шизофреничка (у нее болезнь Уилсона). Чейз говорит Форману, что Хаусу нравятся «сумасшедшие». «Они – нескучные, – говорит Чейз.– Ему это нравится». В серии «Линии на песке» ребенок-аутист реагирует на Хауса, хотя тот даже не пытается установить с ним контакт. Мальчик протягивает Хаусу свою машинку – явный акт социального взаимодействия. Но другим пациентам, как, например, Еве в серии «Один день, одна комната», приходится прилагать невероятные усилия, чтобы заставить Хауса поговорить с ними.

> «Я думаю, Хаус считает, что будет лучшим врачом, если станет относиться к людям, как к механическим объектам, а не как к чувствующим существам... Его больше занимают собственные проблемы. Я думаю, он хочет сказать, что, если мы будем переживать из-за каждой смерти в обществе, то просто не сможем функционировать».
>
> – Дэвид Шор

Если бы Хаус был таким же, как Форман, Уилсон или (в особенности) Кэмерон, он не смог бы так смело оперировать жизнями пациентов. «Я рискую, – говорит Хаус. – Иногда пациенты умирают. Но если я не буду рисковать, то умрет больше пациентов. Наверное, самая большая моя проблема в том, что я был проклят способностью к счету» («Детоксикация»). Хаус спасает примерно 50 человек в год. А что же тогда можно сказать о человеке, который спасает тысячи? В серии «Туберкулез или не туберкулез» Хаус знакомится с харизматичным доктором Себастьяном, который проводит кампанию по лечению туберкулеза в Африке. Себастьян любят общаться с прессой. Хаус считает его напыщенным фанфароном и таким же эгоистом, как и все другие. Лечение Себастьяна (похо-

же, у него туберкулез) будет стоить десять тысяч долларов, и он отклоняет это предложение. Он не будет лечиться, пока аналогичные лекарства не будут доступны любому африканцу. Он созывает пресс-конференцию, на которой объявляет о своем решении. Но Хаус считает, что спасение жизней — это не место для конкуренции. У Себастьяна есть своя теория:

> **Себастьян:** «Знаете, разница между нашими работами вовсе не в цифрах и не в стилях. Я знаю, что потерплю неудачу. Даже если я спасу миллион человек, всегда будет другой миллион. С этим невозможно справиться. Я думаю, что вы обижены на всех, кому это под силу».
>
> **Хаус:** «Не стоит ли нам просто согласиться с тем, что вы — страшный зануда».

Разумеется, Хаусу неинтересно работать с больными, если у всех них будет только туберкулез.

> «Хаус противоречит себе. Он говорит, что мотивы неважны. Если вы спасаете жизни, то кому какое дело, зачем вы это делаете? Если вы — великий человек, движимый самыми высокими мотивами на земле, но в результате ваших действий люди будут умирать, то грош вам цена. Если вы — самая большая задница на планете с самыми низменными мотивами, но вам удается спасать жизни, значит, вы — хороший человек. Я думаю, что такое восприятие подверглось серьезнейшей проверке в серии «Туберкулез или не туберкулез», потому что Себастьян относится ко второй категории людей, но это раздражает Хауса. Уилсон указывает ему на это. Его раздражает то, что окружающие поклоняются тому парню. Хаус — обычный человек, и он не может подняться над личными предубеждениями».
>
> – Дэвид Шор

Но и у Хауса пациенты умирают. Когда в приемный покой поступает мальчик, которому Кадди ставит диагноз гастроэнтерит, к нему приходит Хаус. Хаус замечает, что мальчик не может взять его трость. Вернувшись в кабинет, Хаус лезет в нижний ящик и находит историю болезни двенадцатилетней давности. Он никогда не хранит истории болезни, но этот случай — исключение. Хаус считает, что у шестилетнего мальчика и у умершей двенадцать лет назад семидесятитрехлетней Эстер одно и то же заболевание («Ва-банк»). После смерти Эстер ее родные не позволили Ха-

усу провести вскрытие, чтобы убедиться в том, что он правильно определил крайне редкое заболевание.

Чейз знает, что у Хауса хранится эта история болезни (он упоминал о ней до прихода Кэмерон в больницу Принстон-Плейнсборо). Решить эту загадку для Хауса все равно, что увидеть Деву Марию. Его предположение оказывается правильным. У мальчика синдром Эрдхайма-Честера. Болезнь «играла» с ним, не проявляясь там, где ее искали, но распространилась позднее. Интересно, что, когда у Хауса остается неразгаданная загадка, он запоминает имена пациентов.

В серии «Увольнение» Хаус подсаживается на антидепрессанты, которыми снабжает его Уилсон. Хаус ставит диагноз девятнадцатилетней Эдди. Она очень бледная, но Хаус доволен собой — он только что разгадал особо сложную загадку.

Хаус: «Разве вы не видите, какое невероятное состояние — дефицит белка? Невозможно определить по анализам, невозможно заметить. Я думаю, что это связано с кровохарканьем».

Форман: «И вы счастливы».

Кэмерон: «Она умирает».

Хаус: «Это не моя вина. Она все равно умрет. Теперь же благодаря мне она хотя бы будет знать, от чего».

Форман спрашивает Хауса, знает ли он, как зовут девушку («Мертвую первокурсницу?»). Или ее отца? Или ее мать? Хаус же интересуется, какая была бы разница, если бы он знал их имена? Он идет в палату сообщить девушке диагноз. «Эдди, вы умрете?, — говорит он. — Через пару дней или раньше». Он начинает объяснять ей ее заболевание, но она обрывает его: «Это неважно». Но Хаус не сдается. «Это же убивает вас, и вы даже не хотите узнать, что именно?» «А разве есть какая-то разница?» — спрашивает Эдди.

Хаус: «Какой смысл жить, не испытывая любопытства? Не желая...»

Эдди: «Чтобы испортить свои последние часы только тем, что я не хочу вас слушать?»

Отец: «Убирайтесь отсюда».

Хаус: «Это... Это как темная материя во вселенной...»

Эдди смотрит на Хауса. Ей кажется, что он улыбается. Хаус видит свое отражение в контейнере для салфеток, и тут его осеняет. Хаус бросается к Уилсону и упрекает его в том, что тот подсадил его на антидепрессанты. Он чувствует свою вину. Он не улыбался, это лекарство лишило его трезвости мысли. Хаус никак не может смириться с тем, что Эдди не хочет знать, от чего умирает. По мнению Уилсона, это объясняется тем, что она несчастна. Не больше, чем всегда, отвечает Хаус, и тут его осеняет снова. У Эдди депрессия – она пыталась покончить с собой, выпив моющую жидкость в желатиновой капсуле.

Вот что пациенты получают от Хауса. Он не знает их имен, его не интересует их судьба, но он спасает их жизни. Хаус не дает гарантий. Он обещает Эдди не говорить родителям, что она пыталась покончить с собой, но все же говорит, чтобы не перегружать себя этой информацией. Когда мать Эдди спрашивает, можно ли будет позвонить ему, если появятся какие-то вопросы, Хаус категорически отказывает ей.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ХАУСЫ В РЕАЛЬНОСТИ?

«Я бы предпочла, чтобы меня лечил последний мерзавец, который знает, что делает, чем душка и милашка, который все сделает неправильно,» – Боббин Бергстром

Дэвид Фостер говорит, что ему постоянно задают вопрос: «Похож ли Хаус на кого-то из ваших знакомых?» Я отвечаю, что, конечно, нет. Ни один врач никогда не будет говорить таких вещей и так себя вести. Но если поговорить с медсестрами, они скажут: «Этот доктор Хаус точно такой же, как все врачи». Доктор Хаус больше похож на врачей, чем им самим кажется».

«Я думаю, что в этом и кроется одна из привлекательных сторон сериала. Рядом со всеми работают люди, которых можно назвать занозами в заднице, но лишь с нашей точки зрения. Наверное, и мы сами тоже кажемся кому-то занозой в заднице» .

– Дэвид Шор

«У меня был очень несчастный пациент со СПИДом. У него случился инфаркт, он умер, рядом с ним стоял его друг. А тут вошел врач и сказал: «Ну и страшила!» прямо в присутствии его партнера. Хаусы встречаются повсюду».

– Боббин Бергстром

СПАТЬ С КЕМ ПОПАЛО

> «Кто мог бы стать идеальной подругой для Хауса – вот о чем меня чаще всего спрашивают. И не только зрители, но и профессионалы. Агенты постоянно предлагают мне разных актрис. Кто та женщина, которая сможет залечить эти раны? В этом есть нечто невероятно романтичное... Кто сможет увидеть больше и оценить все то, что скрывается за грубой оболочкой?»
>
> – Кэти Джейкобс

Хаус ведет гораздо более активную сексуальную жизнь в мечтах, чем в реальности. В фантазиях он видит, как Кадди исполняет стриптиз, а в галлюцинациях занимается с ней сексом. С воображаемой Эмбер ему куда лучше, чем с реальной. Он был романтически увлечен четырьмя женщинами: Кэмерон, Стейси, Лидией и Кадди. У него было много подружек на одну ночь, девушек по вызову (как он их называет). К их числу относится Пола: «Мне нужно отвлечься. Для этого же не нужно разговаривать, правда?» («Отвлекающий раздражитель») – и «актриса», которую он нанимает, чтобы устроить ловушку Катнеру и Таубу и вскрыть их онлайновую диагностическую систему («Пусть едят пирожные»).

> «Такт в цивилизованном обществе появился не без причины. Чтобы сказать то, что думаешь, необходим настоящий героизм. Такие люди в нашем обществе – огромная редкость, те, которые говорят то, что думают, и не потому, что хотят понравиться или не понравиться. Такие люди считают, что сейчас нужно сказать именно это, и говорят. Это большая редкость. Но, наверное, так и должно быть».
>
> – Дэвид Шор

В серии «Спортивная медицина» Уилсон ужинает с адвокатом Стейси. Хаус говорит, что у него нет никаких прав ревновать. Зрители ничего не знают о Стейси. Но они знают, что Хаус пригласил Кэмерон на гонки грузовиков. Это свидание? Да, отвечает Хаус, за исключением романтической части. Кэмерон дает понять, что влюблена в Хауса, но Хаусу гораздо более интересно знать почему. Он ученый, а не романтик. Кэмерон уходит («Образец для подражания») и говорит, что вернется только в том случае, если Хаус согласится пригласить ее на настоящее свидание. Но свидание с Кэмерон («Любовь зла») превращается для Хауса в очередной сеанс разгадывания загадок. Он считает, что Кэмерон вновь пытается повторить свой жизненный опыт – она была замужем за человеком, который умер от рака. «Я – то, что тебе нужно, – говорит Хаус. – Я убогий».

Вопрос: «Мира Сорвино (Кейт, ученая, работающая в Антарктике, «Во льдах») была идеальной подружкой для Хауса».

Дэвид Шор: «Точно. Потому что их разделяло 6000 миль».

В следующем эпизоде Стейси появляется в больнице Принстон-Плейнсборо. И тут мы узнаем, что она — бывшая подруга Хауса. Они не виделись пять лет. Кэмерон понимает, что проиграла, и уходит.

Вопрос: «Так грустно видеть, что со Стейси ничего не вышло».

Дэвид Шор: «Он все испортил. У него такой характер, что он все портит. Устроить ему личные отношения в тот момент было бы ошибкой. Нам он нужен в качестве одинокого волка».

Стейси привозит к Хаусу своего мужа, Марка. В «Трех историях» во время лекции Хаус рассказывает о том, что случилось с его ногой, не раскрывая того, что говорит о себе: аневризма и тромб привели к разрыву и омертвению мышц. Диагноз не могли поставить три дня, а потом сам пациент предположил омертвение мышц. А партнером Хауса в тот момент была... Стейси. Хаус отказался согласиться на операцию. Он будет жить с постоянной болью. Хауса погружают в кому, чтобы он смог перенести худшие моменты. Пока он находился в этом состоянии, Стейси дала разрешение на удаление мышц — нечто среднее между ампутацией и сохранением конечности. Хаус остался хромым и терзаемым хронической болью. Он с горечью вспоминает о Стейси. «Я спасла твою жизнь»,— говорит она. «Да, возможно...»

Кэмерон: «Каким он был раньше, до этого случая с ногой?»

Стейси: «Практически таким же» («Медовый месяц»).

«Я не связываю все с его ногой. Мне (да и всем нам) кажется, что он всегда был блестящим врачом и всегда точно так же относился к гуманизму. Думаю, он относился точно так же и к себе самому еще и раньше. Он всегда был задницей, но держал это в себе. Но, став хромым, он больше не смог держать все это в себе. Поэтому люди должны немного прощать его».

- Дэвид Шор

Хаус пытается поставить диагноз Марку, хотя и не уверен, что хочет сохранить жизнь мужу Стейси. Хаус и Стейси все еще небезразличны друг

другу. В конце первого сезона она говорит ему: «Ты единственный. И всегда будешь единственным. Но я не могу быть с тобой».

> *Стейси: «Самое замечательное в тебе — это твоя постоянная уверенность в собственной правоте. А самое ужасное — это то, что ты действительно чаще всего прав. Ты — блестящий, веселый, удивительный, сексуальный. Но с тобой я была одинока. А с Марком... Тут есть место для меня».*

Хаус спокойно соглашается, и они целуются. До Кадди Хаус никогда и никому не говорил, что готов измениться. Он всегдя представал таким, каков он есть: бери или уходи. В конце первого сезона Кадди предлагает Стейси работу в больнице Принстон-Плейнсборо. И Стейси снова готова влюбиться в Хауса. «Я ненавижу и люблю тебя, — говорит она. — И я люблю Марка» («Крутой поворот»). Хаус манипулирует и соблазняет: он пробирается в психотерапевтическое отделение и читает записи сеансов Стейси и Марка. Во время командировки он спит со Стейси («Трудности перевода»). Но когда она говорит ему, что готова уйти от Марка, он уговаривает ее этого не делать. Марк готов быть с ней, несмотря ни на что, Хаус — нет. Он говорит, что не сможет сделать ее счастливой. Ему будет больно, если ей понадобится что-то, чего он не сможет ей дать («Необходимые знания»).

Уилсон страшно злится на то, что Хаус снова упустил свой шанс. Хаус должен захотеть измениться. Ему нужно попытаться быть счастливым. Но сам Хаус к этому еще не готов:

> *Уилсон: «Ты не любишь себя. Но ты собой восхищаешься. Это все, что тебе нужно, и ты больше ничего не хочешь. Ты боишься, что, если изменишься, потеряешь то, что делает тебя особенным. Но несчастье не делает тебя лучше других, Хаус. Оно просто делает тебя несчастным».*

«Уилсон у нас говорит: «Ты не любишь себя, но восхищаешься собой», и я думаю, что это правда. Он не любит себя. Думаю, он боится того, что, начав жить, как обычный человек, он не только не будет счастлив, но еще и возненавидит себя за это несчастье. Он восхищается собственным жизненным выбором. По утрам он себя не уважал бы».

– Дэвид Шор

В пятом сезоне Хаус наконец-то доходит до грани. Приняв викодин, в галлюцинациях он занимается сексом с Кадди. В психиатрической больнице Мэйфилд Хаус встречает женщину по имени Лидия. Она приходит в больницу играть на рояле своей золовке Энни. Раньше Энни играла на виолончели в оркестре, но теперь она замкнулась в молчании. Хаус и Лидия сближаются, но Хаус отталкивает ее, потому что, как он говорит, люди всегда причиняют друг другу боль. Но они находят друг друга. Лидия приносит виолончель своей подруги на случай, если она очнется. Хаус неожиданно замечает присущую Лидии позитивную силу. Они обнимаются, танцуют и занимаются любовью.

Лидия хочет чуда, и она его получит. Хаус близок к осознанию того, что хочет измениться. Он извиняется перед пациентом, который называет себя Капитаном Свобода. Этот пациент получил травму, когда Хаус взял его на прогулку, чтобы избавить от фантазии о том, что он может летать. Капитану Свободе удается достучаться до Энни — он дарит ей музыкальную шкатулку, и она снова начинает играть на виолончели. Хаус приходит домой к Лидии. Энни поправилась, она уезжает, и Лидия тоже. Она не говорила Хаусу, потому что хотела, чтобы их роман закончился идеально. Она замужем — это удар для Хауса. Он не хочет, чтобы все кончалось.

Хаус говорит своему психиатру, доктору Нолану: «Она уехала. А я пропал». Нолан видит, что Хаус испытывает сильнейшую эмоциональную связь, а это означает, что он может покинуть больницу. Когда Хаус возвращается в больницу Принстон-Плейнсборо, к Кадди, он уже готов к настоящим отношениям. Только он их еще не заслужил.

ПРИНИМАТЬ НАРКОТИКИ

> «Хаус за четыре с половиной года привык к тому, что впал в наркотическую зависимость от викодина. Но это его вполне устраивает. Он считает, что это наилучший выход из дерьмовой ситуации. Он принимает таблетки не для того, чтобы отключиться и развлечься. Они избавляют его от боли, чтобы он мог работать. Да, он наркоман. Да, он вредит самому себе. Но это работает. Наркотики — очень сложная проблема для нашего сериала. Я думаю, что он был абсолютно прав до тех пор, пока у него не начались галлюцинации и он перестал отличать реальность от глюка».
>
> – Дэвид Шор

«Нет, у меня нет проблем с контролем боли. У меня есть проблема с болью». Так Хаус говорит в «Бритве Оккама». Этим он оправдывает прием

наркотиков. У него болит нога, он принимает таблетки и способен снова жить нормальной жизнью. С этим согласны не все. «Хаус – наркоман», – говорит Форман в серии «Сын коматозника». Но способен ли этот наркоман работать? В серии «Детоксикация» Кадди пытается избавить Хауса от пристрастия к таблеткам, на месяц освобождая его от исполнения обязанностей в больнице. Хаус ужасно страдает. Он разбивает себе руку, чтобы отвлечься от ломки. Он выдерживает неделю. Уилсон спрашивает, узнал ли он что-нибудь. «Да. Я наркоман».

Хаус: «Я сказал, что я был наркоманом. Я не говорил, что у меня была проблема. Я оплачиваю счета. Я готовлю еду. Я функционирую».

Уилсон: «И это все, чего ты хочешь? У тебя нет личной жизни».

Хаус: «Я не хочу никакой личной жизни».

«Я думаю, это лучшее место нашего сериала. Тут нет белого и черного. Когда люди называют Хауса задницей, я даже не понимаю, что они говорят серьезно. Сценаристы так тонко все прописали, что белого и черного просто не осталось».

– Кэти Джейкобс

Боль в ноге со временем усиливается. В серии «Внешность обманчива» он просит Кадди сделать ему укол морфина. Но когда в серии «Без причины» Мориарти стреляет в него, ему делают операцию. После операции нога болит значительно меньше. Как и Стейси, Кадди воспользовалась бессознательным состоянием Хауса, чтобы попытаться вылечить его ногу или хотя бы облегчить боль. Хауса вводят в «диссоциированную кому», и его мозг перезагружают. Такой экспериментальный метод применяют к пациентам, страдающим от хронической боли. Существует 50-процентная вероятность, что боль не вернется. Хаус это отрицает, но у него появляются побочные эффекты – галлюцинации. И все же ему удается прожить без боли пару месяцев. Впрочем, хорошего помаленьку. И в серии «Смысл» он выписывает себе рецепт на викодин на бланке, украденном у Уилсона.

Когда Хаус втыкает термометр в ягодицу пациента и на день уходит, кажется, что ему и это сойдет с рук. Но эта ягодица принадлежала детективу

Триттеру. Триттер говорит Кадди, что Хаус издевался над ним, а такие люди не отступают, пока не встретят кого-то сильнее себя. Хаус не собирается извиняться, поэтому Триттер поднимает ставки. Он задерживает Хауса, находит его таблетки и арестовывает за хранение наркотиков («Без ума от любви»). «Триттер думает, что Хаус наконец попался» — говорит Кэти Джейкобс. Действительно ли Хаус настоящий наркоман или просто злоупотребляет викодином? «Нам нужно было решить проблему того, может ли принимать подобные таблетки руководитель диагностического отдела, от которого зависят жизни пациентов, — говорит Джейкобс. — Триттер дал нам возможность увидеть обе стороны этого явления».

> «Многие считают Триттера просто плохим парнем. А я никогда так его не воспринимал. В некотором роде Триттер абсолютно прав».
>
> – Дэвид Шор

Триттер пытается убедить людей дать показания против Хауса, но безуспешно. Потом на это соглашается Уилсон. Хаус отчаянно пытается раздобыть свои таблетки и наконец крадет рецепт умершего пациента. Триттер не мстит Хаусу — как ему кажется, он служит высшему благу.

> **Триттер:** «Таблетки искажают реальность. Он наркоман».
>
> **Кадди:** «Он же не грабит винные магазины или...»
>
> **Триттер:** «Нет, он лечит людей. Он должен найти другой способ решения своей проблемы, пока никого не убил. Если уже не убил» («В поисках Иуды»).

В суде Кадди дает ложные свидетельства в пользу Хауса. Она заключает сделку с дьяволом. «Единственное светлое пятно во всем этом — то, что я заполучила твою задницу», — говорит она. Триттер проявляет великодушие. «Надеюсь, я в вас ошибался», — говорит он Хаусу. Он не ошибался. Реабилитация Хауса оказалась фальшивой. Он снова подсаживается на викодин и становится прежним («Слова и дела»).

В пятом сезоне гипотеза о том, что и наркоман может нормально работать, окончательно рушится. В «Лучшей стороне» Хаус прописывает себе метадон. Он избавлен от боли, он счастлив, он бросает работу. Но он идет по той же дорожке: разгадка загадок в больнице Принстон-Плейнсборо, боль и несчастья. «Ты получила только меня», — говорит он Кадди. Незадолго до смерти Катнера Хаус признается, что был у психиатра, возможно, в последней надежде («Взаперти»). Потом умирает Катнер, и Хаусу нужно понять, почему. Он изо всех сил пытается решить эту загадку. Он не мо-

жет поверить в то, что Катнер совершил самоубийство. Он убежден, что его убили. В галлюцинациях Хаус видит Эмбер. Он поджигает труп в морге, репетируя мальчишник Чейза («Раздвоение»). А потом в своих галлюцинациях он занимается сексом с Кадди. После этого ему прямая дорога в психиатрическую больницу Мэйфилд.

> «Он приходит в больницу не для того, чтобы избавиться от таблеток. Он просто хочет вернуть свою жизнь. Понять свои недостатки и ограничения. Думаю, что он уже дошел до точки».
>
> – Дэвид Шор

....

Хаус покидает Мэйфилд чистым и безработным. Но он не может избавиться от своей другой зависимости — от загадок. В «Полном провале», когда видеогеймер Винс выкладывает в Интернете свои симптомы и предлагает вознаграждение за диагноз, Хаус решает загадку (и получает 25 тысяч долларов). Доктор Нолан понимает, что и загадки, и таблетки воздействуют на одну и ту же область его мозга: он решает загадку, и его нога перестает болеть. Нолан говорит Хаусу, что тот может вернуться к работе. Тут его подстерегают демоны. «Но, возможно, хуже возвращения может быть только невозвращение».

Вопрос: «Он наркоман?»

Дэвид Шор: «Трудно представить, что не наступит такой момент, когда он окончательно сорвется».

ВНЕШНОСТЬ ХАУСА

Подбирая гардероб для Хауса, Кэти Крэнделл вдохновлялась фотографиями Марлона Брандо и Шона Пенна. Она оценила непочтительность, свойственную герою сериала. «Мы придали ему беспечный вид, чтобы всем было ясно, что он не заботится о своей одежде. Но при этом мы хотели, чтобы он выглядел хорошо». Кэти подобрала для Хауса аккуратный, сшитый на заказ пиджак и дополнила его мятой рубашкой, джинсами и кроссовками из необъятной коллекции Nike. Но спортивные куртки Хауса сидят неважно — они слишком малы. «В этом и заключается история», — говорит Кэти.

Хаус — человек, у которого нет времени подбирать одежду так, чтобы она сидела идеально. Это «тонко, но заметно,» — говорит Кэти. — Иногда характер героя проявляется в плохо сидящей одежде».

Впрочем, не обманывайтесь. У Хауса хорошая одежда. Большинство его спортивных курток от Александра Маккуинна. А его рубашки... «Они стоят целое состояние. Так и должно быть в хитовом шоу». То же самое относится и к его футболкам. «Я стараюсь сделать их немного рок-н-ролльными» — приходится заказывать много. Мотоциклетную куртку Хауса не найдешь в магазинах. Кэти взяла стандартную куртку Vanson и сама добавила на рукава изящные полоски.

ИМПЕРИЯ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

> «То, что делает Хью, абсолютно невозможно. Он не только убедительно играет американца, но еще и вносит удивительную конкретность с потрясающей скоростью, если учесть то количество страниц, которое он играет каждый день. Не хочу никого обидеть, но не думаю, что кто-нибудь может хотя бы приблизиться к тому, что делает Хью».
>
> - Кэти Джейкобс

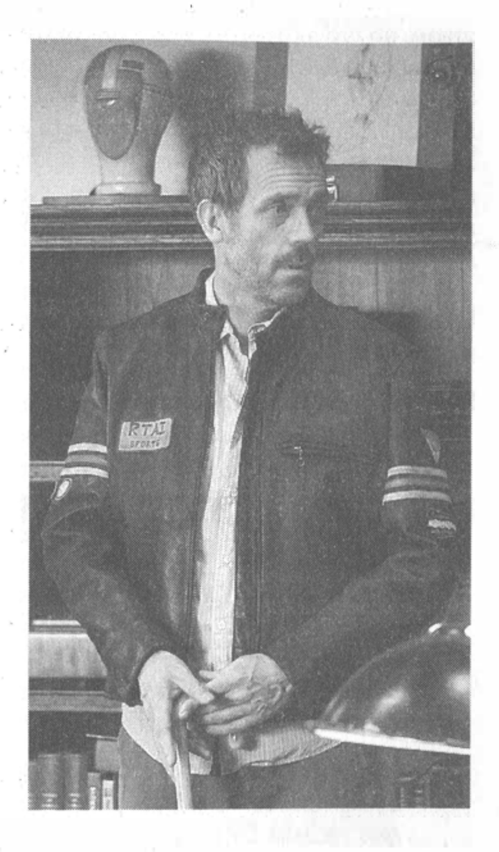
Хью Лори — один из множества британцев, канадцев и странных австралийцев, работающих над «Хаусом». Главный оператор Гейл Тэттерселл и другие члены съемочной группы — англичане, что неудивительно, ведь в Голливуде работают десятки тысяч британцев. Главный художник Джереми Касселс — шотландец, Дэвид Шор и Дэвид Хозелтон — канадцы, Джесси Спенсер — австралиец. Хью Лори был уже очень хорошо известен в Великобритании — преимущественно своими комическими ролями в сериалах «Дживс и Вустер» и «Шоу Фрая и Лори» (со Стивеном Фраем), а также сериалом «Черная гадюка». Ни в одном из этих шоу Лори не говорил с американским акцентом.

> «Мой отец умер, и я рассказал Хью о том, как мы с ним истерически хохотали над «Дживсом и Вустером» и «Черной гадюкой». Помню, когда впервые увидел Хью, то почувствовал, что мой отец на небесах говорит: «Ну, наконец-то ты работаешь с актером, которого я могу уважать».
>
> - Джереми Касселс

Единственный человек, не уверенный в акценте Хью Лори, это сам Хью Лори. «Это приходит и уходит, — говорит он. — У меня бывают удачные и

неудачные дни. Прошло шесть лет, а я все еще не понимаю, почему бывают удачные и неудачные дни». Он тренируется в акценте по дороге на студию. Если он едет на мотоцикле, то спрашивает у других водителей на светофорах, с кем они разговаривают. «Иногда мне это не удается, – говорит он и тут же поправляется. – Нет, это не удается мне каждый день». Если ему приходится перезаписывать диалоги, он всегда прослушивает себя.

«Я могу войти и услышать только одно предложение, но в нем я замечаю три ошибки. Я думаю: «Если я собираюсь исправлять эти три, то, значит, во всем сериале их 31 000. А с ними-то что делать?» Наступает момент, когда ни на что не хватает времени».

Роскошная байкерская куртка Хауса

А вот Гейл Тэттерселл называет акцент Хью Лори «безупречным». Гейл восхищается тем, как Лори запоминает все свои диалоги и медицинские термины и при этом еще не забывает о своей трости. «Он потрясающий актер,– говорит Гейл. – Огромная радость видеть его и быть членом такой команды». Сценаристы Рассел Френд, Гарретт Лернер и Томми Моран говорят о рабочей этике Хью Лори и о том, что он вносит в сериал, кроме своей игры. Когда Хаус разбил туалет Кадди в серии «Пусть едят пирожные», Лори решил, что сделать это лучше всего кувалдой. Он сделал это одним ударом, использовав кувалду вместо трости, легким импровизированным движением. Сценаристы уважают вкус Лори и прислушиваются к его советам относительно построения сцены. Они считают его акцент превосходным. «Я думаю, он безупречен, – гово-

рит Гарретт. – Иногда он слишком требователен к себе. И тогда приходится его успокаивать: «Какое слово? Не слышу ничего неправильного».

Гарретт Лернер запомнил Хью Лори по эпизоду британской культовой комедии «Молодые». Рассел и Томми меньше знакомы с его творчеством, но его акцент их тоже абсолютно убеждает. «Когда мы впервые с ним встретились,– говорит Рассел, – он говорил с британским акцентом. Я удивился: «О! А почему вы говорите с британским акцентом?» Томми Моран слышит от Лори только американскую речь, даже во время обеда. А потом Лори давал интервью программе «С добрым утром, Америка» прямо на площадке. «Он говорит с американским акцентом, пока ему не задали вопрос. Он начал отвечать с британским акцентом, и какую-то долю секунды я думал, что он просто шутит».

Томми Моран: «Это не было похоже на его голос. Все прозвучало очень странно для меня».

Гарретт Лернер: «Его британский акцент – отстой!»

ХЬЮ ЛОРИ О... «ДОКТОРЕ ХАУСЕ»

Ворос: «В сериале собралась отличная команда...»

«Они – просто замечательные люди, замечательные. Я – нет».

Вопрос: «Чего вы ждали, снявшись в пилотной серии? На ней и закончить? Снять еще десяток серий?»

«Что-то в этом роде. Я думал, это будет интересным пару недель. Брайан Сингер – очень интересный человек. В конце сериала я сделаю часовой DVD, который буду показывать друзьям и говорить: «Видите, что могло получиться».

Вопрос: «Но вы понимали, что это хороший сценарий...»

«Да, конечно. Я всегда знал, что этот сериал может быть удачным. Впрочем, я слегка хитрю. У меня всегда было тайное подозрение, что все может получиться. Я думал, что эта работа стоит того, что в ней есть что-то настоящее. Снимаясь в сериале, ты оказываешься на милости того, что не можешь контролировать».

Вопрос: «Насколько интенсивно расписание съемок?»

«Очень интенсивно и безжалостно. Количество работы просто угнетает, и все же, несмотря ни на что, люди работают в полную силу, и все идет довольно гладко. Этого зверя нельзя автоматизировать. Невозможно просто нажать на кнопку и получить великолепный сценарий. Никакая кнопка не организует съемочный процесс. Каждую неделю тебе кажется, что нужно что-то изобретать заново. Каждая сцена начинается с того, что судорожно думаешь: «Как, черт побери, сделать это как-то по-новому?» Мы вполне могли бы остановиться на том, что показалось нам успешным. Но у нас все поступают наоборот – актеры пытаются найти приемы, которыми раньше не пользовались, а режиссеры пытаются снимать то, чего раньше не снимали».

Вопрос: «Вы ощущаете давление?»

«Самое странное в этой игре – которая на самом деле и не игра вовсе – то, что это всего лишь телевизионный сериал. Парадокс заключается в том, что, если будешь относиться к нему, как к телевизионному сериалу, то не получится и сериала. Все закончится самым печальным образом. Работать станут только из-за денег, а все остальное станет неважно. Конечно, мы знаем, что не лечим рак. Мы даже не изображаем людей, которые лечат рак. Но мы во всем стремимся к совершенству, хотя бы ради того, чтобы остаться в игре. Телевизионный мир – мир конкуренции. Удержать зрителей у экранов очень нелегко. И все же миллион человек хочет видеть то, что мы делаем. Все мы чувствуем на своих затылках жаркое дыхание провала. Все может рухнуть».

Вопрос: «Но не в последнем сезоне...»

«Иногда я заглядываю в Интернет, потому что у меня нет другого способа понять, что думают люди. Никому этого не рекомендую. Это весьма неприятный опыт, потому что зрители довольно жестоки. Я не отвергаю критики со стороны других людей, это невозможно. Но я думаю, что все то, что людям не нравится или их раздражает, кроется в них самих. Это часть нашего собственного, естественного развития. Зрители могут говорить: «Второй сезон был гораздо лучше». Действительно ли это так или просто второй сезон был для вас еще довольно новым? Зрители остались такими же, как и тогда, когда они только увидели наш сериал. Мне кажется, что сегодня многое у нас получается гораздо лучше, чем когда бы то ни было».

«Лечение пациентов – вот из-за чего страдает большинство докторов»

Вопрос: «И даже сейчас вы читаете сценарии и они кажутся вам увлекательными?»

«Да, именно так. Конечно, нас часто упрекают в следовании стереотипам, но такова уж природа телевидения. Приходится строить много декораций, а потом использовать их снова и снова. И это первое и самое практическое условие. Невозможно делать телевизионное шоу без повторного использования физического реквизита. Как только вы используете что-то в работе, эта вещь становится постоянным реквизитом, иначе это было бы неэкономично. Думаю, что мы менее стереотипны, чем полицейские сериалы, в которых плохих парней ловят каждую неделю».

Вопрос: «Ваш сериал самый популярный в мире. Что вы думаете по этому поводу?»

«Я не знаю, что это означает. Но, похоже, он пользуется удивительной популярностью в других странах мира. Это удивительно, потому

что наш сериал – сериал слов, а не действий. У нас почти нет автомобильных гонок, взрывающихся вертолетов или погонь по крышам».

Вопрос: «Но вас же ударили...»

«Да, меня ударили. Пожалуй, это близко всем культурам мира».

Вопрос: «Вы сами напросились».

«Действительно. Я напрашиваюсь каждую неделю».

Вопрос: «Чейз ударил вас в последнем сезоне...»

«В первой серии психиатр говорил что-то о людях, которые получают только десерты, а Хаус опроверг эту идею, заявив, что если бы в мире существовала справедливость, то пациенты должны были бы постоянно устраивать ему групповое изнасилование. Он понимает, что ведет себя очень вызывающе».

ХЬЮ ЛОРИ О... ФИЛОСОФИИ «ДОКТОРА ХАУСА»

Вопрос: «Это главная тема: ты получаешь не то, чего заслуживаешь, а лишь то, что получаешь».

«Да, получаешь лишь то, что получаешь. На мой взгляд, это очень антителевизионная идея, особенно в этой стране. Фильмы и телевидение должны убеждать людей в существовании справедливости, в том, что добродетель будет вознаграждена, а зло наказано, что мальчик обязательно встретит девочку. Это очень приятный и распространенный подход к жизни. «Доктор Хаус» совершенно не такой. Хотя мы, конечно же, не забываем, что работаем для телевидения: многие люди у нас поправляются от ужасных болезней, и у нас хватает счастливых развязок. Сам же Хаус абсолютно не воспринимает идею справедливости. Люди смотрят телевизионные сериалы именно потому, что знают – их собственная жизнь случайна и несправедлива. Они включают телевизор, чтобы увидеть справедливость, увидеть, как наказывают плохих парней и вознаграждают хороших».

Вопрос: «А что вы скажете о том человеке, который организовал инвестиционный фонд, а потом раздал все свои деньги?»

«Ему следует пересмотреть свой морально-экономический кодекс».

Вопрос: «Это не понравилось бы Хаусу».

«Нет, не понравилось бы. Впрочем, Хаус отнесся к нему на удивление спокойно. Он раздражен, но не испытывает к этому человеку антипатии. Пожалуй, в этом ощущается влияние сильной протестантской этики, свойственной Хаусу. Он находит простой ответ или удобный ответ, просто следуя своей обычной подозрительности. Если что-то просто, значит, что-то здесь не так. И в этом и заключается решение дилеммы того человека. Он настолько успешен во многих сферах своей жизни, что что-то просто обязано быть не так. За все нужно платить».

Вопрос: «Хаус не стремится к обогащению».

«Нет, это ему не свойственно. Но ему свойственно чисто детское любопытство, связанное с деньгами и игрушками. Это помогает ему ориентироваться, вести счет».

Вопрос: «Как вы думаете, это хорошо, что Хаус всегда говорит то, что думает?»

«Конечно. Это как миф об Икаре, мечта о полете – это своеобразная социальная невесомость. Его не приковывает к земле тяжесть мысли «я не должен этого говорить», «я должен подчиняться правилам». Мой герой просто не подчиняется законам тяжести. Он может парить, и это просто прекрасно. Это недостижимая мечта».

Вопрос: «Речь идет о том, чтобы пережить день, потому что даже это непросто».

«Это очень тяжело. Хаус очень подозрительно относится к идее абсолютного добра. У нас была серия «Вскрытие». Сценарий для нее написал Ларри Кэплоу. Он получил за нее премию гильдии сценаристов. Там рассказывалось о девочке с опухолью мозга. Все в больнице восхищались ее моральным духом и храбростью. Хаус же очень скептически относится к сочетанию рака и храбрости. Мы часто называем раковых больных смелыми людьми. Хаус же очень скептичен. Насколько смела эта девочка? Только ли раковые больные – смелые люди? Если все люди смелые, то само понятие смелости теряет смысл.

А потом он приходит к мысли о том, что смелость его пациентки – это симптом. Рак повлиял на ее личность, и надо найти способ лечения. Гениальность сценария в том, что Хаус ошибся. Он ошиб-

ся, и благодаря этому было найдено лучшее решение. Это совершенно потрясающий сценарий – философски сложный, как и все остальные».

Вопрос: «В хаусовских болезнях есть нечто удивительное. Вспомните того человека, который пил сироп от кашля, чтобы подавить собственный интеллект» («Счастье в неведении»).

«Абсолютно блестящий сюжет. Я думаю, ему было слишком тяжело. Он не мог видеть, как кто-то смиряет свой интеллект ради достижения счастья, потому что сам он ценит интеллект гораздо выше счастья. Но он сумел понять, что это, по крайней мере, надежная ситуация. И он смиряется с тем, что неведение – это благодать».

ХЬЮ ЛОРИ О... ЛУКАСЕ

Вопрос: «Еще один потенциальный друг Хауса оказывается его соперником. Бедный Хаус».

«Тот молодой человек... Забавно, но это имеет смысл... Хаус был бы гораздо более суров с другими потенциальными партнерами Кадди. Да он и был».

Вопрос: «Он сумел избавиться от этих парней».

«Но этот парень серьезен. Я могу представить, что Хаус даже даст ему собственное извращенное благословение. Или каким-то другим образом даст понять, что он одобряет эти отношения. Он в этом не признается, но понять даст».

ХЬЮ ЛОРИ ОБ... УИЛСОНЕ

Вопрос: «Это один из немногих сериалов, где исследуется мужская дружба...»

«Не знаю, почему в последнее время так часто пользуются этим ужасным словом bromance (*Прим.: Несексуальные отношения между двумя мужчинами, крепкая мужская дружба*). Думаю, мужчины вообще не понимают, как нужно относиться друг к другу».

Вопрос: «После Эмбер вы хотите знать, с кем Уилсон встречается. Вы хотите знать, что он задумал».

«Да, потому что, кроме мужской дружбы, существуют еще и отношения между мужчиной и женщиной. Это не означает, что я увлечен им. Я не хочу, чтобы Роберт Шон Леонард хоть в чем-то выглядел женственным или непривлекательным. Боже сохрани! Но совершенно понятно, что мы имеем дело со «странной парочкой». Во всех нас есть мужское и женское начало. Уилсон тяготеет к женскому, а Хаус – к грубому мужскому».

Вопрос: «Роберт Шон Леонард говорит, что Уилсон еще более сумасшедший, чем Хаус».

«Думаю, что это так. И, возможно, к четырнадцатому сезону – к тому времени меня уже давно не будет – сценаристы примутся за исследование извращенной психики Уилсона. Он исключительно функционален. Дисфункциональность Хауса абсолютно очевидна. И это его качество можно считать куда более здоровым, чем скрытые внутренние терзания Уилсона».

ХЬЮ ЛОРИ О... ХЬЮ ЛОРИ

Вопрос: «Вы смотрите свой сериал?»

«Я смотрел его. Гораздо приятнее оставить все на какое-то время, чтобы забыть, кто и что сделал и что сделал я сам. Иногда я думаю: «Надо же, какой замечательный момент». Если же серия еще свежа в памяти, то я думаю: «Это можно было бы сыграть лучше» или «Зачем я это сделал?»

Вопрос: «Вам трудно учить текст?»

«На самом деле не очень. Мне повезло. Тут играют роль самые разные факторы. Когда сериал только начинался, продюсеры и все остальные думали только о том, понравится ли он кому-нибудь. Это беспокоило их больше всего. Потом они стали думать: «А если это кому-нибудь понравится, сможем ли мы снимать дальше?» Потому что если актер не сможет выучить свой текст, то мы не сможем снимать. «Он не пьет? Он приходит вовремя? Он не носит пистолет?» Честно говоря, все это порой случается, особенно здесь, в Лос-Анджелесе: человек, который казался мирным кроликом, неожиданно дерется с режиссером, ломает мебель или приходит на площадку настолько неподготовленным, что три часа уходит на съемку одного дубля. Все это очень важно, и все это приходится учитывать».

«Нам крупно повезло с Хью — он очень быстро учит текст. Со стороны кажется, что ему не приходится прикладывать ни малейших усилий. Когда смотришь, как человек фантастически делает свое дело, кажется, что ему не приходится даже стараться. Но поддерживать такое впечатление ему невероятно трудно».

– Кэти Джейкобс

Вопрос: «Британская публика знает вас по «Шоу Фрая и Лори» и «Черной гадюке»…»

«Если бы они знали…

Вопрос: «Конечно, они знают. Были ли ваши поклонники удивлены подобным поворотом вашей актерской карьеры?»

«Не знаю, обратили ли они вообще внимание. Порой происходят очень странные вещи. То, что должно было бы произвести впечатление, британцы почти не заметили. Наш сериал очень популярен в Италии, Испании, Германии, Бразилии. Я получаю письма из России. Британию, как мне кажется, нам затронуть не удалось. Они не повелись. И это нормально. Это совершенно нормально».

Вопрос: «Многие британцы испытывают весьма двойственное отношение к Америке».

«Британцы придумали целую кучу ужасных предубеждений относительно американцев. «У них нет чувства иронии». Это ужасная ошибка. Чувство иронии развито у них гораздо выше, чем у большинства британцев. Огромная часть американского телевидения построена исключительно на иронии. Они просто не способны избавиться от этого чувства… У британцев много довольно снобистских предубеждений. Я думаю, все это происходит из-за легкой тревоги, что американцы… ну они же встают раньше нас, да и работают больше».

Вопрос: «Вы живете здесь и возвращаетесь туда?»

«Да. По необходимости я живу здесь, но я не считаю это жизнью дома. Я здесь остановился, как в отеле. Хотя я и подал прошение на «грин-кард», потому что в последнее время очень ужесточились условия получения разрешения на работу… Если нет «грин-кард», то работать очень тяжело… Я искренне восхищаюсь этой страной. Мне очень нравятся люди, с которыми я работаю».

Вопрос: «Вам трудно играть хромого?»

«Да, мне приходится постоянно об этом помнить».

Вопрос: «Не преувеличу ли я, если скажу, что нога у вас действительно болит».

«Иногда я делаю что-то, чего даже не осознаю. Это чистая механика. Я читаю историю болезни, открываю дверь, отвечаю по телефону и тут же делаю инъекцию. Моя проблема в такой ситуации очень проста – как одновременно с этим управляться еще и с тростью?»

ХЬЮ ЛОРИ... О ХАУСЕ

Вопрос: «Стейси. Вы обошлись с ней очень нехорошо».

«Дэвид Шор пишет абсолютно фантастические по драматизму сцены, но в то же время обладает удивительным даром аллюзий. Он прописывает все, что остается за кадром, исключительно хорошо. Он мастерски умеет намекать на прошлые отношения, события и разговоры. То, как он обыграл прошлые отношения со Стейси, достойно «Касабланки». Они встретились в Париже. Немцы в серой форме и так далее и тому подобное. И она входит в бар Рика. Из всех больниц мира она выбирает именно эту. У Дэвида удивительный дар. Я полностью поверил в эту историю и был очень заинтригован ее развитием».

Вопрос: «В шестом сезоне вы должны почувствовать себя лучше».

«Ну, зависимость всегда сохраняется вне зависимости от того, от чего эта зависимость – от обезболивающих препаратов, депрессии, загадок или чего угодно. Зависимый человек всегда будет мучить окружающих. Зависимость иногда отступает, но никогда не проходит. Алкоголики посещают заседания «Анонимных алкоголиков» всю жизнь».

Вопрос: «У Хауса не хватает времени на то, чтобы быть там, где он должен быть».

«У него полная занятость».

Вопрос: «Хаус поддерживает Чейза в случае с Дибалой. Он говорит: «Лучше убийство, чем неправильный диагноз».

«Да, конечно, это шутка, но лишь отчасти. Он прекрасно осознает, насколько абсурдно это звучит, но это действительно так».

Вопрос: «Вы уже находились в таком положении раньше и спасали жизни. Но мы думаем о тысячах других людей, которых мы не знаем. Рон Ливингстон. [Себастьян в серии «Туберкулез или не туберкулез»]. Вы по-настоящему ненавидели этого парня».

«Скорее ревновал... До какой степени самостоятельно люди принимают свои решения? Возможно, они принимают решения, оглядываясь на тех, кто рядом с ними?»

Вопрос: «Почему у Хауса крикетный мяч в кабинете?»

«Это просто нечто такое, что мне хотелось трогать постоянно – и сейчас, и тогда. Кроме того, Хаус много путешествовал. Мне всегда казалось, что академическая работа, если Хауса можно считать ученым, всегда проистекает в собственной стране. Хаусу нравится собирать разные любопытные предметы. У него даже есть трофей из ЦРУ – орел, которого он украл со стола пациентки».

Вопрос: «С вас есть картина Стивена Колберта».

«Я был в восторге от того, что этот гениальный художник изобразил меня в роли Хауса на заднем плане. Возможно, это была ирония, но для меня это неважно. С тех пор у него могли измениться вкусы. Не знаю, висит ли мой портрет там и сегодня, но пару лет он точно был. Я подумал, что должен сделать ответный комплимент. Думаю, Хаусу наверняка нравился бы Колберт. Они подходят друг другу».

Вопрос: «Мне нравится тот момент, когда вы разбиваете туалет».

«Есть нечто очень привлекательное в том, когда яркие, многого достигшие люди ведут себя, словно пятилетние малыши. Такой пятилетний малыш живет в каждом из нас. Он никуда не девается. В других сериалах герои обладают определенными характеристиками и ни на шаг не отступают в сторону. Если уж герой темпераментен, он темпераментен постоянно. Но нам всем порой свойственна темпераментность. А порой и страх. А порой тревога».

Вопрос: «Дэвид Шор не считает Хауса человеком с золотым сердцем, как думают многие».

«Он способен на благородные поступки, на самопожертвование и доброту. Когда он проявляет доброту, то не испытывает потребности в вознаграждении. Это нечто странное и трогательное, что присутствует в американском телевидении: добрые поступки должны быть замечены, вознаграждены или хотя бы оценены по достоинству. Удивитель-

но, сколько еще раз режиссеры и сценаристы будут снимать сцены, в которых влюбленные воссоединяются, бомбу разряжают, а героический поступок происходит на глазах у всех. Влюбленные воссоединяются на бейсбольном стадионе, или в аэропорту, или в поезде метро, и все начинают хлопать от восторга. Такие сцены никогда не происходят в спальне. Хаус необычен тем, что для него совершенно нормально проявлять доброту, не ожидая награды. И это качество заслуживает восхищения. Помните у Киплинга: «И если ты способен все, что стало / Тебе привычным, выложить на стол, / Все проиграть и все начать сначала, / Не пожалев того, что приобрел» (Киплинг, «Если», перевод С. Маршака). Не пожалев того, что приобрел… Это очень достойное качество. И Хаусу оно свойственно в высшей мере».

«Не думаю, что он – дьявол. Не думаю, что он – ангел. Лично я даже не думаю, что у него золотое сердце, как считают многие зрители. Я думаю, что он – человек. Это самое лучшее в том, каким его играет Хью. Было очень легко представить его манекеном, но мы чувствуем, что в глубине Хью скрывается настоящая человечность. Думаю, что это единственное, почему зрители прощают ему те ужасные поступки, которые он совершает».

– Дэвид Шор

Вопрос: «Он никогда не скажет о том, что ему есть дело…»

«Никогда».

Вопрос: «Триттер действительно достал Хауса. Он говорит, что все лгут, а значит, и ваши поступки тоже лгут».

«Полицейские и врачи чаще других видят человечество таким, каково оно есть. Они сталкиваются с людьми в экстремальных ситуациях. Они прекрасно чувствуют, на что человек способен, а на что нет. Это была очень тонкая сцена. Эскалация в ней шла очень тонко. Все началось с замечания: «Я буду ждать». Но эти слова прозвучали в неудачный момент. Хаус взрывается, а потом использует собственную трость в качестве оружия. Сцена была построена очень интересно».

Вопрос: «Это был единственный раз, когда вы подумали, что Хауса могут переиграть…»

«Это был очень умный ход со стороны Формана. Вы же знаете, что у него была сложная молодость. И теперь, когда он, опираясь на

свой богатый опыт, говорит, что у полицейских куча способов замести тебя, ты понимаешь, что это действительно так. Я бы не хотел иметь полицейского своим врагом. Это хорошо не кончится».

Вопрос: «Кадди спасла вашу шкуру»

«Это был прекрасный момент. Я очень горжусь тем, что принимал в этом участие».

«Не думаю, что он – дьявол. Не думаю, что он – ангел».

– Дэвид Шор

Вопрос: «Как вы думаете, через двадцать пять лет Хаус и Кадди останутся друзьями?»

«Совершенно не представляю. Доктора привязаны к своей профессии больше, чем другие люди. Профессия дорого им стоит, поэтому они занимаются ею до тех пор, пока могут».

Вопрос: «Чем он будет заниматься, если уйдет на пенсию?»

«Его нога будет болеть, пока он не найдет себе проблему. Шерлок Холмс всегда впадал в депрессию, пока не находил себе проблему».

Вопрос: «Музыка важна для вас?»

«Исключительно! Музыка для Хауса – душевное отдохновение. Я считаю его очень романтическим человеком, и музыка – это часть его романтической натуры. В музыке есть механическая, математическая сторона, которая привлекает Хауса. Я могу представить Хауса в роли замечательного ученика Баха. Он отлично понял бы математические прогрессии Баха и их совершенство. Но в нем есть и джазовая сторона».

Вопрос: «Это свободное мышление. Он прекрасно импровизирует».

«Он видит связи между вещами. Он умеет импровизировать. В нем мирно уживаются Бах и Телониус Монк».

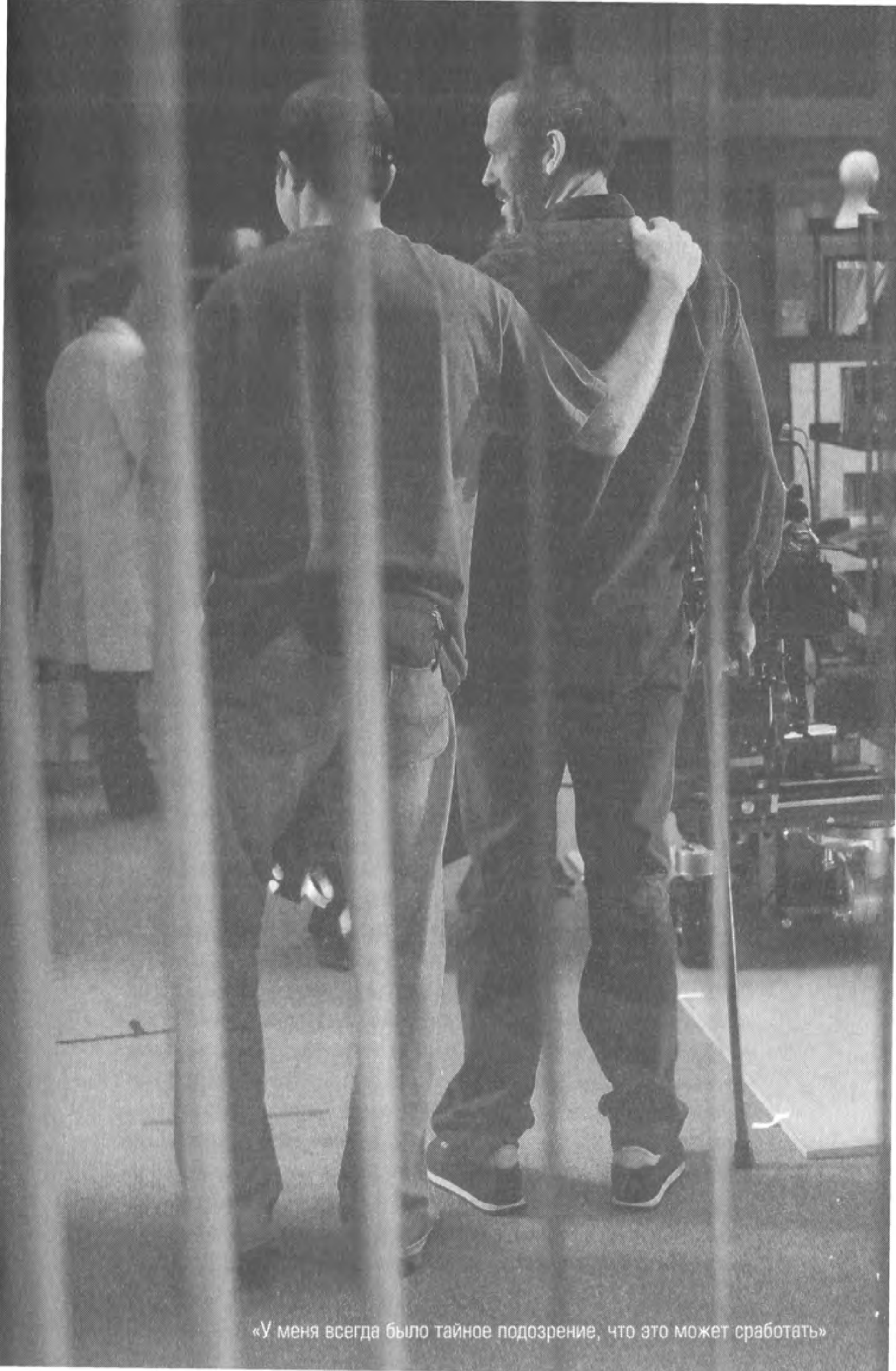

Оборудование из «Доктора Хауса» в декорации «улица Нью-Йорка» на съемочной площадке студии FOX в Лос-Анджелесе

«Доктор Хаус» выгодно отличается от другой продукции кабельного телевидения. . .»

«Нью-Йорк Таймс»

«У меня всегда было тайное подозрение, что это может сработать»

Заключение

> Мы больше не стремимся быть просто хорошим сериалом. Мы хотим сделать так, чтобы каждая серия была хороша настолько, насколько это вообще возможно. И надеюсь, нам это скорее удается, чем не удается. Никто из нас не согласен на «четверку».
>
> Кэти Джейкобс

В 2009 году французская организация Eurodata TV Worldwide, определяющая рейтинги телевизионных программ по всему миру, объявила, что «Доктор Хаус» оказался самым популярным телевизионным сериалом с мире. Его смотрит 81,8 миллионов зрителей в 66 странах мира. «Доктор Хаус» — это потрясающий феномен, которому удалось завоевать сердца представителей самых различных культур. Сериал породил огромное множество книг — от академических курсов до сыплющихся, словно из рога изобилия, современных исследований, связанных с Интернет-сообществом. Ворчливое обаяние Хауса преодолевает возрастные барьеры, государственные границы и все демографические показатели, используемые международными маркетологами. «Доктор Хаус» прочно обосновался в программах американско-

го кабельного телевидения. Можно с твердой уверенностью сказать, что этот сериал — настоящий хит.

Для съемочной группы «Доктора Хауса» повседневное стремление к совершенству стало нормой жизни. Такой подход не изменился со времен пилотной серии. Телевидение — это индустрия, в которой качество еще не гарантирует успех. «Доктор Хаус» сумел приобрести прочную и долгосрочную популярность, при этом сохранив высочайшее качество. Соответствовать такому стандарту столь долгое время непросто. Сериал постоянно выдвигают на различные премии. Он заслужил высокую оценку критики и кинособщества, не говоря уже о миллионах зрителей. Сериал буквально осыпан премиями. «Эмми» получили Дэвид Шор за сценарий эпизода «Три истории» (2005); Далия Доктер, Джейми Келман и Эд Френч — за грим в эпизоде «Будь что будет» (2007); Грег Яйтанис за режиссуру эпизода «Голова Хауса» (2008); Вон Варга, Хуан Сиснерос, Джерри Ленц и Рик Уайнгарт за звуковое оформление эпизода «Раздвоение» (2009). Хью Лори получил «Золотой глобус» как лучший исполнитель мужской роли в драматическом сериале в 2006 и 2007 годах. В 2007 и 2009 годах ему же была присуждена премия Актерской гильдии. Омар Эппс получил премию за актерские достижения в 2007 и 2008 годах. В 2006 году гильдия сценаристов присудила свою премию Лоуренсу Каплоу. Рассел Френд, Гарретт Лернер, Дэвид Фостер и Дэвид Шор в 2010 году получили премию гильдии сценаристов за серию «Сломленный». И так далее и тому подобное.

И хотя после шести сезонов повседневная работа над сериалом по-прежнему характеризуется высочайшим художественным и техническим качеством, взгляд с капитанского мостика все же несколько изменился. Кэти Джейкобс так описывает сложности, с которыми они столкнулись в первом сезоне: «Первый сезон был совершенно другим. Мы чувствовали, что наша работа — это борьба, и это было неплохо. Я должна бороться за то, чтобы остаться в эфире. Я должна бороться за хорошую рекламу. Я должна бороться за хорошую критику. Я должна бороться за хороших актеров. Я должна бороться за все. Конкуренция в нашем бизнесе невероятно высока».

Кэти сравнивает первый сезон с последним: «Сейчас я нахожусь в совершенно ином, немыслимо счастливом положении – мне больше не нужно ни за что бороться. Я в эфире. Я остаюсь в эфире. Я получаю хорошую рекламу и критику. И все же я продолжаю работать. Это тяжело, но совсем по-другому».

…………………

В центре этой особой вселенной находится сам доктор Хаус. Сериал всегда был и всегда будет завязан на главном герое. То, как он проявлял себя на протяжении лет, означает, что он и дальше будет удивлять тех, кто уже решил, что прекрасно его знает. Как говорит его создатель, Хаус – человек необычный, он не похож на всех нас.

«Он – не аморальный человек. Напротив, он – очень высокоморальный человек, потому что постоянно пытается понять, как поступить правильно. Принципы, исповедуемые обществом, его не удовлетворяют. Он каждую проблему исследует с фундаментальной точки зрения. Он никогда не спрашивает: «А что предписывает мне закон?». Он спрашивает: «Что предписывают мне основные этические принципы?». И он понимает, что ответить на массу вопросов, которые постоянно встают перед врачами, очень и очень непросто».

Дэвид Шор

Вопрос: «Хаус не склонен проявлять чрезмерное сочувствие к окружающим».

Дэвид Шор: «Мягко говоря».

Единственное, что ограничивает Хауса, – это способность сценаристов находить для него новые профессиональные проблемы и новые личные мучения. Ну и, конечно, способность Хью Лори наделять своего персонажа столь потрясающей силой и убедительностью. Ни один из этих факторов не вызывает ни малейшего сомнения.

…………………

В конце шестого сезона Хаус ищет исцеления в алкоголе. В эпизоде «Выбор» он просыпается в пустой постели в со-

седней квартире. Уилсон платит членам команды Хауса сто долларов, чтобы они его вытащили (Форман соглашается за двести). Хаус прекрасно проводит время, распевая с Форманом и Чейзом «Полуночный поезд в Джорджию» под караоке. В тот вечер, когда Уилсон говорит, что Хаус не способен наслаждаться жизнью, Тринадцатая берет его с собой в лесбийский бар «Лисья нора».

Но каплей, переполняющей чашу, как это было с самого начала, становятся отношения Хауса с Кадди. Кадди совершенно невинно (то есть Уилсон ей не платил) приглашает Хауса пойти перекусить. Он отказывается. Кадди останавливается у порога — самые важные вещи своим врачам люди говорят, уже взявшись за дверную ручку.

Кадди: «Я просто хочу, чтобы мы были друзьями».

Хаус: «Забавно. Лично мне этого хотелось бы меньше всего».

Неожиданно Хаус сталкивается с самым ужасным из своих страхов — страхом одиночества. Сэм переезжает к Уилсону, поэтому Уилсон просит Хауса съехать. Лукас и Кадди собираются жить вместе. Хаусу остаются только сеансы с Ноланом. И он начинает искать нечто такое, что могло бы отвлечь его: алкоголь и ссоры, общение со старым приятелем Элви и изучение истории болезни женщины, страдающей амнезией. Эта женщина отчаянно пытается вернуть собственную личность, и ее поиски идут параллельно с попытками Нолана докопаться до сути болезни Хауса.

Нолан догадывается, что муж женщины, потерявшей память, боится лишиться жены. Ему становится ясно, что и Хаус кого-то теряет. Нолан знает, что Уилсон у Хауса останется всегда. Значит, речь идет о Кадди. Элви крадет у Хауса книги. Одну из этих книг Хаус отчаянно пытается вернуть, предлагая покупателю 2000 долларов, а потом нанимая Элви, чтобы тот ее украл. Речь идет о книге «Лечение острых состояний» Эрнеста Т. Кадди, прадеда доктора Кадди. Этот том Хаус собирался подарить своей подруге по особому случаю. Нолан говорит, что Хаус оплакивает свою любовь, и Хаус взрывается. Он говорит, что сделал все, что пред-

лагал Нолан, и все равно остался несчастным. Но Нолан не может прыгнуть выше головы. Он лечит только психику Хауса, но не сердце Кадди.

В финальной серии «Помоги мне» Хаус дарит книгу только что обручившейся Кадди. На титульном листе он делает банальную надпись, что для него совершенно нехарактерно: «Лизе и Лукасу. Это новая глава... С наилучшими пожеланиями. Грег». Хаус замечает, что Кадди слегка колеблется, но даже ему приходится ждать: Кадди вызывают на серьезную катастрофу – падение башенного крана в Трентоне. Хаус едет вместе с ней и оказывается в экстремальной ситуации, похожей на ту, что была в эпизоде «Один день, одна комната». Он помогает Ханне – женщине, которая оказалась в подземной ловушке.

Кадди и Хаус уже были здесь, но в других ролях. В «Трех историях» Кадди пытается убедить Хауса в том, что ногу нужно ампутировать. Мышцы отмерли, и самый безопасный выход – ампутация. То же самое предстоит и Ханне. Кадди настаивает на ампутации, а Хаус изо всех сил пытается выторговать для Ханны хоть какое-то время. Кадди считает, что он использует Ханну, чтобы отомстить ей.

Кадди: «Я не люблю тебя, так что смирись и живи своей жизнью, не делая всех вокруг несчастными».

Хаус «Прекрасно. Жизненный урок от матери-одиночки средних лет, которая встречается с мужчиной-мальчиком».

Кадди: «Иди к черту, Хаус. Я устала оправдываться перед тобой... Я ухожу».

Хаус говорит Ханне, что теперь жалеет о том, что не позволил в свое время ампутировать себе ногу. Сохранив ногу, он стал несчастным человеком. «И теперь я одинок». Врачи Хауса справились, прописали ему постельный режим и антибиотики, и теперь он в таком состоянии. Врач Ханны (сам Хаус) в экстренной ситуации сделал все правильно. Женщина освобождена, и с ней все должно быть в порядке. Хаус настоял на том, чтобы сохранить ногу, и выжил. Ханна согласилась на ампутацию и по дороге в больницу умерла от эмболии. Никогда не получаешь того, чего заслуживаешь. Получаешь то, что получаешь.

Перед лицом судьбы все усилия Хауса изменить собственную жизнь кажутся тщетными. Форман пытается успокоить его, но ему это не удается. Хаус идет домой и берет таблетки из своей последней секретной заначки. Он готов пожертвовать всем, чего добился. Но прежде чем он успевает это сделать, его спасает Кадди. Она сообщает Хаусу, что порвала с Лукасом. Кадди была дома со своим женихом, но могла думать только о Хаусе.. Последняя ссора была всего лишь прелюдией. «Я люблю тебя, — говорит Кадди. — Мне бы хотелось не любить тебя. Но я ничего не могу с собой поделать». После всего, что с ним произошло, Хаус должен проверить, не галлюцинация ли это. Нет, это не галлюцинация. Что-то изменилось. Кадди и Хаус целуются. Все-таки иногда получаешь и то, что хочешь.

Кто знает, что будет с Хаусом и Кадди через две недели или через два года? Они будут любить друг друга, или окончательно перестанут общаться, или будут любить и не будут общаться. Стабильность — вещь непостоянная. Теперь кризис неожиданно случается в жизни Тринадцатой. Тауб застает ее, когда она пишет записку Хаусу. Тринадцатая просит об отпуске.

Тауб: «С тобой все в порядке?»

Тринадцатая: «Конечно, нет!»

Поклонники телевизионных сериалов, как и поклонники любой литературной драмы, желают успеха и счастья тем персонажам, которые им нравятся, и настроены против тех, до кого им нет дела. Мы хотим, чтобы любимые герои принимали правильные решения и не тянулись за бутылкой или таблетками в надежде изменить собственную судьбу и жизнь. Мы хотим, чтобы они побеждали болезни, какова бы ни была цена. Возможно, нам просто нравится думать, что ничто не предопределено заранее, что у карьеры, отношений или самой жизни нет предопределенного раз и навсегда исхода. Задайте Дэвиду Шору тот же вопрос, что часто задают другим создателям «Доктора Хауса». И вы поймете, что будущее еще только пишется.

Вопрос: «Через двадцать лет Хаус и Кадди останутся друзьями?»

Дэвид Шор: «Я не могу ответить на этот вопрос. Я не знаю даже, поженятся ли они или станут врагами. Я не знаю. Эти люди живут в моем разуме, и я просто наблюдаю за тем, как складывается их жизнь».

Вопрос: «Но ведь ее определяете именно вы».

Дэвид Шор: «Да, я ее определяю, но я выбираю то, что кажется мне интересным и естественным. Я не знаю, как жизнь моих героев будет развиваться дальше».

Благодарности

Ян Джекмен хотел бы поблагодарить Мэтта Харпера, Лайзу Шарки, Кэрри Каниа и Майкла Моррисона из издательства HarperCollins; Кима Ниеми и Стива Коултера из NBC Universal; Стена Поттинджера; Майкла Яриша; Линдси Жаффен и всех участников съемок «Доктора Хауса». Особую благодарность автор выражает Джеффри Коло и Нейсе Зиферт, которые сделали все возможное и невозможное, а также моей великолепной троице: К, С и Л.

Приложение

Список серий

Первый сезон

1. **Пилотный выпуск** (Pilot: Everybody Lies)
2. **Отцовство** (Paternity)
3. **Бритва Оккама** (Occam's Razor)
4. **Материнство** (Maternity)
5. **Будь ты проклят, если сделаешь это** (Damned if You Do)
6. **Метод Сократа** (The Socratic Method)
7. **Верность** (Fidelity)
8. **Яд** (Poison)
9. **Отказ от реанимации** (DNR)
10. **Истории** (Histories)
11. **Детоксикация** (Detox)
12. **Спортивная медицина** (Sports Medicine)
13. **Проклятый** (Cursed)
14. **Контроль** (Control)
15. **Законы мафии** (Mob Rules)
16. **Бремя** (Heavy)
17. **Образец для подражания** (Role Model)
18. **Дети и вода в ванне** (Babies and Bathwater)
19. **Детки** (Kids)
20. **Любовь зла** (Love Hurts)
21. **Три истории** (Three Stories)
22. **Медовый месяц** (Honeymoon)

Второй сезон

1. **Признание** (Acceptance)
2. **Вскрытие** (Autopsy)
3. **Шалтай-Болтай** (Humpty Dumpty)
4. **Туберкулез или не туберкулез** (TB or Not TB)
5. **Папенькин сынок** (Daddy's Boy)
6. **Крутой поворот** (Spin)
7. **Охота** (Hunting)
8. **Ошибка** (The Mistake)
9. **Обман** (Deception)
10. **Трудности перевода** (Failure to Communicate)
11. **Мне нужно знать** (Need to Know)
12. **Отвлекающий раздражитель** (Distractions)
13. **Внешность обманчива** (Skin Deep)
14. **Секс убивает** (Sex Kills)
15. **Невежество** (Clueless)
16. **Безопасность** (Safe)
17. **Ва-банк** (All In)
18. **Не будите спящую собаку** (Sleeping Dogs Lie)
19. **Хаус против Бога** (House vs, God)
20. **Эйфория, часть 1** (Euphoria, Part I)
21. **Эйфория, часть 2** (Euphoria, Part II)
22. **Навечно** (Forever)
23. **Кто твой папочка?** (Who's Your Daddy)
24. **Без причин** (No Reason)

Третий сезон

1. **Смысл** (Meaning)
2. **Каин и Авель** (Cane and Abel)
3. **Официальное согласие** (Informed Consent)
4. **Линии на песке** (Lines in the Sand)
5. **Без ума от любви** (Fools For Love)
6. **Будь что будет** (Que Sera Sera)
7. **Сын коматозника** (Son of a Coma Guy)
8. **Из огня да в полымя** (Whac-a-Mole)
9. **В поисках Иуды** (Finding Judas)
10. **Веселенькое Рождество** (Merry Little Christmas)
11. **Слова и дела** (Words and Deeds)

12. Один день – одна комната (One Day, One Room)
13. Иголка в стоге сена (Needle in a Haystack)
14. Бесчувственность (Insensitive)
15. Недоумок (Half-Wit)
16. Совершенно секретно (Top Secret)
17. Положение плода (Fetal Position)
18. В воздухе (Airborne)
19. Веди себя по-взрослому (Act Your Age)
20. Воспитание щенков (House Training)
21. Семья (Family)
22. Увольнение (Resignation)
23. Гаденыш (The Jerk)
24. Человеческий фактор (Human Error)

Четвертый сезон

1. Один (Alone)
2. То, что нужно (The Right Stuff)
3. 97 секунд (97 Seconds)
4. Ангелы-хранители (Guardian Angels)
5. Зеркало, зеркало (Mirror, Mirror)
6. Готовы на все (Whatever it Takes)
7. Урод (Ugly)
8. Лучше тебе не знать (You Don't Want to Know)
9. Игры (Games)
10. Жизнь прекрасна (It's a Wonderful Life)
11. Во льдах (Frozen)
12. Никогда не меняйся (Don't Ever Change)
13. Прощайте, мистер Добряк (No More Mr. Nice Guy)
14. Воплощая мечты (Living the Dream)
15. Голова Хауса (House's Head)
16. Сердце Уилсона (Wilson's Heart)

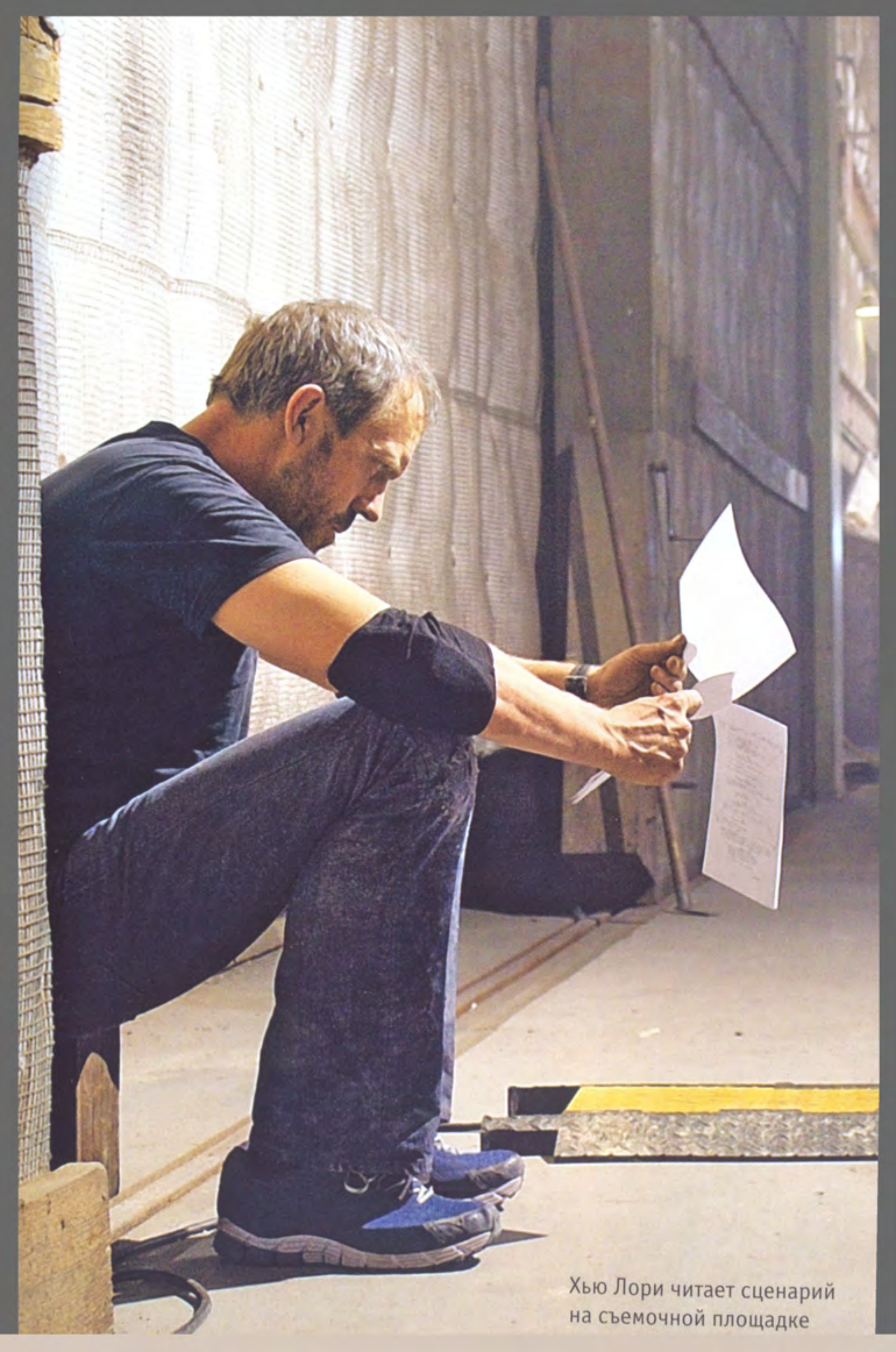
Пятый сезон

1. Смерть меняет все (Dying Changes Everything)
2. Не рак (Not Cancer)
3. Осложнения (Adverse Events)
4. Родовые травмы (Birthmarks)
5. Везучая Тринадцатая (Lucky Thirteen)

6. Радость (Joy)
7. Зуд (The Itch)
8. Без опеки (Emancipation)
9. Крайний шаг (Last Resort)
10. Пусть едят пирожные (Let Them Eat Cake)
11. Радость миру (Joy to the World)
12. Без боли (Painless)
13. Большой ребенок (Big Baby)
14. Высшее благо (The Greater Good)
15. Неверующий (Unfaithful)
16. Лучшая половина (The Softer Side)
17. Социальный контракт (The Social Contract)
18. Сюда, киска (Here Kitty)
19. Взаперти (Locked In)
20. Простое объяснение (Simple Explanation)
21. Спасители (Saviors)
22. Раздвоение (House Divided)
23. У меня под кожей (Under My Skin)
24. Обе половинки вместе (Both Sides Now)

Шестой сезон

1. Сломленный, часть 1 (Broken, Part I)
2. Сломленный, часть 2 (Broken, Part II)
3. Полный провал (Epic Fail)
4. Тиран (The Tyrant)
5. Карма в действии (Instant Karma)
6. Храброе сердце (Brave Heart)
7. Известные неизвестные (Known Unknowns)
8. Командная игра (Teamwork)
9. Счастье в неведении (Ignorance is Bliss)
10. Уилсон (Wilson)
11. Под прикрытием (The Down Low)
12. Без сожалений (No Remorse)
13. На новый рубеж (Moving the Chains)
14. С пяти до девяти (5 to 9)
15. Частная жизнь (Private Lives)
16. Черная дыра (Black Hole)

Хью Лори читает сценарий
на съемочной площадке

Вверху: на первом плане (слева направо): помощник режиссера, режиссер и ответственный за сценарий напротив мониторов в съемочном городке

Внизу: Питер Джекобсон и оператор Гейл Тэттерселл

Вверху: команда диагностиков шестого сезона (слева направо): Чейз (Джесси Спенсер), Тауб (Питер Джекобсон), Форман (Омар Эппс) и Тринадцатая (Оливия Уайлд)

Внизу: Омар Эппс, режиссер Грег Яйтанис и Оливия Уайлд

Вверху: стол Хауса

Внизу: стол Хауса вблизи: большой теннисный мяч и почта

Вверху: Гейл Тэттерселл – оператор «редкой породы»

Внизу: Омар Эппс. Настройка камер

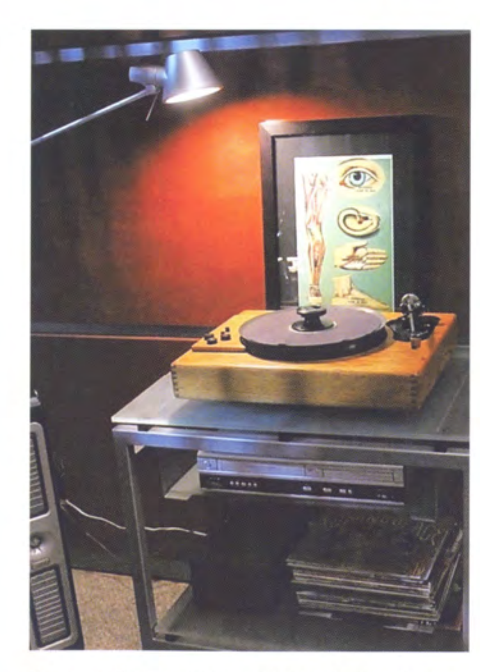
Красный свет значит «не мешать»

Указатель госпиталя – записи старого онкологического отделения

Натюрморт с мячами Хауса: для крикета, бейсбола и боулинга

Хаус любит старую музыку: виниловая пластинка и проигрыватель

Вверху: Хью Лори с создателем «Хауса» Дэвидом Шором (слева) и сценаристом Дэвидом Хозелтоном (справа)

Внизу: Кэти Джейкобс и Джереми Касселс изучают схему дома Хауса и Уилсона

Дженнифер Моррисон
(Эллисон Кэмерон)

Лиза Эделстайн
(Лиза Кадди)

Вверху: Тринадцатая понимает все с полуслова

Внизу: медицинский консультант Боббин Бергстром помогает Джесси Спенсеру с врачебными тонкостями

Чейз сбивает с ног Хауса...

Джесси Спенсер и костюмер Кэти Крэнделл

Хаус с Катнером, неразрешимая задача

Уилсон в своем кабинете

. . . а тот мягко приземляется

Далия Доктер накладывает Хаусу грим разбитого Чейзом глаза

Грег Яйтанис работает над сценой
с Хью Лори и Шоном Леонародом

Вверху: Хаус отдыхает на пляже. Только в воображении Ли

Внизу: Хаус и Кадди на вечеринке 80-х: Кадди – Джейн Фонда, у Хауса неправильные 80-е

Научно-популярное издание

Ян Джекмен

ДОКТОР ХАУС

Официальный гид по сериалу

Ответственный редактор *М. Терешина*
Редактор *Н. Макаренкова*
Художественный редактор *Н. Никонова*
Корректор *З. Харитонова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 24.08.2010. Формат 60x90 $^1/_{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0 + вкл.
Тираж 10 100 экз. Заказ 3376

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-42727-7

За последние шесть лет сериал «Доктор Хаус» стал самым популярным и захватывающим шоу на телевидении. Тонкое сочетание драмы и юмора, необычные медицинские диагнозы и неожиданные повороты событий – все это уже 6 сезонов заставляет зрителей ждать каждой следующей серии с нетерпением.

Автор книги Ян Джекмен попал на съемочную площадку и написал специально для поклонников шоу гид. Актеры, сценаристы, продюсеры – вся съемочная группа – помогут нам разгадать феномен доктора Хауса. Как столь противоречивому персонажу, как Грегори Хаус, удается вызывать симпатию у миллионов зрителей? Ответ на этот вопрос из первых уст будет дан самими создателями сериала. ***Это первый и единственный путеводитель по сериалу «Доктор Хаус», который был написан при непосредственном участии Хью Лори и других членов съемочной команды.***

ВСЕ ВРУТ!

Но только не в этой книге!

ISBN 978-5-699-42727-7

9 785699 427277 >

ЭКСМО